

THRILLER

МИШЕЛЬ БЮССИ

Новый бестселлер
от Мишеля Бюсси!
Только в 2013 году продано
более 500 тысяч экземпляров

САМОЛЕТ БЕЗ НЕЕ

Аction-Клуб

Annotation

Все началось с катастрофы. За ней последовала загадка. Потом появился сыщик.

Аэробус 5403 «Стамбул — Париж» врезался в гору Мон-Террибль. Никто так и не понял, что именно стало причиной крушения. Из всех, кто был на борту, в живых остался лишь один пассажир — трехмесячный ребенок. Девочка. Имя и фамилия девочки остались неизвестными. Две семьи начинают борьбу за право назвать девочку своей. В дело вступает частный сыщик.

Сыщик потратил восемнадцать лет жизни, чтобы узнать имя девочки. Разгадке он посвятил многие тысячи часов, тысячи тысяч — всего себя, без остатка. Стоя на пороге тайны, он напряженно искал ключ, не подозревая, что ждет его там, за дверью...

Острый, мастерски написанный, психологический детектив Мишеля Бюсси не оставит равнодушными как любителей захватывающих триллеров, так и самых искушенных ценителей жанра, умеющих разгадывать загадки вместе с героем.

По версии газеты «Фигаро», Мишель Бюсси входит в десятку самых популярных детективных писателей современной Франции. Его роман «Самолет без нее» переведен на 13 языков. Готовится экранизация.

-
- [Мишель Бюсси](#)
 -
 - [ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [50](#)

- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

Мишель Бюсси

САМОЛЕТ БЕЗ НЕЕ

Стрекозке Малу, родившейся
одновременно с этой книгой

23 декабря 1980 г., 00.33.

Аэробус 5403 «Стамбул — Париж» провалился в воздушную яму. Меньше чем за десять секунд он едва ли не отвесно ухнул вниз почти на тысячу метров, но снова выровнялся. Большинство пассажиров спали. Они мгновенно пробудились — с отвратительным ощущением, какое должен испытывать человек, задремавший на ярмарочной карусели.

Хрупкий сон Изели прервали не толчки самолета, а крики пассажиров. К турбулентности и воздушным ямам она привыкла — не зря уже три года работала стюардессой на международных рейсах компании «Турецкие авиалинии». У нее был перерыв. Но поспать ей удалось всего-то минут двадцать. Открыв глаза, она увидела Мелиху — опытную бортпроводницу, с которой летала в одной смене. Та стояла над ней, низко склонившись к вырезу ее узкого форменного пиджака.

— Изель! Изель! Просыпайся! Тут такое творится... Мы в снежную бурю попали. Командир говорит, видимость нулевая. Займешься своими пассажирами?

Изель напустила на себя нарочито невозмутимый вид — ей ли, бывалому асу небес, впадать в панику из-за таких пустяков? Она поднялась с кресла, одернула пиджак, подтянула юбку, секунду полюбовалась на свое отражение в экране выключенного монитора — ни дать ни взять турецкая куколка! — и двинулась направо, в свой отсек.

Разбуженные пассажиры больше не кричали, просто сидели и смотрели на нее — не столько испуганно, сколько удивленно. Самолет продолжал раскачиваться. Изель шла по проходу, стараясь улыбнуться каждому:

— Все в полном порядке. Причин для беспокойства нет. Просто мы попали в небольшую снежную бурю над горами Юра. Меньше чем через час будем в Париже.

Изель вовсе не вымучивала из себя улыбку. Мечтами она уже была в

Париже. Они задержатся в городе на три дня, до самого Рождества. Целых три дня во французской столице! Три дня полной свободы! При одной мысли об этом она радовалась, как девчонка.

Обходя пассажиров, она поочередно задержалась возле мальчика лет десяти, вцепившегося в бабушкину руку; молодого клерка в мятой сорочке (она была бы не прочь назавтра столкнуться с ним где-нибудь на Елисейских Полях); турчанки в съехавшей на глаза, по всей видимости, из-за резкого толчка, чадре; нахохлившегося старика, сидевшего с зажатými между колен ладонями и бросавшего на нее молящие взгляды...

— Все в порядке. Волноваться не о чем.

Изель спокойно шла по проходу, когда аэробус снова резко накренился. Послышались крики. Молодой парень в правом ряду с аудиоплеером в руках дурашливо воскликнул:

— Выполняем мертвую петлю?

В ответ раздались робкие смешки, но их мгновенно перекрыл громкий плач младенца. Ребенок лежал в переносном кресле прямо перед Изель, в паре метров впереди. Девушка пригляделась: совсем кроха, месяца два-три, не больше. Девочка. В белом платьице в оранжевый цветочек и вязаной шерстяной кофточке.

— Нет, мадам! — решительно произнесла Изель. — Нельзя!

Мать малышки, сидевшая сбоку, уже расстегивала ремень безопасности, собираясь взять ребенка на руки.

— Прошу вас, мадам! — твердо повторила Изель. — Вы должны оставаться пристегнутой. Это требование безопасности. Это...

Мать не только не ответила ей — она даже не повернулась в ее сторону. Склонилась над люлькой, свесив вниз свои длинные волосы. Младенец заплакал громче.

Изель немного растерялась, но двинулась вперед.

Самолет снова ухнул в воздушную яму. Три секунды падения. Наверное, еще тысяча метров.

Кое-кто из пассажиров коротко вскрикнул, но большинство сидели молча. Словно онемели. Они уже поняли, что шараханья самолета нельзя объяснить простыми порывами зимнего ветра. От толчка Изель упала на бок, локтем въехав в плеер парня из правого ряда, от чего у того перехватило дыхание. Даже не извинившись, она поскорее поднялась на ноги. Прямо перед ней продолжала заходиться плачем трехмесячная девочка. Мать уже расстегивала ремень безопасности на переносном кресле...

— Нет, мадам! Говорю вам...

Изель выругалась про себя — колготки поехали. Машинально одернула юбку. Вот ведь невезуха! Да уж, если кто и заслужил три дня и две ночи развлечений в Париже, так это она.

Дальнейшее произошло очень быстро.

На краткий миг Изели почудилось, что плачу младенца вторит такой же плач, доносящийся откуда-то слева, дальше по проходу. Серого нейлона ее колготок коснулась трясущаяся рука парня с плеером. Пожилой турок одной рукой обнимал за плечи свою жену в чадре, вторую просительно протягивая к Изели. Мать, наконец распутавшая ремни на детском кресле, тянулась к плачущему ребенку.

Это были последние картины, запечатлевшиеся в мозгу стюардессы перед тем, как аэробус врезался в гору.

От удара Изель швырнуло метров на десять вперед, к дверце аварийного выхода. Ее прелестные, затянутые в черный нейлон ножки переломились, словно у пластмассовой куклы, надоевшей своей склонной к садизму малолетней хозяйке; хрупкую грудь расплющило о металл; угол дверцы врезался ей в левый висок.

Изель умерла мгновенно. В этом ей повезло.

Она не видела, как погасло освещение в салоне. Не видела, как самолет, сминаясь, словно жалкая банка из-под кока-колы, рушился на лес, оцетинившийся деревьями, по одному валившимися под его весом и тормозившими его безумное падение.

Когда лайнер, она не почувствовала, как в воздухе запахло керосином. Не испытала рвущей тело боли, доставшейся на долю двадцати трех пассажиров, сидевших в передней части аэробуса и принявших на себя сокрушительную силу удара.

Она не закричала от ужаса, когда загорелся салон, превращенный в ловушку для еще остававшихся в живых остальных ста сорока пяти человек.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

29 сентября 1998 г., 23.40.

Теперь вы знаете все.

Кредюль Гран-Дюк поднял перо и пустым взглядом уставился в прозрачную стенку огромного вивария. Пару секунд смотрел на отчаянные метанья «арлекина» — стрекозы, за которую всего три недели назад заплатил две с половиной тысячи франков. Редкий вид. Одна из самых крупных в мире стрекоз, точная копия своих доисторических предков. «Арлекин», длинным телом выделявшийся из десятков судорожно копошащихся сокамерниц, перелетал от стенки к стенке, снова и снова безнадежно тычась в стекло. Тюрьма. Ловушка.

Они чувствовали, что скоро умрут.

Перо вернулось к листу бумаги. Кредюль Гран-Дюк нервно дернул рукой.

«Я собрал в этой тетради все улики, все следы, все версии. Восемнадцать лет расследований. Все здесь, на этой сотне страниц. Если вы читали их внимательно, то сейчас знаете столько же, сколько известно мне. Возможно, вы окажетесь проницательней? Возможно, поймаете нить, которую я упустил? Найдете ключ к разгадке? Если он вообще существует... Возможно, возможно...

Почему бы и нет?

Но для меня все кончено».

Перо задрожало и замерло в нескольких миллиметрах от тетрадного листа. Взгляд голубых глаз Кредюля Гран-Дюка снова скользнул по гладкому стеклу вивария и метнулся к камину, в котором языки пламени пожирали сваленные грудой газеты, документы и картонные папки, и вернулся к столу. К строкам в тетради.

«Было бы преувеличением сказать, что я не испытываю ни сожалений, ни угрызений совести. Но я сделал все, что мог».

Кредюль Гран-Дюк долго всматривался в последнюю написанную им строчку, а затем медленно закрыл светло-зеленую тетрадь.

«Я сделал все, что мог», — повторил он про себя и остался доволен заключением.

23.43.

Он поставил ручку в стакан, достал из правого ящика стола пачку желтых стикеров, оторвал один и прикрепил к обложке тетради. Рука снова потянулась к стакану с ручками и карандашами. Выбрав маркер, он крупными буквами вывел на листке: «Для Лили». Оттолкнул от себя тетрадь и встал из-за стола.

Сверкнула медным блеском лежащая на столе табличка. «Кредюль Гран-Дюк. Частный детектив», — не сдержав кривой ухмылки, прочитал он. Все без исключения давным-давно привыкли называть его Гран-Дюком, забыв о нелепом имени. Все, кроме, может быть, Эмили и Марка Витралей. Да и то, такое было много лет назад. Когда они были маленькими. Вечность назад.

Гран-Дюк пошел на кухню. Окинул прощальным взглядом металлическую раковину, стены, выложенные белой восьмиугольной плиткой, закрытые шкафчики светлого дерева. В помещении царил идеальный порядок, все было вымыто и сияло чистотой; мельчайшие следы протекавшей здесь жизни были тщательно уничтожены, как в съемном доме, возвращаемом владельцу. Гран-Дюк всегда отличался аккуратностью и тщательностью во всем, до последнего пустяка. Он знал за собой эту черту. Она многое объясняла. Практически все.

Он развернулся и подошел к камину, ладонями ощутив исходящее от него тепло. Наклонился и бросил в огонь еще две картонные папки. И отстранился, спасаясь от снопом брызнувших искр.

Это тупик.

Он потратил тысячи часов, копаясь в деталях этого дела. И все улики, заметки, выводы сейчас превращались в пепел и золу. Еще пара часов — и от его расследования не останется ни следа.

Восемнадцать лет поисков псу под хвост.

Ну не смешно ли?

В пламени камина горела вся его жизнь. Жизнь, единственным свидетелем которой был он сам.

23.49.

Через 14 минут Лили исполнится восемнадцать лет. Во всяком случае, официально исполнится. Кто же она такая? Он так и не пришел к ясному

мнению. Пятьдесят на пятьдесят. Как и в первый день работы. Орел или решка.

Лиза-Роза или Эмили?

Он потерпел неудачу. Матильда де Карвиль истратила целое состояние. Восемнадцать лет оплачивала его труды. Ради чего?

Гран-Дюк приблизился к письменному столу и налил себе еще бокал желтого вина. Пятнадцатилетней выдержки, из особых запасов Моники Женевэ. В конечном итоге, возможно, единственный приятный момент во всем расследовании. Поднося бокал к губам, он улыбнулся. Нет, в нем не было ничего от карикатурного пьянчуги-сыщика. Пил он редко, по большим праздникам, зато в вине разбирался превосходно. И разве день рождения Лили — не достойный повод? Не говоря уж о том, что пошли последние минуты его жизни.

Детектив одним глотком допил вино.

Пожалуй, это одна из немногих вещей, достойных сожаления, — ни с чем не сравнимый вкус желтого вина, то поразительное ощущение, с каким оно проникает в организм, обжигая его своей восхитительной терпкостью и заставляя на миг забыть о наваждении, освободиться от мучительных раздумий над тайной, разгадке которой он посвятил жизнь.

Гран-Дюк поставил бокал на стол и потянулся за светло-зеленой тетрадью, желая и не решаясь напоследок открыть ее. Уставился на желтый квадратик с надписью «Для Лили».

От него останется эта тетрадь, эта сотня страниц, написанных в последние дни. Пусть они ее прочитают: Лили, и Марк, и Матильда де Карвиль, и Николь Витраль, и полиция, и адвокаты, и любой другой, кому захочется с головой нырнуть в этот омут...

Это будет увлекательное чтение, вне всякого сомнения. Подлинный шедевр детективного жанра. История, от которой захватывает дух. Все здесь, в тетради.

Все. Кроме окончания.

С тем же успехом он мог оставить им детектив с вырванной последней страницей или триллер, в котором последние пять строк стерты.

Жульничество? Конечно.

Но, может быть, его читатели решат, что они умнее его, и, не жалея сил, начнут искать разгадку.

Он ведь поначалу тоже верил в успех. В нем всегда жила уверенность, что доказательство существует, что у этого уравнения есть решение, а он просто что-то упустил. Это было всего лишь смутное ощущение, но оно не желало его покидать. И позволило ему дожить до нынешнего дня, до дня

своего окончательного провала, потому что ровно через десять минут Лили исполнится восемнадцать... Как знать, может быть, иллюзорная вера в успех сидела где-то глубоко в его подсознании, не давая ему опустить руки. Все-таки это было бы слишком жестоко — потратить столько лет на поиски ключа к несуществующей двери...

Я сделал все, что мог. Детектив перечитал написанные им слова. Ладно, остальное его больше не касается.

Гран-Дюк обвел комнату прощальным взглядом. Хотел было выбросить опустевшую бутылку и вымыть бокал, но передумал, улыбнувшись сам себе. Полицейских и врачей, которые через несколько часов будут стоять над его телом, вряд ли смутит грязный бокал. Стол красного дерева и наощенный паркет будут забрызганы его кровью и ошметками мозгов. Та еще картина. Если только его исчезновение не будет обнаружено сразу, что само по себе маловероятно (кто его хватится?), соседи забьют тревогу, когда запах станет невыносимым, а это значит, здесь будет лежать полуразложившийся труп, по которому будут с мерзким жужжанием ползать жирные мухи.

«Лишний довод „за“», — подумал Гран-Дюк.

Наклонился и бросил в камин отлетевший в сторону картонный квадратик.

Если собрался уходить, уйди красиво.

Гран-Дюк медленно подошел к секретеру красного дерева, стоявшему в углу, напротив камина. Открыл средний ящик, достал из кобуры идеально вычищенный револьвер «матеба», серебристо блеснувший в отсветах пламени. Пошарив рукой в глубине, нащупал три патрона 38-го калибра.

Гран-Дюк улыбнулся. Заученным жестом откинул барабан и аккуратно уложил в гнезда патроны.

В принципе, ему хватит и одного, даже если он не вполне трезв и рука может дрогнуть. Но приставить дуло к виску и нажать на спусковой крючок он как-нибудь сумеет.

Вряд ли он промахнется. Несмотря на 620 миллилитров вина в крови.

Он положил револьвер на стол, выдвинул левый ящик и достал пожелтевший от старости номер газеты «Эст републикен». Он потратил несколько месяцев, обдумывая, как обставит сцену своего ухода, и разработал целый ритуал, который должен помочь ему разом покончить со всем этим делом и вырваться из проклятого лабиринта.

23.54.

Языки пламени в камине доедали последние бумажные листки.

Детектив скользнул взглядом к виварию, откуда доносился отчаянный стрекот. Он отключил электрическое питание полчаса назад. Без пищи, лишённые кислорода, стрекозы не протянут и недели. А ведь он потратил немислимые деньги на приобретение наиболее редких видов; на протяжении долгих лет часами ухаживал за виварием, кормил его обитательниц мелкими насекомыми, следил за ними, спаривал, а уезжая по делам, поручал заботу о них специальной фирме.

Теперь они тоже умрут. Вместе с ним.

«Вообще-то говоря, — подумал Гран-Дюк, — довольно приятно сознавать, что ты волен распоряжаться чужой жизнью: сначала опекаешь, а потом приговариваешь к смерти; сначала даришь надежду, а потом приносишь в жертву. Играешь с чужими судьбами как лукавое и непредсказуемое божество... Но разве он сам — не жертва столь же жестокого божества?..»

Кредюль Гран-Дюк сел за стол и машинальным жестом отодвинул подальше светло-зеленую тетрадь, словно боялся, что на нее попадут брызги крови.

Развернул перед собой «Эст републикен». Номер от 23 декабря 1980 года. Еще раз перечитал заголовок на первой полосе. «Чудесное спасение в Мон-Террибль».

Огромные буквы занимали большую часть газетной страницы. Прямо под ними помещалась не слишком четкая фотография: искореженный остов самолета, вырванные с корнем деревья, истоптанный спасателями снег. Ниже шел короткий текст с описанием случившейся катастрофы.

«В ночь с 22 на 23 декабря 1980 года на склонах Мон-Террибль, на франко-швейцарской границе, потерпел крушение аэробус 5403 „Стамбул — Париж“. 168 из 169 пассажиров и члены экипажа погибли в результате столкновения с землей и вспыхнувшего затем пожара. Чудом спасся лишь трехмесячный ребенок, которого выбросило из самолета до того, как его охватил огонь».

Гран-Дюк поднял глаза. Вот так он и умрет. Чуть наклонится вперед и пустит пулю себе в висок. Голова упадет на раскрытый газетный лист. Его кровь зальет страшный снимок, смешавшись с кровью ста шестидесяти восьми погибших. Его найдут через несколько дней или недель. Жалеть о нем некому. Не Карвилям же? Разве что Витрали, может быть, немного

огорчатся. Эмили, Марк... Но больше всех — Николь.

Жестокая ирония судьбы.

После его смерти тетрадь отдадут Лили. Все правильно, ведь в ней — ее жизнеописание. Его завещание.

Гран-Дюк почти горделиво в последний раз любовался на свое отражение в медной табличке. «Что ж, это будет хороший конец. Много лучше, чем все остальное».

По крайней мере, ему в этой жизни крупно повезло. Расследование длиной в восемнадцать лет...

23.57.

«Пора».

Он бережно передвинул газету, чтобы она лежала прямо перед ним. Наклонился над столом и влажной ладонью обхватил рукоятку револьвера.

Медленно поднял руку.

От прикосновения к виску холодного металла он невольно вздрогнул. Ничего, он готов. Спасибо выпитому вину.

Он постарался выбросить из головы все мысли. Главное — не думать о пуле. Сейчас она в нескольких сантиметрах от его мозга, а через пару секунд разнесет ему череп.

«Не думать ни о чем. Вглядеться в небытие».

Указательный палец нащупал спусковой крючок. Надо просто нажать — и все будет кончено.

«Закрывать глаза? Или оставить их открытыми?»

Капля пота скатилась со лба и шлепнулась на газету.

«Открой глаза и сделай это».

Он качнулся вперед и уставился взглядом в газетный лист, лежащий в двадцати сантиметрах от лица. В последний раз посмотрел на обгорелые останки самолета. На фигуру пожарного, снятого перед больницей в Монбельяре, с посиневшим младенцем на руках. Чудом спасшийся ребенок.

Палец на спусковом крючке напрягся.

23.58.

Детектив скользнул опустевшим взглядом по газетной странице. Черные строчки расплывались перед глазами. Пуля, не встретив ни малейшего сопротивления, легко пробьет висок. Одно движение пальца, всего на пару миллиметров... Он сфокусировал взгляд на вечности, и пятна типографской краски обрели четкость, как будто кто-то подкрутил объектив

фотокамеры. В последний раз посмотреть на мир через это окно, пока все не потонуло в смертном тумане.

Палец. Спусковой крючок.

Широко открытые глаза.

Неожиданно Гран-Дюк вздрогнул всем телом, словно от удара электрического тока.

«Случилось невероятное! Он узнал правду!»

Палец медленно сполз со спускового крючка.

Вначале Гран-Дюк решил, что ему почудилось. Глюк. Защитная реакция мозга перед лицом неминуемой смерти.

Но нет!

То, что увидели его глаза на газетной странице, было абсолютно реальным. Бумага пожелтела, и краски выцвели, но никаких сомнений у него не оставалось.

«Вот оно, решение загадки».

Голова работала с поразительной ясностью. За все эти годы он расследовал десятки, сотни версий, но лишь теперь ему удалось ухватиться за кончик нити. Надо только потянуть за нее, и клубок распутается с пугающей простотой.

Истина оказалась очевидной.

Он опустил оружие. Из горла помимо воли вырвался идиотский смешок.

Он посмотрел на часы.

23.59.

Ему все еще не верилось, что это случилось. Руки тряслись. От затылка по позвоночнику прокатилась волна дрожи.

Он нашел разгадку!

Она с самого начала была здесь, на первой странице газеты. И терпеливо ждала своего часа. Потому что восемнадцать лет назад никто не сумел бы ее распознать. Все читали и перечитывали эту газету, вглядывались в детали и изучали подробности, но... Ни в 1980 году, ни в последующие годы догадаться о том, что ключ к тайне спрятан здесь, было попросту невозможно.

Решение лежало на поверхности. Но, чтобы наткнуться на него, необходимо было выполнить одно условие.

Одно-единственное. Совершенно безумное.

Взять в руки газету восемнадцать лет спустя.

2 октября 1998 г., 8.27.

«Кто же они друг другу, эта парочка? Влюбленные или брат с сестрой?»

Этот вопрос вот уже почти месяц терзал Мариам — хозяйку бара «Ленин», расположенного на перекрестке Сталинградского проспекта и улицы Свободы, в нескольких метрах от входа в университет Париж-VIII-Венсен-Сен-Дени. Бар в ранний утренний час пустовал на три четверти, и Мариам пользовалась моментом, чтобы ровно расставить столы и стулья.

Парочка сидела на своем обычном месте в глубине зала, возле окна, за маленьким столиком на двоих. Они держались за руки и смотрели друг другу в глаза. У обоих — голубые.

Любовники?

Друзья?

Брат с сестрой?

Мариам вздохнула. Ее раздражала неопределенность. В большинстве случаев она могла довольно точно сказать, кто с кем из ее студентов крутит любовь. Она задвигалась быстрее. Надо еще протереть столы и хорошо бы подмести. Через несколько минут со станции «Сен-Дени-Университет» — конечной на 13-й линии метро — хлынет толпа спешащих, взбудораженных и уже усталых студентов... Станция открылась всего четыре месяца назад, но за это короткое время совершенно преобразила квартал. Университет в Сен-Дени теперь напрямую связан с центром Парижа.

Мариам быстро расставила вокруг столов дополнительные стулья. Среди тысяч прилежных и озабоченных учебной работой студентов немалую долю составляли те, кто перед лекциями обязательно заглянет в «Ленин» — выпить чашку кофе и спокойно выкурить сигарету, оттягивая минуту, когда надо будет тащиться в аудиторию. «Подумаешь, опоздаю немного... А может, вообще прогулять?» Мариам привыкла к тому, что без четверти девять в ее заведении начинается столпотворение. У нее на глазах университет Париж-VIII-Венсен-Сен-Дени, знаменитый своими гуманитарными факультетами и бунтарскими настроениями, превращался в заурядный вуз на городской окраине. Нынешняя профессура воротила нос от Парижа-VIII — им подавай Сорбонну, в крайнем случае Жювьё...^[1] Пока здесь не было метро, преподавателям приходилось ходить через

квартал Сен-Дени и тем самым более или менее проникаться атмосферой этого района. Но теперь все иначе. Едва покинув здание университета, они ныряют под землю, садятся на поезд 13-й линии и — вперед, к столичной культуре, библиотекам, лабораториям, министерствам и прочим прекрасным вещам...

Мариам повернулась к стойке за губкой и исподтишка покосилась на парочку, которая не давала ей покоя, — красивую белокурую девушку и явно робеющего в ее присутствии здоровяка-парня.

Нет, они ей все нервы вымотают. Она уже ни о чем другом думать не может.

Кто они друг другу?

Мариам ничего не понимала в системе высшего образования: все эти зачеты, модули, забастовки ни о чем ей не говорили, но она как никто знала, что такое перемена. Она никогда не читала работ Робера Кастеля, Жюлья Делёза, Мишеля Фуко, Жака Лакана и прочих звезд Парижа-VIII, может, пару раз видела кое-кого из них у себя в баре или на площадке возле университета, но считала себя крупным специалистом в психологии, социологии и философии, правда, в достаточно узкой области, касающейся студентов и их взаимоотношений. Среди завсегдатаев бара у нее были свои любимчики, и она, как хлопотливая наседка, опекала их, а влюбленным раздавала советы, ничем не уступавшие рекомендациям лучших профессионалов.

Мариам еще раз посмотрела на парочку возле окна. Несмотря на весь ее опыт, несмотря на всю ее интуицию эти двое оставались для нее загадкой.

Эмили и Марк.

Она злилась, что не может с ними разобраться.

Робкие любовники или родственники?

Тайна, покрытая мраком. Мариам так и не пришла ни к какому мнению. Что-то с ними было не так. Вроде похожи, но в то же время совершенно разные. Как их зовут, Мариам знала, — она помнила по именам всех постоянных посетителей.

Парень, Марк, учился в Париже-VIII уже два года и был в «Ленине» частым гостем. Высокий, пожалуй, симпатичный, но какой-то слишком правильный, что ли... Этаким лохматый «маленький принц», чересчур мечтательный и малость неуклюжий; похож на вечного первокурсника, не знающего правил и постоянно попадающего впросак; явный провинциал, к тому же небогатый — одевается чуть старомодно, видно, на крутые шмотки денег нет... В учебе тоже серединка на половинку. Насколько она поняла из

разговоров, Марк учился на юридическом факультете и изучал европейское право. Все эти два года вел себя спокойно, больше слушал, чем говорил. Теперь Мариам знала, почему.

Он ждал ее. Свою Эмили.

Она поступила в этом году, в сентябре. Значит, она года на два-три моложе его.

Кое-что общее в них было. Например, слегка просторечный выговор. Мариам затруднялась определить его происхождение, но то, что оба говорили одинаково, отметила сходу. Между тем с Эмили этот выговор не монтировался совершенно, как, впрочем, и имя — слишком простое и распространенное: *Эмили*. У Эмили были светлые волосы, как и у Марка, и голубые глаза — тоже как у Марка. Какие-то черты сходства между ними, бесспорно, имелись, но... Насколько неловким, простоватым, зажатым в каждом своем жесте выглядел Марк, настолько же Эмили казалась раскрепощенной и наделенной каким-то неуловимым аристократизмом, проглядывавшим в горделивой посадке головы и врожденной грации движений, которая передается по наследству от долгой череды благородных предков и достигается воспитанием в особой, привилегированной среде... Возможно, в каком-нибудь другом, знаменитом университете вроде Эколь Нормаль Сьюперьёр или на великосветском приеме девушек с аурой, подобной той, что окружала Эмили, полным-полно, но здесь, в квартале Сен-Дени, она явно выбивалась из общей массы.

Еще одна загадка была связана с деньгами. Уровень жизни Эмили не имел ничего общего с тем, что мог себе позволить Марк. Мариам умела с одного взгляда определить, где и почему куплены тряпки, в которых ходят ее студенты, — в «Н&М» или в «Заре», у «Дженнифер» или у «Ив Сен-Лорана»...

До «Ив Сен-Лорана» Эмили, похоже, не дотягивала, но совсем чуть-чуть. Ее одежда отличалась простотой и элегантностью: оранжевая шелковая блузка и черная, асимметричного покроя юбка стоили, надо думать, небольшого состояния. Вывод: даже если Эмили и Марк родились и жили в одном и том же городе, они принадлежали к разным кругам общества.

При этом они были неразлучны.

Между ними существовала неподдельная близость — за месяц-другой совместной учебы такая просто не успевает сложиться. Они производили впечатление людей, знакомых с детства. Эта близость проскальзывала в тысяче мелких, привычных до автоматизма знаков внимания, какие Марк

оказывал Эмили, — достаточно было посмотреть, как он касается рукой ее плеча, как отодвигает для нее стул, как придерживает перед ней дверь или наполняет ее бокал...

Мариам с легкостью расшифровала эти проявления заботы: так старший брат ведет себя с младшей сестрой.

Она протерла стул и со стуком поставила его на место, не переставая думать о странной парочке.

Эмили поступила в Париж-VIII в сентябре. Как будто приехала на подготовленную Марком площадку. Как будто он два года держал для нее место в аудитории и стол у окна в баре «Ленин». Мариам догадывалась, что учится Эмили блестяще, что она из тех студентов, что все схватывают на лету и полны честлюбивых помыслов. Изучает искусство или литературу. От Мариам не укрылось, с какой заинтересованностью Эмили читала учебники и другие книги, с какой легкостью, буквально по диагонали, просматривала конспекты, над которыми Марк сидел часами.

Выходит дело, все-таки брат и сестра? Несмотря на социальные различия?

Ага, как же! Марк был влюблен в Эмили.

Не видеть этого мог разве что слепой.

Он любил ее. И никакой не братской любовью. Страсть, пожиравшая его изнутри, не могла укрыться от зоркого ока Мариам. Ошибка исключена.

Мариам понимала, что больше ничего не понимает.

Она следила за ними уже почти месяц. Любопытство было сильнее ее. Порой ей удавалось заметить у них на столе надписанную тетрадь с конспектами. Так что их фамилию она знала.

Марк Витраль.

Эмили Витраль.

Но даже общая фамилия не решала загадки. Логично предположить, что перед ней брат с сестрой. Тогда откуда эти касания, от которых явственно отдает инцестом? Она своими глазами видела, как Марк гладил Эмили по спине. Конечно, они могут быть женаты... Это в восемнадцать и двадцать лет? При том что оба студенты? Случай маловероятный, но не невозможный. Или они однофамильцы? Нет, в такие совпадения Мариам не верила. Если только они не дальние родственники. Какая-нибудь запутанная семейная история с приемными детьми и прочим в том же духе...

Мариам с яростью протирала и передвигала стулья, на что чашки за барной стойкой отзывались возмущенным звяканьем.

Судя по всему, Эмили очень привязана к Марку. Но во взглядах,

которые она бросала на него, особенно когда думала, что на нее никто не смотрит, читались чувства более сложные, чем любовь. Казалось, ее гложет изнутри какая-то боль... Эта глубоко запрятанная печаль выделяла Эмили из толпы беззаботных студенток и придавала ей особое очарование. Завсегдатаи бара «Ленин», принадлежащие к мужскому полу, дружно пялились на нее, но ни один не смел за ней приударить — ее отстраненность словно держала их всех на расстоянии.

Всех, кроме Марка!

Он и находился здесь только ради Эмили. Не ради учебы, не ради науки. Исключительно ради нее — чтобы быть рядом и защищать.

«Телохранитель».

Уж это-то Мариам сразу поняла.

«Но остальное? Что же все-таки их связывает?» Мариам не раз и не два заводила с Эмили и Марком разговоры на самые разные темы, но так ничего и не выпытала.

«А, ладно, что толку зря голову ломать? В один прекрасный день она все узнает».

Она торопливо протирала последний стол, когда Марк махнул ей рукой.

— Мариам! — позвал он. — Принеси нам два кофе, пожалуйста. И стакан воды для Эмили.

Мариам усмехнулась про себя. Марк никогда не заказывал кофе, если приходил один. А вот если был с Эмили — всегда. Большую чашку.

— Сейчас принесу, голубки, — ответила Мариам.

Она назвала их так намеренно, чтобы подразнить.

Марк смущенно улыбнулся. Эмили — нет. Она сидела с низко опущенной головой. Мариам только сейчас заметила, что Эмили нынче утром выглядит просто ужасно, как человек, всю ночь не сомкнувший глаз. Ее вежливая улыбка и безупречный, как всегда, наряд могли обмануть кого угодно, но только не Мариам. «Готовилась к важному экзамену или зачету? Спешно дописывала курсовую?»

Нет, учеба тут ни при чем».

Мариам вытряхнула в ведро кофейную гущу, сполоснула фильтр и включила кофемашину. Две чашки эспрессо.

Случилось что-то серьезное.

Впечатление такое, словно Эмили собирается сообщить Марку крайне неприятную новость. Мариам на своем веку перевидала сотни прощальных свиданий. Сначала — бурное объяснение, а потом парень остается понуро

сидеть перед своей чашкой кофе, а девушка уходит, чуть смущенная, зато свободная. Глядя сейчас на Эмили, можно было предположить, что она всю ночь мучительно раздумывала, но к утру приняла окончательное решение — и плевать на последствия.

Мариам медленно шла в дальний угол бара «Ленин», держа в руках поднос с двумя чашками кофе и стаканом воды.

Бедный Марк. Неужели он еще не догадался, что его дело — швах?

Уж в чем в чем, а в бестактности Мариам никто бы не упрекнул. Она молча поставила на стол чашки и стакан, развернулась и удалилась, даже не стараясь прислушаться к чужому разговору.

2 октября 1998 г., 8.41.

Марк подождал, пока Мариам отойдет подальше. Затем наклонился к прислоненному к стулу рюкзаку, порылся в нем и достал небольшую квадратную коробочку, завернутую в серебряную бумагу.

— С днем рождения, Эмили! — весело сказал Марк.

И протянул девушке подарок.

Эмили воззрилась на него с притворным негодованием.

— Марк! — сердито произнесла она. — За последнюю неделю ты поздравляешь меня уже в третий раз! Хотя прекрасно знаешь, что мне ничего не нужно...

— Тсс. Открой.

Эмили нахмурила брови и развернула упаковку. В коробочке лежало серебряное украшение. Причудливой формы крест: на концах нижней и боковых перекладин — ромбики, наверху — большой круг, увенчанный короной. Эмили взяла в руки крест.

— Марк, ты с ума сошел...

— Это туарегский крест! Вроде бы существует двадцать одна их разновидность. В каждом городе Сахары — своя. Этот крест из Агадеса. Тебе нравится?

— Ну конечно, нравится. Но...

Марк не дал ей договорить:

— По преданию, оконечности креста представляют собой четыре стороны света. Тот, кто дарит другому такой крест, преподносит ему в дар весь мир.

— Я слышала эту легенду, — тихо ответила Эмили. — «Дарю тебе все четыре стороны света, потому что мне не дано знать, где ты умрешь».

Марк не сдержал смущенной улыбки. Разумеется, Эмили отлично разбирается в туарегских крестах — как, впрочем, и во всем остальном. Они немного помолчали. Эмили протянула руку к чашке. Марк машинально сделал то же. Его пальцы скользнули вперед в надежде соприкоснуться с пальцами Эмили, но замерли на полпути, и рука бессильно опустилась на стол. У Эмили на безымянном пальце красовалось кольцо. Золотое кольцо тонкой работы со светлым сапфиром — великолепное старинное украшение, без сомнения, ценой в целое

состояние. Марк видел его в первый раз. В его душе поднялась волна ревности, затуманившая взор, — так случалось всякий раз, когда с Эмили происходило что-то, о чем он не знал и что заставляло его почувствовать, что между ними — пропасть.

— Это... Это кольцо... — с трудом выдавил он. — Это твое?

— Нет, не мое. Украла сегодня утром в ювелирном на Вандомской площади!

Марк ничего не сказал. У него дергалось веко. По сравнению с этим кольцом туарегский крест, стоивший ему трех ночных дежурств плюс выходные в отделе связей с клиентами компании «Франс Телеком», где он подрабатывал, смотрелся дешевой побрякушкой. «Ну да, Лили уже убрала подаренное им африканское украшение назад в футляр. А антикварное кольцо и не подумала снять с пальца...»

Он через силу глотнул кофе и пробормотал:

— Откуда оно у тебя?.. Кто-то подарил? На день рождения?

Эмили медленно опустила глаза:

— В каком-то смысле, да. Долго объяснять. Красивое, правда?

Чуть помолчав, она добавила:

— Я все тебе расскажу. Не злись. И вообще не бери в голову. Кольцо — ерунда.

Она накрыла его руку своей.

«Не бери в голову. Кольцо — ерунда».

Эти слова привели Марка в смятение. «Что она хотела ими сказать?» Лили сегодня утром выглядела ужасно, как будто не спала всю ночь. Но пыталась ему улыбаться, по привычке подливая себе в кофе немного воды. И вдруг, словно решившись на что-то, вскинула голову и посмотрела на него взглядом, в котором загорелись живые искры. Отпила немного из чашки, сунула руку в сумку и извлекла из нее светло-зеленую общую тетрадь.

— Держи, — сказала она, протягивая тетрадь Марку. — Я тоже хочу сделать тебе подарок.

Марка окатила новая волна тревоги.

— Что это?

— Записи Гран-Дюка, — быстро ответила Эмили. — Он принес мне ее позавчера. На второй день после дня моего рождения. Вернее сказать, положил мне в почтовый ящик. Или попросил кого-то положить. Я нашла ее утром.

Марк осторожно потрогал тетрадь. У него опять задергалось веко.

Тетрадь. Записи Гран-Дюка. Теперь он понял. Эмили провела

последние двое суток за чтением этой тетради. Результаты восемнадцати лет расследования, которое вел этот сумасшедший частный сыщик. Целая жизнь. Жизнь Эмили — день в день.

«Ничего себе подарок на день рождения!»

Марк вглядывался в лицо Эмили, пытаясь угадать, о чем она думает. «Что она обнаружила в этой тетради? Какую истину? Нашла себе новую личность? Обрела спокойствие? Или не нашла ничего? Одни вопросы — без ответов...»

Но лицо Эмили оставалось непроницаемым. В эту игру ее не переиграешь. Как ни в чем не бывало подливала воду себе в стакан, словно исполняя привычный ритуал, и пила маленькими глотками.

— Как видишь, Марк, в конце концов он мне ее отдал. Как и обещал. Подарил мне правду. В честь моего вступления во взрослую жизнь.

Эмили рассмеялась — скорее нервно, чем непринужденно. Марк все не решался взять в руки тетрадь.

— Ну и... — не выдержал он. — Что он там пишет, в этой тетради? Что-нибудь важное? Ты... Ты теперь знаешь?

Эмили его словно не слышала. Демонстративно отвернувшись, она изучала взглядом площадь перед университетом, заполнявшуюся студентами.

— Знаю что?

Марк испустил вздох отчаяния. «Знаешь, за что этому проклятому сыщику столько лет платили деньги? Знаешь, кто ты на самом деле, Лили? Кто ты?» Эти слова рвались из него, но он не осмелился произнести их вслух.

Эмили рассеянно поигрывала своим кольцом. Ее как будто окутало облаком равнодушной усталости. Растущее волнение Марка волновало ее меньше всего.

— Теперь твоя очередь, Марк. Ты тоже должен прочитать эту тетрадь.

Мысли беспорядочно металась у Марка в голове. Он даже чуть было не забыл про странное кольцо, невесть откуда появившееся на руке Эмили. «Кто подарил его ей? Когда? Зачем?» Он увидел, как она подталкивает к нему тетрадь и услышал свой собственный голос, произносящий:

— Хорошо, стрекозка. Я ее прочту, эту чертову тетрадь.

Чуть поколебавшись, он спросил:

— Ты как? Нормально?

— Конечно. Все в порядке.

Эмили опустила губы в чашку и заставила себя сделать глоток.

«Какой там в порядке!»

У Эмили что-то стряслось. Скорее всего, она что-то узнала из тетради Гран-Дюка.

«Узнала, кто она такая?»

— А записку он не приложил? Я имею в виду, к тетради?

— Нет. Да и зачем? Там и так все написано.

— И?..

— Сам прочти. Будет лучше, если ты прочтешь сам.

— А где сейчас Гран-Дюк?

Взгляд Эмили затуманился, словно знание, которым она обладала, было столь ужасно, что у нее язык не поворачивался его озвучить. Она не отрываясь смотрела на часы.

— Тебе что, пора бежать? — встрепенулся Марк.

— Да. У меня утром нет лекций. А у тебя есть! В десять ноль-ноль. Европейское конституционное право. А потом семинар у молодого дарования Грандена! Так что я пошла, Марк.

Марк скривился:

— Ты куда?

Эмили вылила в чашку последнюю каплю воды, медленно выпила и подняла на Марка взгляд усталых глаз. Затем наклонилась к сумке и почти тотчас снова выпрямилась.

— У меня... У меня есть для тебя еще один подарок.

И она протянула ему завернутый в подарочную бумагу предмет размером чуть больше спичечного коробка.

Марк застыл.

Его охватило предчувствие несчастья. Эмили вела себя до ужаса неестественно. Изображала веселье, прикидывалась беззаботной.

— Но только сейчас не открывай, — вдруг сказала Эмили. — Откроешь после того, как я уйду. Не раньше чем через час! Обещай! Учти, я тебе доверяю. Представь, что мы играем в прятки. Ты должен дать мне время спрятаться. Закрой глаза и сосчитай, ну, допустим, до тысячи...

Похоже, Эмили собрала в кулак последние остатки самообладания, чтобы превратить свою просьбу в шутивную игру. Но Марка ее потуги не обманули.

— Обещаешь? — настойчиво переспросила Эмили.

Марк смиренно кивнул. Их взгляды встретились. Первой не выдержала и мигнула Эмили.

— Боюсь, ты меня надуешь. Я тебя знаю, ты упрям, как осел. Не успею я выйти за дверь, как ты бросишься открывать подарок...

Марк не стал с ней спорить. Эмили подняла свою красивую руку.

Опять это проклятое кольцо.

— Мариам?

Хозяйка бара словно только и ждала приглашения. В долю секунды она оказалась возле стола, за которым сидели Марк и Эмили.

— Мариам, я хочу поручить тебе одно важное дело. Вот, возьми это. Отдашь Марку ровно через час и ни минутой раньше. Он будет тебя уговаривать, попытается подкупить или запугать, но ты не поддавайся. Кстати, проследи, пожалуйста, чтобы через час он отправился на лекцию. Аудитория В318. И пусть не опаздывает!

Мариам взяла у нее из рук маленький пакет.

— Мариам, я тебе доверяю.

Что ей оставалось? Эмили вскочила, сунула в сумку футляр с туарежским крестом и чмокнула Марка в щеку. Или в краешек губ? Нарочно, что ли, чтобы подразнить Мариам?

Эмили толкнула стеклянную дверь бара «Ленин» и исчезла, смешавшись на площади с толпой студентов. Была — и нет.

Дверь за ней закрылась.

Мариам сжала в ладони пакет. Разумеется, она сделает, как просила Эмили, хотя эта игра совсем ей не нравится. За долгие годы Мариам насмотрелась на влюбленные парочки в ссоре. Если девушка решила бросить парня, она чего только ни придумает. Диву даешься, какая у девчонок богатая фантазия.

И Эмили из их числа.

От всей этой сцены за милю несло фальшью. Эмили сбежала, оставив ей подарок для Марка, больше всего напоминавший мину замедленного действия. «Как только Марк ее отпустил? Хороший он парень, но до чего наивный...» Мариам так и не пришла ни к какому определенному выводу относительно того, кем ему приходилась эта девушка — сестрой, женой, любовницей или просто подругой; она по-прежнему не понимала, что их связывает, но точно знала, что задумала Эмили.

Порвать эту связь.

2 октября 1998 г., 9.02.

Марк смотрел на хлопчущую за стойкой бара Мариам. Не переставая принимать заказы, она сунула переданный Эмили пакет в ящик кассы. По тому, как она покосилась на него, Марк понял: нечего и думать, что удастся ее уговорить. Женская солидарность. Он в отчаянии уставился на лежащую на столе зеленую тетрадь Кредюля Гран-Дюка. Эмили хорошо знала что делает. До начала занятий у него еще целый час. Первым в расписании идет скучный до зевоты семинар по европейскому конституционному праву под руководством молодого препода, который половину времени тратит на болтовню по мобильному телефону. Эмили все рассчитала. Заманила его в ловушку. Надо же ему как-то убить этот час.

В «Ленине» уже было не протолкнуться. Какой-то верзила поинтересовался, можно ли ему присесть к Марку за стол, и тот рассеянно кивнул. На красно-белых часах с маркой «Мартини» было 9.03. Понимая, что выбора у него нет, Марк все же медлил открывать тетрадь. Медленно провел рукой по гладкой поверхности картонной обложки. Чуть выждал и снова поднял глаза. Черные стрелки часов не сдвинулись ни на миллиметр, словно приклеенные.

9.04.

Марк вздохнул.

К кофе он так и не притронулся. Да не станет он его пить! Он вообще не любил кофе. Пожилой профессор, пристроившийся возле стойки с кружкой пива и номером «Ле-Паризьен», с вождением смотрел на его место. Марк с большим удовольствием уступил бы ему стул, а сам убежал догонять Эмили, швырнув тетрадь в мусорное ведро.

Он перевел взгляд за окно, пытаясь отыскать в многолюдной студенческой толпе силуэт Эмили. Вот если бы они преградили ей путь, а потом расступились, чтобы он смог увидеть ее и броситься к ней... У него вдруг защипало в носу. Марк почувствовал, как заколотилось сердце, а в горле появился ком. Он давно научился распознавать первые симптомы болезни — тахикардия, сбой дыхания. Зря он смотрит на площадь.

Он отвернулся от окна, и ему сразу задышалось легче.

Пальцы снова легли на светло-зеленую тетрадь.

Эмили выиграла. Как всегда. Хочешь не хочешь, но придется и ему отправиться на встречу с прошлым.

Марк глубоко вздохнул и открыл тетрадь. Гран-Дюк писал мелким убористым почерком, ровным, хотя и не каллиграфическим. Абсолютно понятным.

Марк наклонился к тетради. И нырнул в синие волны букв, слов и строк — словно бросился вниз головой в океан сомнений.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Все началось с катастрофы. Думаю, что до 23 декабря 1980 года никто — или почти никто — и слыхом не слыхивал про Мон-Террибль. В том числе и я. Мон-Террибль — одна из не самых больших вершин массива Юра, на границе Швейцарии и Франции, возвышающаяся в излучине реки Ду; с французской стороны она граничит с коммуной Монбельяр, со швейцарской — с кантоном Порантрюи. Ничем не примечательная гора высотой 804 метра, на склонах которой пасутся коровы. Однако забраться на нее не всегда бывает легко, особенно зимой, когда она занесена снегом. Название «Мон-Террибль» если кому и известно, то, может, паре-тройке историков — во времена Революции так именовался франко-швейцарский департамент. Но с тех пор утекло много воды, и про гору все забыли, не считая сотни-другой местных жителей, между собой, кстати, величающих ее коротко «Мон-Терри». Разумеется, когда в ночь с 22 на 23 декабря на юго-западный, французский, склон рухнул аэробус 5403 «Стамбул — Париж», журналисты предпочли полное название. Поставьте себя на их место: «трагедия на Мон-Террибль»^[2] звучит куда как выразительнее, чем «трагедия на Мон-Терри»!

Возможно, люди о ней еще помнят. Возможно, нет. Авиакатастрофы в наши дни — не редкость, и они похожи одна на другую. За несколько месяцев до описываемого мною случая на Канарах, близ Тенерифе, разбился «Боинг-747». Сто сорок шесть погибших. На следующий год, 1 декабря 1981 года, «Дуглас ДС-9», выполнявший рейс «Любляна — Аяччо», врезался на Корсике в гору Сан-Пьетро: сто восемьдесят жертв. В истории Корсики это единственная авиакатастрофа. Про нее все точно забыли — кроме корсиканцев, естественно. А вот про крушение самолета близ горы Сент-Одиль^[3] еще помнят — пока эстафету не подхватит кто-нибудь еще.

Но в 1981 году все дружно заговорили о «черной серии».

Чушь полная! Достаточно посмотреть статистику. Вы уж мне поверьте, я обшарил все сайты, посвященные авиационным катастрофам, включая

1001crash.com. Зайдите на него сами и своими глазами убедитесь, насколько точная информация там приведена. Число погибших, технические подробности, чуть ли не посекундное описание последних мгновений перед роковым падением. Это кажется невероятным, но составители сайта установили, что за последние 40 лет самолеты терпели крушение больше 1500 раз, в результате чего погибло двадцать пять с лишним тысяч человек... Подсчитайте сами: получается примерно 40 авиакатастроф в год. Иными словами, каждую неделю в мире разбивается самолет, и далеко не всегда это происходит в Китае или над сибирской тайгой...

Что ж тут удивляться, что про трагедию на Мон-Террибль люди довольно быстро забыли. Что такое сто восемьдесят шесть погибших? Пыль. Звездная пыль...

Да я и сам в то время не обратил на этот случай внимания. Ну, услышал сообщение по радио... И думать про него забыл. В то утро я был в городе Андае и сидел в засаде. Я тогда расследовал в одном казино финансовые махинации, за которыми явственно маячили баскские террористы. Работенка — не соскучишься. В ту пору я охотно брался за горячие дела, можно сказать, специализировался на них. Частным сыском я занимался уже почти пять лет, потратив предыдущие двадцать на игры в наемника в разных уголках земли. Мой возраст приближался к пятидесяти. В наследство от бурного прошлого мне остались в кашу раздробленная бедренная кость и перекрученный не хуже веревки позвоночник. Когда приходилось вести скрытое наблюдение, я толстел на килограмм в неделю — чтобы от него избавиться, у меня уходил в лучшем случае месяц. Короче говоря, в шкуре частного детектива я чувствовал себя вполне комфортно, даже если удача сопутствовала мне далеко не всегда.

Новость о крушении самолета я, как и все, услышал по радио, когда сидел в машине на парковке перед казино Андая, и пропустил ее мимо ушей. Откуда мне было знать, что не пройдет и нескольких месяцев, и эта катастрофа станет для меня смыслом жизни. Вот ведь ирония судьбы!

Аэробус 5403 «Стамбул — Париж» врезался в гору Мон-Террибль ночью 23 декабря, если точнее — в ноль часов тридцать семь минут. Никто так и понял, что именно стало причиной крушения. Зима в тот год выдалась скорее мягкая, но накануне утром повалил снег и продолжал идти весь день. К вечеру поднялся буран. Мон-Террибль напоминает нечто вроде ступеньки между швейцарской и французской частями массива Юра. Видимо, пилот ее просто-напросто не заметил. Во всяком случае, так говорили тогда. Действительно, чего проще — свалить вину на бедолагу-

летчика, вместе с остальным экипажем и пассажирами сгоревшего в пламени вспыхнувшего пожара. «А как же черный ящик?» — спросите вы. А никак. Все, что удалось вытянуть из черного ящика, это то, что самолет летел на слишком малой высоте, а пилот потерял управление машиной. Ассоциация жертв авиакатастроф и родственники погибшего летчика пытались выяснить, что произошло в реальности, но безуспешно. Так что в конечном итоге катастрофу списали на летчика, снегопад, буран, гору, рок, проклятый закон Мёрфи, в соответствии с которым если что-то плохое может случиться, то оно обязательно случается, и, конечно, на невезуху... Был и суд, а как же. Семьи погибших требовали расследования. Но за его ходом никто не следил. Публику интересовало не это.

Самолет рухнул в ноль часов тридцать семь минут. Эксперты установили это задним числом, потому что свидетелей происшествия не было — кроме пассажиров, от которых не осталось ничего, даже разбитых часов с замершими в миг удара стрелками. Перед Рождеством экологи насмерть бились за спасение каждой елочки в области Юра. Аэробус в несколько секунд уничтожил елок больше, чем смогли бы известить все окрестные жители, празднуя Новый год сто лет подряд. Те, что не попадали под массой упавшего самолета, сгорели в огне пожара, хоть и утопали в снегу. Самолет прочертил по лесу полосу длиной в несколько сот метров, после чего рухнул вниз и взорвался. И горел потом всю ночь.

Первые спасатели прибыли на место катастрофы только час спустя. Пока получили сигнал, пока добрались — в окрестностях пяти километров на тот момент не оказалось ни одной машины. Тревогу подняли жители долины, заметившие над лесом черный дым. Использовать вертолеты не удалось из-за снегопада. Пожарной команде пришлось взбираться пешком, по горящей просеке. К утру буря улеглась, и Мон-Террибль на несколько часов сделался центром мира. Кажется, потом был судебный процесс, хотя я не уверен. Во всяком случае, какое-то расследование, призванное установить, почему помощь подоспела так поздно, провели, но оно мало кого интересовало. Публику эти детали оставили равнодушной.

Спасатели, должно быть, рассуждали так: зачем спешить, все равно в живых уже никого нет. Именно эта мысль, по всей вероятности, посетила каждого из них при виде смятого в гармошку и объятого пламенем остова самолета. Но пожарные — народ добросовестный, даже в половине второго ночи, даже в горах Юра, даже в буран. И они тщательно обыскали местность — зря, что ли, спешили? Не для того же они примчались сюда, чтобы погреться у гигантского костра, сожравшего весь горный склон и превратившего снежный покров в грязную сажу, а тела ста шестидесяти

восьми пассажиров — в угли.

Они осмотрели каждый квадратный метр леса, утирая слезы, выступавшие от разъедавшего глаза дыма и ужаса представшей им картины. Находку совершил молоденький пожарный из бригады города Сошо, Тьерри Мушо. Пусть вас не удивляет, что спустя столько лет я привожу вам все эти подробности. Просто поверьте мне, что так все и было. Впоследствии я проговорил с ним наедине несколько часов, пытаюсь секунду за секундой восстановить тогдашние события и заставляя его вспоминать каждую, даже самую пустяковую, мелочь. В ту ночь он не сразу сообразил, в чем дело. Вначале ему показалось, что он наткнулся на мертвое тельце. Детский трупик. Тем не менее это было единственное не сгоревшее в огне тело пассажира аэробуса. Ребенок был совсем крошечный, младенец не старше трех месяцев от роду. Во время падения самолета его выбросило из левой двери аэробуса, частично смявшейся при контакте с землей. Так впоследствии утверждали эксперты, пытавшиеся определить, какое место в салоне занимали ребенок и его родители. Не волнуйтесь, позже я к этой теме еще вернусь. Наберитесь терпения...

Мушо — тот самый молодой пожарный — решил, что нашел безжизненное тело: еще бы, младенец больше часа пролежал на снегу. Однако, наклонившись пониже, он обнаружил, что и лицо, и ручки, и ножки ребенка, хоть и бледноваты, но не смертной бледностью. Младенец лежал метрах в тридцати от горящего самолета. Очевидно, его согревал жар этого чудовищного костра. Тогда молодой пожарный из Сошо немедленно, как его и учили, сделал ребенку искусственное дыхание и — очень осторожно — массаж сердца. Выбирая профессию, он и подумать не мог, что ему придется спасти новорожденного малыша, да еще в таких условиях...

Ребенок еще дышал, хоть и слабо. Несколько минут спустя к месту катастрофы подоспели врачи, взявшие заботы о нем на себя. Впоследствии медики подтвердили, что жизнь младенцу — это оказалась девочка с невероятно синими для столь юного возраста глазами, судя по белой коже, французенка, — спас исходящий от горящей машины жар. Малютку отбросило достаточно далеко от самолета, чтобы не пострадать от огня, но в то же время достаточно близко, чтобы не замерзнуть в ночном лесу. Чудовищная ирония судьбы: ей не дал умереть пожар, унесший жизни остальных пассажиров, в том числе ее родителей. Во всяком случае, именно это заявили врачи, объясняя чудесное спасение ребенка.

Потому что спасение действительно было чудом!

Подавляющее большинство французских газет, не дожидаясь

экспертных оценок, подготовили срочный ночной выпуск, посвященный авиакатастрофе. Единственным изданием, проявившим терпение, был «Эст репюбликен». Не чем иным, как обостренным чутьем главного редактора, объяснить подобную тактику невозможно. Он вызвал всех своих сотрудников и разослал их по всей области: одни несли дежурство возле полицейских участков, другие — перед входом в больницы. Новость о чуде выжившей девочке стала известна в два часа ночи. И в номере от 23 декабря 1980 года «Эст репюбликен» напечатал статью под заголовком: «Чудесное спасение в Мон-Террибль». Журналисты не подвели своего шефа: рядом с заметкой были опубликованы фотографии. На первой был изображен пылающий самолет. А на второй, цветной, — пожарный с младенцем на руках, стоящий перед входом в больницу Бельфор-Монбельяра. Ретушеры постарались подсинить личико ребенка, а заодно и глаза. Короткий текст сообщал: «В ночь с 22 на 23 декабря 1980 года на склонах Мон-Террибль, на франко-швейцарской границе, потерпел крушение аэробус 5403 „Стамбул — Париж“. 168 из 169 пассажиров и члены экипажа погибли в результате столкновения и вспыхнувшего затем пожара. Чудом спасся лишь трехмесячный ребенок, которого выбросило из самолета до того, как его охватил огонь».

Утром вся Франция узнала поразительную новость и содрогнулась. Над судьбой сироты рыдали в каждом доме. Тем же утром заметку из «Эст» перепечатали все газеты, ее цитировали все теле- и радиостанции. Может, вы помните? Вся страна погрузилась в глубокий траур...

Неясным оставалось только одно. «Эст репюбликен» поместил снимок чудом спасшейся девочки, но не сообщил ее имени. Сделать это в два часа ночи не представлялось возможным — следовало связаться с отделением «Эр Франс» в Стамбуле. Наверное, именно так рассуждал главный редактор, сказавший себе, что, в конце концов, не так уж и важно, как зовут ребенка. Конечно, если бы на первой полосе газеты под фотографией голубоглазой малютки было напечатано ее имя, эмоциональное воздействие на читателей было бы еще сильнее, но... «Чудесное спасение в Мон-Террибль» — тоже звучало неплохо. Плюс сохранялась часть тайны, а значит, будет о чем писать завтра.

Или послезавтра.

Ну и вот.

Имя и фамилия девочки пока оставались неизвестными. И я потратил восемнадцать лет жизни, чтобы их узнать.

2 октября 1998 г., 9.10.

Истеричный взрыв хохота, раздавшийся за столом, где теснились пять студентов, вывел Марка из себя. Парни передавали друг другу какие-то фотографии — должно быть, с последней вечеринки. Такие снимки потом обычно хранят долгие годы, припрятав в укромном местечке, чтобы время от времени разглядывать со смешанным чувством стыда и гордости. Марк плохо знал этих ребят; вроде бы они входили в самую крупную студенческую ассоциацию, занимавшуюся организацией внеучебных мероприятий. Университетский кооператив, ксерокопирование лекций и материалов к экзаменам и прочее в том же духе. Вырученные средства как раз и шли на финансирование подобных вечеринок.

Марк поднял глаза.

Если часы не врут, 9.11.

Мариам, демонстративно отвернувшись от него, болтала с девушкой, с головы до ног, включая выглядывавшие из-под низкого пояса юбки трусы, одетой в черное, — вылитая Мортиша Аддамс.

Марк вздохнул и перевернул страницу тетради.

«Ничего не поделаешь».

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Ну вот. Именно тогда и зародилась тайна Мон-Террибль. Может, вы даже кое-что об этом помните? Хотя поначалу все шло как обычно. Осиротевшего младенца, найденного молодым пожарным, поместили в детское отделение больницы Бельфор-Монбельяра, приставив к нему целую армию врачей.

Я восстановил последовательность событий с точностью хронометра, но избавлю вас от ознакомления с показаниями свидетелей, занявшими долгие часы. Думаю, краткого пересказа будет достаточно, тем более что звучит он весьма поучительно.

Леонс де Карвиль узнал обе новости сразу — и о крушении самолета, и о чуде спасшемся ребенке, — из шестичасовых выпусков последних известий по радио. Леонс де Карвиль всегда вставал рано. Одним телефонным звонком он отменил все запланированные на этот день дела, хотя его деловой график был расписан по минутам, и на частном самолете

вылетел в Монбельяр. Леонс де Карвиль, которому тогда было пятьдесят пять лет, принадлежал к сотне крупнейших во Франции промышленников. Инженер по образованию, он сколотил состояние прокладкой трубопроводов по всему миру. Фирма де Карвиля выступала субподрядчиком ведущих транснациональных нефтяных и газовых компаний. Своих выдающихся успехов он добился не потому, что при прокладке нефте- и газопроводов использовал какие-то особенные инновационные технологии, а потому, что умел работать в самых опасных и труднодоступных районах планеты: его фирма тянула линии трубопроводов под водой, под горными массивами, на сейсмически активных территориях и так далее. По-настоящему фирма расцвела в шестидесятые, когда предложила революционный метод прокладки нефтепроводов в зонах вечной мерзлоты, благодаря чему даже в разгар холодной войны могла спокойно заниматься экспортом углеводородов из Сибири и с Аляски...

Шагая белыми лабиринтами больницы Бельфор-Монбельяра, Леонс де Карвиль хранил на лице выражение спокойного достоинства, немало впечатлившее медицинский персонал, измученный натиском любопытных журналистов.

— Следуйте за мной, — сказала ему замотанная медсестра.

— Где она?

— В отделении для грудничков. Не волнуйтесь. С ней все в порядке.

— Кто ее лечащий врач?

Медсестра удивилась, но после короткого колебания ответила:

— Доктор... Доктор Моранж. Ее привезли ночью, в его дежурство.

Во взгляде Леонса де Карвиля появился инквизиторский блеск. Но медсестра не стала дожидаться новых вопросов.

— Вам повезло, месье де Карвиль. Это один из лучших наших специалистов. Он еще здесь. Вы можете сами с ним поговорить.

У Леонса де Карвиля дернулся уголок рта. Это могло означать все что угодно: и самодовольство, и настороженность. Он решительным шагом последовал за медсестрой. Больничный персонал прижимался к стенам коридоров, пропуская его.

Прошлой ночью промышленник потерял в трагедии на горе Мон-Террибль единственного сына и невестку. Именно он, признанный успешный бизнесмен, двумя годами раньше настоял, чтобы руководство турецким филиалом фирмы Карвиля взял на себя его сын. Назначение никого не удивило: все и так знали, что молодой Александр де Карвиль

просто обречен стать наследником отца во главе компании. Передачу властных полномочий планировалось осуществить постепенно. Александр отправился в Турцию набираться опыта, а заодно проверить на практике, чего стоят его дипломы — первый, полученный в Политехническом университете, и второй — на факультете политологии в университете Сьянс-По. Ему предстояло научиться работать в условиях меняющейся политической конъюнктуры, когда после правления милитаристского режима в Турции пришли к власти демократы... Ставка в этой игре была чрезвычайно высока — пожалуй, компания Карвилей еще никогда не играла столь по-крупному. Речь шла о заключении контракта сроком не на одно десятилетие. Александр де Карвиль вместе с семьей перебрался в Турцию, где вел переговоры о прокладке нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан — второго по протяженности в мире (около двух тысяч километров), призванного соединить побережье Каспийского моря со Средиземноморским. Более тысячи километров нефтепровода предполагалось проложить по территории Турции, дотянув нитку до расположенного на юго-восточном побережье Средиземного моря, недалеко от сирийской границы, небольшого портового города Джейхан, где Александр де Карвиль с семьей устроил себе летнюю резиденцию. Переговоры обещали быть долгими. Действительно, прошло уже два года, а они все еще топтались на месте. Александр большую часть года жил в Турции — вместе с женой Вероникой и дочерью Мальвиной, которой тогда было шесть лет (два из них она провела в Турции). Забеременев вторым ребенком, Вероника отказалась от визитов во Францию. Она отличалась хрупким здоровьем, и врачи категорически не советовали ей совершать длительные путешествия, а летать самолетами просто-напросто запретили. Впрочем, роды прошли нормально. Маму поместили в крупнейший частный роддом Стамбула, в районе Бакыркёй, и маленькая Мальвина вскоре смогла с нежностью обнять свою новорожденную сестренку Лизу-Розу. Леонс де Карвиль и его супруга Матильда, остававшиеся во Франции, получили красивую открытку и немного нечеткую фотографию внучки. Никакой спешки не было, и семейную встречу назначили на Рождество 1980 года. Мальвину де Карвиль отправили во Францию на неделю раньше, в первый день школьных каникул. Александр, Вероника и малютка Лиза-Роза должны были последовать за ней 23 декабря, вечерним самолетом «Стамбул — Париж». Карвили всю готовились к празднику. Отмечать Рождество решили в загородной резиденции Курвэ, на берегу Марны. В честь сестрички Мальвина — прелестная темноволосая девочка шести лет, не хуже генерала командовавшая армией как турецких, так и французских

слуг, — велела украсить бело-розовыми бантами холл и переходы загородного дома, включая монументальную лестницу вишневого дерева, не говоря уже о детской.

Мальвина де Карвиль...

Позвольте мне ненадолго отвлечься от Леонса де Карвиля, вышагивающего по бесконечным коридорам больницы в Монбельяре, чтобы представить вам Мальвину. Это важно, и скоро вы поймете почему.

Итак, Мальвина де Карвиль.

Я никогда ей не нравился. И это еще мягко сказано. Впрочем, наши чувства взаимны. Сколько бы я ни пытался убедить себя, что она не виновата в том, что тронулась умом, что, не случись эта трагедия, она превратилась бы в прелестную и даже обворожительную женщину, представительницу высших кругов общества, судьбой предназначенную к тому, чтобы удачно выйти замуж, сделав, как говорится, блестящую партию... Э-э, да что там! С годами эта девчонка, чем дальше, тем отчетливей слетавшая с катушек, пугала меня все больше. В отличие от своей бабушки она никогда мне не доверяла. Наверное, догадывалась, что я считаю ее монстром. Да-да, монстром! Потому что со временем милая шестилетняя девочка превратилась в подлинное чудовище. В тощую неуправляемую уродину. Ладно, проехали. Замнем для ясности. Не приведи господи, эти записки попадут ей в руки, — мне и представить себе страшно, что она надо мной учинит!

Лучше вернемся к тому, из-за чего она повредила разумом. К чуду. Точнее говоря, к подобию чуда.

В больнице Бельфор-Монбельяра Леонс де Карвиль по привычке держался с отстраненным достоинством, в котором окружающие впервые на его памяти прочитали не высокомерие, а робость. Он и бровью не повел, когда ему показали внучку, — через стекло палаты, не позволявшее слышать, как она плачет.

— Вот она, — сказала медсестра. — Ближайшая к двери кроватка.

— Спасибо.

Он говорил сдержанно и спокойно, как человек, полностью владеющий собой. Медсестра отступила шага на три. Ей только что сказали, что Лиза-Роза — единственное, что осталось у Леонса де Карвиля...

Должно быть, в эти минуты вера выдающегося бизнесмена серьезно пошатнулась, во всяком случае, дала трещину. Нет, Леонс в отличие от своей жены Матильды никогда не причислял себя к истым католикам. Он

был человеком верующим, но таким, условно говоря, новообращенным — под влиянием семейного окружения со стороны супруги, которое не поняло бы его научного рационализма, — в лучших домах Куврэ он был не принят. Однако в такую минуту, как эта, даже отъявленный рационалист задумался бы о Боге. И почувствовал бы, как его раздирает между гневом на жестокость того, кто отнял у тебя единственного сына, и благодарностью к нему же за то, что спас от гибели — в знак утешения? — твою внучку. Единственную из всех...

Лиза-Роза беззвучно плакала в стеклянной клетке.

— Это чудо, — тихо сказал у него за спиной доктор Моранж — врач в белом халате и с улыбкой священника.

Его улыбка осталась прежней и годы спустя, когда я встретился с ним и узнал подробности того дня.

— Поразительно, но она в прекрасном состоянии. Последствий практически никаких. Мы немножко ее понаблюдаем, просто из осторожности, но она абсолютно здорова. Уверяю вас, это настоящее чудо...

Думаю, Леонс де Карвиль про себя все же вознес благодарственную молитву Всевышнему.

К ним подошла медсестра. Срочный звонок. Вызывают заведующего детским отделением. Да, просят подойти немедленно. Звонок очень странный. Доктор Моранж извинился и ушел, оставив Леонса де Карвиля перед стеклянной стеной бокса, где безутешно плакала его внучка.

«Пусть тоже поплачет, пока его никто не видит», — говорил себе доктор, который любил печальные истории с хорошим концом. Сам взволнованный едва ли не до слез, он протянул руку и взял протянутую медсестрой телефонную трубку.

Голос в аппарате звучал так, словно доносился с другого конца света. Торжественный и торопливый одновременно.

— Доктор? Здравствуйте! Я — дед девочки из самолета. Того самого, потерпевшего крушение в горах Юра. В справочной мне дали ваш номер. Как она там?

— Хорошо, хорошо, не волнуйтесь. Девочка практически не пострадала. Думаю, через два-три дня мы ее выпишем. Кстати, бабушка с отцовской стороны уже здесь. Хотите с ним поговорить?

В трубке повисло молчание. В этот миг врач почувствовал, что происходит что-то не то.

— Доктор? Извините, но мне кажется, произошла какая-то ошибка. Дедушка с отцовской стороны — это я. А деда с материнской стороны не

существует. Моя невестка была сиротой...

Доктор почувствовал покалывание в кончиках пальцев. Нервы. В мозгу проносились предположения одно фантастичнее другого. Глупый розыгрыш? Попытка любопытного журналиста выведать подробности? Надо навести ясность.

— Простите, о каком ребенке вы говорите? О девочке, спасенной после крушения самолета «Стамбул — Париж»? О Лизе-Розе?

— Нет, доктор, нет!

Врач явственно услышал проскользнувшее в голосе собеседника облегчение.

— Нет, доктор, — продолжил тот. — Здесь какое-то недоразумение. Девочку зовут не Лиза-Роза. Ее зовут Эмили.

На лбу у врача выступили капли пота. Такого с ним никогда не случалось, даже в операционной.

— Месье, мне очень жаль, но это невозможно. Дед ребенка уже здесь, в больнице. Его зовут месье де Карвиль. Он видел девочку и узнал ее. Он утверждает, что ее зовут Лиза-Роза.

Оба замолчали.

— А вы... — решился заговорить врач. — Вы живете далеко от Монбельяра?

— В Дьеппе. В Верхней Нормандии.

— Да? Послушайте, мне кажется, будет лучше всего, если вы, месье...

Врач довольно неуклюже тянул время.

— Месье Витраль. Меня зовут Пьер Витраль.

— Так вот, месье Витраль, мне кажется, что будет лучше всего, если вы свяжетесь с полицейским комиссариатом Монбельяра. Они как раз сейчас устанавливают личности погибших в авиакатастрофе. Больше я вам ничего сказать не могу. Но в полиции вам все объяснят. Ответят на все ваши вопросы...

Врачу вдруг стало противно. С какой стати он изображает из себя бездушного чиновника, отсылающего несчастного посетителя к соседнему окошку? Ему представилось, как на том конце провода, в Дьеппе, его собеседник падает возле телефона без чувств, словно при нем только во второй раз убили его внучку. Но он себя одернул. В конце концов, при чем тут он? Произошла какая-то путаница, вот и все. Этот человек из Дьеппа ошибся.

Оба одновременно повесили трубки.

«Следует ли рассказать об этом странном телефонном звонке Леонсу де Карвилью?» — задумался врач.

Пьер Витраль медленно положил трубку. Рядом стояла его жена Николь.

— Ну, как там Эмили? — взволнованно спросила она. — Что они тебе сказали?

Муж посмотрел на нее с бесконечной нежностью, на какую был способен только он. Когда он заговорил, его голос звучал тихо и как будто виновато:

— Они сказали, что девочка жива. Но ее зовут не Эмили, а Лиза-Роза...

Николь и Пьер Витраль долго молчали. Жизнь никогда их не щадила. Иногда соединение двух неудачников приводит к положительному результату, как умножение минуса на минус дает плюс. Они дружно противостояли всем превратностям фортуны — вечной нехватке денег, болезням, каждодневным бытовым трудностям. Никогда не жаловались. Но тот, кто не привык горлопанить, чаще всего остается ни с чем. Витрали не кляли судьбу — и она, словно в издевку, не скупилась на новые и новые испытания для них. Пьер и Николь Витраль зарабатывали на жизнь продажей жареной картошки и сосисок из специально оборудованного оранжево-красного фургончика «ситроен» на пляжах Дьеппа и других городов Нормандии, куда выезжали по случаю проведения фестивалей и других местных праздников, в любую погоду — а она в тех краях отличается капризами, — и почти угробили здоровье: у Пьера были проблемы с позвоночником, у Николь — с легкими. Назло судьбе они родили двух сыновей, и одного из них, дождливым вечером катавшегося на мопеде в Криэль-сюр-Мер, она у них забрала...

Им не везло ни в чем и никогда, но ровно два месяца назад вдруг случилось невероятное: они выиграла двухнедельную поездку в Бодрум-Гюмбет.

«Бодрум-Гюмбет? А это хоть где?»

В Турции. На средиземноморском полуострове, застроенном по побережью четырехзвездочными отелями, до пляжа — рукой подать. Все включено. Отель — настоящий дворец. Они выиграла случайно, просто опустив по листочку в стеклянный ящик в «Перекрестке», где в дни распродажи проводилась лотерея. Так вышло, что устроители вытянули из ящика листок с именем их сына, Паскаля. Правда, перед победителем поставили жесткое условие: воспользоваться выигрышем можно было только до конца 1980 года. Нет, если вы не хотите или не можете... У Паскаля и его жены Стефани всего два месяца назад родилась дочка —

малютка Эмили. Со старшим сыном, двухлетним Марком, проблем не возникало — поживет две недели у бабушки с дедушкой. Но Стефани еще кормила Эмили грудью, да и в любом случае она ни за что не согласилась бы на целых полмесяца оставить грудного ребенка на попечение стариков. Путевки были именными, обменять их или продать было невозможно. Значит, надо было сделать выбор: или отказаться от поездки, или ехать с новорожденной дочкой.

И они поехали. Прежде они еще никогда не летали самолетом. Стефани — молодая женщина с веселыми глазами — смотрела на мир, как на спелое яблоко, которое так и хочется надкусить. Жалко, что в ее скромном мирке это яблоко — запретный плод.

Они рассудили, что не стоит отворачиваться от удачи, если она сама плывет в руки. В кои-то веки судьба им улыбнулась! Ни один из них не подумал, что улыбка судьбы верить нельзя. Паскаль, Стефани и Эмили должны были приземлиться в аэропорту Руасси 23 декабря и провести день в Париже, поглазеть на рождественские витрины. Идея принадлежала Стефани. Она была сиротой. Витрали ее обожали, впрочем, она платила им тем же. Строго говоря, никакая Турция ей была не нужна. Ее воплощенной мечтой, ее волшебной сказкой стали Марк и Эмили — два теплых комочка, а к ним в придачу — любящий муж и дед с бабкой, души не чаявшие во внуках.

Пьер и Николь Витрали услышали новость одновременно, из семичасовой радиопередачи «Франс-Интер».

Они слушали ее каждое утро.

В тот день они сидели друг напротив друга за столом своей тесной кухоньки. Чашки — кофе для Пьера и чай для Николь — так и остались стоять нетронутыми, словно время навсегда остановилось в ту секунду, когда замерла жизнь в скромном рыбацком домишке на улице Пошоль, в квартале Полле — старинном рыбацком квартале, островком сохранившемся в центре портового города Дьеппа.

— Почему Лиза-Роза? — вдруг выкрикнула Николь Витраль.

Дома на их улице — с дюжину одинаковых, похожих друг на друга фасадов, — имели общие стены. Все, что происходило у соседей, немедленно становилось известно остальным. Крик Николь проник сквозь тонкие перегородки.

— Почему они решили, что ее зовут Лиза-Роза? Кто им сказал? Может, сам младенец? Так и заявил пожарным, а? Трехмесячный ребенок! Девочка, глаза голубые... Это наша Эмили! Она жива! Пусть кто-нибудь попробует сказать мне, что это не она! Пусть только попробует! Они там что-то

химичат. Она одна осталась в живых, вот они и хотят ее у нас украсть. Украсть нашу внучку...

По щекам у Николь катились слезы. Несмотря на холод соседи начали по одному выходить на улицу. Николь прижалась к мужу.

— Нет, Пьер, нет. Поклянись мне. Они не отнимут у нас внучку. Не для того она выжила в катастрофе, чтобы ее у нас украли. Поклянись мне.

В смежной с гостиной спальне проснулся разбуженный бабушкиным криком двухлетний Марк. Проснулся и заплакал. Он сам не понимал, почему плачет. Впрочем, у него от того скорбного утра не осталось никаких воспоминаний.

2 октября 1998 г., 9.24.

Марк поднял глаза от записей Гран-Дюка. В глазах у него стояли слезы.

Разумеется, он не помнил того скорбного утра. Он и не знал о нем ничего, пока не прочитал в этой тетради...

Было что-то нереальное в том, как перед ним открывались подробности трагедии, пережитой в далеком детстве.

От шума и гвалта в баре «Ленин» кружилась голова. Пятеро развеселых парней из студенческой ассоциации ушли, громко хлопнув на прощанье стеклянной дверью. Марк провел рукой по лицу, незаметно смахивая влагу из уголков глаз. Медленно вздохнул, заставляя себя собраться с духом. В конце концов, он и так знает почти все детали этой истории. Его собственной истории.

Почти все...

На часах 9.25.

А он только начал читать.

2 октября 1998 г., 9.17.

Мальвина де Карвиль постучала в стекло дулом маузера L100. Стрекозы реагировали вяло. Только одна, самая крупная, с красноватым телом и огромными крыльями, попыталась приподняться, даже взлетела на пару сантиметров, но снова без сил опустилась на дно вивариума, уже устланное десятками тел других, уже мертвых, насекомых. Мальвине де Карвиль и в голову не пришло включить подачу кислорода или хотя бы приоткрыть крышку, чтобы выпустить на свободу еще живых стрекоз. Она предпочитала безучастно наблюдать за их агонией. В конце концов, не она же их уморила.

Она еще раз, уже посильней постучала по стеклу. Ее зачаровывала безнадежность, с какой стрекозы едва шевелили тяжелыми крыльями в лишенном кислорода воздухе.

Мальвина долго наблюдала за ними. «Да пусть хоть все передохнут, ей-то что!» Она пришла сюда не ради них. Она пришла ради Лизы-Розы. Ее собственной стрекозки. Единственной и неповторимой. Мальвина сделала несколько шагов по комнате. И вздрогнула, наткнувшись взглядом на свое отражение в зеркале гостиной. Хочешь не хочешь, пришлось посмотреть на себя. Ее передернуло от отвращения. Она ненавидела строгий пробор, ровно посередине деливший надвое ее длинные прямые волосы, ненавидела свой голубой шерстяной свитер с кружевным воротником, ненавидела это тощее, без намека на грудь и с палочками-руками тело, весившее сорок килограммов...

Прохожие на улице принимали ее за пятнадцатилетнюю девочку. Во всяком случае, со спины. Она уже привыкла к изумлению на лицах, когда стоило ей повернуться, они вдруг видели перед собой старую деву — старую деву двадцати четырех лет, одетую по моде пятидесятых.

Но ей было на них плевать.

Ей было плевать на всех. На психоаналитиков, — а она посещала только лучших из лучших, — на протяжении восемнадцати лет твердивших ей одно и то же; на детских психологов, диетологов и прочих хренологов... И на бабушку заодно. Она заранее знала, что все они скажут. Какой диагноз поставят. Отказ взрослеть. Отказ расти. Отказ стареть. Отказ смириться с горем. Отказ забыть Лизу-Розу.

«Лиза-Роза.

Что значит „смириться с горем“? Что значит „забыть“?

Еще раз убить ее, так что ли?»

Она развернулась и приблизилась к камину. И чуть не упала, споткнувшись о мертвое тело. Хорошо, что рука твердо сжимала маузер. Никогда не знаешь... Хотя вроде бы эта сволочь Гран-Дюк не подает признаков жизни. Пуля в сердце. И голова в камине.

Левой рукой она схватила кочергу и кое-как пошуровала в камине.

Ничего!

Этот подонок Кредюль Гран-Дюк ничего не оставил!

Мальвина наугад тыкала кочергой, то и дело попадая в лицо труп и поднимая тучи черного пепла. Должно же найтись хоть что-то! Несгоревший клочок бумаги, другая улика...

Пока ее усилия успехом не увенчались. Как она ни старалась, ничего, кроме облака черных конфетти, в камине не было.

На полу стояли картонные коробки. С надписями красным маркером: 1980, 1981, 1982–1983, 1984–1985, 1986–1989, 1990–1995, 1996...

Все — пустые. Безнадёжно пустые.

В груди Мальвины поднималась хорошо ей знакомая волна глухого неудержимого гнева. «Значит, эта мразь Кредюль Гран-Дюк их просто кинул! Ее дед с бабкой восемнадцать лет платили ему, и не только гонорары, но и возмещали ему расходы на поездки, а что получили взамен?

Грудю пепла!»

Кочерга выпала из рук Мальвины на натертый до блеска паркет, прочертив по полу черную полосу. «Этот гаденыш купил себе дом на их деньги, и какой дом! Чуть ли не особняк, да еще в самом центре Бют-о-Кай! На их деньги! И что он сделал? Взял и сжег все доказательства, а потом пустил себе пулю в сердце. И замолчал навсегда».

Она покрепче сжала рукоятку пистолета.

Мальвина де Карвиль испытывала к Гран-Дюку не больше сочувствия, чем к мертвым стрекозам.

Пожалуй, даже меньше.

«Он получил по заслугам, этот подлец. Подох, как собака мордой в угли, горячие от лжи. Захотел рискнуть, сыграть и нашим и вашим? И проиграл». Не ей оплакивать его судьбу. Она сожалела об одном: что больше нельзя заставить его говорить. Но это не значит, что она отступится. Наоборот. Она не бросит свою сестренку. Она всегда будет с ней. Со своей Лизой-Розой, со своей стрекозкой. Она продолжит поиски. И

найдет.

Например тетрадь, в которой Кредюль Гран-Дюк год за годом вел записи. Насколько ей известно, это толстая общая тетрадь в светло-зеленой обложке. «Куда он мог ее задевать? Кому передал?»

Мальвина дошла до кухни. Быстро огляделась. Чисто и пусто. На гвоздике висит синяя тряпка. Она уже все тут обыскала. У него по всему дому чистота. Гран-Дюк был великим аккуратистом.

«Проклятье!»

Она зашла в тупик. Надо сесть и спокойно обдумать, что делать дальше.

Мальвина вспомнила про вчерашний телефонный звонок Гран-Дюка его бабке. Он намекал, что что-то такое нашел. «Наконец-то! После стольких лет! И когда? В тот самый день, когда Лизе-Розе исполнилось восемнадцать лет». Он позвонил буквально за несколько минут до полуночи. Что-то говорил про старый номер газеты «Эст републикен». Якобы озарение посетило его, когда он развернул ее восемнадцать лет спустя!

Вранье!

Наглое вранье!

Бабка еще могла попасться на удочку этого брехуна — ей самой нравилось верить его рассказам. Но только не она. «Эст републикен»... «Номер восемнадцатилетней давности? Прочитанный ровно в полночь? Ха-ха.

Дешевая уловка».

Он просто тянул время. Его контракт истекал в тот день, когда Лизе-Розе исполнилось восемнадцать лет. Денежный ручей пересох бы. Что ж тут удивляться, что ему захотелось выжать из бабки еще немного, все равно под каким предлогом? Ну а бабка... Со своим помешательством на религии она готова верить чему угодно. Она слишком доверяла Гран-Дюку, все эти годы вешавшему ей лапшу на уши. Мальвина бросила взгляд на медную табличку на письменном столе. «Кредюль Гран-Дюк. Частный детектив».

«Вот ведь уродское имечко!

Ну да, он не сомневался, что задурил голову деду и бабке.

Но не ей!

Она свободна. И она сумела разгадать его двойную игру. Гран-Дюк явно предпочитал Витралей. Он был на их стороне! А на нее всегда смотрел косо, как на балаганного уродца. Видать, догадывался, что она не дура.

Но не подозревал, насколько она умна!»

Мальвина в последний раз оглядела стол, не без сожалений покинула гостиную и вышла в небольшую переднюю. Придирчиво осмотрела зонты, составленные в напольную вазу, ряд длинных пальто на вешалках. Все казалось абсолютно нормальным.

Против своей воли задержалась перед фотографиями, без всякого порядка прикрепленными на магнитах над стеклянной входной дверью. «Свадебное фото Назыма Озана — сообщника Гран-Дюка — и этой жирной турецкой коровы; фото Николь Витраль — а как же! — в дешевом платье с глубоким вырезом, из которого так и выпирают сиськи. Наверное, Гран-Дюк каждое утро пялился на них, облизываясь, пока надевал пальто и выбирал зонтик, собираясь выйти из дому».

Мальвина рассеянно проглядела остальные снимки в передней. «Горные пейзажи — скорее всего Юра, Мон-Террибль. Монбельяр».

Она помнила этот город. Помнила больницу. Сестру она узнала сразу. Все-таки ей тогда было уже шесть лет. И она была единственным живым свидетелем.

«Лиза-Роза спаслась. Но ее у нее украли».

Они могли болтать что угодно. Про ее отказ смириться с утратой и прочее.

«Она никогда, ни за что не бросит сестру!»

Мальвина с трудом сбросила с себя оцепенение. Надо действовать. Она вернулась в гостиную, перешагнув через труп Гран-Дюка, и в последний раз осмотрела камин, вивариум и письменный стол. В дом она влезла как воровка, через увитое плетистой розой окно спальни, которое попросту разбила. Она повсюду оставила свои отпечатки. Рано или поздно сюда нагрянет полиция, вызванная кем-нибудь из соседей. Значит, надо уничтожить следы своего пребывания. Не ради себя — на себя ей плевать. Ради Лизы-Розы. Она должна остаться на свободе. Поэтому сейчас она все тут протрет. Если ей повезет, может наткнуться на какую-нибудь любопытную деталь, которую упустила при осмотре. Например на проклятую светло-зеленую тетрадь...

«Что же все-таки этот гад Гран-Дюк написал в тетради? Неужели он действительно узнал нечто важное? Неужели в день восемнадцатилетия Лизы-Розы ему открылась истина?»

Какая истина?

Или он блефовал?

Рискнуть?

Она обязана найти эту тетрадь.

Скорее всего, он передал ее Витралям. До того как прострелил себе сердце. Это в его духе. Преподнес подарок на день рождения. Если это действительно так, то сейчас тетрадь в руках этого извращенца, Марка Витраля. И сейчас он ее читает».

2 октября 1998 г., 9.28.

Марк Витраль безотрывно смотрел на циферблат настенных часов.

За соседним столом, лицом к нему, сидела хорошенькая брюнетка с по-мальчишески короткой стрижкой и буквально ела его синими, как океан, глазами, в которых охотно утонул бы любой мужчина.

Марк равнодушно отвернулся.

Что вызвало лишь новый прилив интереса со стороны хорошенькой студентки. Светловолосый парень сидел, погруженный в свои мысли, с таким видом, будто вот-вот заплачет, и смотрел на нее, как на пустое место. Вообще-то, она не привыкла, чтобы мужчины не обращали внимания на ее красоту. И ее привлекали только те редкие экземпляры, которые выбивались из общего правила. Они казались ей недостижимыми призраками.

Марк снова и снова перечитывал тот фрагмент из записок Гран-Дюка, где шла речь о его родителях, Паскале и Стефани, которых он совсем не помнил и представлял себе по старым фотографиям. Он поднял руку и помахал Мариам. Хозяйка бара решила, что он выпрашивает свой подарок — хоть на несколько минут раньше, — и неодобрительно уставилась на стену с часами.

— Мариам, можешь дать мне круассан? Я утром ничего не ел. Не привык, что Лили назначает встречу в такую рань.

Мариам одарила его широкой улыбкой.

И тут же принесла на тарелке круассан. Шум в баре «Ленин» становился невыносимым. Студентка с губительным взглядом продолжала с отчаянной надеждой пожирать Марка глазами.

Напрасный труд.

Марк оторвал половину круассана и запихнул в рот.

9.33.

И снова погрузился в чтение.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Думаю, вы со мной согласитесь, если я скажу, что и к Витралям, и к Карвилям жизнь повернулась далеко не самой лучшей своей стороной...

Сначала они узнают о том, что самолет потерпел крушение и все пассажиры погибли, а они в единый миг лишились детей и внуков, без которых будущее теряет смысл... Затем, часом позже, приходит новость о чудесном спасении: самое крошечное, самое незащищенное существо избежало всеобщей печальной участи. Они чувствуют себя счастливыми, благодарят небеса и даже забывают о том, что жестокая судьба отняла у них тех, кого они так любили... А судьба, оказывается, извлекла из раны кинжал только для того, чтобы вонзить его им в сердце еще раз, да поглубже. Что, если чудом спасенное дитя, кровь от вашей крови и плоть от вашей плоти, — и не ваше вовсе?

23 декабря 1980 года в полицейском комиссариате Монбельера с утра дым стоял коромыслом; комиссар Вателье — опытнейший сыщик и энергичный мужчина с несколько запущенной, зато прекрасно гармонизировавшей по цвету с кожаной курткой черной бородкой, — взял расследование в свои руки. В семь утра из «Турецких авиалиний» поступил факс со списком пассажиров. Любопытный факт, должно быть, немало позабавивший сотрудников аэропорта имени Ататюрка в Стамбуле, заключался в том, что на борту оказалось сразу два грудных младенца — две девочки-француженки, родившиеся чуть ли не в один день.

Лиза-Роза де Карвиль, дата рождения — 27 сентября 1980 г.

Эмили Витраль, дата рождения — 30 сентября 1980 г.

«Надо же, какое совпадение!» — наверняка подумаете вы. Впоследствии я проверил: присутствие в салоне самолета грудного ребенка — вовсе не исключительное явление. Напротив, малышей возят довольно часто, особенно на длинные расстояния и в период отпусков. Мы живем в условиях экономической глобализации, но людям по-прежнему хочется встречать Новый год, праздновать день рождения или свадьбу и хоронить близких в кругу семьи. Обычные пассажиры не обращают на это внимания, но я точно знаю: самолеты кишмя кишат младенцами!

Вателье признавался мне, что поначалу члены его группы отнеслись к этой истории не слишком серьезно. Два грудничка... Как установить, который из них выжил? Детективы предполагали, что расследование будет коротким. Не так уж трудно заставить говорить ребенка, даже совсем маленького. Цвет кожи, цвет глаз, группа крови, содержимое желудка, одежда, личные вещи, родственники... Признаков более чем достаточно.

Хотя действовать следовало быстро. На пятки сыщикам наступали орды журналистов, раздувшие эту историю на страницах газет. Вы только

представьте себе: одна сирота на две семьи! К тому же не будем забывать, что решалась судьба девочки. Не могли же ее вечно держать в детском отделении больницы Бельфор-Монбельяра! Все ждали, что следствие быстро сделает правильные выводы и вернет ребенка в семью. Днем 23 декабря, часов около двух, Леонс де Карвиль собрал в Монбельяре целую свору парижских адвокатов — можно лишь догадываться, чего это ему стоило! — которые не сводили глаз с группы Вателье и проверяли каждый ее шаг.

С правовой точки зрения дело выглядело сложным. Правда, министерство юстиции высказалось в первые же часы, поручив расследование комиссариату Монбельяра, но подчеркнув, что окончательное решение примет суд на специальном заседании с участием сторон и свидетелей. Заседание состоится за закрытыми дверями, разумеется. Крайний срок оглашения приговора назначили на конец апреля 1981 года — дольше тянуть было нельзя, чтобы не нанести ребенку, до тех пор остающемуся в больнице Бельфор-Монбельяра, эмоциональной травмы. Надзор за ведением следствия, недолго думая, поручили судебному следователю Жану-Луи Ледриану, известному парижскому юристу, автору десятка работ о детях-отказниках, установлении их личности, процедуре усыновления и т. д. Этот выбор никого не удивил — большего авторитета в данной области просто не существовало.

Уже на следующий день, 24 декабря, Ледриан с грехом пополам собрал рабочую группу — перспектива провести часть сочельника на заседании отнюдь не воодушевила ее участников, — в которую вошли комиссар Монбельяра Вателье, лечащий врач спасенной девочки доктор Моранж и представитель спецслужб из посольства Франции в Турции, общавшийся с остальными по телефону.

Впоследствии они подробно рассказали мне, как проходило это заседание, достойное пера сюрреалиста. Из окна роскошного парижского кабинета на авеню Сюффрен открывался величественный вид на силуэт Эйфелевой башни на фоне белесого зимнего неба. Настроение у всех было мрачным — ничего себе сочельник: ни елки, ни подарков. Дома ждут детишки. А они, призвав на помощь весь свой профессионализм, вынуждены взвешивать на невидимых весах судьбу трехмесячного ребенка.

Судья Ледриан чувствовал себя неуютно — он был шапочно знаком с Карвилями. Сталкивался с представителями этого семейства на паре-другой парижских вечеринок, собирающих в роскошных залах османских домов сотни приглашенных. Я пытался поставить себя на его место. Должно быть, его мозг свербила одна и та же настойчивая мысль: «Только

бы девочка оказалась внучкой де Карвиля! Иначе я буду в полном дерьме...»

Один шанс из двух. Орел или решка.

На первый взгляд, монета не собиралась падать нужной стороной.

Годы спустя, когда я познакомился с судьей Ледрианом, он выглядел в точности так же, как в те времена: строгий, подтянутый, в безупречного кроя костюме, с лиловым шарфом на полтона светлее галстука... Мне казалось непостижимым, как этот человек мог внушать доверие пережившим душевную травму детям и добиваться от них откровенности. Ледриан позаботился о том, чтобы записать заседания комиссии на видео. Он передал мне все пленки — о том, чтобы ответить отказом Карвилям, и речи не шло. Поэтому я гарантирую точность информации, подтвержденную и картинкой, и звуком. Зато в отношении приговора оставляю за вами право на собственное суждение.

— Постараюсь быть по возможности кратким, — заговорил Ледриан. — Мы все торопимся, не так ли? Начну со сведений, касающихся Лизы-Розы де Карвиль. Девочка родилась в Стамбуле чуть меньше трех месяцев тому назад. По-настоящему ее знали только родители, однако Александр и Вероника де Карвиль взяли в самолет, совершавший рейс по маршруту «Стамбул — Париж», абсолютно все, что имело к ней отношение. Игрушки, одежду, фотографии, лекарства, медицинскую карту. И все это сгорело в огне пожара. Сен-Симон, вам удалось добыть какие-либо свидетельства с турецкой стороны?

Из микрофона стоящего на столе телефона, включенного на громкую связь, раздался гнусавый голос посольского спецслужбиста:

— По большому счету, нет. Кроме нескольких турецких слуг, видевших Лизу-Розу через непрозрачную противомоскитную сетку, единственный свидетель, способный провести опознание, — ее шестилетняя сестра Мальвина. Так что сами понимаете...

Ледриан уже нутром чуял, что дело принимает крайне неприятный оборот. В случаях, когда события вырывались у него из-под контроля, он имел обыкновение вставать и дергать свисавший с шеи шарф, выравнивая его концы. Нечто вроде нервного тика. Разумеется, по какой-то необъяснимой причине проклятый шарф норовил сползти то вправо, то влево, даже если его обладатель сидел неподвижно. Комиссар Вателье наблюдал за жестами судьи, едва пряча в бороде улыбку.

— Я имел долгую беседу с дедушкой и бабушкой Карвилями, — произнес он. — В основном, конечно, с Леонсом де Карвилем. Они знали

внучку только по смутным телефонным описаниям. Правда, у них есть фотография новорожденной Лизы-Розы, полученная по почте вместе с поздравительной открыткой...

— Что же показывает эта фотография?

Комиссар Вателье чуть скривился:

— Практически ничего. Мать на снимке кормит ребенка грудью. Лиза-Роза видна со спины. Можно разглядеть шею, ушко, но больше ничего.

Судья Ледриан нервно дернул правый конец шарфа. «Н-да, похоже, дела у Карвилей обстоят неважно...»

С вашего позволения забегу немного вперед. В последующие недели Леонс де Карвиль созвал целую когорту самых уважаемых экспертов, которые пришли к единому мнению о том, что ухо спасенной девочки в точности соответствует уху запечатленной на фотографии Лизы-Розы. Я лично внимательно изучил и отчеты экспертов, и саму фотографию и должен признать, что сделать на ее основании какой-либо вывод — положительный или отрицательный — можно было лишь при условии ярко выраженной научной недобросовестности. Ледриана результаты экспертизы не удовлетворили, и он продолжал изучать генеалогию спасенного ребенка.

— А что насчет дедушки и бабушки Лизы-Розы с материнской стороны? — задал он вопрос.

Комиссар Монбельяра Вателье с грустью посмотрел на Эйфелеву башню, сиявшую огнями не хуже новогодней елки, заглянул в свои записи и сообщил:

— Вероника, мать Лизы-Розы, — четвертый ребенок в семье проживающих в Квебеке Бернье. Всего у них семеро детей и уже одиннадцать внуков. С Александром Вероника познакомилась в Торонто, на семинаре по молекулярной химии, и после замужества практически перестала общаться с родственниками. Тем не менее Бернье вроде бы поддерживают Карвилей, хотя достаточно робко.

— Хорошо. Постараемся что-нибудь о них выяснить, — сказал Ледриан. — Теперь перейдем к Эмили Витраль. Здесь у нас, насколько мне известно, чуть больше свидетельств...

— Да как сказать, — вздохнул Вателье. — Ее медицинская карта, сумка с одеждой, соски-бутылки и прочие слюнявчики тоже ведь сгорели. Вот что точно мне удалось установить. С рождения и до двухмесячного возраста дед с бабкой видели внучку пять раз, в том числе дважды в роддоме Дьеппа, в первую же неделю, и один раз — в день отъезда

родителей девочки, когда Паскаль и Стефани заезжали к ним, чтобы оставить Марка. Девочка в тот раз спала.

Комиссар повернулся к доктору Моранжу. Тот заговорил:

— Я присутствовал при их визите в больницу Бельфор-Монбельяра. Когда им показали ребенка, Витрали его сразу узнали...

— Естественно, — хмыкнул Ледриан. — Естественно. Странно было бы ждать от них чего-то другого...

Судья устало вздохнул и дернул левый конец несчастного шарфа. Комиссар Вателье подал голос:

— А что нам оставалось делать? Положить перед ними четырех пронумерованных младенцев и проводить опознание по всем правилам?

— Почему бы и нет? — проворчал Ледриан. — Сколько времени бы сэкономили...

Комиссар пожал плечами.

— Дело осложняется тем, что у стариков Витралей нет ни одной фотографии ребенка. По их словам, у Стефани был фотоальбом с двенадцатью фотографиями дочки, но она с ним не расставалась. Так что он, предположительно, тоже сгорел.

— А негативы? — спросил судья.

— Жандармерия Дьеппа буквально перерыла всю квартиру молодых Витралей, от пола до потолка, искали эти чертовы негативы. Пока ничего не нашли. Вероятно, Стефани увезла их с собой. Просто забыла вытащить из кармашка фотоаппарата...

Вероятно...

Я потом тоже искал эти чертовы негативы. Фотография ребенка, представляете? Ладно, не буду вас мучить, хотя бы по этому пункту. Скажу сразу: отыскать негативы не удалось. Помимо предположения о том, что они сгорели вместе с самолетом, если вообще существовали не только в воображении Витралей, у меня родилась еще одна гипотеза. Лично я всегда думал, что Леонс де Карвиль организовал проникновение в квартиру Паскаля и Стефани еще до того, как эта идея пришла в голову полицейским, и на всякий случай уничтожил все вещественные доказательства, связанные с ребенком. Он был вполне способен на что-нибудь в этом роде. Можете сами делать вывод о том, какими возможностями он обладал.

Судью Ледриана бросило в пот. Шарф живой змеей скользил у него по плечам. От дела начинало отчетливо попахивать юридической головоломкой.

— Ладно, — сказал он. — Мы рассмотрели почти все вероятности. У Эмили Витраль были другие родственники? Или тут тоже тупик?

— Похоже на тупик, — ответил комиссар Вателье. — Стефани была сиротой. Мать отказалась от нее в роддоме. Девочка воспитывалась в детском доме фонда Отея, в Руане. В шестнадцать лет познакомилась в кафе с Паскалем Витралем и влюбилась в него без памяти. Одним словом, у Эмили — если выжила в катастрофе именно она — в жизни не осталось никого, кроме деда с бабкой, Пьера и Николь Витраль, и старшего брата, Марка.

Судья Ледриан стоял у окна, устремив взгляд вдаль и ввысь, над огнями Эйфелевой башни, словно искал в небе путеводную звезду, способную в ночь на Рождество указать ему путь в свой Вифлеем.

Я мог бы еще долго пересказывать, о чем они спорили, приводя друг другу самые разные аргументы и контраргументы. Помимо пленок с записями заседаний рабочей группы имеются материалы расследования — почти три тысячи страниц, — на протяжении нескольких недель скопившиеся у судьи Ледриана. Я прочел их все. Про документы из своего личного архива я пока не говорю. Не бойтесь, к ним я еще вернусь, во всяком случае, к тем деталям, которые мне представляются важными. Однако я думаю, что вы уже начали понимать, в каком трудном положении оказалось следствие. Перед ним встала дилемма, разрешить которую оказалось не так-то просто.

На какую сторону должна упасть монета? За все эти годы я так и не приблизился к разгадке тайны.

Оставляю вам в наследство все собранные мной доказательства. Попробуйте, может, у вас получится...

Слышу, слышу ваши протестующие возгласы.

А как же наука? Одежда? Анализ крови? Цвет глаз? И все прочее?

Скоро вы все узнаете.

И поверьте, не разочаруетесь.

2 октября 1998 г., 9.35.

Марк проглотил остатки круассана. На часы он больше не смотрел: что толку, если стрелки замерли как приклеенные. Не смотрел на хорошенькую студентку с ярко-синими глазами, сидевшую напротив. Не смотрел на Мариам, вид которой действовал ему на нервы. В баре «Ленин» стоял гвалт. На площади перед университетом, впрочем, тоже. Вряд ли откровения Гран-Дюка снимут все его сомнения, но все-таки он дочитает их до конца.

Потому что Лили так захотела...

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Две недели спустя, 11 января 1980 года, судебный следователь Ледриан снова собрал совещание рабочей группы. Те же персонажи, то же место, тот же кабинет в здании на авеню Сюффрен, — правда, на сей раз заседание проходило в утренние часы. Эйфелева башня дрожала в промозгом тумане. Прохожие, шагая по залитым лужами тротуарам, не видели собственных ботинок. Змеилась очередь туристов под зонтиками. Поблизости от главной достопримечательности Парижа не было ни одного места, где можно было бы укрыться от дождя, даже простых стеклянных навесов.

Проклятье. И погода собачья.

Судья Ледриан чувствовал, что ему грозят крупные неприятности. Начальство прозрачно намекнуло ему, что симпатии наиболее влиятельных в обществе лиц, бесспорно, на стороне Карвилей.

Судья не был глупым человеком, он правильно расшифровал послание. Но работать он мог только с теми данными, которые имелись в деле. Или они рассчитывают, что он займется фабрикацией фальшивых доказательств?

Доктор Моранж завершил свой отчет рассказом о результатах анализа крови. Он принес с собой фотокопии бумаг, испещренных сложными формулами.

— Итак, резюмирую, — сказал доктор. — У спасенной девочки самая распространенная группа крови, А+, как у более чем сорока процентов

французского населения. Из больничных архивов Дьеппа и Стамбула мы узнали, что у Эмили Витраль и Лизы-Розы де Карвиль была та же группа крови. Самая распространенная, то есть А+.

«Естественно», — подумал судья Ледриан.

— А какие-нибудь еще выводы ваши анализы позволяют сделать? — сварливо спросил он.

Моранж терпеливо пустился в объяснения.

— Поймите одно. Анализ крови позволяет исключить вероятное родство, но не подтвердить его. Мы можем утверждать, что родственная связь не исключена только в том случае, если речь идет о наличии мало распространенного резус-фактора или редкого генетического заболевания. Ни того, ни другого у нас не наблюдается. Наука не в силах установить происхождение этого ребенка.

Так и вижу, как при слове «наука» вы презрительно хмурите брови. А как же генетика? Анализ ДНК, тест на установление отцовства и прочее бла-бла-бла? Но не забывайте, что тогда шел 1980 год! Анализы ДНК тогда многим казались научной фантастикой. Первый в мире судебный процесс с привлечением доказательств в виде тестов ДНК состоялся в 1987 году. Так что учитывайте временной фактор. Впрочем, уверяю вас, к вопросу о ДНК мы еще вернемся, — очевидно, что рано или поздно его пришлось бы поднять. Правда, девочка к тому времени успела вырасти, и условия задачи кардинальным образом изменились. А наука... Наука не дает ответов на все вопросы, и вы в этом вскоре убедитесь...

Итак, в 1980 году эксперты, собравшиеся на авеню Сюффрен, делали все, что могли. Доктор Моранж выложил на стол серию фотоснимков.

— Мы обратились к специалистам лаборатории в Медоне. Они разработали компьютерную программу искусственного старения. То есть попытались смоделировать облик ребенка через пять, десять, двадцать лет...

Судья бросил взгляд на снимки и раздраженно произнес:

— Неужели вы думаете, что я стану принимать решение на основе подобного бреда?

В этом он был прав, по меньшей мере частично. На смоделированных фотографиях искусственно состаренная девочка больше походила на Витралей, чем на Карвилей, но сходство было весьма и весьма отдаленным. Адвокаты Карвилей раскритиковали методику в пух и прах. Сегодня, спустя восемнадцать лет, в течение которых я своими глазами наблюдал, как росла и менялась девочка, я могу вам сказать: методика искусственного

старения — действительно полная чепуха!

— Остается цвет глаз, — продолжал доктор. — Единственный характерный признак спасенного ребенка. В таком нежном возрасте у детей редко бывают глаза столь интенсивного голубого цвета. С годами они могут потемнеть, но, как бы там ни было, это генетическая особенность...

Слово взял комиссар Вателье:

— По свидетельству деда и бабушки Витралей, друзей семьи и медицинского персонала роддома, у маленькой Эмили были светлые глаза, с намеком на голубизну. Такие же светлые, как у ее родителей, родителей родителей, да и вообще у всех Витралей. Напротив, со стороны Карвилей мы имеем темные волосы и карие глаза. Со стороны Бернье — то же самое, я проверял.

Судья Ледриан был на грани нервного срыва. Ситуация складывалась явно не в пользу Карвилей. Сыщик его просто бесил. На улице морозящий дождь перешел в ливень. Самые стойкие из туристов продолжали толпиться у подножия Эйфелевой башни, образовав крышу из зонтов, — словно древнеримские легионеры, построившиеся «черепашкой» и готовые штурмовать стены крепости. Судья поднялся и включил в комнате свет. Шарф соскользнул с правого плеча, но он его не поправил.

— Ну и что? — наконец сказал он. — Это лишь предположение, но никак не доказательство. Всем известно, что у темноволосых и кареглазых родителей может родиться ребенок с глазами любого цвета...

— Это правда, — признал доктор Моранж. — Вопрос вероятности, не более того...

Вероятность... Пока она явно не благоволила Карвилям. Хорошо помню, что несколько недель спустя журнал «Наука и жизнь» опубликовал статью, в которой на примере «чудом спасшегося ребенка с горы Мон-Террибль» объяснялось, почему генетика не способна с точностью предсказать внешний облик человека на основе физических данных его родителей. Я всегда подозревал, что публикацию прямо или косвенно организовал Леонс де Карвиль. Слишком уж вовремя она появилась...

Судья по громкой связи обратился к сотруднику посольства в Турции Сен-Симону:

— Что насчет одежды? Черт подери, неужели так трудно выяснить, откуда взялась одежда, которая была на девочке в день авиакатастрофы?

Сен-Симон не дал сбить себя с толку.

— Господа, — спокойно заговорил он. — Напомню вам, что именно было надето на спасшейся девочке. Хлопковое боди, белое платье в

оранжевый цветочек, шерстяная кофточка. Мы можем с уверенностью утверждать, что эти вещи были куплены в Стамбуле, на Большом базаре — так называется крупнейший в мире крытый рынок.

Ледриан перебил его:

— Витрали приехали в Турцию всего на две недели! А в Стамбуле вообще провели не больше двух дней! Логически рассуждая, Эмили Витраль должна была быть одета в вещи, привезенные из Франции. Маловероятно, чтобы родители за несколько часов до вылета во Францию нарядили ее в вещи, приобретенные в Стамбуле! Если боди, платье и кофта, в которые был одет ребенок, куплены в Стамбуле, мне представляется очевидным, что этот ребенок — Лиза-Роза де Карвиль. Девочка родилась в Стамбуле...

Сен-Симон не дал ему договорить:

— Видите ли, господин судья... Позволю себе заметить, что все эти турецкие одежки, о которых мы говорим, относятся к категории дешевых. Я проверил: они не имеют ничего общего с остальной частью гардероба Лизы-Розы, найденной в шкафах виллы в Джейхане. Я вышлю вам подробный перечень. Лизу-Розу одевали исключительно в фирменные вещи, купленные в западном квартале Стамбула, Галатасарае. Но уж никак не на Большом базаре!

Ледриан прервал Сен-Симона, готового представить подробный сравнительный анализ кварталов Стамбула, с точки зрения социальных различий.

— Хорошо, присылайте. Я посмотрю. Вателье, что говорят результаты баллистической экспертизы?

Вателье поскреб бороду, бросил на судью неодобрительный взгляд и заговорил:

— Эксперты попытались реконструировать ситуацию. Установить, в какой именно момент ребенка выбросило из самолета. Нам известно, какое место занимал каждый пассажир. Карвили сидели в десятом ряду, возле иллюминатора, чуть позади кабины; Витрали — в середине салона, на уровне крыльев. Следовательно, оба ребенка находились приблизительно на одном и том же расстоянии от дверцы, смявшейся во время удара, благодаря чему образовалось отверстие, через которое и вылетел ребенок. По последнему пункту у экспертов нет расхождений. Я принес копию отчета. Специалисты с точностью подсчитали силу удара, измерили деформацию двери и пришли к единому мнению: живым из этой ловушки могло выбраться существо весом не тяжелее десяти килограммов...

— Хорошо, комиссар, хорошо, — остановил его судья. В тот день на

нем был горчичного цвета шарф, худо-бедно гармонировавший с бутылочно-зеленым пиджаком. — Вы слышали о теории Леталандье? Если я не ошибаюсь, профессор физики Серж Леталандье доказал: вероятность того, что тело летело по горизонтальной траектории, ничтожно мала; иными словами, с научной точки зрения, менее вероятно, что из самолета выбросило именно Эмили Витраль, потому что она сидела с родителями в середине салона. Что вы об этом думаете, комиссар?

— Откровенно говоря, расчеты Леталандье настолько сложны, что во всей французской полиции, включая подразделение научно-технической экспертизы, не найдется никого, кто осмелился бы их опровергнуть. Однако я вынужден подчеркнуть, что Серж Леталандье — сокурсник Леонса де Карвиля по Политехническому университету и научный руководитель Александра де Карвиля, который писал у него диплом...

Судья посмотрел на комиссара Вателье как на еретика, оскорбившего божество. Он замахал руками и дернул за конец горчичного шарфа — слишком сильно, чтобы уравнять его концы.

— Ну, знаете... Если мы будем подвергать сомнению экспертизу ученых Политехнического...

Вателье улыбнулся:

— Я ничего не подвергаю сомнению. Я в этих вопросах не разбираюсь. Просто сообщаю, что коллеги Леталандье по Политеху, с которыми я встречался, откровенно смеются над его теорией.

Судья вздохнул. Эйфелева башня окончательно исчезла в тумане. «Бедные туристы! Простоять долгие часы под дождем — и ради чего?»

Я мог бы исписать многие страницы всякими техническими подробностями. Привести стенограммы многочасовых заседаний. Но не стану утомлять вас лишними деталями — во всяком случае, пока.

Шли недели, а расследование топталось на месте. Юридический и правовой маразм, в котором оно чем дальше, тем глубже увязало, охладил любопытство широкой публики. Отныне за его ходом следили только заинтересованные лица.

Детективы продолжали искать доказательства.

Журналисты маялись от скуки.

Читатели, в первые дни после «чуда» жадно глотавшие каждую строчку в газетах, устали ждать отсутствующих новостей. Споры экспертов нагоняли на них тоску. Казалось, загадка неразрешима. Когда улеглась суматоха, полиция вздохнула с облегчением: работать в тишине гораздо удобнее. Со своей стороны на них давили адвокаты де Карвиля, не

желавшие предавать результаты расследования слишком громкой огласке. Если бы удалось разобраться с этим делом на уровне высшего чиновничества, оно, несомненно, закончилось бы в пользу Карвилей. Судья Ледриан был разумным человеком.

Последним изданием, печатавшим ежедневные отчеты о ходе следствия по делу «чудом спасшегося ребенка с горы Мон-Террибль», оставалась газета «Эст републикен», хотя с каждым номером эти отчеты становились все короче. Журналистка — ее звали Люсиль Моро, — которой поручили вести эту тему и которая в последние два десятка лет занималась разоблачением самых грязных историй, случавшихся на востоке Франции, а их хватало, вскоре столкнулась с серьезной проблемой. Как называть девочку? Если хочешь сохранять нейтралитет, нельзя использовать ни одно из двух возможных имен — ни Эмили, ни Лиза-Роза. Всякие эвфемизмы типа «чудом спасенный младенец», «сирота со склонов Мон-Террибль», «ребенок, выживший после пожара» и прочее портили стиль ее статей, делали его громоздким и тяжеловесным, тогда как она стремилась писать просто и ясно, так, как нравилось большинству читателей. Вдохновение осенило ее в конце января 1981 года. В то время, вы, наверное, помните, по радио часто передавали песню Шарлели Кутюра, как нельзя лучше подходившую к печальным обстоятельствам нашей истории: «Как самолет без крыла...»

Доведенная до отчаяния медлительностью юридической процедуры и чрезмерной осторожностью судьи Ледриана, в номере «Эст републикен» от 29 января, она опубликовала широкополосную фотографию «спасенной девочки», уже больше месяца запертой в стеклянном боксе детского отделения больницы, а вместо подписи привела три строчки из песни:

«Стрекозка моя!
Твои крылышки хрупки,
А я сижу в разбитой кабине...»

Опыт не обманул журналистку. Теперь каждый, кто слышал песню Шарлели Кутюра, немедленно вспоминал о найденной в заснеженном лесу девочке, ее хрупких крылышках и покореженной кабине сгоревшего самолета. Для всей Франции сиротка стала Стрекозкой. Это прозвище намертво приклеилось к ней. Его приняли даже ее близкие. Даже я.

«Вот идиот!

Стрекозка!»

Мое усердие дошло до того, что я заинтересовался этими уродливыми насекомыми и потратил на их коллекционирование сумасшедшие деньги... Подумать только! Весь этот цирк — из-за прожженной журналистки, озабоченной только тем, как бы вышибить у публики слезу.

Полицейские были настроены менее романтично. Не желая употреблять ни одно из озвученных имен, они изобрели третье — соединив первый слог одного и последний другого. Таким образом из Лизы-Розы и Эмили получилась Лили.

Лили...

Первым перед журналистами назвал девочку этим именем комиссар Вателье.

И оно как-то прижилось. Так что полицейским, выходит дело, тоже бывает свойственна романтика. Стрекозка по имени Лили.

Не Лиза-Роза. Не Эмили.

Лили.

Химера. Странный гибрид двух существ.

Монстр.

Кстати, о монстрах. Пора рассказать вам о той роли, что сыграла в этой истории Мальвина де Карвиль. Самой Мальвине де Карвиль вряд ли понравилось бы, что, заговорив о монстрах, я тут же вспомнил ее. Но вы меня простите. То, что случилось с Мальвиной де Карвиль, можно назвать одним из побочных эффектов трагедии. Если угодно.

Леонс де Карвиль был человеком волевым, решительным и привыкшим добиваться своих целей. Между тем не существовало ни одного вещественного или иного доказательства, позволявшего решить дело в его пользу. И тогда он совершил две ошибки. Две очень грубые ошибки. Ему, видите ли, не терпелось.

Первая касалась его родной внучки, шестилетней Мальвины. Это был жизнерадостный, избалованный ребенок. Разумеется, трагедия, в одночасье лишившая ее родителей и младшей сестры, не прошла для нее бесследно. Но благодаря армии психологов и окружению родственников она постепенно справилась бы с болью и зажила нормальной жизнью.

Все справляются.

Проблема в том, что она была единственным прямым свидетелем. Единственным на свете человеком, общавшимся в Турции в Лизой-Розой в первые два месяца ее жизни. Первые и, возможно, последние...

Способен ли шестилетний ребенок опознать грудничка? Опознать с уверенностью? Отличить его от других?

Вопрос заслуживает обсуждения...

Мальвина была единственным козырем Карвилей против всех утверждений Витралей. Она одна могла сказать, является ли найденный ребенок Лизой-Розой. Леонсу де Карвилю следовало защитить ее, не позволять превращать ее в свидетельницу, выгнать вон детективов — он обладал для этого всеми средствами. Он должен был запретить задавать ей вопросы, оставить ее в покое, отослать куда-нибудь на природу, подальше от мучительного разбирательства, в пансион для детей богачей, где полно внимательных воспитательниц, веселой ребятни и живых зверюшек в огромном парке... Вместо этого он выставил Мальвину напоказ, заставил ее давать показания — десятки и сотни раз, перед судьями, адвокатами, полицейскими, экспертами... Она недели напролет проводила в официальных кабинетах и приемных, в компании с мрачными типами в строгих костюмах и гориллами-телохранителями — от журналистов ее все-таки оберегали.

Мальвина всем, кто ее допрашивал, говорила одно и то же:

«Да, это моя младшая сестра».

«Да, я уверена. Это Лиза-Роза».

Деду даже не приходилось ее подстегивать. Она была убеждена в своей правоте. Не испытывала ни малейших сомнений. Не допускала мысли об ошибке.

Ей показывали одежду, в которой нашли девочку, — и она ее узнавала. Узнавала ее лицо и плач. И готова была поклясться на чем угодно — на Библии или на любимой кукле, — что говорит правду. В свои шесть лет она успешно противостояла старикам Витралям!

С тех пор я имел возможность наблюдать, как Мальвина взрослела... Впрочем, «взрослела» — это слишком громко сказано. Точнее будет назвать этот процесс старением. Одним словом, я видел, как она превращалась сначала в подростка, затем в девушку. Я видел, как она постепенно отдается во власть безумию. Яростному безумию.

Не стану отрицать — я ее боюсь. На мой взгляд, ее место — в психиатрической клинике, под строгим врачебным надзором. Однако я вынужден признать: она не виновата в том, что с ней произошло. Ответственность за случившееся целиком и полностью несет ее дед, Леонс де Карвиль. Он-то знал что делает. Это он добровольно использовал свою внучку в качестве инструмента для достижения поставленной цели. Вопреки всем советам медиков и мольбам жены он сознательно принес в жертву ее душевное здоровье.

Но самое ужасное заключается в том, что это ему не помогло. Ни

капли не помогло!

Потому что Леонс де Карвиль допустил еще одну ошибку, возможно, даже более непростительную, чем первая.

2 октября 1998 г., 9.43.

За последние полчаса Лили ни разу не пошевелилась. Она сидела на мраморном парапете на эспланаде у Дома Инвалидов. Камень холодил ноги, но она не обращала на это внимания. В сухом предзимнем воздухе купол Дома Инвалидов почти сливался с фоном белесого, лишенного красок неба.

Несмотря на морозную погоду, прямо перед ней тренировалось человек десять парней на роликовых коньках. Присутствие случайной зрительницы их не только не смущало, но, пожалуй, даже радовало.

Площадка перед Домом Инвалидов, хорошо знакомая парижанам, не относится к числу главных туристических достопримечательностей. Приезжие предпочитают толпиться на Трокадеро, перед Пале-Рояль, на площади Ратуши или Бастилии. Здесь редко кого встретишь. Особенно — такую красивую девушку. Почитательницу спорта, не боящуюся сидеть на холодном камне.

Зачем она пришла? Хочет с кем-то познакомиться?

Роллеры из кожи вон лезли, чтобы ее не разочаровать. Эспланада спланирована так, что здесь удобно отрабатывать скоростные трюки и сложные прыжки. Спортсмены установили в два ряда пластмассовые чурбачки ярко-оранжевого цвета и изощрялись в мастерстве, стараясь переплюнуть друг друга. Так на средневековых турнирах рыцари сражались за сердце прекрасной дамы.

Лили нравилось наблюдать за тренировкой роллеров, нравилось слушать их крики и смех. Чужое оживление помогало ей сохранять спокойствие. А это было нелегко. Все вокруг рушилось. Она вспомнила про дневник Гран-Дюка. Правильно ли она поступила, отдав его Марку? Прочтет ли он записи детектива? Конечно, прочтет... Но вот поймет ли? У Марка с Кредюлем Гран-Дюком сложились непростые отношения. Нет, Марк никогда не пытался обрести в его лице приемного отца, но все же... Вокруг него в жизни почти не было мужчин, и он тянулся к Гран-Дюку. Кроме того, Марк всегда настаивал на том, что чувствует истину. Инстинктивно, как он выражался. Будет ли он готов к тому, что истина окажется иной?

Все эти вопросы кружились и кружились у нее в голове. Но ответов она не находила.

Лили заметила, что на нее пристально смотрит один из спортсменов. Старше остальных, лет сорока — на висках уже пробивалась седина, — он неизменно побеждал в каждом забеге. Сейчас он сбросил на землю кожаную куртку, выставив на всеобщее обозрение прикрытый майкой мускулистый торс. Обводя цепким взглядом эспланаду, он в конце концов обязательно останавливал свои черные глаза на девушке. Резкими чертами лица и хищной грацией, с какой роллер скользил мимо пластмассовых чурбаков, он напоминал Лили стервятника.

Впрочем, не он занимал ее мысли. Она думала о подарке, переданном Марку. И зловещем спектакле, который перед ним разыграла.

«Будет ли от этого толк?»

Она чувствовала, что в уголках глаз закипают слезы. У нее просто нет выбора. Она должна хоть на несколько дней, хоть на несколько часов отодвинуть Марка в сторону. Защитить его. Когда все будет кончено, она, возможно, признается ему во всем. Если хватит смелости. Он так ею дорожит. Ею? Но кто она такая?..

Она улыбнулась.

«Стрекозка Лили... Господи, да она отдала бы все на свете, чтобы зваться самым обыкновенным человеческим именем. Одним именем!»

Седоватый роллер, проезжая мимо Лили, чуть задел ее плечом. Она вздрогнула, мгновенно сбросив с себя оцепенение. И не смогла сдержать улыбки. Несмотря на холод мужчина-стервятник снял майку, оставшись в одних тесных джинсах, и теперь красовался перед ней голым торсом.

Идеальное тело. Безволосое. Мускулистое.

Он уже без всякого стеснения разглядывал Лили, словно оценивал плюсы и минусы ее сложения. Сходство его с хищной птицей стало еще очевиднее. Он прямо-таки танцевал перед ней брачный танец. Сколько раз ему случалось его исполнять? Сколько девчонок успело попасть ему в лапы?

Неужели он ни разу не получал отказа?

Лили несколько секунд выдерживала его взгляд, в свою очередь довольно бесцеремонно и почти равнодушно рассматривая соблазнителя. Она привыкла к тому, что на нее пялятся незнакомые мужчины. «Неужели она кому-то могла показаться желанной?» Ее это удивляло, потому что она ощущала себя прозрачной...

Она снова погрузилась в собственные мысли. Нечего жалеть себя. В

ближайшее время вопрос о настоящем имени и фамилии не будет для нее приоритетным. Главное сейчас — действовать. Быстро. Ни с кем не советуясь.

Она приняла решение. Теперь, когда ей стала известна правда — страшная правда, — у нее не остается выбора. За свои поступки надо отвечать.

Все случилось так недавно. Вчера. Жизнь пошатнулась. Все закрутилось слишком быстро — хотя непоправимую ошибку она совершила еще раньше. И с того самого дня ее начало затягивать в шестеренки машины, вращающиеся помимо ее воли. Если не сделать рывок, ее перемелет.

Хищник по-прежнему ошивался поблизости. Описывал своими длинными, как ножки циркуля, нижними конечностями круги и не сводил глаз с Лили.

Она смотрела вдаль невидящим взглядом. Она думала о Марке. О том, что заперла его в баре.

Посадила в ловушку. И он пробудет в ней еще пятнадцать минут. Потом, конечно, попробует ей позвонить. Она достала из сумки мобильник и выключила его. Нельзя допустить, чтобы он дозвонился. Марк воспротивится тому, что она затеяла. Будет стараться защитить ее. Говорить о риске, об опасностях, которые ее подстерегают.

Он скажет, что это убийство. Уж она-то хорошо его изучила.

Убийство...

Группа роллеров внезапно сорвалась с места и вслед за седоватым тренером помчалась по направлению к Дому Инвалидов — так стайка ласточек взмывает в небо через секунду после взрыва. Видимо, тренер не на шутку обиделся на Лили, посмевшую остаться равнодушной к его своеобразным ухаживаниям. Оранжевые чурбачки, куртки, майки — все испарилось в единый миг. Остался лишь девственно чистый серый асфальт.

Убийство...

Лили нервно улыбнулась.

Ну, в принципе, да. Можно и так сказать. Убийство.

Необходимое кровавое преступление.

Убить.

Убить монстра и получить шанс еще немного пожить.

Или просто выжить.

2 октября 1998 г., 9.45.

Марк поднял глаза.

На часах 9.45.

«Проклятье, стрелки вообще не двигаются!» У него в душе зарождалось странное предчувствие. Этот подарок от Лили, который Мариам убрала в кассовый ящик, этот спичечный коробок... «А что, если это ловушка? Предлог? Отвлекающий маневр? Что, если этот бесконечно тянувшийся час ожидания понадобился Лили, чтобы успеть убежать, спрятаться, скрыться?»

Но зачем?»

Не нравилось ему все это. С каждой минутой Лили как будто все больше отдалялась от него. Он опустил глаза к тетради. Он уже догадывался, о какой второй ошибке Леонса де Карвиля там пойдет речь. По словам взрослых, ему пришлось быть прямым очевидцем тогдашних событий. Если версия Гран-Дюка совпадает с легендой, бытовавшей на улице Пошоль, рассказ доставит ему удовольствие. Уже кое-что.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Леонс де Карвиль верил, что деньги могут все.

Дело не двигалось с мертвой точки. Несмотря на требование министерства юстиции, к которому присоединился судья Ледриан, завершить разбирательство до достижения ребенком полугода.

Шесть месяцев.

Леонсу де Карвилю этот срок представлялся неоправданно долгим.

Адвокаты в один голос твердили ему, что надо набраться терпения и просто ждать. В конце концов все сомнения будут разрешены в их пользу. Они проведут работу с общественным мнением, и постепенно все, включая прессу, полицию и лично Вателье, согласятся, что правда на их стороне. Доказательств в деле нет, следовательно, оно сведется к спору экспертов. О позиции судьи Ледриана можно не беспокоиться. Витрали — пустое место: ни связей, ни опыта, ни поддержки влиятельных лиц... Но, судя по всему, Леонс де Карвиль, старавшийся производить впечатление надменного равнодушия, чувствовал себя далеко не так безмятежно. И решил, что будет действовать сам — твердо и последовательно, как привык при руководстве

фирмой.

Один. Повинуясь инстинкту.

17 февраля 1981 года он снял телефонную трубку — ему все же хватило ума не доверять дело секретарю — и договорился с Витралями о встрече, которую назначил на следующее утро. Точнее говоря, с Пьером Витралем. Еще одна грубая ошибка с его стороны. Впоследствии Николь мне обо всем рассказала. Во всех подробностях. Не скрывая ликования.

Наутро следующего дня жители улицы Пошоль в Дьеппе с изумлением наблюдали, как перед калиткой Витралей тормозит «мерседес», чей корпус был едва ли не длиннее, чем фасад скромного строения. В дом вошел Карвиль, переодетый в чужую одежду и с черным кейсом в руке — как в шпионском фильме.

Карикатура.

— Месье Витраль! Могу я поговорить с вами наедине?

Пьер Витраль колебался. Зато его жена — ни капли. В сущности, вопрос был адресован именно ей. И она не задержалась с ответом:

— Нет, месье де Карвиль, не можете.

Николь Витраль держала на руках маленького Марка.

— Видите ли, месье де Карвиль, — продолжила она, — даже если я уйду на кухню, то все равно все услышу. У нас довольно тесно. И даже если я уйду к соседям, то все равно все услышу. Такие уж у нас стены. Здесь всегда все слышно. У нас не бывает секретов от соседей. Возможно, потому, что у нас не любят секретов.

Марк хныкал на руках у бабушки. Она села на стул, посадив его на колени и всем своим видом показывая, что не собирается уходить.

На Леонса де Карвиля ее тирада вроде бы не произвела никакого впечатления.

— Как вам будет угодно, — с улыбкой базарного зазывалы произнес он. — В любом случае это ненадолго. Постараюсь изложить вам свое предложение буквально в нескольких словах.

Он сделал пару шагов по комнате, бросил беглый взгляд на стоящий в углу телевизор, по которому шел американский сериал. Гостиная была крошечная — примерно двенадцать квадратных метров, — заставленная оранжевой пластиковой мебелью, модной в шестидесятые-семидесятые. Карвиль остановился на расстоянии меньше двух метров от Витралей.

— Месье Витраль, давайте говорить откровенно. Никто никогда не узнает, чей именно ребенок выжил в катастрофе. Кто эта девочка? Лиза-Роза или Эмили? Никаких вещественных доказательств не существует, и вы всегда будете считать, что это Эмили, так же как я буду верить, что

спаслась Лиза-Роза. Что бы ни случилось, мы с вами будем стоять каждый на своем. Это нормально.

До сих пор Витрали были с ним согласны.

— Даже юристы, — продолжал Карвиль, — даже суд останется в неведении. Ему придется принимать решение, но сказать, верное оно или ошибочное, не сможет никто. Орел или решка. Месье Витраль, неужели вы на самом деле думаете, что судьбой ребенка можно играть, как играют в орлянку?

Витрали молчали, не понимая к чему он ведет. Из телевизора доносились дурацкие взрывы хохота. Николь подошла к телевизору, выключила звук и снова села на стул.

— Я буду с вами откровенен, месье Витраль. И мадам Витраль, конечно. Я навел о вас справки. Не сомневаюсь, что вы точно также поступили в отношении меня.

Николь Витраль все меньше нравилась его самодовольная улыбка.

— Вы достойно воспитали своих детей. Все так говорят. Хотя вам было нелегко. Я узнал, что четыре года назад ваш старший сын Никола погиб, разбившись на мопеде. Я узнал, что у вас, Пьер, больная спина, а у вас, Николь, проблемы с легкими. Учитывая род вашей деятельности, это неудивительно. Я имею в виду, что вам давно следовало бы подыскать себе другое занятие. Ради вас самих. Ради внука.

«Ну вот, добрались и до внука». Николь покрепче обняла Марка, а он снова захныкал.

— К чему вы клоните, месье де Карвиль? — вдруг спросил Пьер Витраль.

— Полагаю, вы уже и сами догадались. Мы с вами не враги. Напротив. В интересах нашей Стрекозки нам следует объединить усилия.

Николь Витраль резко поднялась. Карвиль, увлеченный собственной речью, этого даже не заметил.

— К чему лукавить? — продолжал он. — Я уверен, что вы мечтали дать своим детям и внукам хорошее образование. Мечтали, чтобы они могли ездить на каникулы в другие страны. Мечтали дать им все самое лучшее. То, чего они заслуживают. Дать им в жизни шанс. Но шансы стоят денег. Все на свете имеет свою цену.

Карвиля понесло. Кажется, он уже сам не соображал что говорит. Витрали потрясенно молчали.

— Пьер! Николь! Мне неизвестно, кому из нас Стрекозка приходится внучкой — мне или вам. Но я клянусь, что обеспечу ее выше головы. Буду исполнять любые ее желания. Я сделаю ее самой счастливой девочкой в

мире. Но это еще не все. Я уже говорил, что отношусь к вашей семье с огромным уважением. И я готов оказать вам финансовую поддержку, помочь вам поднять на ноги вашего внука Марка. Я отдаю себе отчет в том, что вам эта трагедия нанесла еще более сильный удар, чем мне. Вам теперь придется работать, работать долгие годы, чтобы прокормить лишний рот...

Николь Витраль подошла к мужу. Ее душила ярость. Леонс де Карвиль чуть помолчал, словно подыскивая нужные слова, и наконец решился:

— Пьер! Николь! Откажитесь от своих прав на ребенка. На Лили. Признайте, что девочку зовут Лиза-Роза. Лиза-Роза де Карвиль. А я торжественно обещаю, что буду заботиться о вас и о Марке. Вы сможете видеться с Лили столько, сколько захотите. Ничего не изменится. Вы останетесь ее дедушкой и бабушкой...

В глазах Карвиля горела мольба, делая его лицо почти человеческим.

— Прошу вас, примите мое предложение. Подумайте о ее будущем. О будущем Лили...

Николь Витраль уже открыла было рот, чтобы ответить, но Пьер ее опередил. Когда он заговорил, его голос звучал на удивление спокойно:

— Месье де Карвиль. Я бы предпочел, чтобы этого разговора не было. Эмили не продается. Марк тоже не продается. Здесь никто не продается. Не все можно купить за деньги, месье де Карвиль. Неужели трагедия с сыном вас этому не научила?

От изумления Леонс де Карвиль утратил остатки спокойствия. Он не привык, чтобы ему читали мораль. На руках у бабушки громко заплакал Марк. Этот плач, наверное, слышала вся улица Пошоль.

— Нет, месье Витраль! Не вам учить меня жизни! Неужели вы думаете, что мне было легко пойти на такое унижение, чтобы явиться к вам сюда? Я предлагаю вам шанс, редкостный шанс, а вам даже не хватает ума им воспользоваться! Гордость — это, конечно, красиво, но...

— Уходите!

Карвиль не двинулся с места.

— Уходите, сейчас же! И чемоданчик свой не забудьте. Сколько у вас там? Во сколько вы цените Эмили? В сто тысяч франков? Хватит, чтобы купить хорошую машину... Или в триста тысяч? Это уже тянет на домик с видом на Северное море — двум пенсионерам в самый раз...

— Здесь пятьсот тысяч франков, месье Витраль. После того как суд примет решение, эта сумма может быть увеличена.

— Убирайтесь вон!

— Вы совершаете ошибку. Вы потеряете все. Из-за своей гордыни. Вам не хуже меня известно, что в суде у вас нет никаких шансов. На меня

работают десятки адвокатов, каждый из которых на «ты» с экспертами и полицейскими, ведущими расследование. Я лично знаком с половиной парижского суда высшей инстанции. Это мой мир, а не ваш. Ваши надежды на честную игру тщетны, и вы знаете это так же хорошо, как я, месье Витраль. Вы знали об этом всегда. Спасенную девочку назовут Лизой-Розой — даже если следствие обнаружит неопровержимые доказательства обратного. Выжила Лиза-Роза. Это так, и иначе быть не может. Я пришел к вам с дружескими намерениями, месье Витраль, хотя меня ничто не вынуждало на этот шаг. Если угодно, я пришел, чтобы частично восстановить справедливость, — в меру своих сил.

Марк заходился плачем на руках у Николь.

— Убирайтесь!

Карвиль подхватил кейс и двинулся к двери.

— Спасибо, месье Витраль. Теперь моя совесть чиста. И это не стоило мне ни сантимата.

Он вышел.

Николь прижала к себе Марка. Она тоже плакала. Она плакала, потому что знала: Карвиль не лгал. Он говорил правду. Витрали давным-давно привыкли к несправедливости судьбы — слишком часто им приходилось с ней сталкиваться. Они стойко переносили все испытания. Но Николь понимала, что они обречены на поражение. Пьер Витраль обвел взглядом гостиную. В углу по-прежнему мерцал экран немого телевизора. Пьеру было плохо, хотя боль в спине отпустила. «Разные виды боли не плюсуются, — подумалось ему, — а как бы накладываются одна на другую, — хоть в этом ему повезло».

Он в последний раз взгляделся в экран телевизора, и в глубине его глаз загорелась искорка сопротивления. Тихо, словно разговаривая сам с собой, он произнес:

— Нет, месье де Карвиль, вы не победите.

С вашего позволения выскажу свое мнение, сформированное годы спустя, на холодную голову. В то утро Карвиль совершил непоправимую ошибку: он разжег в Витралях ненависть к себе. Не будь этого, он скорее всего выиграл бы в суде — тихой сапой. Витрали могли бы сколько угодно возмущаться — никто бы их не услышал.

«Мерседес» еще только выруливал из квартала Полле, а Пьер Витраль уже искал на тесно заставленной полке шкафа газету.

— Что будем делать? — спросила его жена.

— Бороться. Мы его по стенке размажем.

— Как? Ты же слышал, что он говорил. Он прав.

— Нет, Николь. Нет. У Эмили еще есть шанс. Он забыл одну деталь. Все, о чем он говорил, касалось прежнего времени. Это было верно до того, как появилась Стрекозка. До того как Паскаль и Стефани навсегда покинули нас. Но теперь все изменилось. Мы с тобой тоже стали известными, Николь. Люди интересуются нами. О нас пишут в газетах, рассказывают по радио...

Он повернулся и ткнул пальцем в угол комнаты.

— Про нас говорят по телевизору. Наверное, Карвиль не смотрит телевизор и ничего об этом не знает. Но в наши дни телевидение и газеты имеют не меньший вес, чем деньги.

— И что же... Что именно ты собираешься делать?

Пьер Витраль показал на номер телефона, напечатанный на газетной странице.

— Начну с «Эст републикен». Они лучше всех изучили дело. У них есть одна журналистка, она пишет все заметки о крушении самолета. Помнишь?

— Заметки! На прошлой неделе про это было пять строк!

— Вот именно. Лишний довод в нашу пользу. Можешь поискать ее фамилию?

Николь Витраль усадила Марка на стул перед телевизором. Достала из-под журнального столика папку, в которую аккуратно складывала газетные вырезки со статьями, посвященными авиакатастрофе в Мон-Террибль. Ей хватило буквально пары секунд.

— Люсиль Моро!

— Отлично. Терять нам все равно нечего. Так что мы еще посмотрим...

Пьер Витраль снял трубку и набрал номер редакции.

— Это «Эст републикен»? Здравствуйте. Меня зовут Пьер Витраль, я — дед той самой девочки, выжившей после крушения самолета. Да-да, Стрекозки... Мне хотелось бы поговорить с вашей журналисткой Люсиль Моро. У меня появилась важная информация по этому делу...

Пьер Витраль не столько услышал, сколько почувствовал, как на том конце провода поднялась суматоха. Не прошло и минуты, как в трубке раздался странно низкий голос чуть запыхавшейся женщины, от которого у него по спине побежали мурашки:

— Пьер Витраль? Это Люсиль Моро. Вы говорите, у вас есть новости? Это правда?

— У меня только что был Леонс де Карвиль. Он предложил мне пятьсот тысяч франков, чтобы я отказался от претензий на ребенка.

Журналистка молчала не меньше трех секунд, показавшихся Пьеру Витралю вечностью. Наконец хриплый голос заядлой курильщицы разорвал тишину, едва не заставив его подпрыгнуть на месте:

— У вас есть свидетели?

— Весь квартал.

— О господи! Сидите дома. Ни с кем не разговаривайте. Сейчас я все организую. Мы к вам кого-нибудь пришлем.

2 октября 1998 г., 10.00.

Стрелки на часах замерли на отметке 10.00. Наконец-то!

Марк дочитывал очередной фрагмент дневника, одним глазом косясь в тетрадь, а вторым — на часы.

Он захлопнул светло-зеленую обложку, сунул тетрадь в рюкзак и с довольным видом двинулся к стойке. Мариам стояла к нему спиной и мыла стаканы. Марк надавил пальцем на поверхность стойки, словно нажал невидимый звонок.

— Дзинь-дзинь! — писклявым голосом сказал он. — Время!

Мариам повернулась, неторопливо вытерла руки полотенцем, аккуратно сложила его и убрала под стойку.

— Пора! — настойчиво произнес Марк.

— Хорошо, хорошо...

Мариам подняла глаза к часам.

— Ну и ну! Какая точность. Ты своего не упустишь...

— Да уж конечно. Ладно, Мариам, не тяни. Ты же слышала, что сказала Лили. У меня семинар начинается...

Мариам нахмурилась:

— Он меня еще учить будет! Вот твой подарок, держи!

Она открыла ящик, достала крошечный пакетик и протянула Марку. Тот схватил его и развернулся к выходу.

— Не хочешь посмотреть, что там такое?

— Не сейчас. А если там что-нибудь интимное? Сексуальные трусы, например?

— Марк, я не шучу.

— С какой стати я должен открывать это перед тобой?

— Представь себе, я догадываюсь, что там лежит. И кто, скажи на милость, будет тебя поднимать, когда ты рухнешь без чувств на землю?

Марк недоверчиво смотрел на Мариам.

— Ты что, правда знаешь, что в этом пакете?

— Конечно. Ну, более или менее точно. Все всегда поступают примерно одинаково. Когда...

За спиной Марка раздалось фырканье. Нетерпеливый посетитель изучал табачную витрину, уставленную пачками «Мальборо».

— Когда что?

Мариам вздохнула:

— Когда девушка уходит и берет час форы, дурачок. И бросает своего дружка одного у меня в баре!

Марк ничего не ответил. Он вдруг вспомнил про сапфировое кольцо у Лили на пальце. И про туарегский крест, который она не повесила себе на шею. Ему удалось с деланным безразличием пожать плечами.

— До завтра, Мариам. То же время, тот же стол. У окна. Столик на двоих.

Собрав в кулак волю и приказав пальцам не дрожать, он убрал пакет в карман и покинул бар.

Мариам рассчитывалась с покупателем за три пачки сигарет и одновременно смотрела в спину уходящему Марку. Пожалуй, она наговорила лишнего. Ведь она и сама ни в чем не была уверена... Марк и Эмили представляли собой странную парочку, не похожую ни на одну другую. Но вот в чем она ни капли не сомневалась, так это в том, что в ближайшие часы решится судьба Марка, — и он отправился ей навстречу.

Вскоре его одетая в серое пальто фигура исчезла с площади перед университетом, словно растворилась в асфальте. Мариам некоторое время смотрела в окно на толпу спешащих по своим делам прохожих.

«Марк убежал, уверенный, что знает, что должен делать. Но иногда, — думала Мариам, — достаточно одной-единственной песчинки, попавшей в отлаженный механизм, чтобы все полетело в тартарары. Достаточно какой-нибудь малости, чтобы вся твоя жизнь перевернулась с ног на голову.

Достаточно самого пустякового события — незначительного, как взмах стрекозиных крыльев».

Марк быстрым шагом удалялся от бара «Ленин». Ноги несли его по авеню Сталинград, к стадиону «Делон». Плотный поток пешеходов поредел — служащие разошлись по своим конторам. Теперь ему все больше попадались пенсионеры и мамы с колясками. Но метров через пятьдесят улица и вовсе почти опустела. Дрожащими руками Марк разорвал упаковку и небрежно сунул бумагу в карман джинсов. Это оказалась маленькая картонная коробочка. Он открыл ее и перевернул.

Лежавший внутри предмет упал ему в ладонь.

Марк пошатнулся.

В течение нескольких секунд ноги отказывались ему повиноваться. Неуклюже, словно сломанная марионетка, он отошел метра на два назад,

пока не уперся спиной в холодный металл фонаря. Он заставил себя сделать глубокий медленный вдох.

«Спокойно, без паники. Не спеши. Возьми себя в руки».

Часть улицы перед ним оставалась безлюдной, но он знал: стоит ему закричать, сюда сбегутся люди. Нет. Он справится сам.

Против собственной воли он дышал все чаще. Горло сдавило судорогой. Привычные симптомы агорафобии — болезни, появившейся у него в двухлетнем возрасте.

«Дыши спокойнее», — приказал он себе.

Вопреки распространенному заблуждению агорафобия — это вовсе не боязнь открытых пространств или толпы. Это страх оказаться без помощи, когда она понадобится. Страдающий агорафобией в каком-то смысле боится испугаться... В полном соответствии с логикой вероятность приступа повышается в изолированном месте — в пустыне, в лесу, в горах, посреди океана, а также в гуще толпы, в битком набитом зале театра или на трибуне стадиона. И еще на улице — как многолюдной, так и пустынной...

Марк привык к проявлению этих симптомов, и, если приступ был не слишком сильным, обычно умел его перетерпеть. С годами болезнь давала о себе знать все реже. Он научился с ней жить: мог сидеть в переполненной студенческой аудитории, ездил в метро, ходил на концерты.

Он перевел дух.

Дыхание понемногу восстанавливалось. От прикосновения к столбу заныла спина, но он не спешил отрываться от случайно подвернувшейся опоры.

Марк опустил глаза к ладони.

Он держал в руке миниатюрную игрушку.

Самолетик.

Во много раз уменьшенная модель аэробуса А300. Довольно увесистая, отлитая из металла и покрашенная белой краской — кроме сине-бело-красного хвостового оперения. Такие игрушки сотнями стоят на полках в комнатах у мальчишек. Марк сжал самолетик в кулаке.

«Что стоит за этим подарком?

Или это просто шутка?

Проявление черного юмора в дополнение к записям Гран-Дюка?

Чушь какая.

Надо подумать. Может, было что-то еще?»

Марк пошарил в кармане джинсов, достал скомканную обертку и разгладил ее. И чуть было вслух не выругал сам себя. Торопясь добраться до содержимого пакета, он даже не заметил, что внутри лежал листок белой

бумаги. Марк мгновенно узнал почерк Лили. Плотнее прижавшись к фонарному столбу, он начал читать.

«Марк!

Мне надо уехать. Не сердись на меня, я давно дала себе слово, что уеду. Сразу, как только мне исполнится 18 лет. Куда-нибудь далеко — в Индию, в Африку, в Анды... Или в Турцию. За меня не волнуйся, я хорошо переношу самолеты. Я сильная.

Я обязательно выживу. Еще раз.

Если бы я рассказала тебе раньше, ты бы стал со мной спорить. Но если ты подумаешь, как следует подумаешь, как думала я, то согласишься, что по-другому нельзя. Пока остаются сомнения, мы ничего не можем. Поэтому я должна уехать. Подальше от тебя. Я должна подвести черту. И обрубить сухие ветки...

Марк, не пытайся меня разыскивать. Не звони. Мне нужно время. И расстояние.

Мне так кажется.

Когда-нибудь мы оба узнаем, кто мы такие, ты и я. И кто мы друг для друга.

Береги себя.

Эмили».

Марк почувствовал, что снова задыхается. Усилием воли он отогнал хлынувшие в мозг мысли.

«Надо действовать. Срочно».

Он открыл рюкзак, сунул в него самолетик, записку и бумажную обертку. Вдохнул и достал мобильник. Он не зря подрабатывал в компании «Франс Телеком»: аппарат у него был последней модели, с блоком памяти, автоматически сохраняющим номера абонентов. Точно такой же он подарил Лили.

Марк промотал строчки телефонной книги, пока не добрался до Лили. Остановился и нажал зеленую клавишу. Экран осветился и раздались длинные гудки.

Такое бывало и раньше: он звонил, а Лили не снимала трубку. Он знал, что после седьмого гудка включится автоответчик. Когда прозвучал четвертый по счету гудок, он уже все понял.

«Привет, это Эмили. Оставьте сообщение, я вам обязательно

перезвоню. Чмоки».

Марк сглотнул. При звуках голоса Лили у него на глазах появились слезы.

— Лили, это Марк. Перезвони мне, очень тебя прошу. Где бы ты ни была. Пожалуйста, перезвони. Целую тебя. Ты мне очень нужна. Больше всего на свете. Перезвони. Вернись.

Марк нажал отбой. И медленно пошел по Сталинградскому бульвару, повторяя про себя слова Лили.

«Уехать подальше...»

«Подвести черту...»

«Обрубить сухие ветки...»

Что она хотела этим сказать?

Марк был не так глуп, чтобы не понять: восемнадцатилетие Лили — не более чем предлог. История с ее исчезновением напрямую связана с тетрадью Гран-Дюка, которую Лили прочитала ночью. «Что она узнала? О чем догадалась?»

Мы оба узнаем, кто мы такие, ты и я. И кто мы друг для друга...»

Нет! Марк не разделял сомнений Лили. И не было в мире силы, которая заставила бы его изменить свое внутреннее убеждение.

Марк дошел до площади Генерала Леклерка. По улице Габриэля Пери и авеню Полковника Фабьена рядами тянулись в обе стороны автобусы.

Что он может предпринять? Как разыскать Лили? Пойти тем же путем, что и она? Прочитать записи Гран-Дюка до последней страницы? Узнать то, что узнала — или о чем догадалась — Лили?

Марк беззвучно выругался. Он стоял на площади, глядя на вереницы автобусов. Просто сесть и не вставать, пока не дочитаешь эту сотню с чем-то страниц в смутной надежде напасть на нужный след? Это показалось ему невыносимым. Он снова достал мобильник и промотал номера на букву «Р».

Работа.

Там, где он остановился, было слишком шумно, и он отошел в сторонку.

— Алло! Дженнифер! Супер. Это Марк. Извини, но я дико спешу. Мне нужна информация. Лично для меня. Номер телефона и адрес одного мужика в Париже. Записываешь? Гран-Дюк. Это фамилия. Кредюль Гран-Дюк. Знаю, знаю, имечко еще то. Тем лучше. Значит, второго такого не существует...

Дженнифер — его коллега по «Франс Телекому» и ровесница — училась на факультете прикладной лингвистики. Марк подозревал, что,

приложи он минимум усилий, девушка могла бы в него влюбиться. Не отрывая от уха аппарата, он поднял глаза на купол базилики Сен-Дени, увенчанный тремя колоколами.

— Да? Уже нашла? Ты гений!

Марк записал телефонный номер и адрес Гран-Дюка. Поблагодарил Дженнифер и сейчас же стал звонить частному детективу. В пустоте долго звучали длинные гудки, после чего включился автоответчик. Марк чертыхнулся. Ничего не поделаешь, времени у него в обрез.

— Гран-Дюк? Это Марк Витраль. Мне обязательно надо с вами поговорить. Чем раньше, тем лучше. Дело касается Лили. И тетради, которую вы ей передали. Сейчас тетрадь у меня, мне отдала ее Лили. Я начал ее читать. Если вы меня слышите, очень вас прошу, перезвоните мне на мобильный. Я еду к вам. Буду минут через сорок пять...

Марк убрал телефон в карман. Он принял решение. Развернувшись в другую сторону, быстро зашагал по Сталинградскому бульвару к конечной остановке 13-й линии метро. Гран-Дюк жил на улице Бют-о-Кай, в доме номер 21. Марк мысленно представил схему метро. За те два года, что он жил в Париже, Марк научился определять свое местонахождение в городе, не заглядывая в план. 13-я линия, направление «Шатийон-Монруж». Надо доехать до центра через станции «Сен-Лазар», «Елисейские Поля», «Дом Инвалидов» и «Монпарнас». Бют-о-Кай, кажется, расположена на 6-й линии, по направлению к «Насьон», где-то между «Гласьер» и «Площадью Италии». Пересадку в любом случае придется делать на «Мон-Парнасе». Всего остановок двадцать, может, чуть больше.

Несколько минут спустя Марк снова стоял перед зданием университета «Париж VIII» на улице Ленина. Он бросил беглый взгляд в сторону бара Мариам и нырнул в метро. В переходе, сразу за первым поворотом, там, где не так сильно дуло, на полу, на расстеленной грязной простыне, спал бомж. Рядом с ним лежала тощая пегая дворняга. Бомж даже не просил милостыню. Марк на ходу положил к его ногам монету в два франка. Собака подняла голову и удивленно посмотрела ему вслед. Марк уже два года ездил в парижском метро, но продолжал подавать нищим, сохранив эту привычку с тех времен, когда жил в Дьеппе. Ее привила ему бабушка, никогда не проходившая мимо человека с протянутой рукой. Она терпеливо объясняла внуку, что такое человеческая солидарность, почему не надо бояться бедных и как преодолеть собственный стыд перед подающим. Отныне, где бы он ни находился, в Париже, Дьеппе или любом другом городе, он просто не мог поступать иначе. Денег на раздачу милостыни уходило немерено. Лили

подсмеивалась над ним. Ни один парижанин не обращает внимания на попрошаек! Ну, значит, он так и не стал парижанином.

На платформе в сторону «Сен-Дени-Пари» было пустынно. «Отлично, подумал Марк. Ехать ему минут сорок пять, двадцать с лишним остановок. Успеет прочитать еще кусок из тетради Гран-Дюка. Может быть, что-то прояснится.

Может быть, он сумеет напасть на след Лили».

Ему не давали покоя три слова из ее записки.

«Обрубить сухие ветки...»

«Что Лили хотела этим сказать?»

Какие сухие ветки она собралась обрубить?»

К платформе подошел поезд. Марк сел в вагон и достал светло-зеленую тетрадь.

У него мелькнула сумасшедшая идея, которая чем дальше, тем больше овладевала его мыслями. «А что, если этот самолетик — просто отвлекающий маневр? Что-то вроде театральной декорации? Ведь Лили рассказала ему далеко не все. Например, это кольцо. Кольцо с сапфиром. Откуда оно у нее? Слишком много неясного...

А что, если Лили и не собирается никуда уезжать, тем более — далеко? Если она преследует совсем другую цель?

Отделаться от него.

Чтобы не мешал. Потому что она затеяла нечто опасное. Рискованное.

А он ни за что не позволил бы ей пойти на риск.

Обрубить сухие ветки...

А что, если Лили узнала истину и разработала план мести?»

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Преимущество сотрудничества с региональной прессой заключается в том, что провинциальным газетам, в отличие от столичных, не так часто попадают под руку сенсации. Даже когда чрезвычайные происшествия случаются у них под носом, в их собственном саду, парижские журналисты ухитряются прибыть на место первыми и уже в вечерних выпусках публикуют интервью с главными участниками события. Но если уж местная печать добывает информацию, способную заинтересовать всю Францию, она своего не упускает... Мало того, ее сотрудники проявляют чудеса изобретательности, чтобы выжать из подвернувшейся горячей новости все, до последней капли.

Ровно четверть часа спустя после звонка Пьера Витраля в редакцию на улицу Пошоль примчался корреспондент «Энформасьон дьепуаз». Люсиль Моро действовала стремительно. «Эст републикен» принадлежал к тому же медиа-холдингу, что и местное еженедельное издание «Энформасьон дьепуаз». Корреспондент получил задание побеседовать с Витралями и сделать фотографии, после чего должен был переслать все материалы факсом в головной офис холдинга в Нанси. Люсиль Моро тем временем взялась оповестить местные телевизионные каналы «Франс-3 Франш-Конте» и «Франс-3 Верхняя Нормандия». Расчет был на то, чтобы на следующее утро взвинтить тираж до максимума: следовало растормошить общественное мнение, передав телеканалам крохи сенсационной информации и сообщив, что эксклюзивное интервью с Витралями будет опубликовано в завтрашнем номере «Эст републикен», на второй странице. В тот же вечер все государственные каналы воспроизвели краткий репортаж местного телевидения. Съёмочная группа «ТФ1» даже попыталась опросить Леонса де Карвиля, подкараулив его возле дома в Куврэ. Пока подросли адвокаты, запретившие ему отвечать на вопросы журналистов, он много чего наговорил, подлив масла в огонь разгоравшегося скандала.

Нет, он не намерен ничего отрицать.

Да, он предложил Витралям денег.

Да, он глубоко убежден, что спасенная девочка — его внучка Лиза-Роза. К подобным действиям его побудило благородство и жалость к Витралям, что, по его мнению, примерно одно и то же. Разумеется, Господь

пощадил его, а не их семью. Иначе и быть не могло.

На следующий день, 18 февраля 1981 года, выступая в прямом эфире в десятичасовой новостной радиопрограмме, он добавил:

— В случае сомнений, если суду не удастся установить истину, необходимо поставить во главу угла интересы ребенка. В идеале следовало бы предоставить право решения самой девочке. Как вы думаете, какое будущее для себя она выбрала бы? То, какое предлагаю я, или то, какое смогут обеспечить ей Витрали?

Работая над этим делом, я убедился, что любая медийная кампания действует по принципу снежного кома, несущегося с горы. Запустить его нетрудно, но вот попробуй останови. Если вы еще помните подробности «Дела Стрекозки», то наверняка именно в связи с газетной шумихой, разразившейся за несколько недель до начала судебного процесса. С февраля по март 1981 года пресса муссировала всего две темы: выборы президента и судьбу спасенного ребенка. Франция раскололась на две части. Упрощая ситуацию до карикатуры, можно сказать, что разлом прошел по линии богатые — бедные. Следовательно, образовалось два неравных по величине лагеря. Если провести воображаемую линию, делящую французов по среднему уровню доходов, то в верхней части народу окажется намного меньше, чем в нижней. Итак, подавляющее большинство людей встали на сторону Витралей, которые теперь все чаще появлялись на телевизионных экранах, в радиопередачах и газетных интервью. Представьте себе роман с продолжением, которому не видно конца!

Карвилю, хочешь не хочешь, досталась в этом деле роль злодея. Кстати, именно в это время во Франции показывали мыльную оперу «Даллас». Внешне Леонс де Карвиль ничем не напоминал Джона Росса Юинга, но это не помешало зрителям провести параллель между ним и несимпатичным киногероем. Слишком уж сюжет был хорош. Тем более что Джон Росс де Карвиль вполне мог, как в «Далласе», победить в схватке.

Саспенс. Волнения.

Возможно, в ту пору вы тоже присоединились к одному из лагерей?

Лично я — нет. Мне в то время было глубоко наплевать на «Дело Стрекозки». Все его подробности я узнал гораздо позже, когда вел кропотливое и долгое расследование. В феврале 81-го я по-прежнему занимался махинациями в казино, с баскского побережья перебрался на Лазурный берег и на Итальянскую Ривьеру. Слежка, слежка... Занудная

работа, приносившая все меньше дохода. Впрочем, помню, как-то поздним вечером, притащившись к себе в гостиничный номер, я включил телевизор и поймал кусок передачи, похожей на то, что впоследствии стало именоваться реалити-шоу. Героиней программы была Николь Витраль. Именно она постепенно взяла на себя общение со СМИ. Что до Пьера Витраля, то хоть он и запустил всю эту адскую машину, но управлять ею вскоре отказался. Избегал журналистов. Мне кажется, если бы он смог остановить шумиху, то охотно сделал бы это и предоставил суду самостоятельно разбираться кто прав, а кто нет, даже рискуя все потерять.

Николь Витраль в то время было лет сорок семь. Молодая бабушка. Красавицей в классическом смысле слова она не была, но относилась к числу женщин, которых телевизионщики — и я вслед за ними — привычно именуют «хорошей натурой». Общительная, живая, но главное — убежденная в том, что сражается за святое дело. Она представляла великомученицей, готовой любой ценой отстаивать свою правоту. Вела себя искренне, говорила с неподражаемым провинциальным акцентом, казалась простой и милой. На телевизионном экране все это выглядело восхитительно. Ее лицо, загрубевшее под йодистыми ветрами Ла-Манша, не годилось для крупных планов. К тому же в свои сорок семь она довольно-таки ощутимо располнела. Одним словом, прямая противоположность топ-модели.

Как ни удивительно, случайно увидев по телевизору эту невысокую женщину и ничегошеньки не зная ни про сущность дела, ни про ее личный крестовый поход, я испытал непонятное возбуждение. Я имею в виду физическое.

Думаю, что не я один. Во-первых, ее глаза. Голубые, искристые... Такие глаза бывают у людей, умеющих бросать вызов судьбе и презирать несчастья. Но главное — грудь. Николь Витраль всегда носила платья с глубоким вырезом или открытые джемперы, туго обтягивающие пышные формы, какими наградила ее природа. Должно быть, догадывалась, что этак торгую на пляжах Дьеппа идет лучше. Сверху она обычно надевала жилет или пиджак, который время от времени пыталась застегнуть, что придавало ее облику особую пикантность. В дальнейшем я часто наблюдал за ней и убедился, что этот жест превратился у нее в своего рода тик или рефлекс: вы разговариваете с ней и в какой-то момент на миг отводите глаза — и в ту же самую секунду Николь Витраль, не прерывая беседы и даже, пожалуй, не замечая что делает, стягивает на груди жилет, прикрывая грудь, чтобы в следующую минуту его полы снова разошлись.

Странная, волнующая игра, неизменно производившая на меня

неотразимый эффект.

На телеэкране он проявлялся с особенной силой. Ее грудь то пряталась, то снова открывалась, ввергая в смущение ведущего. Однако стоило ему обратиться с вопросом к другому участнику передачи, как оператор непременно переводил камеру на Николь — та, уверенная, что на нее пока не обращают внимания, прекращала дергать свой пиджак, и телезрители могли насладиться видом ее восхитительной груди.

В феврале 1981 года Николь Витраль своим нестандартным шармом потрясла всю Францию. Меня она в тот вечер тоже потрясла, хотя я пока не был с ней знаком, — наша первая встреча состоялась несколько месяцев спустя. Она продолжала волновать меня все эти восемнадцать лет. Она и сегодня не дает мне покоя, хотя ей уже шестьдесят пять. Примерно столько же, сколько и мне.

Вы уже догадались, что позиция Витралей и малышки Эмили в суде кардинально изменилась. Лучшие адвокаты Франции — за исключением тех, что работали на Карвиля, — предложили семейству из Дьеппа свои услуги. Разумеется, бесплатно. Реклама в этом деле стоила любых гонораров, к тому же на их стороне было общественное мнение. Золотая жила! Так что с точки зрения профессионализма юристов силы в борьбе сравнялись.

Первым, что предприняли новые адвокаты Витралей — компетентные, влиятельные, известные, — было объявление форменной войны судье Ледриану. Они обвиняли его в пристрастности, убежденные, что он подыгрывает де Карвилям. Еще бы. Ледриан и Карвили принадлежали к одним и тем же кругам общества. «Лайонз клуб», Ротари-клуб, масонская ложа, ужины в посольстве и прочая, прочая, прочая — ему припомнили все, и далеко не все упреки носили невинный характер. В конце концов министерство юстиции поддалось давлению. 1 апреля судья Ледриан подал прошение об отставке — несмотря на дату это был не розыгрыш. Вместо него назначили молодого судью Вебера, возглавлявшего Страсбургский суд, — коротышку и очкарика, представлявшего собой нечто среднее между Элиотом Нессом^[4] и Вуди Алленом. Никто ни разу не усомнился в добросовестности Вебера — даже Карвили.

Процесс начался 4 апреля. Все понимали: ровно через месяц решение будет принято. Судье придется сделать выбор. Стороны сходились в одном: никакого компромисса. Никаких двусмысленностей типа двойного имени или совместной опеки — неделю в одной семье, каникулы — в другой.

Монстра, искусственно слепленного из двух личностей, не желал никто.

Судья Вебер должен был рубить по живому. Решать вопрос жизни и смерти. Буквально: решать, какая девочка погибла, а какая осталась жить. Роза-Лиза де Карвиль или Эмили Витраль? Я до сих пор мучаюсь тем же вопросом. Какому другому судье выпала участь своей волей убить одного ребенка, чтобы второй мог жить? Быть спасителем и палачом в одном лице? Одна семья получала все, другая — все теряла. Но все сходились во мнении, что так будет лучше.

Рубануть.

Конечно. Но кого отсечь?

Позже я десятки раз перечитывал тома дела — сотни страниц, имевшихся в распоряжении судьи Вебера. Я потратил много часов, слушая магнитофонные записи выступлений свидетелей. Годы спустя я получил к ним доступ благодаря хлопотам Карвилей...

Отчеты, анализы, экспертизы... И каждый документ мог быть истолкован как в одном смысле, так и в противоположном. Заседания свелись к спорам между специалистами, приглашенными сторонами. Равнодушных среди них не было. Об объективности никто не вспоминал. Шли дни, но никаких дополнительных сведений добыть не удавалось. Точно установлено было одно: у ребенка голубые глаза. Как у Витралей. Витрали вели по очкам, хотя отрыв был минимальным, пока адвокаты де Карвилей в последний момент не откопали где-то дальнюю родственницу с голубыми глазами... Приехали.

Я бы не удивился, если бы мне сказали, что судья Вебер приносит на процесс монету, которую незаметно подбрасывает в кармане, на ощупь пытаюсь определить, где орел, а где решка.

Адвокаты Карвиля делали все, что было в их силах, чтобы сгладить негативные последствия демарша, предпринятого их клиентом. Они лезли из кожи вон, чтобы улучшить его имидж и склонить на его сторону общественное мнение. Задача практически неосуществимая, и все-таки кое-что им удалось. Они обрушились с атакой на так называемый «клан Витралей». Под «кланом» подразумевались не только Пьер и Николь, но и весь их квартал, даже весь город...

Леонс де Карвиль противостоял «клану», настроившему против него общество, в одиночку — исполненный достоинства и несокрушимо верящий в правоту своих принципов. Адвокаты заставили его играть роль пострадавшего, роль человека жесткого, но справедливого и честного, который всю свою жизнь бился, чтобы преуспеть, а теперь лишался права на заслуженный отдых. Права быть просто дедом. Да, он, подобно героям

нравоучительных романов Марселя Паньоля, совершал ошибки, ну так что же? В конце книги, когда персонаж получает по заслугам, читатель, вместо того чтобы воскликнуть: «Так тебе и надо!», плачет от жалости к несчастному.

Именно эту роль адвокаты навязали Леонсу де Карвилю — роль пораженного молнией могучего дуба. И в публике, а также среди журналистов зародились сомнения. «А может, Карвиль говорит правду? Может, мы все повелись на картинку, представленную Витралями, на их бедность — в конце концов, зачем они так настойчиво выставляют ее напоказ? Неужели мы повелись на Николь Витраль с ее пышной грудью?

Да, адвокаты де Карвиля не зря ели свой хлеб...»

Дело шло к ничьей. Несмотря на установленный жесткий срок поползли слухи, что вынесение приговора будет отложено. Команды сравнялись в счете.

И вот тогда, в последний день судебного заседания, в игру вступил молодой адвокат Витралей мэтр Легерн. Впоследствии он сделал блестящую карьеру — это уж вы мне поверьте. Сейчас у него своя контора в четырехэтажном здании на улице Сент-Оноре. Но в 1981 году он был никто. Просто входил в число адвокатов, бесплатно защищавших Витралей. Отсюда мораль: нет ничего выгоднее, чем отстаивать в суде интересы вдов и сирот.

Легерн тщательно подготовился к выступлению. Он попросил судью Вебера предоставить ему слово последним, словно намекал, что в последний момент вынет из рукава недостающее вещественное доказательство...

2 октября 1998 г., 10.47, вокзал Сен-Лазар.

От шума Марк вздрогнул и повернул голову. Двери раздвинулись, и с платформы в вагон, до этого почти пустой, хлынула толпа. Народу набилось не так много, как в утренние или вечерние часы пик, но все равно порядочно, и Марку пришлось встать с откидного сиденья, которое хлопнуло о стену с металлическим лязгом. Марк забился в угол, плотно прижавшись к стеклу. Тетрадь из рук он так и не выпустил. Он стоял, слегка расставив ноги, чтобы не упасть. Мужчина рядом с ним, едва не заехав Марку по носу, вытянул руку, чтобы схватиться за верхний стальной поручень. Во второй руке он держал детектив в бумажной обложке, который с упоением читал. Марк слегка развернулся и снова уткнулся в тетрадь. От толчков вагона строчки, написанные мелким почерком Гран-Дюка, плясали перед глазами, но Марк не сдавался.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Мэтр Легерн поднялся на возвышение. В тот день, 22 апреля 1981 года, в зале суда собралось человек тридцать — члены обеих семей, их родственники, адвокаты, свидетели, полицейские. Легерн первым делом обратился к полицейским.

— Господа! — произнес он. — Скажите, имелось ли на спасенной девочке какое-либо украшение? Цепочка? Кулон? Браслет?

Члены следственной группы недоуменно переглянулись. Комиссар Вателье, сидевший в первом ряду, закашлялся. Разумеется, нет! Если бы на ручке ребенка был надет браслет с выбитым на нем именем «Лиза-Роза» или «Эмили»! К чему клонит этот молодой нахал?

— Хорошо, — продолжил Легерн. — Мадам Витраль, скажите, носила ли малышка Эмили какое-либо украшение? Цепочку или браслет?

— Нет, не носила, — ответила Николь Витраль.

— Вы уверены в этом?

— Да.

Николь Витраль судорожно вздохнула, подавляя готовое вырваться рыдание, и сказала:

— Нет. Мы собирались подарить Эмили именной браслет ко дню крещения, после их возвращения из Турции. И заказали его в ювелирной

мастерской «Лесер», в Офранвиле. Но не успели...

На сей раз она не смогла сдержать слез. Порывшись в сумке, она извлекла небольшой красный футляр удлиненной формы и протянула его судье Веберу. Затем сама открыла футляр и достала миниатюрный серебряный браслетик.

Хрупкая, бесполезная вещица.

По залу пронесся ропот волнения, затронувший даже скамью, на которой сидели Карвили.

На центральной плашке нарочито детским неправильным почерком было выгравировано: «Эмили» и дата рождения: «30 сентября 1980».

Позже я узнал от Николь Витраль, что эта сцена была заранее отрепетирована. Крещение действительно было назначено на будущий месяц, но браслет они пока не заказывали. Инсценировка была рискованной, но прошла на «ура». И момент был выбран точно. Момент для нанесения смертельного удара.

Молодой адвокат повернулся к Леонсу де Карвилю.

— Месье де Карвиль! Скажите, у Лизы-Розы было какое-либо украшение? Например, браслет?

Карвиль с тревогой смотрел на своих адвокатов. Судья Вебер повторил вопрос:

— Месье де Карвиль, прошу вас ответить мэтру Легерну.

Карвиль открыл было рот, но Легерн не дал ему заговорить.

Жестом фокусника он достал из толстой красной папки фотокопию счета, и не откуда-нибудь, а из дорогого ювелирного магазина «Филипп Турнер» на Вандомской площади.

Судья Вебер изучил счет. Он был выписан за золотой браслет, на котором было выгравировано имя «Лиза-Роза» и указана дата: «27 сентября 1980». На счете стояло число — 2 октября 1980 года. Неделю спустя после рождения Лизы-Розы.

Счет не доказывал ничего, равным счетом ничего, но Карвилям впервые за весь процесс пришлось оказаться в оборонительной позиции, а никаких контраргументов у них заранее припасено не было.

— Месье де Карвиль, — продолжал Легерн. — Скажите, обычно Лиза-Роза носила на ручке этот браслет?

— Откуда мне знать? Я послал его сыну в Турцию сразу после рождения Лизы-Розы. Но, думаю, они надевали его девочке лишь изредка, по каким-нибудь особенным случаям. Это было дорогое украшение.

— Вы думаете? Или знаете наверняка?

— Я предполагаю.

— Благодарю вас.

Мэтр Легерн извлек из красной папки еще одну фотокопию — открытки, на которой стоял почтовый штемпель турецкого города Джейхана.

— Месье де Карвиль, вы действительно получили от вашего сына эту открытку через месяц после рождения Лизы-Розы?

— Где вы ее откопали? — рявкнул Карвиль.

— Вы получили эту открытку? — невозмутимо повторил адвокат.

Карвиль признался, что, да, получил. У него не было выбора. Дуб скрипел и шатался под порывами ветра.

— «Дорогой папа», — начал читать Легерн. — Я пропускаю детали, но вот пассаж, который способен нас заинтересовать. «Спасибо за браслет. Невероятно красивый. Должно быть, обошелся вам в кучу денег. Лиза-Роза теперь постоянно носит его на ручке. Сразу видно, что она — француженка».

Легерн замолчал. Молчал и потрясенный зал.

Мне не удалось выяснить, кто продал Карвилей. Подозреваю, что какой-нибудь мелкий служащий. Легерну эта открытка, наверное, стоила состояния. Она и правда была на вес золота. Хотя все в мире относительно. Если сравнить цену открытки со стоимостью четырехэтажного особняка на улице Сент-Оноре...

— Это ничего не доказывает! — возмутился адвокат Карвилей. — Это просто нелепо! Браслет мог быть убран в багаж. Его могло сорвать с руки ребенка во время падения...

Легерн ликовал:

— Был ли обнаружен браслет — или другое похожее украшение — на участке леса вокруг упавшего автобуса? Насколько мне известно, полицейские обыскали там каждый квадратный сантиметр территории...

В зале заседаний повисла тишина. Молчал и комиссар Вателье. Он сидел, сунув руки в карманы кожаной куртки, подавленный тем, что молодой честолюбец в черной судейской мантии сделал за него его работу.

— Разумеется, нет. Не так ли, комиссар? Обнаружены ли на ручке ребенка какие-либо следы оторвавшегося браслета? Хотя бы крохотная царапинка или покраснение?

Он сделал хорошо рассчитанную паузу.

— Разумеется, нет. Врачи внимательнейшим образом осмотрели девочку и ничего подобного не заметили. Идем дальше. Обнаружена ли на запястье девочки полоска более светлой, незагорелой кожи, какая остается у каждого, кто постоянно носит на руке браслет?

Время в зале суда, казалось, остановилось.

— Разумеется, нет. Благодарю вас, у меня все.

Мэтр Легерн вернулся на свое место. Адвокаты Карвиля попытались опротестовать заявление Легерна, обвиняя последнего в театральности. «Браслет или его отсутствие не может являться доказательством», — настаивали они. Легерн пропустил упреки мимо ушей. Он знал: чем активнее они защищаются, тем больший вес приобретает его версия.

Если именно браслет был таким пустяком, почему Карвиль не сообщил о его существовании органам правосудия?

По прошествии времени можно сказать, что вся эта история с браслетом имела не больше значения, чем все остальное. Некоторое сомнение в умах она могла бы посеять, но не более того. Однако на той конкретной стадии процесса браслет превратился в вещественное доказательство, свидетельствующее против Карвилей. Он стал тем самым новым элементом в деле, которого все с нетерпением ждали с начала расследования. Даже притянутый за уши, даже легковесный, этот новый элемент оказался в состоянии изменить баланс сил и перевесить чашу весов...

Судья Вебер уставился на Леонса де Карвиля долгим пристальным взглядом. Бизнесмен солгал. Это была ложь умолчанием, но все-таки ложь. Ложь, разоблаченная противной стороной. Одного этого могло хватить, чтобы решить дело не в его пользу. Тем более что больше ухватиться было просто не за что.

В сомнении воздерживайся...

Возвращаясь к браслету Карвилей, добавлю, что я потратил на его поиски долгие годы. Подумать только, сколько сил и энергии ушло у меня на изучение этого следа... И ведь я до него чуть было не добрался! Если бы да кабы... Впрочем, простите меня, я снова забегаю вперед...

Судья Вебер вынес решение несколько часов спустя. Девочку, спасшуюся при крушении самолета в Мон-Террибль, зовут Эмили Витраль. Официальными опекунами ребенка, равно как и опекунами Марка Витраля, назначаются Пьер и Николь Витраль, дед и бабка означенных детей.

Лиза-Роза де Карвиль умерла, вместе со своими родителями заживо сгорев в пожаре, вызванном крушением аэробуса 5403, совершавшего рейс «Стамбул — Париж».

Адвокаты Карвиля собирались подавать апелляцию, задействовать любые доступные механизмы влияния. Леонс де Карвиль не позволил им этого сделать. Пораженный молнией дуб из сценического образа превратился в реальность.

На протяжении следующего года он с интервалом в пару месяцев перенес два сердечных приступа, навсегда приковавших его к инвалидному креслу в состоянии овоща. Логично.

2 октября 1998 г., 10.52.

— Спрячь труп Гран-Дюка!

Голос Матильды де Карвиль из телефонной трубки звучал безапелляционно.

— Послушай, ба... — Мальвина де Карвиль все же попыталась протестовать.

— Спрячь труп Гран-Дюка, я тебе сказала! Куда угодно. В стенной шкаф, под кровать. Нам надо выиграть время. К нему может кто-нибудь прийти. Соседка, домработница, любовница... Они вызовут полицию. Идиотка, ты оставила свои отпечатки по всему дому! Немедленно все там вытри, слышишь?

Мальвина закусил губу. «Бабка права, она действовала как последняя дура». Мальвина ходила по гостиной туда-сюда, между трупом Кредюля Гран-Дюка и вивариумом с издыхающими насекомыми. Хорошо, она все сделает, но ей надо поторапливаться.

Он вот-вот сюда нагрянет.

— Ба, тут вот еще что...

На том конце провода Матильда де Карвиль на секунду остановилась. В одной руке она держала телефонную трубку, а другой подстригала длинный ряд розовых кустов. По тону внучки она мгновенно поняла, что речь идет о чем-то серьезном.

— Что там еще, Мальвина?

— Гран-Дюку звонил Марк Витраль. Минут пять назад. Оставил сообщение на автоответчике.

Матильда де Карвиль сдержала готовое вырваться восклицание, чтобы не перебивать внучку, поднесла секатор к сухой ветке и точным движением отрезала ее.

— Он сказал, что хочет увидеться с Гран-Дюком. Приедет примерно через полчаса. На метро. Это касается Лизы-Розы. И еще... Еще он сказал, что у него тетрадь с записями Гран-Дюка. Лиза-Роза ее уже прочитала, вчера. А сегодня утром передала ему...

На землю упала еще одна ветка. Черное платье Матильды де Карвиль усеяли увядшие лепестки.

— Тем более поспеши, Мальвина. Сделай, как я тебе сказала. Сотри

свои отпечатки и уходи оттуда.

— А что потом, ба? Что потом?

Матильда де Карвиль не сразу нашлась с ответом. Секатор с разверстыми челюстями замер в ее руке. «До какой степени она может рассчитывать на Мальвину? Каков риск того, что внучка вырвется из-под ее контроля? И к чему это приведет?»

— Послушай, Мальвина. Побудь там где-нибудь поблизости. Марк Витраль не знает тебя в лицо. Спрячься на улице. Посмотри, что он станет делать. Проследи за ним. Но больше ничего не предпринимай. И позвони мне, как только его обнаружишь. Ты меня поняла? Больше ничего не предпринимай! Но главное, спрячь тело!

— Поняла. Ладно, ба...

Обе повесили трубки одновременно.

Стальные челюсти сжались на розовом стебле.

Матильда де Карвиль знала, насколько сильно Мальвина ненавидит Витралей. Знала она и то, что ее внучка расхаживает по улицам с маузером. Заряженным. В рабочем состоянии — в этом она не сомневалась. Может быть, разумнее было бы постараться не допустить, чтобы Мальвина столкнулась с Марком Витралем на улице Бют-о-Кай, возле дома Гран-Дюка?

Разумнее!

Матильда де Карвиль давным-давно вычеркнула это слово из своего словаря.

Самое простое — положиться на волю судьбы и Всевышнего. Как она делала всегда.

Матильда улыбнулась сама себе и с поразительным мастерством продолжила обрабатывать розовые кусты. Ее длинные пальцы обладали странным даром выхватывать нужный стебель, ни разу не уколовшись ни об один шип, и пригибать его, подводя под бритвенно-острые лезвия секатора. Матильда де Карвиль работала быстро, машинально, почти не глядя на руки, — так опытная швея орудует иглой, не опуская на нее глаз.

Элегантное черное платье Матильды было запачкано землей, на него налипли сухие травинки и розовые лепестки. Она не обращала на это внимания. Повернув голову, она посмотрела на «Розарий» — свой огромный парк. Леонс де Карвиль сидел в инвалидном кресле посреди лужайки, под высоким кленом. Его голова упала набок. Их разделяло около тридцати метров, но Матильда слышала его храп. «Надо бы кликнуть Линду, сиделку, — пусть поднимет ему голову. Подушку под шею подложит, что ли. И вообще, пора завезти его в дом, на улице свежо».

Она пожала плечами. «К чему все это?»

Вот уже скоро семнадцать лет, как ее муж пребывал в подобном растительном состоянии. С первым инфарктом он справился, хотя она видела, чего ему это стоило. Он мужественно переносил боль, и у нее мелькнула надежда, что он выкарабкается. Но через несколько недель с ним случился второй приступ — прямо на заседании совета директоров, на восьмом этаже головного офиса компании, расположенного в квартале Берси. Врачи спасли ему жизнь, но мозг, лишенный нормального кровоснабжения в течение долгих секунд, так и не восстановился.

Матильда де Карвиль осматривала розы. Вместе с ней по темной земле перемещалась тень от креста, который она не снимая носила на шее.

Божий суд. В очередной раз.

После катастрофы в Мон-Террибль ее муж, как всегда, все взял в свои руки. Она смирилась. Позволила ему действовать самостоятельно. У него было все — власть, сила, связи...

Как она могла быть такой слепой! После гибели их единственного сына Александра прозорливость изменила Леонсу. Он совершал ошибку за ошибкой. Предложил кучу денег Витралям; отказывался говорить о браслете; повсюду таскал за собой несчастную Мальвину и заставлял ее давать показания.

Не говоря уже обо всем остальном, оставшемся для непосвященных тайной.

Матильда не испытывала к этому калеке ничего, кроме презрения. Во всем, что случилось за эти годы, был виноват он один. Во всем, кроме, может быть, крушения самолета.

Пальцы Матильды перебежали от стебля к стеблю. Шипы не оказывали ей никакого сопротивления. Слишком слабый противник. Отсеченные ветки падали на землю одна за другой.

Кстати. Это ведь была его идея — строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Отправить единственного сына на долгие месяцы в Турцию! С беременной невесткой! Чтобы твоя внучка родилась за границей! И ради чего? Ради какой-то химеры! Сколько лет прошло, на дворе 1998 год, но ни одного метра проклятого трубопровода до сих пор так и не проложили.

Леонс де Карвиль — неудачник.

Она с отвращением смотрела, как на сидящего неподвижно мужа падают кленовые листья. Они уже засыпали ему голову, плечи, руки, образовав в области промежности небольшой сугроб.

Матильда отрезала последнюю ветку и выпрямилась, озирая плоды

своего труда.

С десяток розовых кустов топорщились коротенькими оголенными стволами. Матильда вспомнила советы, которые ей давала ее собственная бабушка. «Никогда не бойся обрезать розы слишком коротко. Чем ниже, тем лучше. Не позволяй им вымахать. Наоборот, пригибай их к земле как можно ниже. Оставляй не больше десяти сантиметров».

Виллу «Розарий» выстроили в 1857 году, о чем свидетельствовали цифры, выбитые в граните над входом. Матильда знала, что розы посадили в том же самом году, и с тех пор Карвили ухаживали за ними сами. В доме работали десятки слуг — убирали, готовили, стригли газон, до блеска начищали бронзу, мыли окна, следили за порядком... Но розарием занимались только Карвили. Матильду начали приобщать к уходу за розами, едва она научилась ходить. Кроме того, она своими руками вырастила небольшой зимний сад рядом с домом. Матильда еще раз оглядела обрезанные кусты и, даже не посмотрев в сторону мужа, пошла в теплицу.

У нее не шли из головы последние слова Мальвины. «Значит, дневник Кредюля Гран-Дюка — его завещание, содержащее результат многолетнего расследования, — у Марка Витраля.

Вот ведь ирония судьбы».

Следует ли ей использовать Мальвину как инструмент, чтобы заполучить дневник? Иначе говоря, продолжать обманывать внучку, и дальше держа ее в плену иллюзий? Мальвина и не подозревала о существовании доказательств, которые раздобыл и предоставил Матильде Гран-Дюк. Бабушка ни словом не упоминала о них при Мальвине.

Это ее просто убило бы.

Она вошла в теплицу и остановилась на пороге, вдыхая сложную смесь ароматов, как делала каждое утро. Ее убежище. Ее творение. Именно здесь она как нигде чувствовала свою близость к Богу. Здесь, а не в церкви она особенно страстно молилась.

Мальвина...

Ее внучка — сумасшедшая.

И в этом тоже виноват ее муж. Она помнила прелестного ребенка, каким была Мальвина в шесть лет. Помнила ее смех, оглашавший лестницу вишневого дерева, помнила ее игры в прятки в саду, помнила ее горящие глаза, когда они вместе листали альбомы гербариев... Чем она теперь может ей помочь? Только продолжать обманывать ее. Иначе — психиатрическая клиника. Лишь одна навязчивая идея поддерживала

Мальвину, заставляла ее вставать по утрам, одеваться, принимать пищу. Эта идея заключалась в том, что Лиза-Роза жива. Вопреки тому, что решил суд, в катастрофе выжила Лиза-Роза, и только Мальвина, ее старшая сестра, была способна возродить ее к жизни, пусть и восемнадцать лет спустя.

Возродить ее к жизни, вооружившись маузером L110...

Матильда де Карвиль склонилась над кустом схизостилиса — одним из последних растений, цветущих до поздней осени. Матильде каждый год удавалось добиться, чтобы в теплице они цвели до конца декабря, — букет из розовых лилий, красных схизолистисов, астранции и белых плумерий на рождественском столе служил предметом ее особой гордости. Матильда знала, что секрет красоты и долговечности лилий состоит в достаточном количестве влаги, и тщательно следила за своевременным поливом.

Ее мысли снова скользнули к Мальвине. К мстительнице Мальвине, вооруженной маузером. «Что ж, должен хоть кто-то стоять на защите интересов Карвилей. Почему бы Мальвине не взять на себя эту роль?»

В ближайшие дни, если не часы, все изменится. Если Лили прочитала записки Гран-Дюка, значит, появилась еще одна помимо Мальвины мина замедленного действия. Гран-Дюк преподнес ей ко дню рождения отравленный подарок. Историю ее жизни. Все семейные секреты, изложенные на сотне страниц.

Секреты двух семейств. И боли будет вдвое больше.

Боль будет такой, что Лили тоже обезумеет. От ярости.

Матильда де Карвиль прошла немного вперед. В зимнем саду астры Красный сентябрь — пурпурные иголки вокруг золотистой сердцевины — роняли последние лепестки, словно в теплицу тайком пробралась влюбленная девушка и всю ночь гадала: «Любит — не любит»...

В воображении Матильды неожиданно нарисовалась странная сцена, похожая на вещий сон. Она представила себе, как в парк «Розария» входит Лили с маузером в руке. Ее палец лежит на спусковом крючке.

«Да уж, если Гран-Дюк действительно рассказал в своих записках обо всем, что узнал, у Лили наверняка возникнет желание отомстить». Матильда невесело улыбнулась. Ее интересовал один вопрос. Будет ли на пальце, положенном на спусковой крючок, надето кольцо со светло-синим сапфиром, окруженным бриллиантами?

Образ потускнел и исчез. Взгляд Матильды упал на оранжевую астру, сохранившую три последних лепестка.

— С днем рождения, Лили, — чуть слышно прошептала Матильда де Карвиль.

Если б только знать заранее! Она ни за что не наняла бы Кредюля

Гран-Дюка. И этот ужасный обратный отсчет времени не начался бы.

Она прошла вперед еще немного, к секретной части своего сада, и обернулась через плечо, проверить, не идет ли кто за ней. Нет, она была здесь одна. Никто не подглядывал за ней через стеклянные стены теплицы. Она нагнулась, раздвинула ирисы и обнаружила за ними несколько побегов чистотела. Матильда любила разглядывать эти мелкие золотисто-желтые цветочки с четырьмя крестообразно расположенными лепестками и пушистым зонтиком тычинок в центре. Когда-то давно чистотел называли «бородавником»... Впрочем, Матильде больше импонировало другое свойство чистотела. Мало кому известно, что в соке чистотела содержится целый набор сильнейших токсинов, что делает растение одним из самых ядовитых.

Но ей это было известно.

Да простит ей Господь это прегрешение.

Она развернулась и вышла из теплицы. Леонс де Карвиль сидел на прежнем месте, неподвижный, как истукан. Лишь засыпавшие его охапки красных листьев шевелились под ветром.

«Мертвое дерево. Бесплезное и уродливое».

Взгляд Матильды де Карвиль обежал родовое владение — розарий, виллу, парк...

«Нет, может быть, не все еще потеряно. Остается имя. Порода. Честь. Лиза-Роза».

Кажется, она уже рассуждает в точности, как Мальвина.

Вчера вечером у нее мелькнул лучик надежды. Ей позвонил Кредюль Гран-Дюк. Позвонил незадолго до самоубийства. Говорил, что обнаружил в деле новое обстоятельство, полностью меняющее весь расклад сил. Утверждал, что озарение настигло его три дня назад, в последние минуты того дня, когда истекал его договор, и толчком послужил номер газеты «Эст републикен». Это случилось в без пяти минут двенадцать.

Неужели она настолько наивна, чтобы ему поверить? И настолько глупа, чтобы поддерживать его грубый блеф?

Гран-Дюк не пожелал сообщать никаких подробностей, отговорившись тем, что ему необходимо проверить несколько последних деталей. Она снова подумала о Мальвине с маузером. Гран-Дюк повел себя как персонаж детектива, обладающий исключительно важными сведениями и, желая набить себе цену, утаивающий их до тех пор, пока его не найдут с пулей в башке.

Матильда де Карвиль прошла мимо обрезанных розовых веток.

Наклонилась и руками собрала их, даже не поморщившись.

Как она ни старалась думать о другом, последние слова Кредюля Гран-Дюка не шли у нее из головы.

Они давали надежду.

И воспроизводили ситуацию, с самого начала характерную для всей этой истории. Снова взвешивали жизнь двух семей на весах судьбы. Чтобы одна могла надеяться, вторая должна была потерять все.

2 октября 1998 г., 11.01.

Миромениль.

Елисейские Поля — Клемансо.

Мелькали станции метро. С каждой остановкой вагон постепенно пустел. Поезд то разгонялся, то резко тормозил, словно слепой спринтер на дистанции.

На станции «Дом Инвалидов» в вагон вошла симпатичная девушка. Марк заметил стройную фигурку и аккуратно причесанные светлые волосы, и на миг ему показалось, что это Лили. Но лишь на миг. В метро полным-полно симпатичных блондинок. Рассчитывать на случайную встречу с Лили глупо. Так же глупо слать ей одну эсмэску за другой — ее мобильник включен на автоответчик. Напасть на след Лили ему поможет внимательное чтение тетради в светло-зеленой обложке. И разговор с Гран-Дюком.

«Варенн».

Народу в вагоне осталось совсем мало. Блондинка давно вышла. Марк машинально пересчитал оставшихся пассажиров. Одиннадцать человек. Из них семеро — чернокожие. Можно подумать, что есть особый закон, запрещающий африканцам разгуливать по тем торговым улицам, под которыми они сейчас как раз проезжали, — Гренель, Варенн, Бабилон... Нет, Марку никогда не привыкнуть к Парижу с его нищетой, равнодушием и людским одиночеством. Ему не хватало Дьеппа — портового коммунистического города, в котором он вырос. Он вздохнул. Разве у него есть выбор? И время поджимает. Он обреченно уселся на скамью и открыл тетрадь.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Официальное решение судьи Вебера Витрали получили по почте 11 мая 1981 года. Символическая дата.

Накануне ночью все побережье Дьеппа стало ареной многолюдного народного празднества. Горожане пели, пили, смеялись, танцевали босиком на лужайке возле эспланады. Красный Дьепп — город портовых рабочих, в котором в последние годы один за другим закрывались заводы, праздновал избрание на пост президента Республики Франсуа Миттерана.

Исторический момент: к власти пришел левый политик, в правительстве будут заседать коммунисты. Перемены! Это слово повторяли на всех углах. Дьепп ликовал и веселился, словно старушка, натянувшая платье, в котором блистала на первом в своей жизни балу. И надо сказать, это платье ей по-прежнему шло!

Пьер и Николь Витраль участвовали в народных гуляниях по-своему. За годы, которые они потратили на борьбу, организуя митинги и манифестации, раздавая листовки, успело вырасти целое поколение. Их фургончик, припаркованный на побережье, работал всю ночь. Блинчики, вафли, пончики — они еле успевали выпекать все новые порции. Шампанское лилось рекой, смешиваясь с сидром... Здесь были и стар и млад. Но Витрали не могли радоваться, как все остальные. Они знали, что вот-вот должен прийти пакет из суда с официальным решением, и боялись, что в последнюю минуту Карвиль вмешается и переиграет дело в свою пользу. Они не хотели предаваться всеобщему ликованию, пока не получат документы и не возьмут наконец на руки Эмили, до сих пор находившуюся в детском отделении больницы в Монбельяре.

Они не верили в свое счастье.

С другой стороны, кто бы до 10 мая 1981 года поверил, даже в Дьеппе, в победу левого кандидата?

Пьер прочитал письмо из суда около восьми часов утра. Поспать ему удалось всего часа два. Официальная бумага не оставляла ни тени сомнений: девочка, спасшаяся после крушения самолета на горе Мон-Террибль, — это Эмили Витраль. Дедушка и бабушка со стороны отца назначались ее законными опекунами и могли приехать в Монбельяр за ребенком хоть в этот же день.

В квартале Полле народ не спешил убирать в шкафы фужеры для шампанского и масло для фритюра. Из остатков вчерашнего пиршества соорудили закуску, и праздник продолжился.

Эти два дня — 10 и 11 мая 1981 года — стали самыми счастливыми в жизни обитателей квартала.

Матильда де Карвиль дождалась, когда стемнеет, и только тогда приблизилась к фургончику Витралей. Она стояла в отдалении, пока не ушел последний покупатель. Она заранее позаботилась о том, чтобы выбрать момент, когда Николь Витраль будет одна. В тот день, 13 мая 1981 года, как всегда по средам, Пьер Витраль ушел на собрание жителей своего квартала. Он серьезно рассчитывал выдвинуть свою кандидатуру на

муниципальные выборы 1983 года. Погода стояла теплая, типичная для мая, вот только ветер дул холодный.

Пора познакомить вас с Матильдой де Карвиль. Она появилась на сцене ровно два дня спустя после праздника, погрузившего Дьепп в состояние эйфории. Мне трудно набросать ее объективный портрет, почему — вы поймете через несколько страниц. Но я целиком и полностью отвечаю за картину, которую собираюсь представить на ваш суд, — как по форме, так и по содержанию. За неимением беспристрастности попытайтесь удовлетвориться моей искренностью. Пока длилось расследование, Матильда де Карвиль всецело доверилась мужу; мужу и Господу Богу. До сих пор ей еще не приходилось жаловаться на Божью несправедливость, — как, впрочем, и на мужа. Матильда вела происхождение от аристократического анжуйского рода, переселившегося в шикарный парижский пригород. Миловидная, умненькая, человеколюбивая, она носила высокую прическу, а лукавым взглядом немного напоминала Роми Шнайдер. К двадцати годам у нее отбою не было от поклонников. Но продолжалось это недолго. Веря в Бога, она влюбилась в первого же ниспосланного ей мужчину и поклялась ему в вечной верности. Этим мужчиной оказался блестящий молодой инженер Леонс — честолюбивый и бедный. За годы брака ему удалось постепенно разрушить все, что было в ней миловидного и человеколюбивого. Что ж, на все воля Божья...

Матильда принесла мужу завидное приданое — свое имя. Матильда де Карвиль... Привилегированное общественное положение, благородная кровь, порода, традиция... Леонс взял фамилию супруги. Вы согласитесь со мной — не так уж часто мужчина, вступая в брак, берет фамилию жены. Чтобы он на это решился, надо, чтобы у него имелись серьезные основания: например, аристократическая частица «де» и генеалогическое древо, восходящее к Людовику Святому. Итак, Матильда дала мужу громкую фамилию, а также — об этом не стоит забывать — несколько миллионов в казначейских бумагах, на которые и была основана фирма Карвиля. Остальное довершил предпринимательский гений Леонса: первые миллионы вскоре обратились в десятки миллионов, а компания пошла в гору, став владелицей нескольких прибыльных патентов и открыв филиалы на пяти континентах. До сих пор Матильда считала, что инвестировала свое родовое имя весьма выгодно...

Когда Господь забрал у нее сына Александра, погибшего в авиакатастрофе, Матильда не пошатнулась в вере. Это может показаться

вам странным, но я за годы расследования убедился в том, что тяжкие испытания не столько подвергают сомнению, сколько укрепляют веру. Как ни парадоксально, но божественная несправедливость толкает человека скорее к смирению, чем к бунту. Матильда де Карвиль надела траур и покорилась Божьей воле. Она наказана за грехи — Господу виднее, за какие именно. И она продолжала верить не только в Божье, но и в человеческое правосудие, ибо поступками смертных руководит Господь.

Первая тень сомнения закралась в ее душу, когда судья Вебер провозгласил, что ее внучка мертва. Нет, она усомнилась не в Божьей справедливости. В человеческой. И в правоте своего мужа.

Ее вера изменилась.

Она не поколебалась, а напротив, укрепилась. Но стала другой. Утратила созерцательность, пассивность, покорность. К Матильде де Карвиль пришло осознание того, что Бог избрал ее посредницей между собой и людьми и вооружил особой силой. Она поняла, что у нее на Земле — особая миссия, а в каком направлении следует действовать, указывала ей вера.

Я знаю, к чему способны привести рассуждения подобного рода. Знаю, что в разных уголках Земли фанатики убивают друг друга ради богов, которые ни о чем таком их не просили. В своей прошлой жизни, до того как стать частным детективом, я сталкивался с ними очень близко.

К счастью для Матильды де Карвиль, ее преобразование осуществилось в мягком варианте. По меньшей мере, мне так думается. В 1981 году она просто считала, что некоторые люди глухи к Божьим наказаниям, и, раз уж Господь послал ей столько денег, то она наверняка не нарушит Его волю, если использует их для изменения существующего порядка вещей.

Укрепившись в своих убеждениях, Матильда де Карвиль приняла два серьезных решения. Второе из них касалось меня. Первое заключалось в том, чтобы одним майским вечером встретиться на набережной Дьеппа с Николь Витраль. Двадцать месяцев спустя, когда я разговаривал с Николь, она поведала мне, что помнит каждое сказанное тогда и каждое оставшееся невысказанным слово.

Николь Витраль увидела Матильду де Карвиль, и на ее лице появилось выражение крайнего недоверия. Машинальным жестом она стянула вместе полы кофты, прикрывая полуобнаженную грудь. Ситуация изменилась: теперь Николь Витраль знала свои права. Эмили — ее внучка. И против этого факта бессильны все Карвили вместе взятые. По этой и только по этой причине она согласилась выслушать Матильду де Карвиль.

Матильда де Карвиль стояла перед грузовичком марки «ситроен». Николь Витраль осталась в фургоне и глядела на гостью свысока. Когда та заговорила, голос ее звучал спокойно и размеренно:

— Мадам Витраль, я не стану ходить вокруг да около. Скорбь бывает разная. Одну нам переносить легче, другую — труднее. Вы знаете, что решение судьи Вебера равнозначно смертному приговору. Чтобы вернуть к жизни одного ребенка, он убил другого...

Николь Витраль раздраженно передернула плечами. Ей хотелось задернуть железную штору и прекратить разговор, но Матильда де Карвиль ее опередила:

— Нет-нет, прошу вас, не прерывайте меня. После суда прошло меньше месяца, и мы еще не вполне осознали наше положение. Сегодня у вас на руках грудной ребенок. Лиза-Роза навсегда останется в нашей памяти. Но что будет через пять, десять, двадцать лет? Будет так, словно Лизы-Розы никогда не существовало — она не будет играть в детские игры, не пойдет в школу... А Эмили будет жить. Все забудут и про авиакатастрофу, и про наши сомнения. Девочка станет Эмили Витраль. Даже если она — вовсе не Эмили Витраль, отныне она будет носить это имя. И всем будет наплевать на трагедию, омрачившую ее младенчество.

Оранжево-красный полотняный навес хлопал под порывами ветра. Николь Витраль чувствовала себя неуютно, но не решалась перебить Матильду де Карвиль.

— Николь! Вы позволите мне называть вас Николь? Да, бывает траур, который очень трудно пережить. Я не смогу сходить на могилу к внучке и отнести ей цветы. Понимаете, Николь, если я стану оплакивать Лизу-Розу как умершую, разве не совершу я тем самым тяжкий грех? Я похороню ее, а она, быть может, жива...

— Вот вы о чем! — наконец сухо произнесла Николь Витраль.

Снова задул западный ветер, но и ему оказалось не под силу хоть на волосок взлохматить строгую прическу Матильды де Карвиль.

— Нет, Николь! Вы не правы. Дослушайте меня до конца. Я вовсе не намерена отбирать у вас Эмили. Для вас сейчас все просто. Если она и в самом деле ваша внучка — что ж, тем лучше. Но если нет... Тогда вы вырастите ее, как вырастили бы приемного ребенка. Для вас не будет никакой разницы. В конце концов, ни один отец не может быть стопроцентно уверен, что ребенок, которого он считает своим, действительно его плоть и кровь. Но для меня сомнение останется...

— К чему вы ведете? — не выдержала Николь Витраль.

Ветер поднял полы ее жилета, обнажив грудь, достойную мадонны. С

начала процесса Николь Витраль, постепенно привыкнув разговаривать с журналистами, адвокатами и полицейскими, обрела уверенность в себе.

— Вы хотите, чтобы девочка звала вас бабушкой? — тем же тоном продолжила она. — Чтобы время от времени звонила вам? Приходила к вам в первое воскресенье каждого месяца полакомиться пирожными?

Матильда де Карвиль не повела и бровью.

— Не надо злиться, Николь. Правда, не надо. Лиза-Роза умерла. Вы ведь чувствуете то же, что и я... Вы можете сколько угодно называть малютку Эмили, но в глубине души понимаете, что никогда не узнаете наверняка, кто она. Ни вы этого не узнаете, ни я. Жизнь загнала нас в ловушку.

Николь Витраль вздохнула:

— Хорошо. Зачем вы пришли?

— Я просто хочу помочь этому ребенку. Если это Лиза-Роза, моя совесть будет спокойна. Если это Эмили... Ну что ж, тем лучше для Эмили.

Николь Витраль вышла из-за прилавка.

— О какой помощи вы говорите? Вы хотите с ней видеться?

— Нет. Думаю, будет лучше, если она обо мне не узнает. Я понятия не имею, пожелаете ли вы когда-нибудь рассказать Эмили обо всем, что произошло. Позже, я имею в виду. Я даже не представляю, задумывались ли вы об этом. Лично мне кажется, что лучше не делать этого как можно дольше. Я не намерена подкарауливать ее возле школы в надежде уловить в ней сходство с моим сыном. Это совсем не в моем духе. Мой болевой порог не достигает такой высоты.

Матильда де Карвиль издала не характерный для нее смешок.

— Нет, Николь, у богатых людей есть более действенные способы облегчить свою совесть.

— Деньги?

— Да, деньги. Спрячьте свою гордость, Николь. В отличие от своего мужа я не собираюсь покупать у вас внучку. Это не шантаж, это сделка. Позвольте мне предложить вам дар. Взамен я не прошу ничего.

Николь Витраль не успела ответить. Гнев поднимался в ее душе подобно ветру задувавшему во все закоулки фургона. Но Матильда Карвиль заговорила снова:

— Не отказывайтесь, Николь. Вы и так выиграли. Вы получили Эмили. Я вас не покупаю. Я вообще ничего не покупаю. Просто подумайте. Зачем лишать Эмили денег, которые падают на нее с неба?

— А я не сказала, что отказываюсь, — сухо произнесла Николь Витраль. — Или что я согласна.

И добавила притихшим голосом:

— Все это звучит слишком сложно.

Матильда де Карвиль, напротив, возвысила голос:

— Откройте банковский счет на имя Эмили. Больше от вас ничего не требуется.

У Николь Витраль дрожали губы:

— И?

— На этот счет каждый год будет поступать по сто тысяч франков. До достижения ею восемнадцати лет. Эти деньги предназначены только для Эмили. Потратьте их на ее образование. На каникулы. Пусть у нее в жизни будет шанс. Разумеется, распорядиться счетом все эти восемнадцать лет будете вы. По собственному разумению. Я предоставляю вам средства, но не требую от вас отчета. Вам не на что жаловаться...

Николь Витраль долго стояла молча, слушая, как под приливом волн перекачивается на морском берегу галька. Ветер играл полами ее жилета, обдувал ее обнаженную грудь. Потом она замерзла.

За и против.

Наконец она сказала:

— Я открою этот счет, мадам де Карвиль. На имя Эмили. Если я откажусь это сделать, буду себя упрекать. Но главное, она, возможно, будет меня упрекать. Если хотите, пожалуйста, переводите ей эти деньги...

— Спасибо.

— ...но знайте, что мы к ним не притронемся!

Николь Витраль почти кричала:

— Мы будем воспитывать Эмили так же, как Марка. Мы пойдем ради них на все, и вырастим обоих. Когда Эмили исполнится восемнадцать и она станет совершеннолетней, она сможет делать с этими деньгами все, что угодно. Если захочет. Это будут ее деньги, а не наши.

Губы Матильды де Карвиль скривились в подобии улыбки.

— Вы жестокая женщина, Николь. Но я все равно вам благодарна.

Чуть помолчав, она продолжила:

— Могу я попросить вас о еще одном одолжении?

Николь Витраль вздохнула:

— Только быстрее. Мне пора закрываться.

Матильда де Карвиль достала из кармана длинного пальто ярко-голубой футляр. Открыла его и поставила на прилавок. Николь Витраль смотрела на светло-синий сапфир и не могла отвести от него глаз.

— Это старинная традиция, — спокойно говорила Матильда. — В нашей семье каждая девушка получает к восемнадцатилетию кольцо с

камнем цвета своих глаз. Это повторяется из поколения в поколение. Моя мать подарила мне такое кольцо больше тридцати лет назад. К сожалению, я не смогу сделать того же для Лизы-Розы.

Николь Витраль с трудом подняла глаза.

— Должно быть, я слишком глупа, но я не понимаю...

— Я оставлю это кольцо вам. Сберегите его. Года через два-три, каждый день видя Эмили, вы, возможно, догадаетесь, кто она на самом деле, ваша внучка или... Это ведь не исключено? Если такое произойдет, если в глубине своей души вы уверитесь, что девочка, которую вы воспитываете, чужая вам по крови, вы просто сохраните эту тайну...

Бесстрастность покинула ее, и теперь она говорила, задыхаясь:

— Для ребенка это, несомненно, будет лучше, но... Если с годами вы получите подтверждение, что она — не ваша внучка, обещайте мне, что в тот день, когда ей исполнится восемнадцать лет, вы подарите ей это кольцо. Никто, кроме нас двоих, никогда не узнает, что означает этот подарок. Но справедливость будет восстановлена. Для вас и для меня.

Николь Витраль так и подмывало оттолкнуть руку Матильды, бросить ей кольцо и крикнуть, что это нелепо и гнусно, но та не дала ей такой возможности. Не дожидаясь ответа, Матильда де Карвиль развернулась и ушла. Через несколько секунд ее фигура в темном пальто растаяла в вечерних сумерках.

Ярко-голубой футляр остался лежать на пластиковом прилавке.

2 октября 1998 г., 11.08.

Мальвина прикрыла за собой окно рукой, обмотанной посудным полотенцем, после чего сунула его в карман. Именно этим полотенцем она вытерла за собой все следы в доме Гран-Дюка. «Вряд ли кто-нибудь заметит, что в ящике кухонного шкафа не хватает одного полотенца», — рассудила она.

Гордая собой, она медленно шла, укрываясь за деревьями крохотного садика, стараясь оставаться незамеченной с улицы. Пропустила две машины, замерев на месте. Как только дорога опустела, Мальвина легко перемахнула через каменную ограду высотой в какой-нибудь метр. «Ну вот. Она свободна. Никто ее не видел. Никто не узнает, что она проникала в дом Гран-Дюка. Пусть окружающие думают о ней что угодно, но она не дура». Она обернулась. Кое-что ее смущало. С тротуара, если приглядеться, на фасаде, внизу справа, виднелось разбитое ею окно. Она пожала плечами. «Ерунда».

Она быстрым шагом шла по улице Бют-о-Кай. Надо побыстрее сматываться отсюда. Нечего маячить на глазах у прохожих. Тем более с минуты на минуту припрется молодой Витраль.

Она решила, что хорошо бы дожидаться эту сволочь. Пройдя чуть дальше, она достала из кармана брелок и открыла двери автомобиля. Мальвина скользнула своим легким сорокакилограммовым телом за руль. Она водила маленькую машину, что позволяло ей найти место для парковки практически на любой парижской улице, включая окрестности дома Гран-Дюка. Правда, машина не выглядела скромной, но вряд ли молодой Витраль ее узнает.

Мальвина теснее вжалась в водительское сиденье своего «мини-ровера». Несмотря на тесноту салона, пригнувшись пониже, она могла в ней спрятаться, сама имея возможность наблюдать в зеркало заднего вида за всем, что происходит вокруг. «Идеальное место для засады!» Если Витраль выйдет на станции «Корвизар», он пройдет по дальней стороне улицы и даже не обратит внимания на припаркованный «мини-ровер». Зато она сумеет засечь его издалека. «Отлично».

Она скользнула на пол, достала маузер и положила его под водительское сиденье — чтобы был под рукой.

Лишь одно обстоятельство еще тревожило Мальвину. На улице Бют-о-Кай в этот час все еще было довольно многолюдно. Метрах в пятидесяти от нее располагалась булочная, двери которой беспрестанно хлопали, впуская и выпуская покупателей. Лишние свидетели ей ни к чему. Хотя... Все-таки их разделяет с полсотни метров... Пожалуй, она успеет сделать то, что задумала. Она вспомнила слова бабушки: «Проследи за ним. Но больше ничего не предпринимай. И позвони мне, как только его обнаружишь». Рука Мальвины сама собой скользнула под сиденье и прикоснулась к пистолету. Здесь он, здесь, никуда не делся. Холод металла вселил в нее чувство уверенности. Если поразмыслить, с какой стати ей в свои двадцать четыре года повиноваться бабушкиным приказам?

Марк почти наугад шагал нескончаемыми переходами станции «Монпарнас», все же стараясь не терять из виду стрелок, указывающих направление на 6-ю линию.

У Лили на пальце появилось кольцо со светло-синим сапфиром. Под цвет ее глаз.

Значит, Николь подарила ей это кольцо три дня назад, в восемнадцатый день ее рождения. Бабушка выполнила условия договора. И никому не сказала ни слова. Даже Лили.

Но она подарила ей кольцо!

Теперь Марк знал, что это означало. Своим поступком бабушка призналась в том, что не могло не представляться ей ужасным.

Надо ей позвонить. Надо поговорить с ней. Он непременно так и сделает, но чуть позже. Сейчас его главная забота — Лили. Свободной рукой он на ходу наступал на клавишах мобильнику эсэмэску:

«Лили! Позвони мне, черт тебя дери. Марк».

Он дал себе слово, что через час отправит еще одно сообщение. И будет посылать все новые и новые, пока Лили не ответит.

Куда она могла скрыться? Он вспомнил про миниатюрный самолетик у себя в рюкзаке. Неужели она серьезно задумала улететь на край земли? О да, у Лили хватало финансовых возможностей отправиться в любой уголок планеты. Теперь она совершеннолетняя. Свободна ехать куда угодно. На сколько угодно. На годы.

Обгоняя других пассажиров, Марк повторял про себя последние прочитанные строки из дневника Кредюля Гран-Дюка. Банковский счет на имя Лили. Отравленный дар Матильды де Карвиль. Старуха знала что

делает. С годами Марк заставил себя прийти к убеждению, что причиной того, что они с Лили перестали ощущать себя братом и сестрой, что между ними вспыхнуло чувство, какого не могут испытывать друг к другу родные люди, были деньги.

Деньги объясняли все. Но внутренний голос упорно твердил ему, что он ошибается.

И этот голос был прав. Деньги тут ни при чем. И вот теперь он получил подтверждение. Бабушка ни разу ни единым намеком не дала ему понять, что разделяет его мнение. Но она думала точно так же, как он!

Лили надела кольцо Карвилей.

Бабушка, отдавая ей кольцо, призналась, что Лили — не ее внучка. Значит, Лили ему никакая не сестра. Они свободны.

Марка охватило нечто вроде эйфории. Он быстрым шагом вышел на платформу поезда, следующего в направлении «Насьон». Слегка растолкав пассажиров, пробрался в середину вагона, где было посвободнее, и достал тетрадь.

До «Корвизара» пять остановок. Оттуда до дома Гран-Дюка рукой подать.

Но он успеет прочитать еще несколько страниц...

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

И вот здесь на сцене появляюсь я. Наконец-то!

КРЕДЮЛЬ ГРАН-ДЮК. Частный детектив.

Вы уж меня заждались, верно? Да, я прибыл на место битвы, когда схватка уже завершилась, что правда, то правда. В этом, кстати сказать, и заключается моя главная проблема.

Матильда де Карвиль явилась ко мне в кабинет в Бельвиле, на улице Амандье, на следующий день после своей встречи с Николь Витраль. Первое, что меня в ней поразило, был ее наряд, — словно она постаралась выразить всю свою боль, с ног до головы облачившись в черное. Думаю, разговор с Николь Витраль обошелся ей очень дорого, тем более что она решилась на него самостоятельно, не советуясь с мужем. На морском берегу в Дьеппе Матильда де Карвиль пустилась на унижение, понимая, что должна принести эту жертву, чтобы уговорить Николь Витраль. Если бы та не почувствовала, что сила сейчас на ее стороне, она ни за что не согласилась бы открыть на счет Лили банковский счет.

Думаю, впоследствии Матильда де Карвиль клялась себе, что больше ни за что на свете ни перед кем не станет унижаться так, как она унижалась

перед Николь Витраль. Когда я говорю, что эта история обошлась ей дорого, я имею в виду не ежегодный чек в сто тысяч франков. Я имею в виду душевный покой. После памятной встречи в Дьеппе Матильда де Карвиль словно оледенела. Когда она вошла ко мне в кабинет, я увидел перед собой отполированную ледяную статую в черных одеждах.

Она прошла вперед.

— Я много слышала о вас, месье Гран-Дюк.

Да ну? Она представилась и довольно туманно сослалась на дело, о котором на протяжении последних недель наперебой говорили все теле- и радиостанции и котором я не имел ни малейшего понятия.

— Месье Гран-Дюк! Насколько мне известно, вам свойственны такие качества, как сдержанность, упорство, терпение и добросовестность. Именно в них я сейчас нуждаюсь. Мое предложение звучит просто. Расследуйте происшествие на горе Мон-Террибль. С самого начала, не упуская ничего. Проверьте все обстоятельства катастрофы и, по возможности, установите новые.

Хоть я был и в то время рядовым частным детективом, у меня успела сложиться определенная профессиональная репутация. Я успешно распутал все дела, которые мне поручали, — историю с махинациями в казино и несколько других. Пока что я не потерпел ни одного поражения: так молодой боксер, участвующий только в матчах невысокого уровня, кладет на лопатки всех соперников и мнит себя непобедимым. Почему она остановила свой выбор на мне? Этого я не знал, да это меня и не волновало. Как бы там ни было, я не собирался выпускать из рук удачу.

Матильда де Карвиль подошла ко мне еще ближе. Я сидел за столом — роста я не слишком высокого, так, навскидку, мне показалось, что она выше меня сантиметров на пять. Тем не менее я выпрямился на стуле и напустил на себя важный вид.

— Это сложное дело, мадам. К нему нельзя подходить легкомысленно. Расследование потребует времени...

— Я не намерена с вами торговаться, месье Гран-Дюк!

Вот так-так!

Она нависала надо мной черной тучей. Вставать из-за стола было глупо — я упустил момент.

— Месье Гран-Дюк, вы вольны принять мое предложение или отвергнуть его. Не сомневаюсь, что я без труда найду другого детектива, хотя полагаю, что вы согласитесь. Начиная с сегодняшнего дня вы будете получать сто тысяч франков в год. Вы будете получать эти деньги на протяжении восемнадцати лет, до того дня, когда моя внучка Лиза-Роза —

если она жива — достигнет совершеннолетия. Иначе говоря, до конца сентября 1998 года. До тридцатого сентября, а не до двадцать седьмого, ибо таково решение суда.

Сто тысяч франков в год! Умноженные на восемнадцать! Я пытался сосчитать нули, но запутался. У меня в мозгу вспыхнул образ жемчужного ожерелья, в котором каждая жемчужина символизировала один год. А всего их было восемнадцать. Сумма, сопоставимая с зарплатой высокого государственного чиновника... Для скромного частного сыщика не так уж плохо...

Вот только... Пусть я и ношу дурацкое имя, но излишней доверчивостью не страдаю. Да-да, не удивляйтесь. Меня действительно зовут Кредюль.^[5]

— Мадам, что конкретно вы желаете получить от меня за ваши деньги? Если мне и через восемнадцать лет не удастся установить истину, должен ли я буду вернуть вам всю сумму?

Глупый вопрос, скажете вы? Ну что ж, может быть, я заслуживаю того, чтобы зваться Кредюлем. Черная туча надвинулась чуть ближе, пригвождая меня к стулу.

— Месье Гран-Дюк! Наши отношения будут строиться исключительно на доверии. Вы не обязаны получить результат. С другой стороны, я требую, чтобы вы приложили все свои силы к тому, чтобы его добиться. Я хочу, чтобы вы исследовали каждый след, проверили каждую версию. Времени для этого у вас будет достаточно. Денег тоже. Если существует хоть какое-то доказательство того, чей именно ребенок спасся в авиакатастрофе на горе Мон-Террибль, я хочу, чтобы оно было найдено. Между нами не должно быть никакого недопонимания, месье Гран-Дюк. Мне нужна правда, какой бы она ни была. Даже горькой для меня.

У меня слегка кружилась голова.

— Вы полагаете, что расследование затянется на восемнадцать лет?

— Вы будете получать плату на протяжении восемнадцати лет. Иначе говоря, это тот срок, в течение которого вы можете на меня работать. Я не требую, чтобы вы занимались исключительно моим делом. Просто я предоставляю вам средства, с помощью которых вы сможете довести расследование до конца. Время и деньги.

— А если... Если я установлю истину, скажем, через пять месяцев?

Нет, моя матушка зря назвала меня Кредюлем. Наив подошел бы больше.

— Вы меня не поняли, месье Гран-Дюк? Может быть, я недостаточно ясно выразилась? Вы в любом случае будете получать плату на протяжении

восемнадцать лет. Считайте это своего рода моральным договором, который мы с вами заключим. Я требую от вас одного: предпринять все, что в ваших силах, чтобы установить личность спасенного ребенка. Остальное не имеет значения.

Она наклонялась надо мной все ниже. Деревянный крест, висевший у нее на шее, едва не задевал меня по носу.

— Месье Гран-Дюк, — продолжила она. — Разумеется, я оставляю за собой право в любой момент разорвать в одностороннем порядке этот контракт, если у меня появится ощущение, что вы нарушаете наши договоренности. Если мне покажется, что вы морочите мне голову. Но этого не произойдет, не правда ли? Мне говорили, что вы — человек чести...

Моральный договор! Представляете? Похоже, судьба послала мне сумасшедшую старуху, которая не знает куда девать деньги.

Ну не чудо ли? Если она и в самом деле не в своем уме, следует проверить, до каких пределов простирается ее безумие.

— Мне придется съездить в Турцию, — бросил я пробный камень. — Возможно, надолго.

— В дополнение к ежегодному гонорару я буду оплачивать все ваши расходы по моему делу.

Надавить чуть сильнее?

— Проблема в том, что я не говорю по-турецки. Мне придется нанять помощника...

— Если интересы расследования потребуют, вы, разумеется, можете привлекать к работе других сотрудников. Расходы также будут оплачены.

Господи боже ты мой!

Последний вопрос я задал не просто так. Я уже решил, что приглашу в помощники — во всяком случае, на первоначальном этапе расследования, — одного парня, вместе с которым несколько месяцев болтался по Средней Азии. Он был единственным во Франции знакомым мне человеком, который говорил по-турецки и которому я более или менее доверял.

Матильда де Карвиль выписала мне первый чек на сто тысяч франков (по тем временам — гигантская сумма), после чего покинула мой кабинет так же величественно, как в него вошла. Ледяная атмосфера, соткавшаяся в комнате в присутствии этой рептилии, меня больше не тревожила. Я чувствовал себя счастливым, выигравшим главный приз в лотерею, хотя даже не покупал билета. Так мне еще никогда в жизни не везло.

В следующие три дня я праздновал удачу, обходя один за другим самые шикарные рестораны. Для этого мне даже не пришлось залезть в свои сто тысяч франков.

Включу счета в расходы, только-то и делов.

Разве мог я тогда догадаться, что падаю в бездонный колодец? Что свет, манивший меня к себе, мерцал из пропасти небытия?

Из черной дыры.

Из страшной пустоты.

2 октября 1998 г., 11.13.

Улица Жан-Мари-Жего на последних пятидесяти метрах круто поднималась вверх. За ней начиналась уютная улица Бют-о-Кай, словно сошедшая с красивой открытки, а дальше открывался вид на площадь с церковью и зданием мэрии, баром и утопающим в тени платанов полем для игры в петанк. Деревенский пейзаж в самом сердце Парижа! Марк где-то слышал, что Бют-о-Кай — один из последних подлинно «парижских» кварталов. Однажды он был здесь на вечеринке, по приглашению знакомого студента, принадлежащего к ненавидимой им категории папенькиных сынков, и тот объяснил ему, что в расположенном на холме квартале запрещено любое многоэтажное строительство, потому что он стоит на известковых карьерах. Марк плохо помнил детали, но твердо уяснил, что скромный домик в этом районе стоит целое состояние.

Он преодолел двадцать ступенек последней лестницы и оказался на вершине холма. Не отрываясь от перил, достал мобильник и отправил Лили еще одну эсэмэску.

С тем же текстом. Он сохранил его в памяти аппарата: «Лили! Позвони мне, черт тебя дери. Марк».

На всякий случай проверил свой автоответчик. Мог бы этого не делать. Ни одного нового сообщения не поступало.

На улице Бют-о-Кай царило спокойствие. Некоторое оживление наблюдалось только у дверей булочной, судя по всему, единственной в квартале торговой точке. В ресторанах в этот час было пусто — слишком рано. Марк пошел вперед, оглядывая фасады домов, пока не добрался до номера 21. Его взору предстал одноэтажный домик в окружении крошечного, квадратов в двадцать, палисадника. В любой французской деревне подобный домишко смотрелся бы скромным до убогости, но здесь, в сердце Парижа, он выглядел непозволительной роскошью. «Личный дом. Одноэтажный. Да еще с садом! Спрашивается, на какие шиши Гран-Дюк его приобрел? Ста тысяч франков, ежегодно выплачиваемых ему Матильдой де Карвиль, на это явно не хватило бы!»

Марк продолжил осмотр дома. Светло-зеленые ставни были заперты. Он все же нажал на кнопку звонка, обнаруженную между желтым почтовым ящиком и слегка облупившейся калиткой.

Тишина.

Он выждал минуту и позвонил еще раз. С тем же результатом. В задумчивости он запустил руку в волосы. Гран-Дюка нет дома. Ничего удивительного. Он внимательнее оглядел дом и палисадник. Надо что-то придумать... Марк снова двинулся по улице.

Решение пришло внезапно.

С правой стороны дома было окно, в одной створке которого не хватало стекла. Если просунуть в дыру руку, можно попробовать откинуть шпингалет. Открыть окно и забраться в дом. Марк огляделся: на улице никого. Отбросив сомнения, он перемахнул через белую каменную ограду и бросился к окну. Но не успел прикоснуться к оконной створке, как та распахнулась. Окно было не заперто!

Марк на миг изумился столь странному стечению благоприятных обстоятельств. «Чтобы частный сыщик, уходя, оставил открытым окно? Уму непостижимо». Но уже в следующую секунду он выбросил эти мысли из головы и влез в жилище Гран-Дюка.

«Ублюдок в доме Гран-Дюка», — подумала Мальвина. В зеркало заднего вида она отлично видела, как Марк Витраль шел по улице, как перепрыгивал через каменную ограду. «Влип, голубчик!» За спиной у него болтался рюкзак. Наверняка тетрадь Гран-Дюка в этом рюкзаке. Пока что все складывалось как нельзя лучше. Мальвина поерзала на полу, пытаясь устроиться поудобнее. Затылок, тесно прижатый к рулю, ныл тупой болью, но она не обращала на это внимания. Если понадобится, она готова просидеть так долгие часы, пусть даже потом придется ходить с гипсовым воротником на шее. Лишь бы не упустить Витраля, когда он выйдет из дома, добраться до проклятой тетради и выдрать из нее пропитанные ложью листы, как палач вырывает у жертвы ногти, чтобы развязать ему язык. Палец за пальцем. Она возьмет Витраля на мушку, и он у нее заговорит. Как именно будет действовать, она пока не знала, но не стала ломать себе над этим голову. Что-нибудь придумает. Главное, начать игру, а садистские правила она сочинит на ходу.

В нос Марку ударил запах гари. Можно подумать, в доме несколько дней топили камин, ни разу не проветрив помещение. Марк закашлялся. Он стоял в небольшой комнате, похожей на кладовку. На полках высились банки с консервами, лежали садовые и другие инструменты. Марк толкнул дверь, поднялся на три бетонные ступеньки и очутился перед еще одной дверью. За ней располагалась комната, очевидно, служившая Гран-Дюку

гостиной.

Здесь гарью пахло еще сильнее. Марк снова закашлялся. Его взгляд упал на большой камин. «Вот откуда эта вонь!» Судя по всему, здесь сожгли груды бумаги. Марк заметил пустые картонные коробки на полу. «Значит, Гран-Дюк совсем недавно наводил здесь порядок!»

Прежде чем Марк успел сообразить что к чему, его слуха коснулся странный звук, от которого у него по спине побежали мурашки. Звук раздался сзади, чуть справа, похожий на сухое потрескивание заевшей механической игрушки. Марк обернулся и с изумлением уставился на огромный виварий, на влажном дне которого лежали бездыханные тела самых разнообразных стрекоз. Он подошел поближе. Лишь одна стрекоза, самая крупная, с золотисто-красной грудкой, еще пыталась взлететь, но уже из последних сил. Словно догадавшись, что в комнате появился кто-то, способный прийти ей на помощь, стрекоза, едва шевеля крыльями, стала биться о стеклянную стенку вивария. Марк несколько секунд стоял замерев, зачарованный открывшейся его взору фантастической картиной. «Стрекоза! Пленница! Полумертвая...» И рядом — трупики десятков насекомых. Не раздумывая, Марк подскочил к виварию и обеими руками схватился за его стеклянную крышку. Крышка была тяжелой, но, к счастью, ничем не прикрепленной. Марк поднял ее и приставил к ближайшей стене. В виварий хлынул поток воздуха. Стрекоза ожила и взлетела. Марк проследил за ней глазами. Поначалу беспорядочные, ее движения становились все более уверенными. Стрекоза облетела комнату и уселась на люстру.

У Марка колотилось сердце.

Его охватила бешеная, необъяснимая, почти детская радость: «Он спас красную стрекозу!»

Он спас Стрекозку».

Он даже не догадывался, что Кредюль Гран-Дюк коллекционирует стрекоз. И не понимал, почему он оставил их умирать.

Марк подошел к письменному столу и внимательно осмотрел его. Здесь царил образцовый порядок. В стакане стояли остро заточенные карандаши, рядом лежал блокнот для записей. Немного нарушали гармонию маленькая бутылка из-под вина — пустая — и бокал. Обстановка дома производила странное впечатление. По всему выходило, что Гран-Дюк решил поставить крест на расследовании, которому посвятил годы жизни, и тщательно уничтожил все, что было с ним связано. Сжег архив. Принес в жертву стрекоз. Написал завещание... Сейчас это завещание в

виде тетради со светло-зеленой обложкой находилось у Марка в рюкзаке. Гран-Дюк сделал в ней последнюю запись в ночь восемнадцатилетия Лили. И передал ей тетрадь.

Так поступают перед уходом из жизни. Зачищают за собой все концы.

Что же тут все-таки произошло? И куда девался Гран-Дюк?

Марка не покидало ощущение, что хозяин дома покинул его в страшной спешке. Например, этот оставшийся неубранным бокал... Разбитое стекло, незапертое окно... И запах... Теперь он понял, что в доме пахнет не только гарью. Воняло чем-то еще.

Что-то тут не сходилось.

Вдруг лицо Марка просветлело. Он сел за стол Гран-Дюка и достал из рюкзака тетрадь. Быстро пролистал страницы, пока не добрался до последней, заполненной мелким четким почерком Гран-Дюка.

«Чего проще! Надо просто прочитать заключительную часть дневника и узнать, к каким выводам пришел его автор. Так читатель детектива с затянутым сюжетом, устав следить за его перипетиями, преодолевает собственное чувство неловкости и открывает последнюю страницу».

Марк собрался с духом. На последней странице было всего строк двадцать. Тот же мелкий четкий почерк.

«Ну вот и все. Я все сказал.

Сейчас 29 сентября 1998 года, без двадцати двенадцать вечера. Все кончено. Через несколько минут Лили исполнится 18 лет. Я верну ручку в стоящий передо мной стакан. Сяду за стол, разверну номер „Эст републикен“ от 23 декабря 1980 года (проклятая дата!) и спокойно пушу пулю себе в лоб. Мои мозги запачкают пожелтевшие страницы газеты. Я потерпел неудачу...

Оставляю этот дневник в качестве своего завещания. Для Лили. Для кого угодно.

Я собрал в этой тетради все улики, все следы, все версии. Восемнадцать лет расследований. Все здесь, на этой сотне страниц. Если вы читали их внимательно, то сейчас знаете столько же, сколько известно мне. Возможно, вы окажетесь проницательней? Возможно, поймаете нить, которую я упустил? Найдете ключ к разгадке? Если он вообще существует... Возможно, возможно...

Почему бы и нет?

Но для меня все кончено.

Было бы преувеличением сказать, что я не испытываю ни

сожалений, ни угрызений совести. Но я сделал все, что мог».

Марк медленно перечитал последние слова. «Я сделал все, что мог». Некоторое время он сидел неподвижно, пытаясь совладать с поднимавшимся в груди чувством горечи, затем поискал глазами запавшую в память строку.

«...спокойно пуцу пулю себе в лоб. Мои мозги запачкают пожелтевшие страницы газеты. Я потерпел неудачу...»

Марк поднял глаза.

«Гран-Дюк пишет, что намерен покончить с собой.

Почему же тогда в комнате нет никаких следов самоубийства? Никакой газеты. Никакого оружия. Следовательно, два дня назад, между двадцатью тремя сорока и полуночью, Гран-Дюк отказался от мысли свести счеты с жизнью. Почему? Что заставило его передумать в последний момент?

Может быть, Гран-Дюк просто струсил? Или привел свой план в исполнение в другом месте? Если только он не нагромоздил в своем дневнике кучи лжи... Солгал в том, что хочет покончить с собой. Солгал во всем остальном. Или?.. Нет, это слишком невероятно! Но все же... Неужели за несколько минут до полуночи он узнал что-то новое? Или его осенила гениальная идея, давшая ему в руки новую ниточку?»

Марк медленно, чуть ли не по слогам, перечитал последние строки дневника.

Гран-Дюк не оставил за собой никакого следа. Но одно ясно: он не умер. Не застрелился, упав головой на стол.

Марк захлопнул тетрадь и снова закашлялся. Вонь становилась нестерпимой. Его внимание привлек давешний звук, теперь усилившийся. Он осмотрелся. По всей гостиной летало с десятков стрекоз, вырвавшихся из стеклянной тюрьмы на вольный воздух; еще слабые, они перепархивали с полки на полку, со стула на стол, с занавески на карниз. Но полудохлыми они уже не казались. «Ишь ты, живучие какие!» Марк улыбнулся, вспомнив о Лили. О своей Стрекозке, единственной, ради спасения которой он не пожалел бы ничего. Если бы потребовалось, он был запер ее в стеклянной клетке. Марк чувствовал, что мысли у него путаются. Стрекозы мельтешили перед глазами — так в преддверии обморока у человека пляшут в глазах черные мушки.

Он поднялся. Нечего рассиживаться.

«Господи, откуда все же эта вонь?»

Он сделал по комнате пару шагов. По мере приближения к кухне запах становился сильнее. На кухне между тем все было чисто прибрано. Даже мусорное ведро вынесено. Но запах — теперь в этом не осталось сомнений — исходил из высокого и узкого стенного шкафа рядом с раковиной.

Марк медленно приоткрыл дверцу.

Труп почти мгновенно упал к его ногам, издав глухой стук.

Тело уже окоченело. И стало похоже на восковую фигуру.

Марк отскочил, охваченный ужасом. Кровь отлила от его лица.

Тело лежало перед ним. На рубашке расплывалось уже потемневшее красное пятно.

Кредюль Гран-Дюк.

Мертвый. Как и предсказано в дневнике.

Вот только не так уж часто приходится видеть, чтобы человек, пускающий себе пулю в сердце, успевал перед смертью спрятать оружие, вытереть натекшую лужу крови и запереться в шкафу.

Марк отступил еще на шаг.

Кредюль Гран-Дюк не убивал себя. Его убили.

2 октября 1998 г., 11.27.

Мальвина де Карвиль кончиками пальцев вытянула мобильник и, не поднимая головы, чтобы не показаться в окне «мини-ровера», набрала номер.

Трубку сняли после первого же звонка.

— Он здесь, — прошептала Мальвина. — Витраль влез в дом к Гран-Дюку.

— Этого следовало ожидать. Ты там не наследила?

— Нет, не наследила. Не беспокойся. Я даже камин вытерла. Ликвидировала прилипшие волосы, ресницы и частицы кожи Гран-Дюка.

Она произнесла эту фразу, сопроводив ее пронзительным смехом. Бабка принимает ее за идиотку.

— Ба?

— Да?

— Он может найти труп Гран-Дюка. Я его спрятала, но... От него уже воняло.

Она почувствовала, что на том конце провода бабушка погрузилась в размышления.

— Ба?

— Да, — ответила Матильда де Карвиль. — Ладно, найдет так найдет. Он влез в чужой дом. Возможно, кто-то видел его с улицы. Он повсюду оставит свои отпечатки пальцев. Тебя это вполне устроит, верно?

По телу Мальвины пробежала дрожь удовольствия. «Бабка, как всегда, права. Марк Витраль за все заплатит. Так ему и надо!»

— Бабуль? У него с собой рюкзак. Мне кажется, тетрадь Гран-Дюка там. Как ты думаешь...

Матильда де Карвиль перебила ее.

— Нет, Мальвина, — строго сказала она. — Ничего не делай. Проследи за ним, и все. Не вздумай подходить к нему на улице, у всех на виду. Ты меня слышишь?

— Слышу, слышу. Я тебе перезвоню.

Мальвина потрогала маузер, спрятанный под пассажирским сиденьем. «Да, бабушка всегда права. Почти всегда. Но не на этот раз...»

Над телом Гран-Дюка летало несколько стрекоз.

Марк почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Его постепенно охватывала паника. «Нет, так нельзя. Надо взять себя в руки. Он не может себе позволить поддаться приступу агорафобии. Только не сейчас. Только не здесь...

Вызвать полицию?»

Марк заставил себя сосредоточиться. «Он проник в дом Гран-Дюка через разбитое окно и повсюду оставил свои отпечатки пальцев. Нет, в полицию звонить нельзя. Полицейские увезут его в местный комиссариат, будут задавать вопросы и в лучшем случае продержат несколько часов. У него нет на это времени! Он нужен Лили. Сейчас, немедленно. Звонок в полицию отпадает.

Что же делать?»

Его взгляд упал на труп. Он ничего не понимал в медицине, но ему казалось очевидным, что убийство произошло недавно. Окоченение тела, запах — все эти признаки говорили о том, что разложение тела началось всего несколько часов назад. Марк вспомнил о последней части дневника Гран-Дюка. Той, в которой он писал, что намерен покончить с собой. Есть ли связь между этим его намерением и убийством? Что именно он узнал, если в результате кто-то заставил его умолкнуть навсегда?

Марк нервно мерил шагами комнату. На ходу он отогнал стрекозу, кружившую у него под носом.

Одно не стыковалось с другим. Гран-Дюка убили несколько часов назад, а не три дня назад. Не в день рождения Лили. Марк снова обежал взглядом гостиную — письменный стол, камин, виварий.

У него перед глазами стояла картина, достойная кисти сюрреалиста. Стрекозы оживали одна за другой. Они летали по комнате и бились в окна, привлеченные сочившимся сквозь ставни дневным светом.

Марк быстро обошел дом, для очистки совести осмотрев каждую комнату. Он не обнаружил ничего подозрительного, но хотя бы немного успокоился и задышал почти нормально. Ноги вынесли его в переднюю, и тут кровь снова ударила ему в голову, захлестнув его горячей волной. У него пылали пальцы, шея, виски. Вся стена была увешана фотографиями. Назым Озан, Лили, Мон-Террибль...

Он задержался возле одного снимка, запечатлевшего его бабушку! У Гран-Дюка в передней висела фотография Николь. На фото она выглядела гораздо моложе, чем сегодня; ей было лет пятьдесят или около того, она стояла на пляже в Дьеппе. У Марка колотилось сердце. Его раздирали противоречивые чувства — гнев и изумление. Марк привык воспринимать

бабушку такой, какой она была сейчас, в свои шестьдесят пять, пожилой женщиной, увядшей за годы лишений. Он почти не помнил ее такой — улыбающейся, пышнотелой, даже соблазнительной.

Он отвел взгляд, надеясь совладать с удушьем. Срочно на воздух! Приступ накатывал на него неотвратимой волной. Мелькнула мысль о том, что перед уходом надо бы пройтись по комнатам с тряпкой в руках и стереть свои отпечатки со всех предметов, которых он касался, — крышки вивария, стула, дверных ручек, окна... Но ни сил, ни желания проделывать это не было.

«Скорее на улицу, подальше от разлитого по дому смрада!»

В конце концов, чего ему бояться? Он не убивал Гран-Дюка. Детектив был мертв на протяжении, как минимум, нескольких часов. Его застрелили, когда Марк находился далеко отсюда.

Марк влез на подоконник, жадно хватая ртом чистый воздух.

Некогда ему подчищать свои следы. У него есть дела поважнее.

Он должен найти Лили.

Должен позвонить бабушке в Дьепп. Должен понять, почему убили Гран-Дюка.

Касательно последнего, у него имелись кое-какие предположения. Непосредственно связанные с тем местом, в которое он намеревался направиться.

Он выбрался из дома и пошел к калитке.

Он не видел, как из открытого окна вырвались на свободу стрекозы, устремившись к горизонту.

Мальвина еще теснее вжалась в узкое пространство «мини-ровера». В зеркале заднего вида показался силуэт Марка Витраля. Он приближался. Этот урод шел себе с рюкзаком за спиной и ни о чем не догадывался. Рука Мальвины скользнула под водительское сиденье и нащупала маузер. Еще несколько метров — и он будет в ее досягаемости. Она приставит ему пистолет к брюху, и у него не останется выбора. Он сам отдаст ей свой кретинский рюкзак с запрятанным в нем завещанием подонка-детектива.

Потом видно будет. Может, она отстрелит ему яйцо и на том успокоится. А может, отстрелит оба... Она еще не решила.

Он почти подошел на нужное расстояние.

Их разделяло с десятков метров, не больше.

Мальвина подняла голову и сжала пистолет. На углу улицы стояли возле булочной и болтали какие-то старики. «Плевать на них. Они давно в

маразме и ничего не поймут». Она повернула голову направо, чтобы осмотреть тротуар. Кто его знает... Мальвина вытянула шею и...

Застыла.

Возле машины стояли три карапуза трех-четырёх лет и показывали ей язык! Сопляки скалились на нее через стекло, как будто она, втиснувшись между рулем и водительским сиденьем, играла с ними в прятки. *Ку-ку! Мы тебя нашли!*

За спинами мальчишек появилась хорошенькая воспитательница и увела всю троицу за собой. Мальвина выпрямилась.

«Проклятые сосунки!»

По тротуару дефилировала целая толпа малышей — человек тридцать, — направляясь то ли в столовку, то ли в парк, то ли черт их знает куда.

В следующую секунду Марк Витраль, отступив в сторону, вежливо улыбнулся воспитательнице, обогнал среднюю группу детского сада и быстрым шагом ушел вперед, не обратив ни малейшего внимания на припаркованный у тротуара «мини-ровер».

— Алло, баб? Это Мальвина. Я его упустила... Промазала.

— Что значит, ты промазала? Ты что, стреляла? Стреляла в Марка Витраля?!

— Да нет же. Я даже прицелиться не успела.

Мальвина де Карвиль услышала, как бабка облегченно вздохнула.

— Хорошо, Мальвина. Что он делает сейчас?

— Удаляется. К метро, надо думать. Мне идти за ним?

— Оставь его, Мальвина.

— Да ты что?..

Бабка рехнулась. Как это — оставить его?

— Баб, а тетрадь? Тетрадь Гран-Дюка?

— Повторяю: оставь его в покое.

— Но...

Мальвина понимала, что еще может настичь Марка в переходе метро и, сунув под ребра пистолет, отнять рюкзак и швырнуть его на рельсы...

— Мальвина! Возвращайся домой. Возвращайся в «Розарий». Так будет лучше всего.

— Я еще могу его догнать... Честное слово, баб!

Голос бабки звучал мягко, но твердо — как он всегда звучал по вечерам, когда она читала внучке на ночь отрывки из Библии:

— Мальвина, послушай меня. Витраль уже наверняка прочитал

тетрадь Гран-Дюка. Его первая реакция была вполне предсказуемой — он отправился к детективу. Очевидно, в доме он обнаружил его труп. Предугадать, что он станет делать дальше, не так уж трудно.

Мальвина никак не могла взять в толк, о чем толкует бабка.

— Ты можешь ехать домой, Мальвина. Марк Витраль поедет сюда, в Куврэ, в «Розарий».

Мальвина беззвучно выругалась, обозвав себя идиоткой.

В зеркале заднего вида мелькала, то появляясь, то исчезая, какая-то черная точка. Она действовала Мальвине на нервы. Через пару секунд на капот «мини-ровера» уселась красивая красновато-золотистая стрекоза.

2 октября 1998 г., 11.31.

Марк остановился перевести дух и облокотился о хромированный поручень, деливший пополам лестницу, круто спускавшуюся к бульвару Бланки. Металл показался ему ледяным.

Марк уже составил в голове маршрут. Сесть в метро на 6-й линии. На станции «Насьон» сделать пересадку на линию А4 скоростной подземки в направлении «Марн-ла-Валле». Выйти на станции «Валь-д'Эроп» — это предпоследняя остановка. Самое большее через час он будет в Куврэ. Точный адрес Карвилей он раздобыл моментально, просто позвонив Дженнифер. Хорошо, что на дежурстве сегодня она.

Предупреждать Карвилей о своем визите он не собирался, уверенный, что застанет хозяев дома. Старик не покидает инвалидного кресла, следовательно, вряд ли королева-мать надолго отлучается из имения... Вряд ли она бегаёт по магазинам. Для этого у нее есть слуги. У нее для всего есть слуги.

Марк улыбнулся. Он преподнесет им сюрприз! В конце концов, отныне он преследовал ту же цель, что и Карвили: доказать, что Лили — не сестра ему, что кровь Витралей не течет в ее жилах... Они договорятся.

Договорятся...

Марк вздрогнул, вспомнив про труп Гран-Дюка.

Достал мобильник. Пора позвонить в Дьепп.

И снова попал на автоответчик!

Он уже давно называл бабушку просто по имени — Николь. Таким образом он разрешил проблему, омрачившую первые десять лет его жизни. Как ему к ней обращаться — «мама» или «бабушка»?

— Николь? Это Марк. От Лили что-нибудь слышно? Я имею в виду, в последнее время? Сегодня, с девяти утра? Перезвони мне, это важно.

Он немного подумал и добавил:

— Знаешь, Николь, хоть я этого и не помню, но в свои пятьдесят ты была просто красавица. Целую.

Левой рукой Марк плотно обхватил поручень, словно намереваясь оставить на нем лохмотья собственной кожи. Второй рукой он быстро нажимал на кнопки мобильного.

Семь звонков.

— Лили! Где ты, черт бы тебя побрал? Ответь мне! Ответь! Не уезжай. Я только что от Гран-Дюка. Он не покончил с собой. Его... Он... Он что-то нашел. Я тоже могу это найти. И я найду. Позвони мне. Марк.

Он нырнул в метро. На платформе в этот час почти не было народу. Марк рассеянно смотрел на рекламную афишу на противоположной платформе, изображавшую некий загадочный пейзаж и приглашавшую всех желающих посетить Эмираты. Но он не успел разглядеть картинку, потому что в ту же секунду подкатил поезд, закрывший от него золотой песок, восточный дворец и звездное небо тысячи и одной ночи.

От «Корвизар» до «Насьон» — восемь остановок.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Итак, я заключил контракт на 18 лет. Представляете? Вот уже восемнадцать лет эта история сидит у меня в мозгах, как жеваный и пережеванный до полной утраты вкуса комок жвачки. Кто бы вы ни были, читая эти страницы, будьте осторожны, не то этот комок проникнет и в ваши мысли и залепит ваши нейроны, как залепил мои.

Первые дни и даже первые месяцы расследования были невероятно увлекательными. Несмотря на то, что в моем распоряжении имелось 18 лет, я торопился. Меньше чем за две недели я буквально проглотил все материалы следствия, а это были сотни страниц. В первые два месяца я опросил несколько десятков свидетелей: пожарных из спасательной команды, тушивших горевший самолет на горе Мон-Террибль; медицинский персонал из больницы Бельфор-Монбельера, в частности доктора Моранжа; родственников и соседей Карвилей, родственников и соседей Витралей; полицейских, в том числе комиссара Вателье; адвокатов — Легерна и остальных, обоих судей — Ледриана и Вебера и еще кучу народу...

Я перестал спать, я работал по пятнадцать часов в сутки, я засыпал и просыпался с мыслями о деле, как будто хотел как можно скорее разобраться в этой истории и доказать своей нанимательнице, что я землю носом рою, — лишь бы она осталась мной довольна и не лишила меня пожизненного контракта... Как мелкий лавочник я стремился привязать к себе клиента.

На самом деле в моих действиях не было расчета. Дело меня по-настоящему увлекло. Я не сомневался, что сумею докопаться до чего-то нового, найду улику, которую прошляпили мои предшественники. У меня

копились кипы листов с протоколами опросов, груды фотографий, километры магнитофонной пленки с записями разговоров... Сумасшедшая работа. Тогда я и не подозревал, что своими руками сооружаю фундамент своего будущего невроза.

Потратив несколько недель на анализ материалов, я пришел к первому самостоятельному выводу. В то время собственная идея казалась мне гениальной.

Браслет!

Этот проклятый золотой браслет, подаренный Розе-Лизе бабушкой. Браслет, который должен был быть надет на ручку ребенка. Украшение, поколебавшее уверенность судьи Вебера, став той самой песчинкой, из-за которой застопорился отлаженный механизм правосудия. Роковое оружие, решившее дело в пользу Витралей и мэтра Легерна. Лично я не сомневался в том, что оружие это обоюдоострое. Тот факт, что на запястье девочки не было никакого браслета, вроде бы подтверждал, что это — Эмили Витраль. Но если из самолета выбросило Лизу-Розу, то нельзя было исключить, что при падении тонкая цепочка порвалась и соскользнула с детской руки. Следовательно, если на участке земли в окрестностях самолета обнаружится порванный браслет, это будет означать... Это перевернет все дело вверх тормашками. И послужит неопровержимым доказательством того, что после крушения самолета спаслась именно Лиза-Роза!

Я — человек упорный до маниакальности. Если я загораюсь какой-нибудь идеей, то не успокоюсь, пока не осуществлю задуманное, вы уж мне поверьте. Я знал, что полицейские прочесали частым гребнем территорию вокруг сгоревшего самолета, но решил, что должен обыскать ее еще раз. Вооружившись сковородой и металлоискателем, в конце августа 1981 года я отправился на Мон-Террибль, где провел семнадцать дней, сантиметр за сантиметром исследуя лесную почву. В ночь авиакатастрофы бушевала пурга. Значит, браслет мог упасть в снег, а потом, когда снег от жара огня растаял, провалиться в грязь. Полицейский с промокшими ногами и замерзшими пальцами, проводивший поиски, легко мог его просмотреть. Я не просмотрю.

Я ничего не нашел.

Избавлю вас от перечисления пивных крышек, жестянок, монет и прочего мусора, который я откопал. Хорошо еще, что мне удалось познакомиться с одним типом, отвечавшим за состояние природного парка Верхняя Юра на территории Мон-Террибль. Его звали Грегори Морэ. Красивый парень с суровым взглядом — чисто выбритый и загорелый чуть ли не до черноты, словно каждые выходные штурмовал Килиманджаро.

Мы с ним подружились...

Я притащил с горы три полных мешка металлического хлама. Браслета в них не было.

Честно говоря, я не то чтобы расстроился. Как я вам уже говорил, я человек настырный, а отрицательного результата я не исключал с самого начала. Просто я исполнял приказ Матильды де Карвиль, велевшей мне «не упускать ни одного следа». «Вот и буду двигаться шаг за шагом, — сказал себе я. — Неспеша».

Моя уверенность в успехе опиралась на другое предположение.

Если в ночь трагедии с ручки ребенка действительно слетел золотой браслет, его мог кто-нибудь поднять — пожарный, полицейский, санитар. Поднять и сунуть себе в карман. Или, например, кто-нибудь из местных мог прийти порыться на пожарище после того, как разъехались спасатели. Браслет был сделан из массивного золота. Если верить счету, он стоил одиннадцать тысяч пятьсот шестьдесят франков. На нем стояло клеймо ювелирного магазина «Турнер», расположенного в Париже, на Вандомской площади. Так что вполне логично допустить, что человек, наткнувшийся на браслет, не удержался от искушения его присвоить. Всегда находятся мародеры, которые, как стервятники, слетаются на место катастрофы, чтобы поживиться. А в то время никто даже не догадывался, какое значение может приобрести эта проклятая безделушка...

Моя затея отличалась замечательной простотой: я решил опубликовать во всех местных газетах объявление. Пообещать, что тот, кто принесет мне пресловутый браслет, получит вознаграждение в размере, значительно превосходящем стоимость украшения. Согласовав этот вопрос с Матильдой де Карвиль, я постепенно увеличивал сумму вознаграждения. Мы начали со скромных двадцати тысяч франков... Чтобы рыбка клюнула, следовало проявить терпение. Но я не волновался: время у меня было. Если случайный воришка присвоил браслет и хранит его у себя спрятанным на дальней полке, как Бильбо, похитивший у Горлума кольцо, то рано или поздно я об этом узнаю.

И я оказался прав. Хотя бы по этому пункту я не ошибся.

Следующим важным шагом в расследовании, совершенном мной в первые полгода, стало то, что впоследствии я назвал своими турецкими каникулами. В общей сложности я провел в Турции примерно два с половиной года. Большая часть этого срока пришлась на первые пять лет.

Меня сопровождал Назым Озан, сразу же согласившийся помогать мне в этом деле. В то время он подрабатывал на стройках, в основном вчерную.

Его возраст, как и мой, приближался к пятидесяти; ему, как и мне, надоело изображать из себя крутого парня, за деньги рискуя жизнью в горячих точках планеты, наводненных всякими фанатичными камикадзе. Но главное, он встретил свою любовь. Он жил в Париже с симпатичной толстушкой-турчанкой по имени Аиля. Уж не знаю почему, но их было водой не разлить... Аиля принадлежала к числу женщин с властным характером. Ревнивая, как тигр, она ни на шаг не отпускала от себя Назыма, и каждый раз перед нашим отъездом в Турцию мне приходилось вести с ней многочасовые переговоры. В конце концов она меняла гнев на милость, но требовала, чтобы раз в день он непременно ей звонил. Мне кажется, Аиля так и не поняла, что за дело мы расследуем; мало того, по-моему, она нам не верила... Но ко мне она относилась хорошо и даже настояла, чтобы свидетелем на их свадьбе, состоявшейся в июне 1985 года, был именно я.

Несмотря на противодействие Аили, я почти всегда брал с собой в Турцию Назыма, служившего мне переводчиком. В Стамбуле я неизменно останавливался в отеле «Аскок», расположенном в бухте Золотой Рог, неподалеку от Галатского моста. Что касается Назыма, то он ночевал у родственников Аили, живших на окраине Стамбула, в квартале Эюп. Бедолага, куда ему было деваться! Мы с ним встречались за барной стойкой кафе «Дез Анж» на улице Айхана Ишика, прямо напротив гостиницы. Назым не отказывал себе в удовольствии опрокинуть рюмку-другую ракии и пытался приучить меня к наргиле.

Я ж вам говорю, турецкие каникулы.

Ха-ха! Признаюсь вам честно, я всегда немного цинично воспринимал всякие там народные традиции и обычаи — местный колорит, экзотику и прочее бла-бла-бла. Можете считать меня расистом, хотя это такой особенный расизм, не направленный ни против кого конкретно. Скорее уж это проявление скепсиса по отношению к роду человеческому как таковому, унаследованного от моего ремесла наемника, привыкшего чистить мировую помойку или, если угодно, служить приказчиком в пороховой лавке.

И недели не прошло, а меня уже выворачивало от всей этой туретчины. Беспрестанные завывания имамов с минаретов, базары на каждом углу, запах пряностей, безумные таксисты, вечные пробки, протянувшиеся до самого Босфора... Меня раздражало все. В конце концов единственным, на что я мог смотреть без отвращения, стали усы Назыма.

Ладно, подозреваю, что моя трехгрошовая антропология вам не интересна. Вы правы, речь не об этом. Мне просто хотелось, чтобы вы поняли, чем на самом деле обернулись для меня пресловутые

«средиземноморские каникулы». Я прятался в работу. И я не лгу. Во всяком случае, на протяжении первых месяцев мы с Назымом пахали как каторжные. Часами опрашивали торговцев с Большого базара, пытались найти человека, у которого были куплены вещи, в которые была одета спасшаяся девочка. Хлопковое боди, белое платье в оранжевый цветочек, вязаная шерстяная кофточка... Представляете? Большой базар в Стамбуле — это крупнейший в мире крытый рынок, разделенный на пятьдесят восемь внутренних «улиц» и дающий приют четырем тысячам лавок. Почти все продавцы худо-бедно изъяснялись по-английски, некоторые даже по-французски, и каждый старался обойтись без помощи Назыма, обращаясь непосредственно ко мне, словно у меня на лбу был отпечатан французский триколор:

«Детские вещи, брат? Тебе нужны детские вещи? У меня все, что ты хочешь. Кто у тебя — мальчик или девочка? Назови свою цену...»

Четыре тысячи лавок. Умножьте эту цифру на два или на три — по числу продавцов. Клиента из западной страны они чувят за полсотни метров. Но я держался молодцом. До конца. Десять дней я бродил лабиринтами этого торжища, укрытого под потолком, украшенным золотистой мозаикой. В результате я вычислил девятнадцать лавок, где продавались хлопковые боди, белые платья и шерстяные вязаные кофточки. Все три предмета — в одном месте. Но ни один торговец не помнил, чтобы продавал эти вещи — все три одновременно — иностранцам с Запада.

Напрасный труд.

Лабиринт уперся в тупик.

Оставалось разузнать побольше о Лизе-Розе и ее родителях — Александре и Веронике де Карвилях. При установлении личности Лизы-Розы официальное следствие опиралось всего на два свидетельства: фотографию, предоставленную бабушкой и дедушкой Карвилями, на которой ребенок был снят со спины, и показания Мальвины. Поэтому в Турции нам прежде всего требовалось раздобыть как можно больше сведений о жизни Карвилей в Джейхане. Я придерживался разумного оптимизма. За три месяца малышку Лизу-Розу должна была перевидать куча народу!

Очень скоро мой оптимизм сдулся как проколотый мячик.

Судя по всему, Александр и Вероника де Карвиль не отличались общительностью. Друзей среди местного населения они не завели, в многолюдных экзотических забавах участия не принимали. По большей

части они сидели взаперти на своей белоснежной вилле с видом на Средиземное море. У них, кстати, имелся небольшой собственный пляж!

Впрочем, в основном сторонницей затворнического образа жизни была Вероника. Александр всю неделю проводил в офисе в Стамбуле. Разумеется, время от времени они принимали гостей — коллег по работе, знакомых из Франции. Но — до появления на свет Лизы-Розы! Как только у Вероники родилась дочка, она наложила вето на все светские развлечения. Путем невероятных усилий мне удалось разыскать семь человек — две семейные пары и трех клиентов компании Карвиля, — побывавших на вилле в Джейхане после рождения Лизы-Розы. При каждом таком посещении младенец спал. Гости помнили про розовый комочек, прикрытый простынкой, которая слегка приподымалась от дыхания ребенка. Бодрствующей Лизу-Розу видел лишь один из них, голландский бизнесмен. Видел на протяжении нескольких секунд. Вероника удалилась — ей пора было кормить дочку, и она не собиралась делать этого в присутствии делового партнера мужа. Она ушла, оставив мужчин в патио попивать ракию и подписывать контракты. Коммерческий директор турецкого филиала фирмы «Шелл», которого я не без труда разыскал, тактично объяснил мне, что он в равной мере неспособен идентифицировать личико Лизы-Розы и сиськи ее мамы...

В стамбульском роддоме, расположенном в квартале Бакыркёй, где рожала Вероника де Карвиль, еженедельно на свет появлялись десятка три малышей. Это оказалась оборудованная по последнему слову техники шикарная частная клиника, где меня приняли с почти не прикрытым раболепием. Педиатр, прикрепленный к Лизе-Розе, осматривал девочку трижды. Он уточнил, что ежедневно через его руки проходит примерно двадцать грудничков. Он достал медицинскую карту Лизы-Розы и честно поделился со мной всей имеющейся у него информацией: вес — три килограмма двести пятьдесят граммов; рост — сорок девять сантиметров.

«Ребенок плакал?» — Да.

«С открытыми глазками?» — Да.

«Что еще вы запомнили?» — Ничего.

«У малышки были какие-нибудь особые приметы?» — Нет.

Еще один тупик.

Должно быть, Вероника де Карвиль маялась на своей вилле от смертельной скуки! Обслуги у нее работало мало. Мне удалось связаться с довольно пожилым и, на мой взгляд, слишком близоруким садовником,

который как-то ближе к вечеру видел коляску с ребенком под пальмой. Девочка спала под плотной противомоскитной сеткой. Вытянуть хоть что-то стоящее из показаний подобного свидетеля было еще труднее, чем из бредовых заявлений Мальвины.

Я не стану пересказывать здесь ворох слухов, сплетен и ни на чем не основанных предположений, собранных мною за эти несколько месяцев. «Не упустить ни одного следа!» — потребовала Матильда де Карвиль. Я с радостью повиновался ее приказу. В конце концов, мне много не надо: достаточно одного свидетельства, одного-единственного, — и моя миссия будет выполнена.

В аэропорту Ататюрка в Стамбуле я нашел стюардессу, которая, по ее воспоминаниям, 22 декабря видела грудного ребенка среди пассажиров, ожидавших рейса на Париж, и даже пощекотала его под подбородком.

«Там был один грудной ребенок или два?

— Один. Точно один».

Во всяком случае, ей так казалось. Вообще говоря, она не могла сказать с уверенностью, в какой именно день видела грудничка. И на какой рейс его родители ждали посадки. Но ребенок точно был! Это она помнила четко...

Эта чертова стюардесса внесла в мои и без того спутанные мысли новый сумбур.

А что, если в самолете был всего один ребенок?

Действительно, разве можно утверждать, что на борт в тот день поднялись две семьи с грудными детьми? Разумеется, существовал список пассажиров, но что, если в аэробус, летевший из Стамбула в Париж, попало не двое детей, а один? Например, в нем не оказалось Лизы-Розы? Опоздание, случившееся в последний момент затруднение, каприз матери, похищение, покушение — могло произойти все, что угодно, в результате чего Лиза-Роза избежала посадки на роковой рейс и до сих пор жива! Ее прячут где-то в Турции... Или в другой стране...

Совершенно безумная гипотеза!

А если взглянуть на нее с другой стороны? Разве не странно, что о ребенке, прожившем три месяца, сохранилось так мало достоверных сведений? Почти нет людей, видевших малышку. Нет друзей семьи, качавших ее на руках. Нет любящей няни. Нет фотографий. Нет вообще ничего. Или почти ничего. Как будто такой девочки вообще не существовало. Точнее говоря, как будто ее существование кто-то хотел сохранить в тайне...

Часами размышляя над этим, я превратился в почти полного параноика. Если Лизы-Розы не было в самолете, не значит ли это, что она умерла еще до того, как самолет поднялся в воздух? Отчего умерла? В результате несчастного случая? Из-за неизлечимой врожденной болезни? Пала от руки убийцы? Александр и Вероника де Карвиль унесли ответ на этот вопрос с собой в могилу.

Возможно, его знала Мальвина. Возможно, это знание и свело ее с ума.

Когда я излагал эти гипотезы Назыму в кафе «Дез Анж», он только хохотал. И опускал усы в очередную рюмку ракии.

— Преступление? Ты рехнулся, Кредуль!

Он попыхивал своим наргиле и возвращал меня с небес на землю. Назым верил только в конкретные вещи. В реальные доказательства.

— Слушай, Кредуль. Не могли же ее три месяца держать за забором. Наверняка с ней выходили на улицу. Кто-нибудь мог ее видеть. Прохожий, турист... Она могла случайно попасть на чей-нибудь снимок. Никогда нельзя знать заранее.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам не знаю. Деньги у тебя есть. Дай по всей Турции объявление в газетах. Опубликуй фотографию. Ту самую, из «Эст републикен». А там посмотрим.

Назым был прав. Он высказал гениальную идею. Мы наводнили турецкие газеты объявлениями, подробно объяснив, что именно ищем и что предлагаем взамен. В турецкой валюте суммы выглядели баснословными.

27 марта 1982 года — эту дату я буду помнить всегда — рано утром портье гостиницы «Аскок» вручил мне письмо. Его принес какой-то тип, лично явившись в отель. Письмо было кратким. Только имя — Уналь Серкан. И номер телефона. Но главное — фотокопия фотоснимка.

Я бежал через улицу Айхана Ишика как сумасшедший. Как меня тогда не сбили... Назым уже ждал меня в кафе «Дез Анж».

— Проблемы, Кредуль?

Я сунул фото в его толстые волосатые пальцы. Он замер, внимательно разглядывая снимок. В точности, как я сам несколькими минутами раньше.

Снимали на пляже.

На переднем плане позировала загорелая черноволосая девушка с великолепной фигурой в не слишком нескромном купальнике. Турецкая топ-модель. На заднем плане угадывались холмы Джейхана и чуть ближе белые стены виллы Карвилей, утопающие в зелени.

В паре метров от девушки, чуть позади нее, рядом с женщиной, от которой на фото попали только ноги, лежало расстеленное одеяло, а на нем — ребенок. Совсем крошечный ребенок. Грудничок. Назым разинул рот и чуть не выронил из рук фотографию.

Этим ребенком была Лили, Стрекозка, чудом спасшаяся девочка с горы Мон-Террибль. Никаких сомнений даже не возникало. Те же глаза, то же лицо...

Паскаль и Стефани Витраль, путешествуя по Турции, никогда не приближались к Джейхану ближе чем на две сотни километров. Вот оно, решающее доказательство. Мы победили!

Ребенком, выброшенным из самолета во время авиакатастрофы, была Роза-Лиза де Карвиль.

От счастья я чуть не прослезился. Назым улыбался мне сквозь густые усы. Он тоже все понял и радовался, как мальчишка.

2 октября 1998 г., 11.44.

Звякнул звонок. Один-единственный. Почти неслышный в грохоте подземки.

Сообщение. Сигнал о пропущенном вызове.

Марк трясущимися руками полез в карман за мобильником.

2 октября 1998 г., 11.42.

Аиля Озан механически резала жареную баранину для шаурмы. Острый нож отсекал один за другим тонкие ломтики мяса. Аиля на них не смотрела. Она думала о другом. Мысли не мешали ей работать, напротив, дело шло быстрее, если не приходилось отвлекаться на болтовню с посетителями.

Перед ее лавчонкой на бульваре Распай уже выстроилась очередь, как всегда в это время дня. У Аили здесь были свои постоянные клиенты.

Аиля старалась не показывать, что нервничает, но она волновалась. Страшно волновалась. Вот уже два дня от Назыма не было ни слуху ни духу. Обычно он себе такого не позволял. Острый нож продолжал крошить мясо. Аиля представила себе, как проводит машинкой по затылку, шее и вискам Назыма. Она обожала стричь своего великана. У Аили немного дрожали руки, но, когда она стригла или брила Назыма, в них неизменно появлялась твердость.

Аиля была женщиной неробкого десятка. Ей много чего пришлось пережить, когда после государственного переворота, случившегося 12 сентября 1982 года, они с отцом бежали из Турции в Париж. В то время ее отец занимал ответственный пост в Демократической левой партии и чудом избежал ареста. Всего за несколько дней военные схватили и отправили за решетку тридцать тысяч оппозиционеров. Почти все их родственники оказались в тюрьме.

Она приехала в Париж с пустыми руками — ни вещей, ни денег, ни друзей. Ей было тридцать восемь лет. По-французски она практически не говорила. Образования или профессии не имела.

И она выжила! Человек может выжить в любых условиях, стоит только захотеть.

Она открыла на бульваре Распай одну из первых в Париже палаток с шаурмой. Французы обходили ее заведение стороной: что за идея — есть жареное мясо посреди улицы, где летают мухи и пыль стоит столбом! Зато ее услугами охотно пользовались турки, греки, ливанцы, югославы. Так она познакомилась с Назымом.

Он приходил каждый день, в двенадцать часов. Конечно, она сразу его запомнила — с такими-то усами! Почти год — ровно триста шестьдесят

раз, Аиля подсчитала, — он покупал у нее шаурму, а потом пригласил на обед в турецкий ресторан. Шикарный ресторан на улице Алезия. С тех пор они не расставались. Почти не расставались.

Они поженились и поклялись друг другу в вечной любви.

Аиля вздрогнула.

Почти не расставались.

За исключением этих проклятых поездок в Турцию с Гран-Дюком, расследовавшим эту проклятую историю с девчонкой из богатой семьи, погибшей при крушении самолета. Частный сыщик на побегушках у миллиардеров. Аиля завернула в фольгу три порции обжигающе горячей шаурмы и крикнула:

— Номер одиннадцать! Номер двенадцать! Номер тринадцать!

Клиенты послушно, как школьники, поднимали руки. Каждый протягивал ей бумажку с номером. Аиля не могла работать быстрее — у нее не сто рук. Она бросила в кастрюлю с кипящим маслом пакет замороженной картошки.

А ведь она надеялась, что со всеми этими историями покончено. Благодаря ресторану — если, конечно, ее палатку можно назвать рестораном, — она скопила немного денег, по чуть-чуть откладывая каждый день. И получилось не так уж мало.

Она уже не в том возрасте, чтобы таскать сумки с мясом и жечь руки горячим маслом. Она мечтала вместе с Назымом вернуться в Турцию, воссоединиться с родными и близкими. Она сотни раз считала и пересчитывала свои средства — их почти хватало на приобретение домика на побережье, близ Антакьи. В тех краях не бывает плохой погоды. И они с Назымом проведут там оставшуюся часть жизни. Лучшую ее часть.

Куда он только подевался, осел упрямый? В какую авантюру позволил Гран-Дюку втянуть себя?

Еще три листа фольги. Она завернула еду аккуратно, словно упаковывала подарки.

Номер четырнадцатый. Номер пятнадцатый. Номер шестнадцатый...

«Это в последний раз, — обещал ей Назым. — В самый последний раз!» Два дня назад, когда ему позвонил Кредюль, он пришел в жуткое возбуждение. Глаза загорелись как у мальчишки. Аиля любила этот его мальчишеский взгляд. Он обнял ее и приподнял, словно она весила не больше перышка. Только Назым так мог.

«Мы разбогатеет, Аиля! Поработаю в последний раз, и мы разбогатеет!»

«Богатство? Зачем оно им? Они и так богаты — денег на покупку

домика в Антакье почти достаточно».

«В последний раз? Обещаешь?»

У Аили тряслись руки. Нож дрогнул в ее руках и вместо тонких полосок мяса на поднос упала какая-то неаппетитная каша...

Чем больше она думала, тем сильнее рос в ней страх. Почему он молчит? Почему не звонит? Даже уезжая в Турцию, Назым обязательно звонил ей каждый день. Кредюль тоже не подходит к телефону. Дома у него никого. Она названивала туда два дня подряд. Ожидание с каждой минутой становилось невыносимей. Ее терзали самые мрачные предчувствия. Не будь последних клиентов, она бы бросила все и помчалась на улицу Бют-о-Кай, к Гран-Дюку. Да, так она и сделает. Вот отпустит последних посетителей...

Номер семнадцатый. Номер восемнадцатый...

Она сознавала, что ее Назым — не ангел. Он признавался ей в ужасных поступках. Когда они занимались любовью и он щекотал своими усами каждую складку ее тела, грудь, бедра и промежность, она смеялась и вздрагивала от удовольствия. Потом он рассказывал ей все. Он ничего не мог от нее скрыть. Ей было известно все — имена, адреса... Она знала, где Назым хранит вещественные доказательства. Она была его пожизненной страховкой. Если имеешь дело с миллиардерами, необходимы меры предосторожности. Если деньги достаются слишком легко, будь бдителен: рано или поздно настанет день, когда у тебя потребуют отчета.

Она еще и поэтому так хотела уехать в Антакью. Чтобы все истории, в которые ввязывался Назым, остались здесь, в Париже.

Номер девятнадцатый.

Она вздохнула. Нет, Назым — не мальчик из церковного хора. Без нее он запутается. Не сможет сделать правильный выбор. Выбор между добром и злом.

2 октября 1998 г., 11.45.

Поезд замедлил ход и, разрезая тьму тысячей искусственных огоньков, подкатил к станции «Пляс-д’Итали». Марк с лихорадочной поспешностью схватил мобильник и прижал к уху.

«Марк, ты неисправим. Я же просила не звонить мне и не пытаться меня найти. Я тебе уже сказала, что позавчера все решила. Это было трудное решение, и оно далось мне нелегко, но я его приняла. Сама. Тебе ни за что не понять. Ты бы его не одобрил. Я хорошо тебя знаю, ты для этого слишком правильный. Не обижайся, „правильный“ — это не насмешка, а комплимент. Ты правильный и высоконравственный. И преданный. Ты готов простить мне все что угодно, стоит только попросить. Но я не хочу ничего у тебя просить. В той записке я тебя не обманывала. Я действительно уезжаю. Завтра. Уезжаю и больше никогда не вернусь. Изменить уже ничего нельзя. Так вышло. Береги себя. Эмили».

Слушая сообщение на автоответчике, Марк покрылся холодным потом. Он чуть было не зашвырнул телефон в другой конец вагона. Сеть под землей ловилась неравномерно — через две станции на третьей, и то в лучшем случае.

Лили ему звонила.

А он был недоступен! Проклятье! Она попала на автоответчик!

Мобильник куском мыла скользнул из его влажных ладоней. Марка трясло. Что хотела сказать Лили?

«Я действительно уезжаю...»

«Завтра. Уезжаю и больше никогда не вернусь...»

«Изменить уже ничего нельзя...»

«А вдруг она...»

Марку не хотелось додумывать мелькнувшую мысль до конца.

Она была слишком страшной. Зловещей.

«Нет, только не Лили!»

Но мысль не желала уходить. Теперь ему уже казалось, что он ясно прочел спрятанное между строк послание.

«Уезжаю и больше никогда не вернусь...»

Это могло означать только одно.

Игрушечный самолетик. Она приняла решение в день, когда ей исполнилось восемнадцать.

Все сходилось.

Лили решила одним махом покончить со всеми сомнениями и страхами. Покончить с прошлым.

Лили решила покончить с собой.

Завтра.

Лили выбросила в урну, приткнувшись к берегу озера, завернутую в фольгу шаурму. Она к ней едва притронулась. Ей не хотелось есть.

Она прошла вперед, ближе к воде. Парк Монсури, считающийся самым большим в Париже, ей казался и самым мрачным. Во всяком случае, сейчас, в октябре... Холодная, тускло-грязного цвета вода; голые, похожие на армию скелетов, деревья; вид на авеню Рэй, застроенную серыми домами разной высоты, словно окруженную плохо подстриженной бетонной изгородью...

Утки давным-давно перебрались в другие места. Глядя на каменных любовников, окоченевших на своих мраморных пьедесталах, можно было подумать, что и они мечтают об одном: накинуть на себя что-нибудь теплое и сбежать отсюда куда глаза глядят.

Лили шла вдоль озера. Странно, размышляла она, как меняется восприятие окружающего в зависимости от настроения. Как будто пейзаж догадывается о том, что ты чувствуешь, и подлаживается под тебя. Как будто деревья поняли, как ей плохо, и уменьшились в размерах, скукожились, из солидарности с ней — или из жалости? — обронив с ветвей последние листья. Как будто солнце, устыдившись, тоже скрылось, лишь бы не светить на парк, по которому бродит заплаканная девушка.

Лили снова отключила телефон. Несколько минут назад она поддалась искушению и позвонила Марку. Он оставил ей кучу сообщений. «Волнуется. Конечно, волнуется». Попав на автоответчик, она испытала облегчение. У нее не было сил отвечать на его вопросы. Как будто самая современная из технологий, невидимыми нитями связывающая тысячи беспроводных телефонов, тоже чутьем уловила, что ей не хочется с ним разговаривать.

Лили свернула на аллею Мира и опустилась на скамью. Рядом, на детской площадке, шумела ребятня, и она невольно повернула голову.

Два карапуза годика по два играли под бдительным оком матери, сидящей на лавке с книжкой карманного формата в бело-синей обложке в руках.

Девочки. Близняшки. В одинаковых плотных брючках, в одинаковых красных курточках, застегнутых на «молнию», в одинаковых кикерсах на ногах.

«Как только она их различает?»

Однако мать, в очередной раз поднимая глаза от книги, выдавала четкое указание: «Жюльетта, не спрыгивай с качелей»; «Анаис, не толкай сестру»; «Жюльетта, на горку забираются по лесенке...»

Девочки носились по площадке, переходили от одной игры к другой, брались за руки, разбегались в стороны... Кто из них кто? Лили следила за их передвижениями, как уличная толпа следит за ловкими пальцами наперсточника. И постоянно сбивалась, не в состоянии угадать, что сейчас делает Жюльетта, а что — Анаис. Зато матери на это хватало доли секунды, и она ни разу не ошиблась. «Анаис, завяжи шнурок!» «Жюльетта, подойди ко мне, я вытру тебе нос».

Лили чувствовала, как ее охватывает странное, необъяснимое волнение. Девочки выглядели абсолютно одинаковыми, они походили друг на друга как две капли воды. Тем не менее каждая точно знала, кто она. Анаис понимала, что она — не Жюльетта, а Жюльетта — что она не Анаис. И не потому, что они сознавали свои различия. Нет. Все дело было в том, что их различала мать. Она безошибочно называла каждую ее собственным именем. Ее единственным именем.

Лили долго смотрела на двойняшек. Наконец мать убрала книгу в сумку и позвала дочерей:

— Жюльетта, отойди от беличьей клетки. Анаис, спускайся с лестницы. Пора домой. Папа ждет.

Мать прикоснулась рукой к своему слегка выпирающему животу. Она была беременна.

«Еще пара близнецов?

Еще одна дочка?»

Лили закрыла глаза. Ей представился малыш нескольких месяцев от роду, одинокий и заходящийся в крике на вершине мира. Его плач терялся в необъятном лесу, тонул в ватной тишине валившего крупными хлопьями снега.

Не в силах больше сдерживаться, Лили разрыдалась.

2 октября 1998 г., 11.48.

«Дюгомье».

«Домениль».

Сеть по-прежнему не ловилась!

Сообщение Лили оглушило Марка. Его переполняло беспокойство. И чувство беспомощности.

Что он должен делать? Бродить наугад, как в потемках, по парижским районам? Или читать записки Гран-Дюка? Других альтернатив все равно нет.

До прибытия на станцию «Насьон» у него оставалось еще несколько минут.

«Бэль-Эр».

Вагон затормозил, остановился, вздрогнул и снова помчался вперед. На остановке никто не вышел и никто не вошел. И сеть все так же не ловилась!

«Читай!»

Ты должен разобраться во всем и найти Лили.

Главное — не опоздать».

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Первый сердечный приступ настиг Леонса де Карвиля 23 марта 1982 года. Я тогда был в Турции. Это случилось всего за несколько дней до того, как некий Уналь Серкан передал мне в отель фотографию Лизы-Розы де Карвиль, сделанную на пляже Джейхана.

Следовательно, никакой связи между двумя событиями не существовало.

Откровенно говоря, лично мне на инфаркт Леонса де Карвиля было глубоко наплевать. Я много раз встречался с ним в рамках расследования. Полагаю, он относился ко мне как к дорогостоящей безделушке, которую приобрела себе его жена. Если честно, мне кажется, его раздражало, что жена проявила инициативу и наняла меня, не посчитав нужным спросить его совета. Я был живым доказательством того, что предложенная им стратегия бульдозера потерпела позорный провал. Он сотрудничал со мной,

но как бы сквозь зубы, с ухмылочкой, а все документы, которые я требовал, передавал через своих сверх меры загруженных работой секретарей. Так что вы поймете, почему я не расплакался, когда узнал, что он замятво упал на лужайке «Розария». В конце концов, чеки для меня подписывал не он, а его жена!

Ладно-ладно, вас мутит от моего цинизма. И вас гораздо больше интересует судьба фотографии с пляжа Джейхана. Вы хотите узнать, чем закончилась та история? О'кей, сейчас узнаете...

Уналь Серкан оказался типом скользким, как угорь. Я несколько раз разговаривал с ним по телефону и заплатил ему сумасшедшие деньги — двести пятьдесят тысяч турецких лир, чтобы заполучить оригинал фотографии и негатив. Переговоры тянулись уже неделю. Я чувствовал, что Серкан набивает цену, стремясь вытянуть из меня как можно больше.

Рано утром 7 апреля он наконец назначил мне встречу на проспекте Кеннеди, возле дворца Топкапы, напротив Босфора. Я увидел маленького светлого человечка, кроме всего прочего, косоглазого, — про таких говорят: один глаз на Кавказ, а другой на Север. Со мной был Назым — в качестве переводчика. Серкан требовал аванс — пятьдесят тысяч лир. Не то, грозил он, продаст фотографию кому-нибудь другому.

«Кому? Витралям? Он принимал нас за дураков».

Разумеется, я не повелся на его дешевую разводку. Пока он не покажет негатив, не получит ни лиры. Он, в свою очередь, тоже уперся. Мы с ним чуть не подрались — прямо перед памятником Ататюрку. Назыму пришлось нас разнимать.

В отель я возвращался со странным чувством. Не то чтобы меня терзало сознание допущенной грубой ошибки, скорее наоборот. Меня не покидало ощущение, что я что-то упустил. Я позвонил во Францию и попросил срочно выслать мне все газеты и журналы с публикациями о событиях на горе Мон-Террибль. Через три дня, 10 апреля, я их получил. Меньше часа спустя у меня был ответ на мучивший меня вопрос. Безобразная голубая ваза, украшавшая тумбочку, разлетелась на мелкие осколки после того, как я запустил ее в ярко-красный ковер, висевший на стене моего гостиничного номера.

Нельзя сказать, что Уналь Серкан проявил чудеса изобретательности. «Пари Матч» в номере от 8 января 1981 года опубликовал серию фотографий Лили, лежащей в кровати детского отделения больницы Бельфор-Монбельяр. Одна из них запечатлела малышку в той же точно позе, что на снимке с турецкого пляжа, якобы сделанном на месяц раньше. Головка чуть склонена в сторону, правая ножка подогнута, левая ручка под

головой... Один глаз открыт чуть шире, чем другой. И даже пальчики на руке расставлены точно так же.

Фотография Уналя Серкана была фальшивкой. Грубой подделкой. Не такая уж, к слову сказать, виртуозная работа — фальсификатор просто заменил больничную простыню пляжным полотенцем того же цвета и текстуры. И смонтировал со снимком своей подружки.

Меня так и подмывало содрать со стен все ковры. Этими коврами нас просто достали — стоило выйти на улицу, как каждый житель Стамбула подлетал к нам и предлагал купить очередной ковер. Ковер или жареное мясо, или еще какое-нибудь барахло, да хоть его собственный дом, разобранный на кусочки и разложенный на тротуаре. Или его детей, или его жену, или его самого — целиком или по частям: хочешь ногу, хочешь — почку, хочешь сердце... Проклятые торгаши!

Я два часа метался по комнате, пока постепенно не успокоился. В конце концов моя злость на Уналя Серкана улеглась. На войне как на войне — он пошел ва-банк и сорвал куш. Двести пятьдесят тысяч лир за примитивный фотомонтаж. В глубине души я его понимал. Больше я Уналя Серкана никогда не видел. Меня одолевали другие, более срочные, заботы.

Я провел в Турции еще несколько недель, расследуя другие версии. Назым, с которым мы по-прежнему встречались в кафе «Дез Анж», высмеивал их одну за другой. Справедливо высмеивал. Как-то незаметно я приобщился к наргиле и всему рваному ритму стамбульской жизни. Наргиле, ракия и неизменный *кейф* — ритуальное чаепитие, при котором обжигаяще горячий чай подают на серебряном подносе в стеклянных стаканах причудливой формы. Идеальная обстановка для обсуждения безумных гипотез.

— Назым! А что, если Лиза-Роза не была дочерью Александра де Карвиля?

— Ну и что? — дую на стакан с чаем, отвечал Назым. — Что это меняет, Кредуль?

— Все меняет! Представь себе, что в результате стечения тех или иных обстоятельств отцом Лизы-Розы стал не Александр де Карвиль... Например, у Вероники был любовник... Голубоглазый любовник. Тогда все рассуждения на тему наследственности летят к черту. Цвет глаз, внешнее сходство... Что ты об этом думаешь?

— О любовнике, Кредуль?

Назым посмотрел на меня лукавым взглядом, от которого, как я подозреваю, таяло сердце его избранницы Аили.

Почему-то считается, что частные сыщики терпеть не могут дел о супружеской неверности и занимаются ими скрепя сердце, исключительно чтобы не подохнуть с голоду. Чушь собачья! Если хотите знать, возможность влезть в чужую личную жизнь — это одна из самых привлекательных сторон работы детектива...

Мне не стоило большого труда установить, что Александр де Карвиль отнюдь не являл собой образец добродетели. И это еще мягко сказано. Впрочем, я подозревал нечто подобное... Представьте себя на месте молодого мужика, имеющего власть и деньги и попадающего в страну с тысячелетней традицией многоженства, при том что ваша собственная супруга сидит дома с детьми в пятистах километрах от места вашей работы... Шаг за шагом мне удалось установить с полдюжины любовных увлечений красавчика Александра. Как ни странно, но женщины гораздо легче признаются в связи с человеком, которого уже нет в живых, — особенно, если жена бывшего любовника тоже переселилась в мир иной.

Человеческие чувства — вообще штука удивительная.

Александр де Карвиль использовал классические приемы, например, трахал секретаршу на стеклянном столе в стамбульском офисе компании в квартале Йеникапы. Я видел и то и другое — в смысле, и секретаршу, и стол. В обоих случаях — холодная элегантность. Кроме того, в течение трех месяцев он тусовался с заводной девчонкой-турчанкой, хорошо, если совершеннолетней, которая обожала прогуливаться по Галатскому кварталу в юбчонке, едва прикрывающей задницу, и с оголенным пупком, несмотря на инквизиторские взгляды замотанных в черные платки теток. Она таскала его по ночным клубам. Я разыскал ее. Она вышла замуж и родила двоих детей. Хиджаб еще не надела, но мини-юбку спрятала подальше. Щадя вас, пропущу бесчисленные приключения в хамамах, танец живота и прочие забавы, включая знакомство с полупрофессионалками. Судя по полученным мною данным, его более или менее постоянной любовницей была некая Полина Кольбер — француженка и то что называется «самостоятельная женщина». Она возглавляла отдел продаж в компании «Тотал» и, если верить ее словам, была последней, с кем Александр де Карвиль занимался любовью, — 22 декабря 1980 года, то есть в день отлета на родину аэробусом 5403. Мысль о том, что она заставила несколько раз подряд кончить мужчину, который меньше чем через сутки заживо сгорел в самолете, до сих пор ее возбуждала, призналась мне Полина Кольбер. Сексуальные таланты Александра она оценивала как выдающиеся и без тени стыда рассказала, что однажды отсосала ему прямо во дворце

Топкапы, под носом у охраны. На лицо девица показалась мне не особенно привлекательной, зато фигура у нее была что надо. У меня даже сложилось впечатление, что, прояви я настойчивость, она с удовольствием внесла бы в список своих охотничьих трофеев частного детектива. Но мне не слишком нравится ощущать себя дичью.

Итак, первый вопрос, возникший у меня в связи со всем этим: была ли Вероника де Карвиль в курсе любовных походов своего мужа?

Скорее всего да — в обратное мне верилось с трудом. Отсюда следующий вопрос: платила ли она ему той же монетой? Прямых доказательств ее измен я не нашел. Вроде бы Вероника не отличалась особенно веселым характером, жила замкнуто, занималась дочерьми — сначала Мальвиной, а потом и Лизой-Розой... Гостей она принимала редко. Я попытался подробнее изучить ее окружение с целью выявить ее потенциального любовника и возможного отца Лизы-Розы. Там был сын садовника — молодой и красивый, как бог, парень, который прохаживался под окнами Вероники с обнаженным торсом... На такого вполне могла клюнуть разочарованная в семейной жизни француженка, с замиранием сердца читавшая «Любовника леди Чаттерлей», но... Парень наотрез отрицал, что крутил с хозяйкой шуры-муры. К тому же у него были черные, как маслины, глаза, не устраивавшие меня с точки зрения генетики.

Я сосредоточил усилия на поиске голубоглазых мужчин в окрестностях виллы Карвилей в Джейхане. Таковых оказалось раз-два и обчелся. Точнее говоря, я нашел троих. Наиболее перспективно выглядел смазливый немец, державший пункт проката водных велосипедов. Я его сфотографировал, чтобы потом на протяжении долгих лет изучать снимок, надеясь обнаружить в его лице черты сходства с подраставшей Лили. Как в игре «Найди десять отличий». Только мне приходилось искать общие признаки. К сегодняшнему дню я не нашел ни одного. Что ж, тем лучше! Мне совсем не улыбалось объяснять Матильде де Карвиль, что она заплатила мне бешеную кучу бабок ради того, чтобы узнать: да, Лиза-Роза выжила в авиакатастрофе, но она ей не внучка, она дочь не Карвиля, а сурового тевтона, покорителя водных велосипедов!

Между тем сумма вознаграждения за браслет выросла во французских газетах до сорока пяти тысяч франков, но ни одна рыбка так и не схватила приманку. Даже жуликов наподобие турецкого любителя фотомонтажей на горизонте не наблюдалось. С другой стороны, подделать золотой браслет с клеймом фирмы «Турнер» не так уж просто, что правда, то правда...

В рамках стратегии «не упускать ни одного следа», я продолжал

дергать Назыма. Глотнув чаю и выпустив пару клубов дыма, я говорил:

— Назым! А что, если крушение аэробуса 5403 было подстроено?

Дело было в полдень. В кафе «Дез Анж» толпились турки при галстуках, глушившие ракию в час молитвы. Назым аж подпрыгнул, чуть не опрокинув поднос, протягиваемый официантом.

— К чему ты клонишь, Кредуль?

— Смотри сам... Если разобраться, точные причины авиакатастрофы на горе Мон-Террибль так и не были установлены. Пурга, некомпетентность пилота... Как-то это все хило выглядит. Почему бы не предположить, что на самом деле все было не так?

— А как? Давай рассказывай. Интересно послушать.

— Ну, например, покушение. Допустим, самолет захватили террористы.

У Назыма затрепетали усы.

— И на кого же они покушались? На Карвилей?

— А почему нет? Цель нападения — уничтожить единственного наследника империи Карвилей. Заметь, это звучит не так уж глупо. Александр разрабатывал рискованный проект — сооружение нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, часть которого предполагалось протянуть через Курдистан. Пока Александр вел переговоры с турецким правительством, боевики РПК^[6] устроили на территории страны не один теракт.

Назым расхохотался:

— Курды! Скажешь тоже! Вам, европейцам, повсюду мерещатся террористы. Курды! Шайка крестьян, способных разве что...

— Назым, я серьезно. Рабочей партии Курдистана могло не понравиться, и очень сильно не понравиться, что черное золото потечет через их владения, а им с того не будет никакого проку. Еще меньше им понравилось бы, если бы бульдозеры Карвилей нагрянули на их земли под защитой танков турецкой армии...

— Хорошо, Кредуль, допустим, это так и есть, но взрывать самолет только потому, что в нем летит сын Карвиля?.. Тем более, что по существу его смерть ничего не изменила.

— А может, тут замешан промышленный шпионаж? Например, Лизу-Розу похитили накануне вылета... Или в самолет на места, зарезервированные для Карвилей, сели их двойники, потому что Александру стало известно о готовящемся покушении...

Назым заржал в голос, хлопнул меня по спине и заказал еще две рюмки ракии. Всю ночь мы смотрели, как через бухту Золотой Рог плывут корабли, и обсуждали наше дело. Если подумать, это был самый лучший

период во всем расследовании. Его первые месяцы. Проведенные в Турции. Мои самые приятные воспоминания. Позже, после лета 1982 года, поездки в Турцию стали реже.

Тем не менее 7 ноября 1982 года я уже две недели как был в Турции. Новость я узнал через три дня от Назыма. Матильде де Карвиль не хватило ума поставить меня в известность. С Пьером и Николь Витраль произошел несчастный случай. В Летрепоре, незадолго до рассвета, в ночь с субботы на воскресенье. Пьер скончался. Николь в тяжелом состоянии отправили в больницу.

Отсюда, из Стамбула, версия о несчастном случае выглядела неправдоподобной.

Что заставляло меня так думать — профессиональная испорченность или интуиция? Сидя у себя в номере отеля «Аскок», я вдруг испугался. Это был ужасный и очень сильный страх. В первый раз за все время я осознал, что, продолжая работать над делом Карвилей, теряю годы жизни. А кто знает, сколько мне их осталось?

И все же я не бросил расследование.

2 октября 1998 г., 11.52.

«Насьон».

Марк поднял глаза. Спина у него взмокла от пота.

Здесь он должен сделать пересадку на скоростную подземку.

Марк вышел на платформу с тетрадью в руке. Он задышался. Добравшись до ближайшей лавки, он сел, закрыл тетрадь и открыл рюкзак. В ушах стоял звон.

7 ноября 1982 года...

Ему никогда не забыть тот день. Эта дата навсегда осталась впечатанной в его память — он читал и перечитывал составляющие ее цифры и буквы, выбитые на могильном камне деда, просто потому, что не знал, чем еще заняться, пока бабушка плачет. Она ходила на кладбище каждый день. В те дни, когда в школе не было занятий, Марк ходил с ней, толкая перед собой коляску с Лили. Кладбище располагалось далеко, надо было долго идти вдоль берега, и всю дорогу Николь беспрестанно кашляла.

7 ноября 1982 года...

Марк чуть ли не наугад шел переходами метро, пытаясь разыскать в лабиринтах огромной станции пересадку на линию А. К нему понемногу

возвращалось спокойствие. Он напрягся, вызывая в памяти схему скоростной подземки. Направления на Венсенн, Нуази-Ле-Гран, Бюсси-Сен-Жорж...

Он замедлил шаг. Не нужно торопиться. Надо обдумать события последних часов и откровения Гран-Дюка. Убийство детектива, исчезновение Лили... Несчастный случай, произошедший с бабушкой и дедушкой.

По вспотевшей спине пробежал ледяной сквозняк, гулявший в бесконечных коридорах подземки.

Нет, он не так глуп, чтобы бросаться в пасть к волку. Во всяком случае, не приняв мер предосторожности. В голове снова возник план метро. Марк улыбнулся. Пожалуй, с его стороны будет гораздо умнее двинуться в противоположном направлении, к станции «Дефанс». Всего на одну остановку больше. Он потеряет несколько минут, зато обезопасит источник сведений.

Пару минут спустя Марк уже пробирался через плотную толпу Лионского вокзала. Он позволил потоку пассажиров увлечь себя в длинный коридор. На стенах висели афиши с рекламой новых фильмов. «Заклинатель лошадей», «Спасти рядового Райана»...

Реклама недавно вышедших книг. Афиши концертов.

Марк чуть повернул голову.

Скромная афиша приглашала на концерт Шарлели Кутюра в зале «Батаклан».

Мысли Марка вернулись к Лили.

«Стрекозка моя!

Твои крылышки хрупки,

А я сижу в разбитой кабине...»

Марк достал мобильник. Сеть, наконец-то! Он набрал номер Лили.

Семь звонков. Как обычно.

Автоответчик.

— Лили, дождись меня. Не делай глупостей. Перезвони. Я иду по следу. Я найду.

«Что он найдет?

Не важно. Главное, не останавливаться. Идти вперед».

Марк дошел до зала отправления поездов дальнего следования. Оранжевые вагоны скоростных составов выстроились в ряд, словно спринтеры, готовые рвануть к югу на дистанцию в пятьсот километров. Камеры хранения располагались справа, сразу за газетным киоском. Марк открыл тяжелую стальную дверцу и сунул в ячейку рюкзак. Он не собирается идти к Карвилям в «Розарий» с тетрадью Гран-Дюка. Гран-Дюк отдал ее Лили, а не старикам Карвилям, и, надо думать, у него были на то свои причины. Марк встретится с Карвилями и попытается обсудить с ними положение вещей. А потом видно будет...

Ячейка запиралась с помощью кода. Пять цифр. Не долго думая Марк набрал «7 11 82».

Дверца захлопнулась с сухим щелчком. Марк вздохнул. Рядом в киоске продавали бутерброды. Простояв в очереди минуты две, он купил бутылку воды и сэндвич с ветчиной.

Он принял правильное решение. Надо хотя бы на время расстаться с тетрадью, даже если ему не терпится прочитать продолжение. Узнать версию Гран-Дюка о событиях, случившихся 7 ноября 1982 года.

Марку тогда было четыре года, и у него о том сохранились самые смутные воспоминания. Тем не менее запись в тетради Гран-Дюка наводила на размышления.

«Отсюда, из Стамбула, версия о несчастном случае выглядела неправдоподобной. Что заставляло меня так думать — профессиональная испорченность или интуиция?»

Марк хотел знать!

Ладно, будь что будет.

Он резко развернулся, вернулся в камеру хранения и набрал на дверце ячейки код.

7 11 82.

Нервно порывшись в рюкзаке, он достал тетрадь. Начал листать страницы, пробегая глазами текст.

«...теряю годы жизни. А кто знает, сколько мне их осталось? И все же я не бросил расследование».

Вот оно.

Марк крепче ухватился за тетрадные листы и резким движением вырвал их из тетради. Пять страниц, не считая той, на которой он остановился. Той, на которой упоминалось о несчастном случае, произошедшем с его дедушкой и бабушкой ночью в Летрепоре. В изложении Гран-Дюка.

Марк сложил листы вчетверо и сунул в задний карман джинсов.

Захлопнул ячейку и устремился в лабиринт переходов Лионского вокзала.

2 октября 1998 г., 11.55.

Николь Витраль медленно шла по тротуару улицы Бар. Добравшись до перекрестка перед школой Севинье, она остановилась и закашлялась. «Проклятый кашель!» От кладбища Жанваль ее отделяла еще целая длинная улица Монтиньи, поднимавшаяся в горку. Больше километра. Ничего, спешить ей некуда. С тех пор как она вышла на пенсию, распорядок ее дня не отличался разнообразием. Ежедневное паломничество на могилу мужа. Затем булочная Гислена, где она покупала хлеб, и — раз в два дня — мясная лавка. Потом — домой, в квартал Полле. Правда, ноги уже не слушались ее так хорошо, как раньше.

Николь храбро двинулась вперед по самой крутой части улицы Монтиньи. Сразу за поворотом, ведущим к бассейну, ее обогнал муниципальный грузовик, тут же затормозивший.

Из приоткрывшейся дверцы выглянуло жизнерадостное лицо муниципального советника Себастьяна.

— Я в спортшколу, мадам Витраль! Хотите, подброшу вас до кладбища?

В мэрии Себастьян входил в группу «молодых» — ему было около сорока, — но вместе с тем он был членом компартии и гордился этим. Он вырос у Николь на глазах. Славный парень, по-хорошему упертый. Что бы там ни болтали по телевизору, пока в партии есть такие ребята, для нее еще не все потеряно. И на будущих муниципальных выборах в мэрию Дьеппа коммунисты получат большинство, в этом она не сомневалась.

Николь Витраль не заставила просить себя дважды и забралась в кабину грузовика. Вместе с Себастьяном ехал муниципальный служащий Тити, которого Николь тоже знала с детства. Пороха он не изобрел бы — что в мирном Дьеппе было особенно ни к чему, — зато поддерживал в идеальном порядке все городские клумбы и вносил свой посильный вклад в процветание местных баров.

— Вы, как всегда, молодцом, мадам Витраль!

— Брось, Себастьян... Слушай, надо пустить автобусный маршрут до кладбища. А то старухам вроде меня пешком ходить далековато...

Муниципальный советник улыбнулся:

— И то верно. Правильная мысль. Включим в план развития. Как там

Марк? Все еще в Париже?

— В Париже...

Слова Себастьяна заставили Николь вспомнить сообщение от Марка, оставленное им сегодня утром на автоответчике. Что ему ответить? Разумеется, она знала, где Эмили. Она уже догадалась, какой именно непоправимый поступок та собирается совершить. Все эти годы она страстно молилась, чтобы ничего подобного не произошло. Напрасный труд. Проклятая судьба.

Из задумчивости ее вырвал пронзительный голос Тити. От него уже пахивало кальвадосом.

— А Марк-то? Все таскается за Эмили, как собачонка? Совсем дорожку в Дьепп забыл. Даже в воскресенье не приезжает, а он, между прочим, член сборной по регби. Хотя, честно говоря, не велика потеря. Прошу прощения, Николь, что так отзываюсь о вашем внуке, но у него руки не оттуда растут.

И Тити зашелся дурашливым смехом.

— Заткнись, Тити, — велел Себастьян.

— Да ничего, — улыбнулась Николь.

Она повернула голову. В задней части грузовика громоздились картонные коробки с листовками.

— Агитируешь, Себастьян?

— А как же! Ширак распустил правую Ассамблею, это правда, но нам нужны реальные изменения. В правительстве появились наши товарищи, но и мы не должны сидеть без дела.

— Что в листовках?

— Призыв отстоять торговый порт. Они собрались закрыть сообщение с Западной Африкой. А оно здесь уже последнее — все перевели в Гавр и Антверпен. Хотят, чтобы все бананы и ананасы шли не через нас, а через них. Но если порт закроется, я вообще не представляю, что тут начнется. Так что мы в субботу проводим митинг в Руане. Прямо перед зданием префектуры.

Тити пихнул Николь локтем в бок:

— Ну и фиг с ними, с бананами! Рыбалкой проживем!

Себастьян вздохнул. Николь бросила на него понимающий взгляд.

— Я могу помочь с распространением листовок. Будешь в нашем квартале, загляни ко мне, оставь одну коробку. Насчет участия в митинге ничего обещать не буду, но обойду все дома в Полле. Мне нетрудно. К тому же меня многие знают. И даже иногда прислушиваются к тому, что я говорю...

Тити чуть не подпрыгнул на сиденье.

— Что да, то да, Николь! Помню, как вас по телевизору показывали! Мне тогда пятнадцать лет было. Как вы тогда кофту на себе натягивали... А она все равно ничего не закрывала!

Себастьян зло крутанул руль.

— Ты что, Тити, совсем мозги пропил?

— А чего я такого сказал-то? — удивился Тити. — Неужели Николь подумает, что я к ней клеюсь? В ее-то возрасте... Я просто так сказал, чтобы человеку приятное сделать.

Николь мягко коснулась ладонью руки Тити.

— Мне и в самом деле приятно, Тити, что ты помнишь.

В кабине грузовика повисла тишина. Николь снова вернулась мыслями к Эмили. Как ей хотелось бы, что девочка оказалась сейчас здесь, рядом с ней! Николь не стала бы ее отговаривать, нет, просто была бы рядом. Она понимала, что после этого шага жизнь Эмили больше никогда не будет прежней, столь же чистой и невинной, какой была до сих пор. Как будто она обречена вечно ощущать у себя за спиной призрак смерти.

Грузовик затормозил.

— Конечная, — сказал Себастьян. — Остановка «Кладбище». Так я вечером заброшу вам коробку листовок?

— Конечно.

— Вы нам здорово поможете. Спасибо. Вообще-то... Вообще-то, вас надо включить в список наших кандидатов на выборах.

— О нет. Это Пьер хотел избираться. Готовился. В восемьдесят третьем...

Себастьян чуть помолчал.

— Я помню, — наконец преодолев неловкость, произнес он. — Ужасная потеря. Черт побери... Вот ведь гадство. А кстати...

Он помялся.

— Кстати, насчет грузовика. Ну, вашего «ситроена». Он до сих пор у вас?

Николь кротко улыбнулась:

— Конечно. Работать-то надо было. Ради Эмили, ради Марка...

— Лучшая жареная картошка на всем Алебастровом побережье! — встрял в разговор Тити. — Ей-богу, я бегал к вашему грузовику не только поглазеть на ваши сиськи, Николь!

Себастьян, не сдержавшись, рассмеялся. У Николь на губах тоже мелькнула ностальгическая улыбка. В ее глазах, все еще голубых, загорелись искорки.

— Грузовик у меня во дворе. Больше никто не просит его переставить, а то играть негде... Вот и ржавеет себе потихоньку.

Николь открыла дверцу кабины.

— Ладно, ребята, вам работать надо.

Тити помог ей выбраться из грузовика. Они с Себастьяном проводили глазами ее фигуру, удаляющуюся по пустынной парковке.

Николь толкнула железную кладбищенскую калитку и вернулась мыслями к тому, что сейчас занимало ее больше всего.

Марк перезвонит. В ближайшее время. Может быть, даже приедет в Дьепп. Что она ему скажет? Имеет ли она право дать им шанс? Эмили и Марк...

Ей необходимо принять решение. Говорить или хранить молчание. Тянуть больше нельзя, это она хорошо понимала. Все должно решиться сегодня.

Николь закрыла за собой калитку.

Она посоветуется с Пьером. Пьер всегда знал, что нужно делать.

2 октября 1998 г., 12.32.

Робкий луч солнца приветствовал Марка, когда он вышел из подземки на станции «Валь-д'Эроп» и направился к площади Ариан. Марк впервые попал в этот новый район, возведенный всего несколько месяцев назад. Огромные размеры круглой площади поразили его. Он ожидал увидеть перед собой воплощение современного модерна, дизайн в стиле хайтек, как в кварталах Сержи или Эври... А вместо этого очутился посреди старого Парижа, застроенного зданиями, словно скопированными с домов бульвара Османна. Вот только возраст этой площади не насчитывал не то что ста лет — и ста дней! Новостройка, косящая под старину. Впрочем, выглядит красиво.

Прямо перед ним, нависая над водосточными желобами и поддельными горгульями, возвышались строительные краны. На щите красовалась надпись: «Бизнес-парк Арлингтон». Стекланные башни делового квартала уже на десятки метров вознеслись над приземистыми строениями, окружившими площадь. Вдали виднелись аттракционы Диснейленда, колокольня замка Спящей красавицы и американские горки...

Картина сюрреалиста!

«Наверное, именно этого эффекта и добивались проектировщики», — подумал Марк.

Ему вспомнился один недавний разговор в доме Николь. Дело было вечером. По телевизору только что показали открытие торгового центра в микрорайоне, возводимом силами Диснеевского концерна. Николь, хлопотавшая на кухне, громко бранилась:

— Не понимаю, зачем водить детей в Диснейленд! Чтобы эта капиталистическая крыса Микки-Маус стала еще богаче? А теперь они еще собираются им нашу землю продавать!

Лили убирала со стола. Как всегда, она оказалась самой осведомленной.

— Бабуль, это просто очередная утопия. Ты вот знаешь, например, что Уолт Дисней мечтал построить во Флориде город мечты? И назвать его Селебрейшн, что значит «город-праздник». Чтобы в нем не было машин, не было сегрегации, а сверху его накрывал бы купол для создания

искусственного климата... Но он умер, а наследники, хоть и осуществили его план, но в совершенно извращенном виде. Валь-д'Эроп — второй в мире город, построенный Диснеем. И единственный в Европе. Это самый молодой город во Франции, в нем проживает двадцать тысяч человек...

— Какая же это утопия? — не согласилась Николь. — Домики стоимостью по три миллиона! Поля для гольфа... Частная школа...

Лили ничего не ответила. Марк догадывался, что Лили могла бы еще долго рассуждать о проблемах урбанистики, создании зеленых зон, архитектурных стилях и мягких методах управления коммунальным хозяйством, но, как всегда, она промолчала, только улыбнулась и взяла посудное полотенце, чтобы помочь Николь вытирать посуду. Правда, вечером, разговаривая с Марком, она вскользь вернулась к этой теме. Все они знали, что Карвили живут в Куврэ — одном из самых живописных районов департамента Валь-де-Марн, застройщикам которого удалось найти гармоничное сочетание между чисто французской традицией и современностью американского образца, диктующей свои законы в Валь-д'Эроп, в результате чего цены на недвижимость выросли там в разы. Традиция и современность.

Марк шел вперед. Квартал планировался как пешеходный, что, конечно, было здорово. Куврэ располагался километрах в двух дальше. Марк добрался до Тосканской площади. Улыбнулся при виде скульптурного фонтана и кафе с террасами охряного цвета. Он никогда не был в Италии, но примерно такой и представлял себе площадь, даже зимнюю, где-нибудь во Флоренции или в Риме. Казалось, присмотрись повнимательнее — и увидишь за одним из столиков Леди и Бродягу,^[7] лакомящихся спагетти. Он продолжал идти быстрым шагом. Даже если изначально предполагалось, что район будет пешеходным, пешеходов Марку навстречу практически не попадалось. В данный момент он пересекал часть района, которую про себя назвал «гольф-кварталом». Здесь царил мода на английские коттеджи: алькежи, красно-зеленые стены, чугунные ограды... Марка не покидало ощущение, что он находится внутри почтовой открытки...

Затем пошли дома более классического стиля, выглядевшие богато. Марк понял, что приближается к Куврэ. Вскоре замелькали знакомые вывески: мэрия, школа, концертный зал, библиотека, музей Луи Брайля. Дженнифер дала ему адрес Карвилей: аллея Шо-Солей, тупик на конце коммуны, дом стоит в лесу Куврэ. Действительно, Куврэ расположен в меандре реки Марны, и его со всех сторон окружают заповедные леса.

Условной границей коммуны служит канал Мо в Шалифере, прорытый, чтобы «спрямить» течение Марны. Он добавляет свою долю очарования к этому буколическому уголку природы, приютившемуся всего в нескольких километрах от столицы. На каменном парапете канала сидели три рыбака с удочками. «Шлюз „Леш“», — прочитал Марк на бурой табличке. Он недолго сопротивлялся искушению. Слишком уж его подмывало присесть, перевести дух, а главное — достать из заднего кармана джинсов пять страничек, вырванных из тетради Гран-Дюка.

Читать их в переполненном шумном вагоне подземки он не решился, не желая, чтобы любопытные чужаки заглядывали ему через плечо.

Эта часть истории не предназначалась для посторонних глаз. Это была его часть истории.

Он больше не мог тянуть. Взглянув на экран мобильного, он убедился, что новых сообщений не поступало. Ни от бабушки. Ни от Лили.

«Все, больше никаких отговорок...» Он развернул вырванные странички.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

В то воскресенье, 7 ноября 1982 года, я был в Анталье, на Средиземном море. Это местечко — турецкая Ривьера. Триста солнечных дней в году. Один чиновник министерства внутренних дел пригласил меня к себе в загородную резиденцию. Я гонялся за ним уже несколько недель в надежде заполучить хоть какие-нибудь сведения о том, что происходило в аэропорту Ататюрка 22 декабря. Никогда нельзя знать заранее, что именно сработает: найдется случайный свидетель или обнаружится запись с камеры наблюдения... В ту пору аэропорт кишмя кишел военными, и один из них вполне мог что-нибудь заметить. Я хотел разослать во всем казармам короткий опросник — разумеется, на меня смотрели, как на чокнутого. Устав от моих преследований, означенный чиновник пригласил меня к себе на прием, и я с радостью принял приглашение, зная, что встречу там весь цвет турецкой национальной безопасности. Назыма со мной не было — Аиля срочно вызвала его в Париж; если мне не изменяет память, она тогда заболела... Идея провести целый уикенд в гостях без переводчика не вызвала у меня восторга. Я понимал, что люди, приехавшие с женами отдохнуть, вряд ли станут вникать в смысл моих вопросов, как, впрочем, и я — в смысл их ответов. Я все меньше верил в успех своей затеи. Но делать было нечего.

О происшествии в Летрепоре я угнал через три дня, в отеле «Аскок».

Узнал от Назыма. Впоследствии я подолгу разговаривал об этом с Николь. Она подробно рассказала мне, как это было. В ноябрьский воскресный день 1982 года три породненных нормандских и пикардийских города — Летрепор, Э и Мерле-Бен — традиционно устраивали народное празднество, нечто вроде более скромной версии карнавала в Дюнкерке. Мидии с жареной картошкой, морские прогулки, театрализованные шествия по улицам... Безумный мир, сумасшедшая атмосфера... Пьер и Николь Витраль каждый год ездили на фестиваль в Летрепор. Они вообще старались не пропускать подобных мероприятий, проводившихся во всех портах Ламанша, от Дюнкерка до Гавра. Если исключить летний сезон, им удавалось сводить концы с концами только благодаря такой вот выездной торговле. Они оставляли Марка и Эмили на попечение соседей, заводили свой оранжево-красный «ситроен» и уезжали на два дня. Грузовик они старались ставить в стратегически наиболее выгодных местах, поближе к побережью, собирали прилавки, при необходимости натягивали тент от ветра и уже час спустя предлагали всем желающим жареную картошку, блинчики, вафли и прочие немудрящие лакомства. Обычно они работали до поздней ночи. Несмотря на холод народные гулянья в этих северных городках часто длились до рассвета. Хорошо понимая, что время — деньги, Пьер и Николь расстилали матрас на полу грузовика, между газовой плитой и холодильниками, и на несколько часов ложились поспать, чтобы с утра пораньше снова приняться за работу. Это был тяжелый труд, зато за пару выходных они зарабатывали больше, чем обычно за десять дней.

В воскресенье, 7 ноября 1982 года, Пьер и Николь Витраль закрылись около трех часов ночи. Вновь открыть торговлю им уже не привелось. Тревогу поднял местный житель, который выгуливал собаку вдоль пляжа. Несмотря на утреннюю сырость, он учуял запах газа, исходивший от грузовика. На самом деле пахло тиолом — сернистым соединением, которое специально подмешивают к природному газу бутану, не имеющему ни цвета, ни запаха. Пожарные вышибли заднюю дверцу фургона топором и обнаружили внутри два бесчувственных тела. Утечка бутана продолжалась по меньшей мере пять часов — и это в помещении площадью около девяти квадратных метров! Пьер Витраль не дышал. Пожарные даже не пытались его реанимировать, мгновенно установив, что ему уже не поможет. Николь Витраль была еще жива. Ее срочно перевезли в больницу в Абевиле. Лишь пятнадцать часов спустя врачи смогли сказать, что она выкарабкается. Во что превратились остатки ее легких, можно было только догадываться.

Следствие не затянулось надолго. Было установлено, что в шланге одной из четырех газовых плит имелось повреждение. Вывод: несчастный случай, столь же глупый, сколь и предсказуемый. Страховая компания, верная принципам гуманизма, вынесла свой вердикт: ночевать в фургоне, рядом с газовыми баллонами и еще не остывшими плитами, мог только сумасшедший; оборудование, хоть и отвечавшее требованиям санитарного контроля, находилось в изношенном состоянии и по результатам экспертизы отличалось множеством дефектов... Одним словом, владельцам страховой компании не пришлось приносить Николь Витраль свои извинения за то, что они не заплатили ей ровным счетом ничего.

У нее остался только грузовик. С нуждающимся в замене пластиковым шлангом и выбитой задней дверцей. И двое детей на руках.

Возможно, именно это обстоятельство сблизило меня с Витралями. Мне было их жалко. Да, пожалуй, я правильно определил свое отношение к этой семье. Жалость. Я не стыжусь в этом признаваться.

Жалость. Плюс подозрения.

Когда Назым позвонил мне, чтобы рассказать, что случилось в Летрепоре, я не поверил в версию о несчастном случае. Знаю, знаю, судьба жестока, как мальчишки на школьной перемене, и всегда ополчается против самых слабых. Но всему же есть предел! На протяжении последовавших недель я несколько раз встречался с адвокатами Карвилей, и они, пряча глаза, поведали мне, что незадолго до второго инфаркта Леонс де Карвиль попросил их дать ему разъяснения по одному чисто техническому вопросу. Что будет с Лили, если супруги Витраль умрут? Отправят ли ее в специализированное учреждение под фамилией «Витраль» или возможны варианты? И какова вероятность того, что Карвилям разрешат удочерить девочку?

Вопрос оказался не просто гнусным, но и довольно сложным. Мнения адвокатов разделились в частностях, но более или менее сошлись в главном: если Витрали уйдут из жизни до того, как Лили исполнится два года, возможен новый процесс и новое судебное решение. «Это чисто техническое предположение», — настойчиво повторял каждый из них, указывая, что в этом случае разумнее всего будет сыграть на сомнительной идентификации личности ребенка и его будущих интересах. Если уж придется подыскивать для девочки приемную семью, то не проще ли отдать ее Карвилям?

Я лишь пересказываю вам их слова, как говорится, за что купил, за то и продаю. Что делать с этой информацией, решайте сами.

Матильде де Карвиль хватило безумия нанять детектива на

восемнадцать лет. Почему бы ее мужу, куда менее терпеливому, не нанять, в свою очередь, киллера? Продырявить газовый шланг в кое-как запирающемся фургоне — плевое дело для любого негодяя без стыда и совести. Я не верил, что Матильда де Карвиль могла быть в курсе, тем более — принимать участие в подобном предприятии. Хотя бы из религиозных соображений. Напротив, Леонс де Карвиль был способен на что угодно. Двадцать три дня спустя с ним случился второй приступ. Трудно было не углядеть в этом причинно-следственной связи. Николь Витраль выжила. Не исключено, что смерть Пьера Витраля тяжким грузом лежала на его совести. Но самое главное, убийство — если это было убийство, — ничего не изменило. Лиза-Роза окончательно умерла...

Ну вот, теперь вы знаете об этом деле столько же, сколько и я. Овощ, некогда бывший Леонсом де Карвилем, навсегда сохранит свою тайну.

Сомнения остаются, но можем ли мы трактовать их в его пользу?

Хороший вопрос!

2 октября 1998 г., 12.40.

Марк смотрел на небо. Осеннее солнце снова скрылось под плотным слоем облаков.

Сомнения...

Ему в то время было всего четыре года. Он почти ничего не помнил, если не считать ощущения горя, исходившего от окружающих его взрослых. Еще он помнил, как крепко держал за ручку маленькую Лили и клялся сам себе, что никогда и никому не даст ее в обиду.

Бабушка не слишком охотно делилась с ним подробностями давней трагедии. Да оно и понятно. Кому захочется заново переживать весь ужас тех дней? В изложении Гран-Дюка обрывки то там, то сям подобранных сведений складывались в ясную картину.

Марк перевел взгляд на устроившихся напротив рыболовов. Довольно молодые ребята, они сидели, не двигаясь, словно спали. Что за интерес часами поджидать рыбу, которая не клюнет никогда? Или они просто нашли для себя местечко в райском уголке, решив, что не уйдут отсюда, пока не наступит конец света?

Сомнения...

Неужели дьявол поселился именно в этом райском уголке?

Марк изо всех сил напряг память. Рассказ Гран-Дюка вызвал у него смутное ощущение тревоги. Как будто в мозгу зажглась тревожная лампочка. Была какая-то деталь, которая не вписывалась в общую канву...

Что-то не сходилось...

Марк постарался сосредоточиться, но мысль ускользала. Наверное, вызвавшая его смущение деталь относится к чему-то, что принадлежит к резерву механической памяти; к чему-то, что он хорошо знает, но не может вспомнить просто так, без наводки в виде ключевого слова...

Он еще некоторое время посидел, ломая себе голову, но так ни к чему и не пришел. Но, чем дольше он сидел, тем сильнее крепла в нем уверенность, что искомый элемент хранится у него в комнате на улице Пошоль, в квартале Полле, в Дьеппе. В его вещах. Надо только хорошенько в них порыться...

Насколько это срочно? И какая тут связь с остальным? С главным — обещанием Лили уехать навсегда?

До Дьеппа всего пара часов поездом. Да и с Николь надо поговорить...

Ладно, это подождет.

Чуть дрожащей рукой он перевернул последний из вырванных листов и дочитал дневниковую запись до конца.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Месяц спустя после трагедии в Летрепоре Николь Витраль снова обслуживала клиентов в своей передвижной закусочной. У нее не было выбора. Многим казалось ненормальным, даже кощунственным, что она продолжает работать в этом гробу на колесах, в этой ловушке, убившей ее мужа, уснувшего вечным сном на полу, по которому она по-прежнему сновала дни напролет.

Николь с улыбкой отвечала: «Живем же мы в тех домах, где умерли наши близкие. Спим в их кроватях, едим из их тарелок, пьем из их стаканов... Вещи ни в чем не виноваты. Грузовик — это всего лишь грузовик».

Годы спустя я догадался, что Николь любила свою работу. Ей нравилось хлопотать в своем «ситроене», припаркованном на побережье, и кормить людей, как они с Пьером делали на протяжении долгих лет, даже если в тесном пространстве, насыщенном запахами пицци и кипящего масла, нечем было дышать. Особенно с ее легкими, заставлявшими ее заходиться в жестоких приступах кашля. Пьер уснул в этом фургоне вечным сном, как будто остался здесь навсегда. Наверное, Николь чувствовала себя в своей лавчонке не так одиноко. В лавчонке да еще, быть может, на кладбище Жанваль.

Примерно в это время, то есть в середине 1983 года, я и сблизился с Николь и ее внуками. Впервые мы встретились в апреле, ранним утром. Марк был в детском саду. Лили спала.

Николь стояла в дверях, загораживая собой вход в дом.

— Меня зовут Кредюль Гран-Дюк, — робко начал я. — Я частный детектив. Я расследую...

— Я знаю, кто вы, месье Гран-Дюк. Вы уже давно здесь что-то вынюхиваете. А у нас новости распространяются быстро.

— Э-э... Ну хорошо, значит, сэкономим время. Матильда де Карвиль наняла меня, чтобы я провел самостоятельное расследование катастрофы, случившейся на горе Мон-Террибль. С самого начала...

— Надеюсь, она не поскупилась на оплату ваших услуг.

— Не жалуюсь. Гонорар вполне приличный...

— Сколько?

В глазах Николь Витраль плясали огоньки. Она играла со мной, как кошка играет с мышью. Я решил, что не стоит ей врать.

— Сто тысяч франков. В год.

— Могли бы с нее и больше содрать. Намного больше.

На Николь Витраль был тонкий серовато-голубой джемпер с глубоким V-образным вырезом. Я почувствовал смущение. А она продолжала как ни в чем не бывало:

— Так чего вы от меня хотите?

— Разрешения видеть Лили. Разговаривать с ней. Смотреть, как она растет...

— Всего-то?

Я догадывался, что переговоры затянутся. И стоял, не зная куда девать глаза, лишь бы не пялиться на ее белеющую обнаженную грудь. Николь Витраль машинально одернула сзади джемпер.

— Мне прятать нечего. Вопреки тому, что вы себе внушили, я, представьте себе, тоже заинтересована в том, чтобы правда восторжествовала. Вам удалось что-нибудь выяснить?

Я заколебался. Похоже, преимущество опять на моей стороне. Но надолго ли? Вырез джемпера уже снова опускался, возвращаясь в первоначальный вид.

— Версий много, но пока большинство из них уперлись в тупик. Правда, я узнал некоторые волнующие подробности...

Николь Витраль чуть помешкала, обводя взглядом улицу Пошоль.

— Вы дали Матильде де Карвиль письменное обязательство хранить конфиденциальность? И сообщать о полученных результатах только ей?

— Ничего подобного. Она платит мне, чтобы я нашел доказательство.

— Доказательство? И все? Ну, у меня таких денег нет, но... Щедрости Матильды де Карвиль хватит на двоих.

Она улыбнулась и снова одернула джемпер.

— Ладно. Услуга за услугу? Заходите. Угощу вас чашкой кофе. Расскажите мне, что вам стало известно, пока Лили не проснется.

Николь Витраль доверилась мне. Почему? Понятия не имею.

Я понимал, что веду опасную игру. Если я добуду решающее доказательство, то окажусь между двух огней. Между двух вдов — одной настоящей, а второй — при живом муже. Попробуйте-ка в подобных условиях сохранить нейтралитет. У меня это плохо получалось. Слишком уж простота Витралей контрастировала с высокомерием Карвилей. У Леонса де Карвиля образовалась вода вместо мышц, у Мальвины — пар

вместо мозгов, а у Матильды — кусок льда вместо сердца. Я работал на них, был их преданным псом, но мои симпатии безраздельно принадлежали Витралям.

Марк и Лили были чудными детьми. У меня вошло в привычку их навещать. Во всяком случае, я не пропустил ни одного дня рождения Лили. Иногда мы приезжали в Дьепп вместе с Назымом. Он пугал малышей своими усами. Я восхищался Николь — ее энергией, чувством юмора и решимостью вырастить Марка и Лили, чего бы это ей ни стоило. И она справилась. Из огромной суммы денег, стараниями Матильды де Карвиль копившейся на банковском счету Лили, она не тронула ни сантима.

Главными качествами Николь были твердость и верность. Невероятная женщина. Так шли месяцы, складывавшиеся в годы.

У меня появилась еще одна стойкая привычка, и пришло время рассказать вам о ней. Вы пока даже не представляете себе, до чего это важно. Каждый год в преддверии 22 декабря я отправлялся в паломничество на гору Мон-Террибль. Останавливался в ближайшем поселке Клербьефе, что на берегу реки Ду, и подолгу бродил по тем местам, где упал самолет. Ходил, размышлял, потом перечитывал собственные записи.

Как будто надеялся, что в конце концов сама природа откроет мне секрет.

Я всегда ездил туда один, без Назыма.

Вскоре я изучил в лесу каждую тропинку, узнавал в нем каждый камень и каждую елку. Я прямо-таки кожей чувал, что должен приручить этот уголок дикой природы, научиться слушать его, не думая о катастрофе. Примерно то же самое должно было произойти в моих отношениях с Витралями.

Вы мне, конечно, не поверите, но это сработало! Гора приняла меня как своего. Через три года. В декабре 1986-го. Через три паломничества. Она выдала мне свой секрет. Именно здесь я совершил самое поразительное за все восемнадцать лет расследования открытие.

22 декабря 1986 года, ближе к вечеру, я находился на вершине, когда вдруг разразилась гроза. Спуск вниз занял бы не меньше двух часов — под проливным дождем и вспыхивающими одна за другой молниями. Я стал искать, где бы укрыться от разгула стихий. Молоденькие деревца, высаженные на месте крушения самолета, на роль прибежища никак не годились.

Я пошел куда глаза глядят и прошагал так километр или два, пока не

наткнулся на нее. Я вымок до нитки. Поначалу я решил, что мне почудилось, но продолжал месить грязь, и то, что я принимал за обманчивое видение, постепенно обретало черты реальности.

На дождь я уже не обращал внимания. Сердце колотилось как бешеное. Я пер напролом и...

Марк выругался сквозь зубы.

Вырванный лист заканчивался этими словами.

«Я пер напролом и».

Он со злостью поддал ногой усыпавший землю гравий. Рыбаки, как по команде, подняли головы и неодобрительно уставились на него. Продолжение фразы находилось на следующем тетрадном листе, в часе езды на метро, на Лионском вокзале, в запертой ячейке камеры хранения, код которой был известен только ему.

Марк сунул листки в карман, проклиная себя и витиеватый слог Гран-Дюка. Нет чтобы изложить все коротко и ясно! Сыщик явно черпал извращенное удовольствие, превращая отчет о расследовании в запутанный детективный роман!

Марк пересек канал по мостику. На улицах Куврэ царил покой. Прелестная деревушка, приютившаяся под сенью Диснейленда, казалась искусственной, словно слепленной из папье-маше. Декорация. Улица Шо-Солей начиналась сразу за правым поворотом. Тихая, тенистая, она больше походила на тропу в лесу, чем на городскую улицу. Марк осторожно шел вперед. Кто такие Карвили? Такие же жертвы обстоятельств, как и он сам? Или настоящая семья Лили, как он надеялся? И одновременно — люди, спланировавшие убийство его деда и нанявшие для этой грязной работы какого-то подонка?

Враги? Союзники? И то и другое вместе?

Марк заставил себя дышать ровнее.

«Прочь сомнения! Приступ агорафобии может застигнуть его где и когда угодно. Например, здесь и сейчас, на этой лиственной аллее...»

В тупичке стояло несколько автомобилей дорогих марок. «Мерседес». «Сааб». «Ауди». Почти все — крупных моделей, кроме одной. «Мини-ровера» синего цвета. Марк остановился, мгновенно пронзенный предчувствием опасности.

Где-то он уже видел эту машину, причем совсем недавно!

Но где?

Вспомнить оказалось не так уж трудно. Почти весь день Марк провел в метро, то есть под землей. На поверхность он выбирался всего дважды. Здесь, в Куврэ, и...

Возле дома Гран-Дюка!

Ему на плечо легла чья-то рука.

В спину уперся металлический ствол. «Огнестрельное оружие?»

Тишину разорвал высокий, почти пронзительный голос:

— Что ты тут вынюхиваешь, поганец?

2 октября 1998 г., 12.50.

Как ни странно, признаков приближения приступа Марк не ощущал. Ни удушья, ни дрожи в руках. Разве что пульс чуть ускорился.

Без паники.

Повернись.

К сожалению, на улице Шо-Солей не было ни души. От высоких деревьев на землю ложились неровные тени. Марк очень медленно развернулся, демонстративно поднял вверх руки, дабы показать, что не намерен спорить.

— Не прикидывайся дураком, Витраль.

Марк прищурился. Перед ним стояла девчонка ростом в полтора метра, весившая не больше сорока килограммов и одетая так, словно только что покинула пансион благородных девиц. При этом у девчонки было лицо тридцатилетней женщины.

«Мальвина де Карвиль!»

Марк никогда ее раньше не видел, даже на фотографии, но сразу догадался, кто это. Она держала его на мушке, и в глазах у нее горела ярость. Марк судорожно обдумывал события последних часов. «Значит, синий „мини-ровер“, припаркованный в нескольких метрах дальше, а часом раньше замеченный им на улице Бют-о-Кай, принадлежит Мальвине де Карвиль. Следовательно, девица побывала дома у Гран-Дюка. Вооруженная пистолетом. Выходит дело, Кредюля Гран-Дюка застрелила она. А теперь собирается застрелить его».

Мальвина окинула его презрительным взглядом.

— Какого черта ты здесь забыл, Витраль?

В интонациях Мальвины проскальзывало что-то почти комичное, как у шавки, облаивающей прохожих из-за забора. Но Марк понимал, что не должен поддаваться первому впечатлению. Эта психопатка на все способна. Например, с дьявольским смехом пустить ему пулю в лоб. Но вопреки всем доводам рассудка, Марк почему-то не мог заставить себя отнестись к угрозам нелепо одетой пигалицы серьезно. Опять-таки, никаких симптомов приближающегося приступа агорафобии он не ощущал.

— Не дергайся, Витраль. Стой где стоишь.

Марк, все так же держа руки над головой, придвинулся к Мальвине на

полметра и улыбнулся.

— Хватит на меня пялиться! — заорала Мальвина и отступила на шаг. — Ты меня не пугаешь! Я все про тебя знаю! Знаю, что ты спишь со своей сестрой! Как тебе, не противно трахать собственную сестру?

Марк снова не сдержал улыбки. Эти обвинения в устах Мальвины звучали невероятно фальшиво. Они напомнили ему восьмилетних мальчишек из летнего лагеря Дьеппа, прячущих робость и неуверенность в себе за самыми грязными ругательствами.

— Если принять твою точку зрения, то я сплю не со своей, а с твоей сестрой...

Этого Мальвина не ожидала и растерялась. Слово компьютер, служивший ей мозгом, завис из-за нехватки объема оперативной памяти. Наконец она нашлась:

— Ты прав. Ты трахаешь мою сестру. Она слишком хороша, чтобы принадлежать к вонючему клану Витралей. Но ничего. Лизе-Розе уже восемнадцать, скоро она даст тебе ногой под зад.

Марк пропускал оскорбления Мальвины мимо ушей. Они звучали слишком пародийно, чтобы задеть его. Ему даже не хотелось перед ней оправдываться или отрицать тот факт, что он спит с Лили. Марк спокойно пошел по аллее, не обращая внимания на Мальвину. Та подняла свой маузер.

— Стой где стоишь, кому говорю!

Марк даже не обернулся.

— Извини, но я пришел не к тебе, а к твоей бабушке. Мне надо с ней поговорить. Это и есть «Розарий»?

— Еще шаг — и я стреляю. Ты что, оглох?

Марк сделал вид, что не слышит ее. Не делает ли он роковую ошибку? Прав ли он, полагаясь на инстинкт, не подающий сигналов о приближении приступа? А что, если эта ненормальная все-таки выстрелит, и он упадет на землю с пулей в спине? Ведь убила же она Гран-Дюка. По позвоночнику текли капли пота. Он уже стоял перед воротами «Розария».

— Что ты там забыл? Сейчас я тебя прикончу!

Мальвина с девчоночьей резвостью скакнула вперед, встала перед Марком, нацелив ему в грудь маузер, и снова с ног до головы окинула его взглядом.

— Ты что-то ищешь? — спросил Марк, стараясь, чтобы его голос звучал не слишком насмешливо.

— Где твой рюкзак? Куда ты ее запрятал? Под куртку сунул?

— Мне что, раздеться? Ты настаиваешь?

— Держи руки на виду!

— А, так ты предпочитаешь раздеть меня сама? Общешься своими маленькими ручками?

Мальвина колебалась. Марк засомневался, не слишком ли далеко он зашел. Девица-то явно не в себе. Ее палец лежал на спусковом крючке маузера. Марк заметил на этом пальце серебряное кольцо с крупным коричневатым камнем того же оттенка, что глаза Мальвины, только не тусклого, а лучистого. Мальвина продолжала сверлить его глазами. «Ясное дело, соображала, куда подевалась тетрадь Гран-Дюка. Как умно он поступил, приняв меры предосторожности».

Марк собрался с духом и произнес:

— Прости, Мальвина, но я предпочитаю твою младшую сестру.

И, не дожидаясь ответа, надавил на кнопку домофона.

— Ах ты засранец! Да я тебя...

Мальвина не договорила. Из переговорного устройства раздался женский голос:

— Да?

— Это Марк Витраль. Я пришел поговорить с Матильдой де Карвиль.

— Входите.

Калитка открылась. Мальвина растерянно посмотрела на свой пистолет, потом снова нацелила его на Марка.

— Ты что, не понял? Давай, заходи!

Марк догадывался, что имение Карвилей — одно из самых крупных в этом квартале, населенном богачами, — должно производить сильное впечатление, но вид огромного парка, даже сейчас, осенью, выглядевшего внушительно, цветочные клумбы и вытянувшиеся идеально ровными рядами шеренги роз поразили его своим великолепием. Сколько же тут соток? Тысяча? Полторы? Он шел по аллее, засыпанной розовым гравием. Пигалица с пистолетом в руке не отставала от него ни на шаг.

— Что, Витраль, нравится? Это «Розарий». Самый большой парк Куврэ! А с третьего этажа видна Марна... Ты хоть понимаешь, чего вы, Витрали, лишили Лизу-Розу?

Марк еле сдержался, чтобы не вклепить этой шмакодявке оплеуху. Она рассыпала свои отравленные стрелы наугад, но некоторые из них по чистой случайности попадали точно в цель. Марк не мог не сравнивать «Розарий» с палисадником дома на улице Пошоль. Пять метров на три. Если во двор загоняли «ситроен», то свободного места вообще не оставалось. Вдали, там, где виднелась оранжерея, из парка выскочила белка и испуганно

уоставилась на людей.

— Надеюсь, хотя бы сейчас тебе стало стыдно!

«Стыдно?»

Марк словно наяву услышал смех Лили. Как только Николь выводила грузовик, уезжая работать, они с Лили бежали в сад играть — в классики или в бадминтон. В детстве этот крохотный садик был им дороже, чем все на свете «Розарии» вместе взятые.

Вот и крыльцо. Три ступеньки. Мальвина, не опуская маузера, прошла вперед и толкнула массивную деревянную дверь.

Марк последовал за ней.

«Не сглупил ли он, по собственной воле заявившись сюда?» Он никого не предупредил, что собирается к Карвилям. И никто не знает, куда он отправился. Мальвина указала ему на длинный коридор. Они поднялись еще на три ступеньки. Стены украшали картины с деревенскими пейзажами; на чугунных вешалках висели шубы. Овальное зеркало, установленное в торце, создавало иллюзию бесконечности коридора.

Мальвина ткнула стволом пистолета в первую справа дверь, украшенную красным лепным орнаментом. Они вошли.

Это была большая гостиная. Почти вся мебель — диваны, комоды — была накрыта белыми чехлами. Очевидно, их снимали только перед приемом гостей. Всю стену напротив Марка занимал книжный стеллаж. В противоположном углу стоял, сияя лаком, белый рояль. «Петрофф». Неимоверно дорогой. Марк в этом разобрался.

Матильда де Карвиль ждала его. Прямая, высокая, стройная. Строгость ее облика нарушали лишь свисавший с шеи крест и испачканный землей подол длинного платья. Рядом дремал в коляске Леонс де Карвиль. Марк обратил внимание на лежащий у него на коленях плед — на нем виднелось несколько пожелтевших кленовых листьев. Черная вдова и паралитик — сцена, достойная третьесортного ужастика.

Матильда де Карвиль не шелохнулась при его появлении. Лишь ее губы искривила странная улыбка.

— Марк Витраль... Какой неожиданный визит! Вот уж не думала, что вы когда-либо почтите нас своим присутствием.

— Я тоже так не думал.

Ее улыбка стала чуть шире. Мальвина отошла в угол комнаты, ближе к роялю.

— Положи пистолет, Мальвина.

— Ба!

Матильда де Карвиль не привыкла, чтобы с ней спорили. Под ее

суровым взглядом Мальвина послушно положила пистолет на крышку рояля. Но осталась стоять рядом — чтобы в случае чего схватить маузер и использовать по назначению.

Этот рояль неудержимо притягивал к себе взор Марка. Разумеется, в гостиной у Карвилей должен был стоять рояль. Как же иначе? Так принято. В семье Витралей музыкой не интересовались. Ни родители Марка, ни бабушка с бабушкой не играли ни на одном музыкальном инструменте. У них и пластинок-то было наперечет. Другое дело — Лили. Чуть ли не с первых месяцев ее жизни на улице Пошоль стало ясно, что она просто заворожена звуками. Любыми звуками. В детском саду она предпочитала музыкальные игрушки. Когда ей исполнилось четыре года, ее отдали в музыкальную школу, что казалось совершенно естественным. Учительница превозносила ее до небес и утверждала, что у девочки выдающиеся музыкальные способности. Марк хорошо помнил, что это всегда вселяло в него гордость.

— Недурной экземпляр, верно? — подала голос Матильда де Карвиль. — Он подлинный. Мой отец заказал его в тридцать четвертом году. Вы меня удивляете, Марк. Вы интересуетесь фортепианной музыкой?

Марк не ответил. Он думал о своем. Когда Лили исполнилось восемь лет, рекомендации учителей музыки приобрели характер настойчивых требований. Лили — одна из лучших учениц школы, твердили они, может быть, самая перспективная. Она с удовольствием знакомилась с разными инструментами, но больше всего любила фортепиано. Однако для серьезных занятий необходимо, чтобы инструмент был у нее дома. Школьных уроков недостаточно. Она должна играть ежедневно, нарабатывать технику. Тот аргумент, что дома у них слишком тесно, учителя музыки даже не рассматривали. Необязательно приобретать рояль. Сейчас можно купить пианино очень хорошего качества, говорили они, их выпускают специально для малогабаритных квартир. Оставался вопрос цены. Приличное пианино, даже не новое, стоило столько, сколько Николь зарабатывала за несколько месяцев. Что тут обсуждать? Николь объяснила внучке, что пианино им не по карману, и Лили молча согласилась.

Резкий звук заставил Марка вздрогнуть. Мальвина возила пистолетом по крышке рояля.

— Оставь в покое оружие, Мальвина! — спокойно приказала Матильда де Карвиль. — Знаете, Марк, я ведь тоже играла. В молодости. Правда, великой пианистки из меня не получилось. Мой сын Александр был гораздо одареннее меня... Впрочем, полагаю, вы пришли сюда не за тем, чтобы обсуждать классическую музыку...

Каждое слово, произнесенное Матильдой де Карвиль, таило в себе какой-то скрытый смысл, и Марк это хорошо понимал.

— Вы правы, — заговорил он. — Ни к чему ходить вокруг да около. Я пришел к вам поговорить о расследовании Кредюля Гран-Дюка. Он передал мне тетрадь со своими записями, которые вел на протяжении восемнадцати лет. Вернее сказать, он передал их...

Марк чуть помолчал и продолжил:

— ...он передал их Лили. Сегодня утром она настояла, чтобы я их прочитал.

— Но вы пришли к нам с пустыми руками, — прервала его Матильда де Карвиль. — Вы осторожны, Марк. Вы нам не доверяете. И напрасно. Я никогда не требовала, чтобы Кредюль Гран-Дюк держал в тайне результаты расследования. Разве это плохо, что Лили будет знать все? Порой сомнение стоит дороже, чем ложная убежденность. Что касается меня, то мне известно содержание этих записей. Гран-Дюк вел себя честно с работодателем. Он был образцовым служащим.

Марк, наблюдавший за отражением Мальвины в лакированной крышке рояля, заметил, как она передернулась.

— Был? — напирая на прошедшее время, переспросил он.

Матильда насмешливо ответила:

— Разумеется, «был». Гран-Дюк работал на меня восемнадцать лет. Три дня тому назад срок действия его контракта истек.

Марк чертыхнулся про себя. Матильда де Карвиль, упиваясь собственным превосходством, пыталась им манипулировать. Несомненно, она знала о смерти Гран-Дюка. Ведь его застрелила ее внучка. Не исключено, что по приказу бабушки... Марк почувствовал, что у него начинают дрожать руки. Что он здесь делает? О чем ему говорить с этой парочкой — старой ведьмой и молодой психопаткой, которая только и ждет сигнала, чтобы пустить ему пулю в сердце? И еще этот полуживой старик в инвалидном кресле... Кошмарная картина. На что он надеялся, когда шел сюда?

Марк сделал несколько шагов, заставляя себя успокоиться. Мальвина сжала пальцы на маузере. Ладно. Терять ему все равно нечего.

— Ну хорошо, — сказал он. — Бросим весь этот цирк. Давайте играть в открытую. Вот уже восемнадцать лет обе наши семьи живут верой. Каждая верит в свое. Карвили — в то, что выжила Лиза-Роза. Витрали — в то, что это Эмили. Что, кстати, подтвердил суд.

Марк вздохнул, подыскивая слова.

— Мадам де Карвиль. Лили выросла на моих глазах. За все эти годы у

меня сформировалось твердое убеждение.

Он сделал паузу и продолжил:

— Мадам де Карвиль! Лили — не сестра мне. Вы меня понимаете? Между нами нет кровного родства. После крушения самолета выжила Лиза-Роза.

Маузер с сухим стуком упал на крышку рояля. Мальвина смотрела на Марка широко распахнутыми глазами, в которых светились изумление и радость. Вчерашний враг превратился в союзника. Шпион скинул маску и явил миру свое лицо.

Лицо друга!

Матильда де Карвиль не шелохнулась. Медленно текли секунды. Наконец она без всякого выражения сказала:

— Мальвина, вывези дедушку в парк.

— Баб, но я...

В глазах девушки стояли слезы.

— Делай что я говорю, Мальвина. Возьми Леонса и погуляй с ним в парке.

— Но я...

На сей раз Мальвина не сдержала слез. Она вышла, толкая перед собой коляску с бесчувственным телом деда.

2 октября 1998 г., 12.55.

Лили покачнулась и чуть не упала. Похоже, эти узкие барные табуреты специально такими задуманы: чтобы клиент знал, когда пора остановиться.

К ней это тоже относится.

Интересно, кто-нибудь додумался запатентовать конструкцию шаткого барного табурета?

Лили поднесла к губам стаканчик джина. Напиток больше не обжигал ей горло. Она уже практически ничего не чувствовала, кроме ставшей скользкой поверхности табурета.

В этом баре на улице Лапп — он назывался «Баррамунди» — она была единственной женщиной. Похоже, девушки не ходят сюда в одиночку, даже днем. Если, конечно, не имеют в виду вполне конкретных планов... Посетители бара старательно делали вид, что не обращают на нее внимания: тянули свое пиво, подливали из бутылок белое алиготе, судорожно заполняли клеточки кроссвордов или пялились в экран телевизора, передававшего запись одного и того же спортивного матча. И все же Лили кожей ощущала на себе их липкие взгляды — на голых ногах, на спине, на затылке...

«Забыться бы...»

Лили одним глотком допила джин и повернулась к бармену — благодушному мужику, лысый череп которого украшала одинокая прядь вьющихся седых волос.

— Что еще вы можете мне предложить?

Она уже попробовала водку и текилу. Водка понравилась ей гораздо больше. Но обучение только началось. До 18 лет она вообще не брала в рот спиртного. Первый бокал шампанского выпила ровно три дня назад. Что ж, пора наверстывать упущенное.

— Думаю, вам достаточно, мадемуазель. Вы и так много выпили.

«Да что он о себе возомнил, этот лысый тип с идиотским чубом? По ней что, не видно, что она совершеннолетняя? Уже целых три дня». Лили уже хотела ткнуть ему под нос своим удостоверением личности, но болван повернулся к ней спиной.

Метрах в двух от нее сидел мужчина в сером костюме с мятым галстуком, опустив нос в стакан, на дне которого плескались остатки

жидкости коричневого цвета. Пожалуй, он был единственным в этом баре, кто не пытался раздевать ее взглядом. Лили склонилась в его сторону, для устойчивости вцепившись в барную стойку.

— Что это вы пьете?

Мужчина в мятом галстуке приподнял голову:

— Классика жанра. Скотч.

— Я тоже хочу. Бармен, налейте!

Бармен слегка нахмурил правую бровь:

— Вы уверены, мадемуазель?

— Брось, Жан-Шарль, — сказал мятый галстук. — Налей для меня.

Жан-Шарль снова нахмурил бровь, на сей раз — левую. Наверное, долго тренировался перед зеркалом.

— Последнюю? Мне не нужны неприятности...

Любитель скотча, демонстрируя ловкость, до которой Лили было далеко, отклонился со своего табурета и прижался к ней. Он не намеревался ее утешать, скорее наоборот судя по всему, он относился к типу людей, подпитывающихся чужими несчастьями и обожающих истории про пожары, наводнения и прочие бедствия.

— Ну? Как вы дошли до жизни такой, мадемуазель...

— Стрекоза. Мадемуазель Стрекоза.

Кажется, мужчина только сейчас заметил, что у его собеседницы фигура топ-модели и что весь бар, затаив дыхание, прислушивается к их разговору.

— Красивое имя... Стрекоза... А меня зовут Ришар. Я учитель. Преподаю в коллеже, в Буазельдье. Это в Двадцатом округе. В общем, сами понимаете...

Лили отпихнула его и протянула руку за стаканом. Отпила виски и сморщилась. «Гадость какая! Нет, лучше уж водку». Ришар понял, что его профессиональные заботы ее не интересуют, и сменил тему:

— Такая красивая девушка... И на профессионалку вы не похожи. Что вы здесь делаете? Как тут оказались? С вашей внешностью...

Лили нагнулась к Ришару, лишь чудом не свалившись с табурета.

— Поди сюда.

Она вдруг схватила его за галстук, притянула к себе и зашептала ему в ухо:

— Я скажу тебе, галстук. На самом деле я некрасивая. На самом деле я только притворяюсь красивой.

На лице Ришара мелькнуло недоумение:

— Чего-чего?

— Ноги... Грудь... Рот... Кожа... Все, что так нравится окружающим... Все, что им так хочется потрогать... Так вот, все это — фальшак. Латекс. Ничего настоящего.

— Ты... Ты...

— Я не вру. Все считают меня красивой, но на самом деле я — урод.

— Ты...

— Что ты заладил одно и то же? Я же тебе объясняю. Я — как ящерица. У меня несколько слоев кожи. Видел по телевизору кино про инопланетян? Они на вид как люди, но это все обман. Особенно тот, который у них за главного. Он выглядит как сногшибательная красотка, а внутри — мерзкая рептилия. Вот и я такая же. Я — ящерица. Глотаю живьем лягушек. Понимаешь?

— Н-не очень... Я кино мало смотрю. Я преподаю...

Новый рывок прервал его речь.

— Это еще не все, галстук. Я тебе вот что скажу. Я не одна. Нас двое. Двое в одном теле, сечешь?

— Э-э... Ты имеешь в виду, что...

— Тсс... Молчи лучше. Ладно, мне пора. Всего через несколько минут... Знаешь что? Я должна сделать что-то очень плохое. Что-то такое, чего я делать не хочу. Меня от одной мысли с души воротит. Но я должна...

Ришар ухватил Лили за плечо — вовремя, иначе он упал бы. Затем провел рукой по ее груди, приблизил к ней губы и пробормотал:

— Зачем? Никто никому ничего не должен. Хочешь, я тебе помогу? Помогу снять фальшивую кожу? И мы вместе посмотрим, что там у тебя внутри. Что это за вторая подружка...

Ришар осмелел. Удерживая его за галстук, Лили оставила ему мало возможностей для маневра, но руки у него были свободны. Он сунул правую ей под юбку. Лили этого не заметила.

— Слишком поздно. Ты не можешь мне помочь. Никто не может. Понимаешь, я должна убить того, кто ни в чем не виноват. Кто ничего не просил... Потому что так сложилось...

— Ну и ладно. Но время-то у нас еще есть? Хотя бы несколько минут? Я хочу, чтобы ты показала мне свою вторую кожу. А то я тебе не верю.

Его правая рука поднялась выше. Левая легла Лили на грудь. Из-за стойки возник бармен. Нахмутив обе брови, он с громким стуком поставил перед собой стакан с выпивкой.

— Полегче, Ришар. Полегче, говорю тебе. Ты что, не видишь, что она совсем девчонка? А ну, убери свои лапы. Неприятностей захотел?

Ришар колебался. Галстук натянулся, врезавшись ему в шею.

— Ты меня слушаешь? Говорю тебе, я должна убить невинное существо.

Лили наклонилась к нему ближе. На сей раз табурет не выдержал и она упала. В падении она выпустила галстук. Ришар выпрямился. Его шею перерезала ярко-красная полоса.

Но он не сердился. Соскочив с табурета, он бросился поднимать Лили.

— Не прикасайся ко мне! — закричала она. — Убери свои грязные лапы! Отвали от меня!

2 октября 1998 г., 13.11.

Матильда де Карвиль задернула двойные шторы, прежде удостоверившись, что внучка исправно выполняет ее приказание. Марк посмотрел в том же направлении, на миг скользнув взглядом по морщинистой руке: сквозь прозрачный белый тюль виднелся просторный охряно-зеленый парк. «Розарий» казался декорацией к низкопробному сериалу: богатый антураж, размытые очертания, пастельные тона... Вдали мелькнула фигура Мальвины. Она рывками катила по розовой гравийной дорожке коляску с дедом. Голова несчастного старика постепенно клонилась набок, выворачивая ему шею; его застывшие в бессмысленной неподвижности глаза смотрели куда-то вверх, то ли в белесое небо, то ли на древесные кроны, то ли на полет последних пламенеющих алым листьев клена. Мальвина ни разу не наклонилась к деду, чтобы усадить его ровнее.

Матильда выждала несколько секунд. Мальвина и Леонс двигались вдоль розария, удаляясь в сторону оранжереи и беседки на берегу Марны. Матильда медленно задвинула двойные шторы. Комната снова погрузилась в негустой сумрак, в котором белели накрытые чехлами диваны да светился лаком «Петрофф». Матильда де Карвиль повернулась к Марку.

— Марк! Вы разрешите мне называть вас Марком? Думаю, в моем возрасте это позволительно. Раз уж вы пришли, я хотела бы задать вам один вопрос. Очень простой вопрос. Вы ведь виделись с Лили в последние дни? После дня ее рождения? Так вот, скажите, она носила кольцо?

Марк подошел к роялю. Погладил пальцами клавиши, не нажимая на них.

«Обмануть ее? Но зачем?»

— Да, носила. Кольцо со светлым сапфиром.

В лице Матильды де Карвиль не дрогнул ни один мускул. На нем не отразилось никаких чувств — ни триумфа, ни ликования. Марку это показалось странным. Она напомнила ему полицейского, который хочет, но боится принять на веру признания преступника.

Марк провел рукой по роялю. Маузер по-прежнему лежал на белой лакированной поверхности, сантиметрах в восьмидесяти от него. Марк попытался найти взглядом Мальвину в парке, но за шторой не было видно ничего, лишь тусклый свет едва пробивался сквозь плотную ткань.

— Она сошла с ума, — вдруг спокойным голосом произнесла Матильда де Карвиль. — Моя внучка практически сумасшедшая. Полагаю, вы это заметили?

Марк ничего не ответил.

— Что вы об этом думаете, Марк?

Марк молчал.

— Я имею в виду, о безумии? Я говорю именно о безумии. Что вы о нем думаете?

Пальцы Марка скользили по клавишам слоновой кости. Этим нехитрым маневром он пытался скрыть дрожь в руках.

— Я с вами разговариваю, Марк! — ледяным тоном обратилась к нему Матильда де Карвиль. — И о вас. Вам на долю выпало то же испытание, что и Мальвине. В ваш детский мозг тоже проникло сомнение. Что случилось с вашей младшей сестрой? Умерла? Выжила? Но вам в отличие от нее удалось сохранить рассудок. Как вы это сделали?

Марк поднял голову, но не издал ни звука.

— Вот ведь пытка, верно, Марк? Все эти годы... Любить кого-то больше всего на свете и не знать, какой природы эта любовь. Целомудренное чувство брата к сестре? Или пылкая страсть? Как вам удалось повзрослеть, нося в душе это сомнение?

Ее тон изменился. И голос звучат громче. В нем прорезались угрожающие нотки. Матильда де Карвиль приблизилась к роялю.

— Если хочешь жить, даже просто выжить, приходится приспособливаться, не так ли, Марк? В детстве мальчик Марк очень любил свою прелестную сестренку Эмили... Но потом мальчик вырос. И вспомнил, что никто не знает наверняка, сестра она ему или нет. Это сомнение пришлось очень кстати. Почему бы не похоронить Эмили и не влюбиться в Лизу-Розу де Карвиль? Красавицу и богатую наследницу?

Пальцы Матильды де Карвиль тянулись к пистолету. Ее голос звучал все громче:

— Я страдала, Марк. Боже, как я страдала... Не знаю, за какие грехи мне была ниспослана эта кара, но все эти годы я только и делала, что их искупала. Поверьте мне, Марк, сегодняшний реванш принес мне много горечи.

Марка душил кашель. Как ни старался, он не мог вымолвить ни слова. Матильда стояла перед ним, на расстоянии не больше метра. О каком реванше она говорит?

Внезапно Матильда де Карвиль развернулась и через всю комнату пошла к книжному шкафу. На рояль упала ее огромная серая тень.

Уверенным жестом она сняла с полки толстую книгу, открыла ее и достала заложенный между страницами голубой конверт. Затем снова пересекла комнату.

— Гран-Дюк познакомился с вами, Марк, и даже стал другом семьи Витралей. Но не заблуждайтесь на его счет. Он продолжал работать на меня и почти каждую неделю присылал мне очередной отчет. Во всяком случае, в первые годы... Примерно через пять лет не осталось почти ни одной нерасследованной версии. А через восемь — ни одной.

В мозгу Марка промелькнула картина — труп Гран-Дюка. Матильда положила голубой конверт на рояль, рядом с пистолетом.

— Последняя относилась к восемьдесят восьмому году.

Матильда снова развернулась. Неужели эта женщина не способна стоять на месте?

— Вы не торопитесь, Марк? Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

Марк удивился. С момента появления в «Розарии» его не покидало ощущение, что все происходящее разворачивается по заранее подготовленному сценарию, включая декорацию этой мрачной, скудно освещенной гостиной. Как будто его прихода ждали. Белый рояль, пистолет на его крышке. Исчезновение в саду Мальвины и Леонса де Карвилей... В саду ли? Плотные шторы не позволяли увидеть, что творится на улице.

— Да, спасибо, — пробормотал Марк. Собственно, а почему бы и нет?

— Травяной чай? У меня есть превосходные сборы из растений, за которыми я ухаживаю сама.

Марк кивнул. Матильда де Карвиль ушла, надолго оставив Марка одного рядом с голубым конвертом и маузером. Это тоже было частью плана, разумеется. Мягкая пытка. Реванш Матильды. Марк старался дышать глубоко, прислушиваясь к себе и со страхом ловя первые симптомы приступа агорафобии. Странно, но если в присутствии Мальвины, этого чудовища с оружием в руках, он ничего не боялся, то театральная сцена, устроенная старухой Карвиль, внушала ему сильную тревогу. Он уже ощущал легкое покалывание в пальцах рук и ног.

Вернулась Матильда с подносом в руках. На нем стояли две чашки с травяным настоем. Она долила в каждую воды и протянула чашку Марку:

— Прошу вас.

Марк колебался. Матильда улыбнулась ему самой искренней из улыбок:

— Не бойтесь, я вас не отравлю!

Он сделал маленький глоток. Питье было обжигающе горячим.

— Марк, — сказала Матильда де Карвиль. — Я не намерена вас дольше мучить.

Марк отпил из чашки. Вкус настоя ему понравился. Что за травы выращивала у себя в тайном саду эта старая ведьма?

— В начале нынешнего десятилетия, — продолжила Матильда де Карвиль, — и вам это известно не хуже, чем мне, у нас появилась возможность узнать правду. Тест ДНК! Стопроцентная гарантия. Английская лаборатория, куча денег, немного слюны или крови — и через пару дней вы получаете результат. Я ждала несколько лет, прежде чем принять решение. Католическая вера не в самых лучших отношениях с генетикой, вы, Марк, должны это понять. Я долго раздумывала. Три года назад, когда Лили исполнилось пятнадцать, я решилась. В каком-то смысле это была последняя миссия Гран-Дюка. Он взялся все организовать. У него имелись связи в отделе научной экспертизы французской полиции. Я дала ему денег. Мероприятие носило абсолютно незаконный характер. Он достал образец крови Лили — как раз в день ее рождения. Я предоставила ему образцы своей крови, крови мужа и Мальвины. Как просто...

Марк чувствовал, что у него подгибаются ноги. Он отпил еще глоток настоя. Теперь он показался ему кислым на вкус. Конечно, он помнил тот день, когда Лили исполнилось пятнадцать лет. Как и каждый год, они пригласили в гости Кредюля Гран-Дюка. Он принес в подарок Лили высокую узкую вазу. То ли она была сделана из слишком хрупкого стекла, то ли в ней уже имелись трещины, но только не успела Лили взять вазу в руки, как та разлетелась на мелкие осколки. Лили порезала себе указательный палец. Гран-Дюк был безутешен. Он сам собрал осколки, рассыпаясь в извинениях...

«Интересно, признался ли Гран-Дюк в том, что вел двойную игру?» Он не получит ответа на этот вопрос, пока не прочтет оставшуюся часть дневника. Горло Марка сжала судорога.

Его так и подмывало подскочить к роялю, схватить голубой конверт, вскрыть его и узнать правду.

Матильда де Карвиль снова улыбнулась ему странной улыбкой.

— Марк, результаты анализов там, в голубом конверте. Мне они известны вот уже три года. Мне одной. Вы оказали мне большую услугу тем, что пришли сюда, Марк. Возьмите этот конверт.

Марк допил отвар, обжигая горло. Трясущимися пальцами схватил конверт цвета лаванды. На лице Матильды де Карвиль появилась торжествующая улыбка.

— Но не открывайте его сейчас, Марк! Пообещайте мне, что отнесете конверт Николь Витраль. Это дело касается нас двоих — ее и меня. Если и есть на свете человек, имеющий право знать правду, то это она.

На комнату ледяным инеем спустилась тишина. Марк медленно сунул голубой конверт в карман.

— Что заставляет вас думать, что я не открою конверта сразу, как только покину вас?

— Ну, вы ведь послушный мальчик. Вы не станете обманывать свою бабушку. Потому что это письмо я адресую ей.

— Это вы придумали такое правило. С какой стати мне его выполнять?

— Вы выполните его, Марк. Обязательно выполните. Потому что и без того знаете, какая правда содержится в конверте.

Марк задыхался. У него горело горло, горел желудок. Матильда де Карвиль повторила:

— Чего вы боитесь, Марк? Разве не этого вы хотите? Узнать, что выжила Лиза-Роза, а Эмили умерла. Конечно, Николь огорчится, но счастье внука быстро ее утешит.

Приступ агорафобии все же настиг Марка. Он больше не мог нормально дышать. Нутро пылало, словно ему в живот плеснули кипятку. Матильда де Карвиль рассмеялась ужасным нарочитым смехом.

— На что вы надеялись, Марк? Жениться на Лили? На то, что по достижении совершеннолетия она возьмет фамилию де Карвилей? И вы станете моим внуком? Надеетесь на роскошное венчание в соборе Парижской Богородицы? Моему мужу будет нелегко проводить внучку до алтаря, но с этим мы как-нибудь справимся. А потом? Вы с Лизой-Розой будете приходить к нам по воскресеньям на чашку кофе? И играть в парке в шахматы, глядя, как течет Марна, пока я буду вести с вашей бабушкой беседы о жареной картошке и вафлях? Ах, какая жалость, Марк... Какой облом!

Марк попытался взять в руки чашку, но она выпала у него из пальцев и разбилась, усеяв ковер возле рояля осколками.

— Отдайте этот конверт вашей бабушке, Марк. Если она пожелает, пусть покажет вам результаты анализа ДНК. Также передайте ей, что я ни о чем не жалею. Меньше всего — о потраченных деньгах. Я примирилась с собой.

Взор Марка затуманился. Горячая кровь стучала в висках. Ноги отказывались ему повиноваться. Из последних сил он оперся о клавиатуру рояля. Инструмент, издав протестующий какофонический аккорд, чуть замедлил его падение.

2 октября 1998 г., 13.15.

Аиля Озан стояла перед домом номер 21 по улице Бют-о-Кай. Она приподнялась на цыпочки, пытаясь разглядеть, что творится в саду. Все было тихо. Окна заперты светло-зелеными ставнями. Аиля снова и снова нажимала на кнопку звонка. Никого!

Устав ждать, она пошла по улице в надежде обнаружить хоть что-нибудь. Она часто бывала у Кредюля Гран-Дюка, готовила еду, пока Кредюль с Назымом обсуждали дело, за спорами порой засиживаясь до поздней ночи. Немного послушав, о чем они говорят, она ложилась на диван и засыпала под потрескивание дров в камине и беззвучный хоровод стрекоз в виварии. Ее убаюкивали мужские голоса: один из них принадлежал человеку, которого она любила больше всего на свете, а второй — его лучшему другу. Куда они оба запропастились? У Кредюля пусто, от Назыма уже два дня ни слуху ни духу. Что-то здесь не так.

Аиля поравнялась с баром «Время вишен». Зайти? Кредюль часто заглядывал сюда выпить чашечку кофе. Может, они что-нибудь про него знают? Она остановилась в задумчивости. Заметят ли посетители бара неестественность ее походки? Покидая свою палатку на бульваре Распай, Аиля прихватила самый большой и острый нож, завернула его в пластиковый пакет и сунула за ногу, благо на ней были широкие брюки. В рюкзак нож не влезал из-за своей длины. Зачем она его взяла? Так, на всякий случай. Ее все сильнее одолевало предчувствие грядущей опасности.

Аиля окинула взглядом улицу Бют-о-Кай. Народу здесь было совсем немного. В основном мамы с детьми. Некоторое оживление наблюдалось только возле булочной.

Вдруг она застыла на месте.

У нее заколотилось сердце.

Возле тротуара, метрах в пятидесяти от дома Кредюля, была припаркована его черная БМВ. Одна. Никаких следов синей «ксантии» Назыма. Назым поехал к Кредюлю. Если они вместе покинули дом на Бют-о-Кай, с какой стати предпочли воспользоваться грязной и побитой «ксантией», а не БМВ? Надо было знать маниакальную страсть Кредюля к хорошим машинам, а Аиля успела изучить все его привычки.

Аиля обошла окрестности. Улицу Самсона, проезд Буатона, улицу Жана-Мари Жего, улицу Альфана. Она шагала медленно, слегка приволакивая ногу, которую не могла согнуть из-за сунутого в штанину ножа. А что, если пластиковый пакет прорвется? Тогда нож вонзится ей в ногу, и она, как последняя дура, упадет прямо посреди улицы...

— Вы что-нибудь ищете?

К ней обращался мужчина с собакой. Весь его вид говорил о том, что он терпеть не может чужаков, которые шастают по его кварталу. Особенно ему не нравились турецкие женщины, болтающиеся рядом с припаркованными автомобилями соседей.

— Я... Я — знакомая Кредюля Гран-Дюка. Он живет на улице Бют-о-Кай, в доме номер двадцать один. Это небольшой дом, вон там, не доходя «Времени вишен». Дома его нет, но машина стоит. Черная БМВ. А вы случайно не видели здесь еще одну машину? Синюю «ксантию»?

Мужчина посмотрел на нее взглядом сотрудника иммиграционной службы министерства внутренних дел, которому вменено в обязанность проверять документы у всех подозрительных лиц в этом районе. Потом вопросительно уставился на своего пса, словно спрашивал у него совета, как быть.

— С помятым капотом? С букетиком цветов на зеркале заднего вида? И турецким флагом на ветровом стекле? Вы эту машину имеете в виду?

Мужчина замолчал, довольный собой. Аиля кивнула, одаривая его благодарной улыбкой. У нее затеплилась надежда. Вряд ли на мужчину подействовал ее восточный шарм — скорее уж он доверился инстинкту своей собаки, которая в данный момент прижималась к ногам Аили и дружелюбно помахивала хвостом.

— «Ксантия» стояла на этой улице несколько последних дней, — признался мужчина. — Но вчера она исчезла. Так что зря вы здесь ходите. Вы ее точно не найдете.

Нож больно впивался в ногу Аили. Эта чертова шавка в конце концов на него напорется. Аиля чуть нагнулась, стараясь отпихнуть от себя псину и одновременно переступить с ноги на ногу. Мужчина смотрел на нее все более подозрительно. Мерзавец. Фашист. Но он может сообщить ей что-то важное. Аиля дружелюбно улыбнулась ему и погладила собаку. «Ничего, она не обижается».

— Кажется, вы хорошо знаете этот район... Скажите, вы ничего необычного здесь в последние дни не замечали? Может быть, незнакомых людей? Или другую машину, которая не принадлежит никому из соседей?

Мужчина не скрывал изумления. «Вот нахалка!» Машинальным

жестом он потянул за поводок. Но Аиля не собиралась отступить. Ей терять было нечего.

— Я имею в виду, не видели ли вы здесь чужаков?

Он посмотрел на собаку и самодовольно произнес:

— Синий «мини-ровер». Торчал тут сегодня все утро. За рулем была девица. Очень странная девица. На вид — подросток, а лицо как у старухи. Что-то она тут вынюхивала. Так вы ее искали?

Аиля внезапно побледнела. Разумеется, она поняла, о ком говорит владелец собаки. Назым не раз описывал ей Мальвину де Карвиль — ее необычную внешность, ее дурной характер, ее «мини-ровер», подаренный богатой бабкой... Кроме того, Назым говорил, что после авиакатастрофы, в которой погибли ее родители, Мальвина окончательно слетела с катушек.

«Сумасшедшая. Опасная сумасшедшая».

Аилю охватила паника.

— Да... Спасибо... Спасибо вам большое.

«Что же ей теперь делать? Бежать в полицию? Написать заявление об исчезновении человека? Но там ей придется рассказать все, что она знает об этом деле. О Карвилях, о Назыме... Он пропал два дня назад. Если она заговорит, то пустит полицию по его следу. Назым никогда ей этого не простит...»

Мужчина с собакой удалялся по улице, продолжая оглядываться на нее через плечо. «Нет, она должна найти выход самостоятельно. Ей много чего известно о Карвилях». Она помнила каждое слово, произнесенное Назымом в постели. Фашист с собакой скрылся за углом улицы Самсона. Аилю пронзила странная дрожь, вызванная тревогой и возбуждением одновременно. Она вспоминала Назыма, своего великана, вспоминала, как он целовал ее, щекоча усами. «Только бы снова обнять его! Только бы прижаться к нему покрепче!»

Аиля нагнулась и потрогала спрятанный в штанине нож. Один след у нее все-таки появился. Мальвина де Карвиль! Помощи Аиле ждать не от кого, но это не страшно. Она и сама не дура. Карвили живут в восточной части города, неподалеку от Марн-ла-Валле. Она их разыщет. Не зря она двадцать лет прожила с частным сыщиком. Она распутает этот клубок.

2 октября 1998 г., 13.17.

Марк шел плохо освещенным коридором. Матильда де Карвиль просто открыла перед ним дверь, но провожать его не пошла, предоставив ему в одиночестве разбираться с собственными сомнениями. Приступ агорафобии постепенно отступал; дыхание выравнивалось. Обжигающее действие настоя тоже понемногу ослабевало. Марку даже казалось, что он чувствует себя лучше, чем раньше. Он заметил свое отражение в большом овальном зеркале, стоящем в торце коридора, но не стал перед ним задерживаться.

Там было три ступеньки, он помнил. Толкнул тяжелую дубовую дверь. «Бежать отсюда. Как можно быстрее».

Ноги еще плохо слушались Марка. В голове металась беспорядочные мысли. «Открыть голубой конверт с результатами анализа ДНК или не открывать? Набраться терпения на несколько часов, пока он не придет в Дьепп? А что, если Матильда де Карвиль приготовила ему ловушку?»

Первая ступенька. Вторая. Третья.

Марк полной грудью вдохнул прохладный воздух. Спасительная свежесть! Надо решить, что делать дальше. Перед ним расстился тенистый парк «Розария». Почему-то его вид навел Марка на мысли о территории дома престарелых. Или психиатрической клиники...

Марк пошел к калитке. Слева от него, под кленом, стояла коляска Леонса де Карвиля. Старик спал, уронив голову на плечо. Мальвина просто бросила его посреди лужайки.

Марк шел, и розовый гравий скрипел у него под ногами.

На ходу он пытался привести в порядок мысли. Перед ним стояло три неотложные задачи, все три — так или иначе связанные с преступлением. Во-первых, убийство Гран-Дюка, совершенное несколько часов назад. Пока все выглядело так, словно его убила Мальвина де Карвиль. Во-вторых, убийство его деда: теперь Марку стало очевидно, что утечка газа в фургоне, в результате которой пятнадцать лет назад погиб Пьер Витраль, была кем-то организована. Марк помнил, что в дневниковой записи Гран-Дюка его внимание привлекла какая-то деталь, свидетельствующая о некоем несоответствии. Он пока не мог определить, в чем тут дело, но знал, что найдет разгадку в своей комнате, в бабушкином доме в Дьеппе. В-третьих,

Лили. Лили и путешествие, из которого не возвращаются. Так она говорила. Что это? Бегство? Месть? Решение покончить с собой?

Связаны ли между собой эти три трагических события, а если связаны, то как? Бесспорно, связаны. Ответив на один вопрос, он ответит и на два оставшихся.

Снова раздался хруст гравия. На сей раз — у Марка за спиной.

— Куда это ты, Витраль?

Мальвина!

Марк обернулся.

— Ухожу. Я узнал от твоей бабушки все, что хотел...

— Да ну? Ничего ты не узнал! Моя бабка давно в маразме. Ты дурак, если повелся на ее байки.

Марк вздохнул.

— Правду знаю только я, — продолжала Мальвина. — Я жила в Турции. Остальные погибли. Сгорели в самолете на горе Мон-Террибль. А я — нет. Я улетела раньше. Пошли со мной, Витраль!

Марк недоверчиво смотрел на Мальвину.

— Пошли со мной, кому говорю! Да не бойся, я без оружия. Ты только что говорил, что восемнадцать лет назад выжила Лиза-Роза, а погибла Эмили. Говорил? Тогда пошли!

Марк не сдвинулся с места.

— Давай шевелись, Витраль! Не пожалеешь! Тебе будет интересно.

«Почему бы и нет, в конце концов?»

Вся горя каким-то детским нетерпением, Мальвина быстро пошла назад по аллее. Снова открыла дубовую дверь, миновала коридор и двинулась вверх по лестнице. Марк следовал за ней. Он был заинтригован. На втором этаже Мальвина обернулась к нему, приложила палец к губам и прошептала:

— Моя комната справа. Не надейся, туда я тебя не пушу. А слева — комната Лизы-Розы. Пошли...

Марк шагнул за ней. Как и в прошлый раз, в присутствии Мальвины он не ощущал ни малейшей тревоги. Симптомов приближающегося приступа он тоже не чувствовал.

Мальвина открыла дверь.

Взору пораженного Марка предстала прелестная детская. Здесь было все, что нужно для маленькой девочки. Уютная розовая кровать. Плюшевые игрушки. Занавески с жирафами — их длинные шеи тянулись чуть ли не от пола и касались потолка. Оранжевое махровое полотенце на дубовом пеленальном столике. Одежный шкаф в цветочках пастельных

тонов. На полках — музыкальные шкатулки, ночник, еще плюшевые игрушки: голубой слон, тигр и серо-белый зайчик. На полу — пушистый ковер. И снова — игрушки. Пестрые погремушки, слоник, тряпичные клоуны...

Марка охватило неудержимое желание бежать отсюда как можно скорей. «Сию же минуту. Долой из этого сумасшедшего дома!» Но ноги отказывались ему повиноваться. Словно Мальвина опутала их невидимыми колдовскими нитями.

— Восемнадцать лет назад бабушка приготовила эту комнату к приезду Лизы-Розы из Турции. С тех пор мы поддерживаем ее в жилом состоянии — вдруг Лиза-Роза вернется! Понимаешь? Она ведь может появиться в любую минуту!

Мальвина шустро проскочила в комнату и, раскидывая ногами игрушки, бросилась к шкафу. На полках стопками лежала детская одежда. С плечиков свисали платья всех размеров. Верхнюю полку занимали шляпки; внизу стояли прелестные туфельки и босоножки. На пол упала крохотная розовая шапочка, подбитая мехом.

Мальвина повернулась к Марку и с воодушевлением маленькой девочки, демонстрирующей взрослому человеку домик своей куклы, заговорила:

— Теперь я здесь прибираю. Уверена, если бы не я, бабушка выкинула бы все это на помойку. Представляешь? На помойку! Ты меня понимаешь. Конечно, я знаю, что Лиза-Роза уже выросла, но все равно... Ей ведь будет приятно прийти сюда, посмотреть на свою детскую, на все эти игрушки... Как ты думаешь, а?

Марк отступил на шаг, остановившись в дверях комнаты. Его переполняли самые противоречивые чувства.

— Ну смотри же, Витраль, смотри! Что ты там застрял, заходи! Скажи мне, ты ведь любишь Лизу-Розу?

Марк против воли вошел в комнату.

— Смотри! Тут и подарки!

Так плохо Марку не было еще никогда. Он как будто попал в страшную сказку. Как это вышло, что он стоит здесь, в комнате, похожей на игрушечный отдел детского магазина, и разговаривает с убийцей?

— Смотри, Витраль! Это все ее подарки ко дню рождения. С тех пор как ей исполнился годик. Ну, и рождественские тоже...

Мальвина указала Марку на кипу упакованных в подарочную бумагу коробок.

— Я могу наизусть перечислить, что в каждой из них. Самая большая,

вон там, на кровати, это подарок к ее первому Рождеству. Мы с бабушкой вместе ходили в магазин, как раз накануне катастрофы. Мне было шесть лет, я хорошо помню. Мы пошли в «Галери Лафайет», там еще в витринах были выставлены движущиеся игрушки...

Она приблизилась к Марку и шепнула ему на ухо:

— Догадайся, что мы ей купили?

Марк потряс головой, охваченный жалостью и ужасом.

— Плюшевого мишку! Самого большого! Он был ростом больше нее! Коричневый такой, с желтыми подпалинами. Его зовут Банджо. Это я его так назвала. Банджо. Он ее очень любит. И ждет. погоди, сейчас я вас познакомлю...

Марк провел ладонью по глазам. Эта дура Мальвина довела его до слез. Мальвина аккуратно открыла огромную картонную коробку и вытащила плюшевого медведя с мечтательным взглядом. Воплощенная мягкость. Мальвина усадила Банджо на кровать, с двух сторон подперев розовыми подушками.

— Привет, Банджо! — радостно произнесла она. — У меня для тебя хорошая новость. Скоро ты будешь не один. Великий день близко. Представляешь? Лиза-Роза возвращается!

«Это комната Спящей красавицы, — подумал Марк. — Набитые соломой звери, слежавшаяся одежда... Вещи, состарившиеся в ожидании мертвого ребенка. Музей покойника».

— Ну, тут еще полно всего, — продолжала щебетать Мальвина, — я не буду все тебе показывать. И куклы есть, это само собой, и книжки с картинками — я знаю, она любит читать. А в этой коробке — скрипка. Это ей подарили на десять лет. Не знаю, обрадуется ли она скрипке, но рояль у нас уже был... А вот эти маленькие пакетики — о, это было выбирать труднее всего! Там украшения. Вот в этом — подарок на тринадцать лет. А в этом — часы. И еще диски, но они, наверное, уже устарели? Бритни Спирс, Рикки Мартин, Ларуссо, ну и прочее в том же духе. А вот в этом большом пакете — музыкальный центр. Это подарок на шестнадцать лет. А самый последний, на восемнадцать, он вот в этом конверте. Догадайся, что там?

Марк покачал головой. Он не смог бы выдавить из себя ни звука, даже если бы захотел.

— Путешествие! Путевка на море! Все включено! Я купила ее в турагентстве на улице Риволи. Ты одобряешь? Как тебе кажется, Лиза-Роза не побоится лететь самолетом?

Кровь стучала у Марка в висках, туманя мысли. «Убить эту

психопатку, задушить плюшевыми игрушками! Лишь бы она замолчала!»

Мальвина стояла совсем рядом с Марком.

— Я открою тебе одну тайну. Моя самая любимая игрушка — это Банджо. Красивый, правда? Честно признаюсь, в самом начале я так любила Банджо, что даже завидовала Лизе-Розе. Я хотела, чтобы он был мой. Но бабушка не разрешила. Как видишь, она оказалась права. Я уверена, что Лизе-Розе он тоже понравится. Как ты думаешь?

Марк смотрел на Мальвину. Он не понимал, как должен себя с ней вести. Детская кроватка, застланная светло-розовыми простынями, формой и цветом напоминала могильный камень. Детская могила. Эта комната была склепом. Подарки, копившиеся годами, были подношением погибшей мученице. Наверное, Бог, видя такую тоску, действительно сжалился и в конце концов воскресил мертвую.

— Что ты все молчишь, Витраль? Обалдел, а? Еще бы! Ты должен локти себе грызть, теперь, когда ты понял, чего вы все лишили Лизу-Розу! Представляю, какое говно вместо подарков она получала у вас на Рождество!

«Ну сейчас она у него получит». Марк уже почти размахнулся, чтобы вlepить Мальвине оплеуху. А потом — бежать отсюда.

Но он сдержался.

— Иди сюда, Витраль, я тебе еще кое-что покажу. Самое последнее...

Марк приготовился к худшему. Мальвина подошла к шкафу, открыла один из ящиков и достала книгу в розовой обложке, украшенной цветочками и прочими финтифлюшками.

— Это детский альбом Лизы-Розы, — просюсюкала Мальвина. — Вот, можешь посмотреть, только не испачкай.

Марк против собственной воли взял книгу, открыл ее и начал перелистывать страницы. Руки у него дрожали.

Она и правда чокнутая.

МЕНЯ ЗОВУТ: Лиза-Роза.

МОИ ДРУГИЕ ИМЕНА: Вероника, Матильда, Мальвина.

МОЕГО ПАПУ ЗОВУТ: Александр.

МОЮ МАМУ ЗОВУТ: Вероника.

Я РОДИЛАСЬ: 27 сентября 1980 года в Стамбуле (Турция).

Дальше шли другие подробности, одна хуже другой. Все вместе производило зловещее впечатление.

МОЙ ДОМ: фотография «Розария».

МОЯ КОМНАТА: детский рисунок, изображающий комнату, в которой сейчас находился Марк; очевидно, рисовала Мальвина, когда была маленькой.

МОЮ ЛЮБИМУЮ ИГРУШКУ ЗОВУТ: Банджо.

МОЮ ЛЮБИМУЮ ПОДРУГУ ЗОВУТ: Мальвина. Это моя сестра.

Марк в замешательстве листал страницу за страницей. Перед ним открывалась фантазмагоричная картина выдуманной жизни.

МОЯ РУКА: отпечаток ладони, видимо, вымазанной краской. Чьей?

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ: голубой.

ЧТО Я БОЛЬШЕ ВСЕГО ЛЮБЛЮ ДЕЛАТЬ: слушать музыку.

Страницы плясали под пальцами Марка.

МОЙ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ: фотография Лили, вырезанная из журнала («Пари Матч»?) и грубо вклеенная в другую, запечатлевшую семейство Карвилей за столом; посреди стола — торт со свечами, тоже откуда-то вырезанный и приклеенный.

МОИ ПЕРВЫЕ КАНИКУЛЫ: та же самая фотография Лили, но помещенная на фотографию, изображавшую поросший цветами горный луг. Рядом — счастливо улыбающаяся Мальвина. Ей на снимке лет восемь — цветы доходят ей почти до пояса.

Марк захлопнул альбом. «Все, с него хватит. Еще чуть-чуть — и голова взорвется от боли». Мальвина заметила, что с ним что-то не так, и вырвала у него из рук книгу.

— Посмотрел? Ладно, давай сюда. Я ее уберу.

Матильда де Карвиль смотрела из окна гостиной, как Марк быстрым шагом удаляется от дома.

Он почти бежал.

Эта паршивка Мальвина все-таки заманила его в ту комнату. Показывала игрушки и прочее. А деда бросила в парке, посреди лужайки, как девочка в осенний день забывает на прогулке кукольную коляску, чтобы весной найти ее ржавой и покрытой плесенью.

— Так ему и надо! — прошептала себе под нос Матильда де Карвиль.

Марк уже добрался до выхода из «Розария». Матильда улыбнулась. Он

спешит в Дьепп, к бабушке, сгорая от нетерпения вскрыть конверт и боясь ослушаться ее. Бедный Марк. Остается лишь надеяться, что результаты анализа ДНК не слишком его разочаруют.

Марк открыл калитку и пропал из видимости, растворившись на фоне зеленой листвы соседних имений.

Матильда задумчиво расхаживала по комнате. Она далеко не все сказала Марку. Например, она умолчала о том, что Гран-Дюк звонил ей вечером того дня, когда Лили исполнилось восемнадцать лет, чтобы сообщить о своем последнем открытии. Этот телефонный звонок менял все. Гран-Дюк утверждал, что докопался до истины. Каким образом? Очень просто! Посмотрев в газету восемнадцатилетней давности!

Матильда де Карвиль нажала пальцем на белую клавишу рояля.

«Неужели Гран-Дюк блефовал?»

Скоро она получит ответ на этот вопрос. Она позвонила в дирекцию компании Карвилей и попросила секретаря прислать ей фотокопию номера «Эст републикен» от 23 декабря 1980 года. Нынче же вечером ей доставят требуемое — если секретарь не полная неумеха. Она велела принести фотокопию ей домой. Пусть пришлют с курьером. Она все объяснила предельно ясно. Так что надо просто подождать. Всего несколько часов. И она наконец узнает, обманул ли ее Гран-Дюк. Или в деле действительно можно поставить точку.

Матильда де Карвиль села на табурет перед роялем и положила руки на клавиатуру. Она не играла уже много лет. Рояль стоял в гостиной немым, бесполезным инвалидом. Как и все остальное в этом доме.

Еще несколько часов.

Тишину разорвали три ноты. До. Фа. Соль.

Все будет кончено. Для всех, кроме Мальвины.

Каким бы ни оказалось содержание газеты, что бы ни открыл Гран-Дюк, что бы ни прочитал Марк, открыв голубой конверт, Лиза-Роза будет по-прежнему жить в больном воображении своей сестры Мальвины. Словно кукла, оживающая в восприятии маленькой девочки. Вот только в игрушечной коляске, с которой прогуливается эта девочка, рядом с куклой у нее лежит маузер. И она способна убить каждого, кто посмеет ей сказать, что она возит за собой не живого человека, а холодный кусок мертвой пластмассы.

2 октября 1998 г., 13.29.

Марк быстро шел по улице Шо-Солей.^[8] «Наверное, улицу называли в честь „жаркого солнца“ еще до того, как здесь поднялись деревья леса Куврэ, — подумалось ему. — Пока что она больше заслуживала названия „улицы холодной тени“». Марк с облегчением увидел квартал Куврэ, серую церковную колокольню, треугольный дорожный знак «Школа! Сбрось скорость!», коричневые указатели «Учебный центр Франсиса и Одетты Тессер» и «Гимназия Давида Дуйе», но главное — робкий солнечный луч, с трудом пробившийся сквозь вату облаков.

Он замедлил шаг, достал мобильник и проверил автоответчик. Новых сообщений не было. Ни от Лили, ни от Николь.

На ходу он набрал номер Лили. Выслушал проклятые семь звонков.

— Лили. Это Марк. Нам надо поговорить. Срочно. Перезвони. Я только что был у Карвилей. Да. Ты правильно расслышала. У Карвилей. Лили, это очень важно. Ничего не предпринимай, пока мы не увидимся. Ты мне очень нужна. Марк.

Он нажал отбой и зашептал сам себе, почти не разжимая губ:

— Перезвони, ну, пожалуйста, перезвони...

Марк продолжал идти вперед, пока не добрался до шлюза Леш. Рыбаки все так же сидели, застывшие, словно изваяния. Канал медленно и лениво нес свои воды. Марк промотал номера, занесенные в память телефона.

Николь.

Еще не стих второй звонок, как ему ответил знакомый, чуть надтреснутый голос:

— Алло?

Марк вздохнул с облегчением.

— Николь! Это Марк. Ты получила мое сообщение?

— Получила, получила. Я только что с кладбища. Как раз собиралась тебе звонить. Насчет твоих вопросов... Мне нечего тебе ответить. Ты виделся с Лили последним, в Париже... Понимаешь...

— Николь, я сейчас в Куврэ. Только что был у Карвилей.

Молчание. Орфей вернулся из ада. Без Эвридики.

Марк пригнул голову.

— Николь! Матильда де Карвиль дала мне конверт для тебя. Анализ ДНК, сделанный в девяносто пятом году. Через отдел научной экспертизы французской полиции. Гран-Дюк украл кровь Лили.

В трубке послышался умоляющий голос Николь:

— Марк, не верь им. После того, что они...

Марк перебил ее:

— Николь, открыть конверт должна ты. Так она мне сказала.

В трубке снова повисло молчание. Марк лишь слышал, как хрипло дышит Николь.

— Марк, где конверт? У тебя?

— Да.

— Опиши его.

Марк не мог понять, зачем ей это, но повиновался:

— Ну, обычный конверт, стандартного размера. Светло-голубого цвета. Линялой лаванды. В таких всегда присылают письма из больниц, из лабораторий...

— Ты его открывал?

— Нет! Честное слово, Николь, я...

— Ни в коем случае не открывай его, Марк! В этом я согласна с Матильдой де Карвиль. Не открывай его. Приезжай в Дьепп. Зачем только ты пошел к Карвилям? А сейчас бросай все и срочно приезжай.

Николь закашлялась. Этот разговор дался ей с трудом. Переждав еще один приступ кашля, она заговорила:

— Марк, ничто никогда не бывает так просто, как нам кажется. Не верь Карвилям, ни единому их слову не верь. Они далеко не все знают. Приезжай скорее. Надеюсь, ты не опоздаешь.

Марку вдруг почудилось, что его со всей силы швырнули головой вниз в ледяную воду канала. Дыхание перехватило. Течение неудержимо влекло его на дно...

— Куда «не опоздаю»? Николь? Куда я не должен опоздать?

— Не теряй времени, Марк. Я жду тебя.

— Николь!

Она повесила трубку.

Марк стоял за бетонным столбом, подальше от толпы, наводнившей Лионский вокзал, и изучал расписание поездов, которое всегда носил у себя в рюкзаке.

Париж — Руан: 16.11–17.29

Руан — Дьепп: 17.38–18.24

До поезда, отходящего с вокзала Сен-Лазар, у него еще оставалось больше часа. Значит, до прибытия в Дьепп он успеет дочитать тетрадь Гран-Дюка. Шагая к метро в потоке пассажиров, Марк пытался вспомнить точные слова, которыми заканчивались вырванные страницы. Детектив находился на горе Мон-Террибль, куда отправился в свое ежегодное паломничество. В горах его застала гроза. Он искал, где бы укрыться. А потом...

К платформе метро подкатил поезд. Перед Марком в вагон зашла молодая девушка, одарившая его сияющей улыбкой. На спине у нее висела гитара — ее черный гриф торчал из футляра, возвышаясь над головой девушки и делая ее похожей на жительницу Бретани с традиционной прической бигуден. Лицо Марка приняло выражение пресыщенного равнодушия, свойственное племени троглодитов, обитающих в подземных чертогах всех мировых столиц. Он прошел в дальний угол вагона, сел возле окна и достал тетрадь Гран-Дюка. Перечитал последние строки на вырванных листках, а затем продолжил знакомиться с повествованием детектива.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

На дождь я уже не обращал внимания. Сердце колотилось как бешеное. Я пер напролом и вскоре вышел к небольшой хижине. Обычная пастушья хижина, на вид заброшенная, с дырявой крышей. Убогое, но все же пристанище. Однако мое внимание привлекла не сама хижина, а горка камней, сложенная рядом. Несколько булыжников, уложенных прямоугольником сантиметров тридцать на пятьдесят. Перед ними из земли торчал крест. У его подножия стоял горшок с кустиком желтого жасмина, даже не увядшего.

Можете представить себе мое изумление. Это была могила! Крохотная могилка!

Я попытался сам себя вразумить. Наверняка какой-то пастух похоронил здесь свою собаку. Или барана, или козу. Или еще какое-нибудь животное. Кого же еще?

Дождь все так же лил не переставая, и я укрылся в хижине. Крыша протекала, и мне пришлось стоять, тесно прижавшись к деревянной стене. Я старательно гнал от себя мысль о том, что полуразмытая ливнем могила возле шаткой постройки могла, судя по размерам, принадлежать не только

домашнему животному, но и... младенцу. Человеку.

Когда дождь утих, я обследовал хижину. Мебели в ней не было — только широкая деревяшка, судя по всему, служившая временному обитателю ложем. Рядом с ней лежало скомканное серое одеяло. Дырявое. На земляном полу имелись небольшие почерневшие углубления — следы кострища. Я определил, что огонь здесь разводили или несколько дней, или несколько недель назад. Повсюду валялся мусор, пустые пивные банки, окурки и прочая дрянь. Значит, кто-то использовал хижину в качестве сквота. Если только это не местные подростки облюбовали ее для своих вечерних посиделок. Вонь в хибарке стояла ужасная — смесь мокрой земли и мочи.

Гроза прекратилась лишь час спустя. На улице уже стемнело, но, поскольку годы паломничества научили меня предусмотрительности, я не слишком расстроился — у меня был фонарик. Выйдя из хижины, я, мяся ногами грязь, направился к могиле. С небес снова закапало. Молясь про себя, чтобы это оказались брызги с деревьев, а не начало нового ливня, я медленно продвигался вперед. Желтый круг света разрезал тьму передо мной. Вот и крест. Он представлял собой две обыкновенные ветки, связанные поперек. Веревка, соединявшая их, выглядела не новой и изрядно истершейся. Сколько здесь стоит этот крест? Год? Два? Больше?

Я посветил фонариком на горшок с растением. Я не большой специалист в ботанике, но даже мне казалось очевидным, что желтый жасмин вряд ли способен пережить зиму вне помещения. Следовательно, горшок принесли сюда не так давно. Возможно, месяц-другой назад.

Продолжать изыскания в темноте представлялось мне затруднительным. С деревьев капала холодная вода. Температура быстро понижалась. Я прикинул: спуск с горы Мон-Террибль при свете фонарика займет у меня не меньше двух часов. И все-таки я оттуда не ушел! Я человек упрямый, вы, должно быть, об этом уже догадались. Я начал раскидывать камни, пытаясь найти то, что они скрывали. И не нашел ничего, кроме земли. Я понял, что следует вернуться сюда с лопатой и раскопать могилу — не рыть же землю голыми руками...

И все же я не собирался так легко сдаваться. Одной рукой я откатывал очередной бульжник, а второй светил себе фонариком. Каждые десять минут мне приходилось менять руку. Я чувствовал себя грабителем могил или членом какой-нибудь зловещей секты, темной ночью, в грозу, добывающим для своего ритуала труп. Собачий, овечий, человеческий — все равно...

Так ничего и не обнаружив, кроме мокрой земли, я кое-как сложил

камни назад.

До своей БМВ я в тот вечер добрался только после полуночи. Еще час занял путь до заведения Моники Женевэ, расположенного на берегу реки Ду; разгулявшаяся непогода и поваливший мокрый снег не давали развить скорость больше двадцати километров в час. Я промок до нитки и вымазался в грязи. Пальцы кровоточили. Следующие десять дней меня преследовала жестокая простуда. И ради чего, подумать только! Пары бульжников и собачьей могилы! При том что отрыть собаку мне так и не удалось! Решительно, это расследование сведет меня с ума, так полагал я, укладываясь спать. Чтобы немного успокоить нервы, я позволил себе выпить целых три бокала соломенного вина матушки Женевэ.

На другой день я снова разыскал специалиста по охране природной зоны Мон-Террибль Грегори Морэ — того самого парня с типичной внешностью лесоруба, словно сошедшего с голливудской киноленты, снятой в Скалистых горах. Он уже несколько лет колесил по окрестностям горы на своем джипе, и логично было предположить, что ему что-то известно и о хижине, и о могиле.

Морэ удивился моему вопросу и не смог дать на него удовлетворительного ответа, что его явно задело. Да, про хижину он знал, она действительно служила временным пристанищем местным подросткам, которых он, насколько хватало сил, гонял. На могилу он не обратил внимания, но не сомневался, что в ней скорее всего и в самом деле похоронена собака. В горных районах Юра умерших псов часто закапывают в землю, сверху насыпая холмик из камней. Такие импровизированные надгробия можно видеть во многих местах по обочинам тропинок.

Мне следовало вернуться на Мон-Террибль с лопатой и раскопать могилу, но я колебался. Назавтра погода испортилась окончательно, температура упала до минусовой и повалил мокрый снег. Прошагать два-три часа и ради чего? Прошлым вечером я ведь уже пытался найти под камнями хоть что-то существенное, но ничего не обнаружил.

Да и вообще, какое отношение к моему расследованию имеет заброшенная хижина в лесу и кучка камней перед ней?

Разумеется, никакого.

В результате я остановился в ближайшем местечке под названием Эндевилле и за чашкой кофе стал ждать, когда улучшится погода. Напрасный труд. С утра повалил густой снег. И я вернулся в Париж.

«Вот и еще одна версия зашла в тупик», — думал я. Расскажи я о своих находках Назыму, он помер бы со смеху.

Только представьте себе — раскопать собачью могилу!

В тот день, 23 декабря 1986 года, я совершил ошибку — правда, тогда я об этом еще не догадывался. Может быть, единственную ошибку за восемнадцать лет расследования, но, боже мой, какую грубую! Да, оправданий у меня было море — снег, холод, плохое самочувствие, невезение, сарказм Назыма, — но разве дело в оправданиях? Я, Кредюль Гран-Дюк, образец упорства и скрупулезности, не довел дело до конца, струсил и бросил расследование на середине. Единственный раз в жизни, клянусь вам! Но это был тот самый раз, когда выпускать ниточку из рук ни в коем случае не следовало...

Впрочем, я снова забегаю вперед. Извините. Итак, шел 1986 год. Цена браслета поднялась до 60 тысяч франков. И по-прежнему — ни одного отклика на объявление. Я продолжал трудиться, пытаюсь не обращать внимания на первые признаки утомления и скуки, четко планировал свои будущие действия... Съездил в Квебек, в Шикутуми, познакомился с четой Бернье — бабушкой и дедушкой Лизы-Розы с материнской стороны. Впустую...

В мой план также входило более близкое знакомство с Витралями, и к исполнению этого пункта я приступил не без удовольствия. Лили было тогда около шести лет, Марку — восемь. 21 июня 1986 года я проводил вместе с ними. Стояла дикая жара. Тогда как раз проходил музыкальный фестиваль, и Лили в первый раз выступала на летней прибрежной эстраде с городским оркестром Дьеппа и исполняла две фортепианные пьесы. Лили, в хорошеньком зеленом платице, с белокурыми кудряшками, была в оркестре единственным ребенком. Потом мы пошли угощаться к Николь, в ее передвижную закусочную. Народищу на улицах было пруд пруди. Николь показалась мне такой жизнерадостной, какой я не видел ее никогда. Она страшно гордилась внучкой, ее музыкальными талантами. Пока Лили играла сонату Шопена, Николь была почти счастлива. Я не отрываясь следил за ней глазами, хотя она этого, конечно, не замечала, — ее взгляд был прикован к сцене, где праздновала свой триумф Лили. Халат в брызгах масла так и оставался на Николь распахнутым — она ни разу не вспомнила о том, чтобы стянуть его полы на груди.

Немного погодя мы уселись на траве. Лили взобралась ко мне на колени и с аппетитом уплетала блинчик. И вдруг спросила, как меня зовут.

— Кредюль.

— Кредюля-дедуля!

Она мгновенно окрестила меня этим именем. Кредюля-дедуля... Интересно, она помнит тот вечер? Из частного детектива и бывшего наемника я превратился в доброго дедушку...

Марк, со своей стороны, торопился домой, в квартал Полле, на улицу Пошоль. Ну, пошли скорей, без конца тербил он бабушку. Он спешил на четвертьфинальный матч Кубка мира. Франция играла с Бразилией. Марку не пришлось долго нас уговаривать. Мне тоже не хотелось пропускать игру. И я с большим удовольствием посмотрел бы ее в компании Марка. Николь разрешила нам с Марком пойти домой. Они с Лили решили остаться на пляже.

Потрясающий вечер...

Когда Платини в самом конце первого тайма, после того как Стопира незаметно пихнул бразильского вратаря, сравнял счет, мы с Марком бросились обниматься. За четверть часа до окончания матча Жоэль Бате вытянутой рукой отбил пенальти Сократеса — футбольный шедевр! — и Марк изо всех сил сжал мне колено. Мы оба возмущенно заорали, когда арбитр — вот сволочь! — не засчитал нарушение правил, хотя своими глазами видели, как бразилец ударил Беллона. Это было уже в дополнительное время. Наконец Луис Фернандес забил решающий гол, и мы, счастливые, побежали на улицу, куда высыпали все соседи. Незабываемый вечер...

1986 год.

Кредюля-дедуля.

Команда Франции вышла в полуфинал, чтобы сразиться с тевтонами!

Н-да, вынужден признать: к расследованию все это имело самое отдаленное отношение.

А что там было расследовать?

К 1986 году я уже практически потерял веру в успех.

2 октября 1998 г., 13.41.

Со своего наблюдательного пункта Аиля Озан отлично видела весь «Розарий». Она спряталась в лесу Куврэ. Сойдя с улицы Шо-Солей, она просто пошла по тропинке, круто взбиравшейся вверх между деревьями. Отсюда у нее, спрятавшейся за толстым стволом, был прекрасный обзор на имение Карвилей.

Пока что никакого движения в парке не замечалось. Старик Карвиль истуканом сидел под деревом посреди лужайки, похожий на современную скульптуру в городском парке. Не хватало только плюща, обвившего его ноги, да моха, наростом покрывшего колеса инвалидной коляски.

Аиля внимательно обзревала окрестности — близлежащие улицы и тропинки. Никаких следов синей «ксантии»! Зато принадлежащий Мальвине де Карвиль «ровер-мини» она засекала сразу. Машина — та самая, что несколько часов назад была припаркована на улице Бют-о-Кай, теперь стояла перед входом в «Розарий».

Значит, ни Кредюля, ни Назыма здесь нет. Аиля заколебалась. Что делать дальше? Ждать неизвестно чего? Или?.. Позвонить к Карвилям? Проникнуть на территорию имения? Разыскать Мальвину де Карвиль, любым способом заставить ее говорить, потребовать, чтобы она объяснила, что делала возле дома Гран-Дюка? А главное, спросить, не видела ли она Назыма?

Бедро Аиле по-прежнему холодило металл ножа. Да уж, она была бы не прочь встретиться с глазу на глаз с Мальвиной. Под ногами у Аили поскрипывала палая листва. Она одернула себя. «Нет уж, с этими Карвилями лучше не связываться».

Пожалуй, все-таки самое разумное — пойти в полицию. Аиля снова и снова обдумывала эту мысль. Что она им скажет? Что у нее пропал муж? Назым Озан ушел из дому два дня назад и с тех пор не подает о себе вестей? Полицейские смогут объявить его в розыск, это в их силах. Только бы не было слишком поздно! В конце концов, они совсем необязательно начнут засыпать ее вопросами. А даже если и начнут... Если она почувствует, что ее ответы помогут им найти Назыма, она готова рассказать все, что знает сама.

Главное, разыскать Назыма. Может, он в чем-то и виноват, но не он

один. Так она и заявит полицейским. Они поймут. И Назым ее поймет. Главное, чтобы он нашелся.

Аиля снова посмотрела на «Розарий». Где же эта Мальвина? Пусть только появится... Аиля приставит ей нож к горлу и заставит выложить все. Она сейчас в таком состоянии, что ей ничего не стоит превратить девчонку в начинку для шаурмы. Но это не понадобится. Мальвина все ей расскажет как миленькая. С головой у нее не все в порядке, но все же она не самоубийца.

Увы, никаких признаков Мальвины по-прежнему не наблюдалось. Лишь ее машина стояла возле дома...

Аилю охватили сомнения. Она стоит здесь уже целый час.

А, будь что будет. Хватит бессмысленного ожидания. Надо идти в полицию.

Аиля выпрямилась.

Ее оглушил звук выстрела.

Аиля упала и инстинктивно вжалась в ковер палой листвы. Она перевела дух. Пуля пролетела мимо цели. Похоже, стреляли с расстояния метров в пятьдесят.

Неужели невидимый стрелок метил в нее? Или это местный охотник, и она зря испугалась? Наверняка в здешнем лесу полным-полно охотников... Богатых бездельников, которые не знают, чем занять время... А тут, наверное, зайцы водятся...

Что же делать?

Да просто закричать: «Эй, здесь я!»

Предупредить, что в лесу человек.

А если это убийца?

Может быть, лучше ползком выбраться на дорогу? Всего пара-тройка сотен метров... Там дома, там люди. Там она будет в безопасности.

Аиля пока не делала ничего, лишь прислушивалась к шуму леса. Адреналин, ударив в кровь, напомнил ей те дни, когда они с отцом бежали из Турции, спасаясь от преследования военщины. Тогда им пришлось несколько часов пролежать в кузове грузовика, под досками, настеленными поверх днища. Она не забыла грохота сапог у себя над головой, когда на границе грузовик подвергся досмотру. Отец, лежавший рядом, зажимал ей рот своей ладонью.

Обостренным слухом Аиля ловила каждый шорох.

Но в лесу царила тишина. Только ветер шелестел листвой.

Она выждала несколько минут, показавшиеся ей часами.

Ничего. Кругом все спокойно.

Она поднялась, стараясь не шуметь, и взгляделась в тенистые заросли. Ну конечно, это была случайная пуля. И звук выстрела только показался ей слишком громким, усиленный эхом. На самом деле стреляли далеко, на другом конце леса. Наверное, она просто перенервничала. «Во что бы то ни стало надо добраться до полицейского участка. Как можно скорее. Прямо сейчас».

Она сделала настороженный шаг. Оперлась рукой о ствол ближайшего дерева.

Пуля засела в стволе.

Помертвевшая ладонь Аили бессильно царапнула кору.

«Стреляли в нее...»

Звук выстрела она услышала за долю секунды до того, как плечо пронзила чудовищная боль. Аиля упала. В пробитой лопатке вспыхнула новая волна боли. Не сдержавшись, Аиля громко застонала и перекатилась на живот. Вся верхняя часть тела отказывалась ей повиноваться. От боли мутилось сознание. Она попыталась опереться на здоровую руку, беспомощная, как грудной ребенок.

Аиля перебирала ногами, стараясь отползти в сторону, спрятаться хоть куда-нибудь. Но никакой опоры ее ноги, раскидывавшие палую листву, не находили. Как будто она училась плавать в бассейне, вместо воды наполненном опавшими листьями.

Боль не давала ей дышать. Но она понимала, что должна двигаться.

Вдруг ее слуха коснулся звук шагов. Зловещий хруст листвы под чьими-то стопами. Шаги приближались.

И вдруг все стихло.

«Он был здесь. Все кончено».

Боли Аиля больше не чувствовала. Ощущала лишь прикосновение листвы — на лице, на шее, на руках. «Хорошо бы так и умереть, — подумала она, чувствуя кожей ласковую щекотку листьев. — Как будто это не листья, а усы Назыма... Густые, нежные, мягкие, дерзкие». Она перенеслась мыслями к побережью в Антакье, где собиралась купить для них с Назымом домик. Дом в Турции, откуда они с отцом так давно бежали...

Тишину разорвал металлический треск взводимого курка. Аиля собрала последние силы, чтобы перевернуться на спину.

Она хотела увидеть своего убийцу.

Этому последнему ее желанию не суждено было сбыться.

В следующий миг пуля пронзила ей затылок.

2 октября 1998 г., 14.40.

Станция «Конкорд». Пересадка.

Марк машинальным жестом спрятал тетрадь в рюкзак. Улыбчивая девушка с гитарой тоже вышла на этой остановке. Некоторое время они шагали по переходу рядом, едва не касаясь плечами друг друга, — оба немного смущенные, как два незнакомых человека, оказавшихся вместе в тесном лифте.

На холодном полу сидела, скрючившись, женщина — сидела и, казалось, молилась. Кому? Каким богам ада? Ни ребенка, ни собаки с ней не было. Она не играла ни на каком музыкальном инструменте. Даже рваной картонной табличкой она не обзавелась. Просто сидела, уткнув лицо в колени. Толпа обтекала женщину, словно досадную помеху на пути. Марк, не замедляя шага и почти не замечая что делает, пошарил рукой в кармане и опустил в безнадежно пустое белое блюдце возле ног женщины монету. Девушка с гитарой бросила на него удивленный взгляд. В этот самый миг из категории «придурков, которые корчат из себя бог весть что», он перешел в разряд «интересных парней, к сожалению, не обращающих внимания на то, что в метро попадают симпатичные девушки»...

Через несколько метров коридор метро раздваивался. Марк свернул направо, к 12-й линии и направлению «Ла-Шапель». Девушка с гитарой пошла налево, на 7-ю линию, к направлению «Ла-Курнёв», чуть задержавшись на месте, чтобы в последний раз взглянуть на красивого, но слишком глубоко погруженного в свои печальные мысли блондина.

«Мадлен».

Поезд приближался к одному из самых многолюдных парижских вокзалов. Час пик еще не наступил, но народу в вагонах и на платформе заметно прибавилось. Читать в подобных условиях представлялось невозможным.

«Сен-Лазар».

Пассажиры рекой хлынули из вагона. Марк с изумлением наблюдал за течением человеческого потока по переходам, ведущим к вокзалу «Сен-Лазар»: люди обгоняли друг друга, расталкивая наименее шустрых, многие,

пренебрегая переполненным эскалатором, бросались к тому, что стоял отключенным, и мчались вверх, перескакивая через ступеньки, чтобы, выбравшись в прямой и длинный туннель, перейти чуть ли не на бег... Что заставляло их так торопиться? Какая-то срочная надобность? Или ввевшаяся в плоть и кровь привычка день и ночь вести схватку с безжалостным временем, превратившаяся в своего рода спортивное увлечение?

Недавно он читал историю одного музыканта, величайшего в мире скрипача с русской фамилией, которую он не запомнил. Однажды этот человек спустился в метро, сел в переходе и начал играть. Без всяких афиш, без каких бы то ни было объявлений — просто достал скрипку и заиграл. Выступая в разных городах мира, он каждый вечер собирал полные залы; чтобы попасть на его концерт, люди выкладывали за билет сотни франков, но в тот день никто — или почти никто — даже не остановился, чтобы послушать его игру. Деловые мужчины в костюмах с галстуком торопливо шли мимо него, озабоченные только тем, чтобы успеть на подходящий поезд. Самое смешное, что, возможно, вечером те же самые мужчины будут так же спешить, чтобы не опоздать на концерт знаменитого музыканта, билеты на который им удалось достать с великим трудом.

Марк в первый раз за весь день решил дать себе небольшую передышку. Спокойным шагом он дошел до зала ожидания. В огромном холле собрались тысячи пассажиров. Они стояли неподвижно, глядя в потолок, похожие на толпу поклонников, ожидающих выхода на сцену рок-звезды с мировой известностью. Вот только они следили глазами не за лучом прожектора, а за освещенными табло, на которых выскакивали цифры и буквы, сообщавшие время отхода поезда и номер платформы, — вернее, должны были сообщать, но не сообщали: потому-то пассажиры и толкались перед этими табло.

Информации об отправлении поезда «Париж — Руан» тоже еще не было. Марк пересек зал ожидания, миновал плотную группу бездействовавших носильщиков и присел за столик на террасе привокзального буфета. Попросил у замотанного официанта апельсиновый сок. Тот мгновенно принес заказ вместе с чеком и не уходил, пока Марк не заплатил, словно опасался, что парень сбежит прямо со стаканом в руке. Марк достал телефон. И громко чертыхнулся, забыв, что собирался спокойно посидеть и чуть-чуть передохнуть.

Лили звонила!

Разумеется, звонок не прошел, потому что он в это время находился под землей. «Можно подумать, Лили следит за ним, ждет, когда он

спустится в метро, и тут же набирает его номер, заранее зная, что не дозвонится. И оставляет на автоответчике сообщение...»

Марк потыкал в клавиши и поднес мобильник к самому уху — шум на вокзале стоял невообразимый. Голос Лили едва пробивался сквозь него. Или она говорила шепотом.

«Марк! Это Эмили. Господи, зачем ты потащился к Карвилям? Доверься мне, Марк. Завтра все будет кончено. И я все тебе объясню. Все-все. Если ты меня и правда любишь, то простишь. Эмили».

Марк несколько секунд сидел неподвижно, с прижатым к уху телефоном.

«Доверься мне...»

«Простишь...»

«Значит, ждать?»

Да ни за что на свете! Лили что-то от него скрывала. Она что-то затевала, причем в ближайшие часы. Не зря же она говорила о каком-то путешествии, откуда нет возврата. Марк снова пробежался пальцами по клавишам и еще раз прослушал сообщение. Его заинтриговала одна деталь.

«Марк! Это Эмили...» Он вдавил мобильник в правое ухо и крепко зажал левое. И стал напряженно вслушиваться, что на переполненном вокзале было совсем нелегко.

«...ты меня простишь. Эмили».

Марк в третий раз прослушал сообщение. Его интересовали не слова Лили, а шумовой фон, на котором она их произносила. Голос Лили звучал глуховато, словно доносился издалека, но после третьей попытки Марк убедился, что его предположения верны. На всякий случай он включил запись еще раз. Нет, ошибки быть не может. Он явственно расслышал завывания сирен скорой помощи.

Марк убрал телефон в карман и задумчиво выпил полстакана сока. Напрашивалось два вероятных объяснения. Либо Лили находилась вблизи какого-то места, где произошла авария, — на улице или где-то еще. Либо она стояла перед зданием больницы! Наконец-то хоть какая-то зацепка!

Марк допил сок, продолжая размышлять. Пытаться выяснять, в каком уголке Парижа случилась авария, было бы глупо: с какой стати Лили станет стоять на перекрестке, где столкнулись машины, и ждать неизвестно чего? А вот если принять за основу версию о больнице... Конечно, в Париже десятки больниц, но пока это единственная ниточка.

Марк поставил на алюминиевый стол пустой стакан. К нему тут же подскочил официант и забрал стакан, явно давая Марку понять, что ему пора освободить стол. Марк не обратил на его намеки ни малейшего

внимания. Его тревожил вопрос: при чем тут больница? Зачем Лили отправилась в больницу? Первым делом он предположил, что с ней что-то стряслось. «Пострадала в аварии? Может быть, сейчас ее везут на каталке в операционный блок... Вокруг суетятся люди в белых халатах...

Путешествие, откуда не возвращаются. Она попыталась наложить на себя руки! Значит, не стала ждать завтрашнего дня!»

«Что делать?»

Сердце у Марка колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

«А что, если обзвонить все парижские больницы?

Собственно говоря, а почему бы и нет?»

Марк позвонил — уже в третий раз за этот день — своей коллеге по «Франс Телеком» Дженнифер. Она в рекордно короткое время выслала ему несколько серий эсэмэсок — каждая по 18 телефонных номеров. Это были телефоны ста пятидесяти восьми парижских больниц и клиник.

Всего-навсего!

Марк потратил больше получаса на переговоры с девушками на коммутаторах. Каждый раз он произносил одну и ту же фразу: «Здравствуйте! Скажите, к вам сегодня не поступала пациентка по имени Эмили Витраль? Нет, в каком отделении, я не знаю. Возможно, в реанимации...»

Каждый звонок занимал от нескольких секунд до нескольких минут. Ответ почти всегда звучал одинаково: «Нет, месье. Пациент с таким именем у нас не зарегистрирован. Вы уверены, что не перепутали фамилию?» Марк дошел до двадцатой строчки в списке и остановился. Сто пятьдесят восемь больниц за час-другой не обзвонишь. Он понимал, что в погоне за призрачной надеждой — подумаешь, отдаленный звук сирены, — теряет драгоценное время. А что, если машина скорой просто мчалась мимо Лили по улице, когда та ему звонила?

Официант трижды подходил к нему и интересовался, не желает ли он чего-нибудь еще. Марк снова заказал апельсиновый сок, хотя пить ему не хотелось. Просто чтобы официант отвязался. К соку он даже не притронулся. «Неужели Кредюль Гран-Дюк прожил все эти годы, пребывая в подобном состоянии? Изучал во всех подробностях каждый след, изначально зная, что он ни к чему не приведет? Бросался на каждый огонек, даже догадываясь, что это не более чем пламя спички, на миг вспыхнувшей под дождем и тут же погасшей?»

Марк поднял глаза к световому табло. Поезд «Париж — Руан» на нем так и не появился. «Слишком быстро понеслись события, — подумал он. — Слишком уж быстро. Эти завывания сирен... Этот голубой конверт в кармане... В конце концов, что ему мешает плюнуть на советы Матильды де Карвиль и обещание, данное Николь, и вскрыть его? А эта тетрадь? Эти откровения Гран-Дюка и как будто нарочно нагнетаемый им саспенс? И ведь надо признать, в его случае это сработало».

Марк залпом выпил второй стакан апельсинового сока. Официант подлетел к его столику с тряпкой, почти не пряча облегчения, нарисовавшегося на лице. Марк словно назло ему достал из рюкзака светло-зеленую тетрадь.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

В 1987 году цена браслета поднялась до семидесяти пяти тысяч франков. Представляете? В те годы это были сумасшедшие деньги, даже предлагаемые за украшение от «Турнера». А вот мое расследование явно буксовало на месте. Никаких новых следов. Я занимался тем, что снова и снова прорабатывал старые версии, читал и по десять раз перечитывал материалы дела.

Для проформы я несколько раз съездил в Турцию. Отель «Аскок», Золотой Рог, торговцы коврами, вечерний Босфор и прочие удовольствия по программе тура «Загадка рождения Лили»... Повторно посетил городок Шикутими в Квебеке и пообщался с семейством Бернье — у них там, кстати, было минус пятнадцать. Результат? Ноль.

В Дьепп я тоже наведалься, если не ошибаюсь, дважды, причем в последний раз вместе с Назымом. Эти воспоминания относятся к числу приятных. Возможно, именно по этой причине я здесь ими и делюсь. Но не только. Мне представляется важным, чтобы вы поняли: я наблюдал за Лили. Если хотите, изучал ее психологию. Изучал обстановку, в которой она росла, пытаясь разобраться, какие из черт ее характера — врожденные, а какие — благоприобретенные. Об этом я расскажу подробнее, чтобы вы могли составить свое собственное суждение. Уверен, это существенно.

Итак, на дворе стоял март 1987 года. Погода была ужасной. Николь Витраль утверждала, что последние две недели в Дьеппе льет не переставая — и это при ветре в шестьдесят километров в час. На улице страшно было нос высунуть. Николь все время кашляла. Каждая произнесенная фраза вызывала у нее очередной приступ.

А вот Назым был счастлив. Он обожал Дьепп. И дождь любил. Еще ему очень нравился Марк, хотя парнишка его немножко побаивался. Своих

детей у Назыма не было, как, впрочем, и у меня, зато у него была жена! Прекрасная Аиля, пухленькая и аппетитная, как шаурма. Что касается футбола, то Назым, естественно, болел за турецкую команду. Марк над ним насмехался: за пару лет до этого сборная Турции в отборочном матче чемпионата мира 1986 года продула сборной Англии со счетом 0:8. «Всухую!» — потешался Марк.

Назым на него не сердился и в доказательство привез ему в подарок майку Дюндара Сиза — левого полузащитника турецкого клуба «Галатасарай». Чувствую, что имя Дюндара Сиза вам ни о чем не говорит... Но попробуйте его «офранцузить». Что получится? Дидье Сикс! Французскому футболисту пришлось принять турецкое гражданство, чтобы уже через год вывести «Галатасарай» в победители национального чемпионата. Дидье Сикс? Да что он умел-то? Освоил один-единственный финт: ложный выпад в сторону и дриблинг внутренней стороной стопы... А прославился в основном тем, что в 1982 году в полуфинальной серии пенальти на чемпионате мира в Севилье, в матче против немцев, отправил мяч прямо в руки вратарю! Он, кстати, тогда уже продался в «Штутгарт». Других и не за такие грехи к стенке ставили!

И вот пять лет спустя Назым не придумал ничего лучше, как подарить Марку майку Дюндара Сиза! Майку предателя, живущего в изгнании под чужим именем! Хороший пример для молодежи. Марк, наивное дитя, ничего этого не знал и стал носить майку. Еще бы, он же не мог помнить, что мы пережили в тот вечер в восемьдесят втором году. Сколько горя принесла Севилья целому поколению французских болельщиков!

Малышку Эмили футбольные страсти не интересовали. В тот мартовский день 1987 года она решила бросить вызов непогоде. Надела лиловый дождевик с капюшоном, из-под которого почти не видно было лица, разве что выбивалось несколько белокурых кудряшек. Обулась в резиновые сапоги того же цвета и отправилась на улицу Пошоль прыгать через лужи. И гоняться за кошками. Николь, растроганная едва ли не до слез, объяснила мне, в чем дело.

Эмили, которой исполнилось семь лет, училась в первом классе и уже умела читать. В тот период она зачитывалась «Сказками кота Мурлыки» Марселя Эме. Помните? Две девочки — Дельфина и Маринетта, деревенская ферма, домашние животные, наделенные даром речи...

— «Сказки кота Мурлыки!» — восхищенно ахала Николь. — И это в семь лет! В первом классе! Вы только представьте себе, Кредюль!

В их скромном рыбацком домике книг было немного — томов двадцать. Из них всего одна — детская. Как раз эти самые сказки. Но какое

отношение они имели к реальным кошкам, спросите вы. Наберитесь терпения, сейчас расскажу. Эмили особенно нравилась история про домашнего кота, который из вредности целыми днями умывался. А ведь каждому известно, что бывает, если кошка умывается: значит, на завтра жди дождя! И вот хозяйка фермы, которым надоело, что недели напролет на улице льет и льет, решили от кота избавиться. Не сдобровать бы ему, но Дельфина с Маринеттой спасли его в последнюю минуту. Так вот, как рассуждала Эмили? Кто виноват в том, что дождь идет у них в Дьеппе уже две недели? Местные кошки, кто же еще? Значит, надо их поймать и попросить каждую, чтобы перестала так часто умываться. Каждую! Позвольте вам напомнить, что Полле — рыбацкий квартал. Эмили подманивала кошек, гладила их и ласково объясняла, что из-за них бабушка Николь не может работать. Вам же самим будет лучше, если выглянет солнышко, говорила она, будете греться на травке...

Эмили и нас с Назымом пыталась привлечь к кошачьей охоте. Среди ее «клиентов» попадались бродячие коты, не желавшие внимать гласу рассудка, и их следовало припугнуть.

— Пошли, Кредюля-дедуля!

— Усатик, пошли!

И она тянула нас на улицу своей крохотной ручкой. С ее дождевика стекали капли. Назым хохотал, но с места не двигался, предпочитая попивать кофе в тепле и сухости. Я, впрочем, тоже. Только восьмилетний Марк, вздохнув, надевал поверх своего коричневого пальтишка необъятных размеров турецкую майку Дидье Сикса и шел за Лили. Как будто эта жалкая тряпка могла защитить его от проливного дождя.

Такая же жалкая, как левый полузащитник Дюндар Сиз на парижском стадионе «Парк де Пренс».

Наверное, я надоел вам со своими слезливыми воспоминаниями. Понимаю вас. Вас интересует расследование. Расследование, и больше ничего. Ладно-ладно, перехожу к делу. Несмотря на неудачи я не отказался от попыток в нем разобраться. 22 декабря 1987 года я, как всегда, отправился на гору Мон-Террибль. Вечером приехал на берега реки Ду, чтобы оставить вещи в гостинице. У меня уже появились застарелые холостяцкие привычки. Хозяйка заведения Моника Женевэ — восхитительная толстушка, говорившая с таким сильным местным акцентом, что порой он напоминал мне квебекский, всегда селила меня в одном и том же номере — в двенадцатом, с видом на Мон-Террибль, — и потчевала мягким сыром конкойот, который специально для меня

выдерживала не меньше месяца. К сыру у нее полагалось вино арбуа. Расследование топталось на месте, заставляя меня все больше нервничать, так что, полагаю, я имел полное право на маленькие радости жизни...

Итак, в тот день Моника, встречавшая меня на дороге, бросилась мне навстречу, не дав мне толком припарковать машину.

— Месье Гран-Дюк, тут к вам пришли!

Я с удивлением уставился на нее.

— Да-да, он вас уже два часа ждет! В последний месяц звонил несколько раз, говорил, что ему надо с вами увидеться. Я объяснила, что вы обычно двадцать второго приезжаете, ближе к вечеру, вот он и явился. Мне кажется, у него есть для вас новости.

Я смотрел на Монику, как Джейм Бонд на мисс Манипенни. С непритворным изумлением и радостным предчувствием. Я поспешил в гостиницу. В холле сидел мужчина лет пятидесяти в длинном темном пальто и убивал время, листая рекламные буклеты. Завидев меня, он поднялся со стула.

— Огюстен Пеллетье. Я уже несколько месяцев пытаюсь с вами связаться, месье Гран-Дюк. Случайно прочитал ваше объявление в «Эст републикен». Правда, я думал, что расследование катастрофы на Мон-Террибль давным-давно закончено. Но вы, судя по всему, его продолжаете. Возможно, вы сумеете мне помочь...

Откровенно говоря, я надеялся на обратное. В смысле, что это он мне поможет, но... Огюстен Пеллетье выглядел вполне респектабельно. Этаким типичный руководитель среднего звена — решительный и ответственный. Во всяком случае, на обманщика не похож.

Я присел рядом с ним. За окном открывался вид на горный хребет, в том числе на вершину Мон-Террибль, в этом году еще не заснеженную.

— Сделаю все что в моих силах, месье Пеллетье. Однако я удивлен...

— Это старая история, месье Гран-Дюк. Постараюсь быть лаконичным. Я разыскиваю своего брата Жоржа. Жоржа Пеллетье. Он пропал много лет назад. В последний раз мы с ним виделись в восьмидесятом. Он тогда жил в хижине на горе Мон-Террибль, недалеко от того места, где рухнул самолет.

2 октября 1998 г., 15.09.

Марк поднял глаза. На световом табло загорелись буквы, замелькали, меняясь, как в электронной игре в скрэбл.

«Париж — Кан». Платформа 23.

Значительная часть пассажиров, до тех пор стоявших в зале ожидания, устремилась к узкой платформе 23, словно цветные песчинки в горловину гигантских песочных часов. Марк знал, что один-единственный поезд может вмещать больше тысячи человек — столько же, сколько в среднем проживает в главном городе какого-нибудь кантона. Ничего странного, что на вокзале скопилось столько народу: два или три поезда задержали, и вот вам результат — тысячи пассажиров в зале ожидания и никого на платформах.

Поезда «Париж — Руан» в расписании по-прежнему не было. Марк посмотрел на телефон. Надо бы продолжить обзвон больниц. Пусть это призрачный след, но другого, чтобы найти Лили, у него все равно нет. Он колебался между мобильником и зеленой тетрадью. Победило любопытство. За несколько минут, остающихся до объявления посадки, можно прочесть еще несколько страниц. «Неужели Гран-Дюк в конце концов нашел свидетеля авиакатастрофы на Мон-Террибль?»

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Со стороны Швейцарии набегали тучи. Довольно редкое явление. За годы, проведенные в Верхней Юра, я научился разбираться в местной погоде.

— Жорж — мой младший брат, — объяснил Огюстен Пеллетье. — Он всегда был слабым. И с трудным характером. Мы с ним очень разные. В первый раз он сбежал из дому — мы тогда жили в Безансоне — в четырнадцать лет. Связался с местным хулиганьем. Полицейские его поймали и привели домой. Но родители ничего не могли с ним поделать. Его даже пришлось на два года отправить в исправительное заведение.

Я сидел, нетерпеливо постукивая пальцами по подлокотнику кресла. К чему клонит Огюстен?

— Сейчас, месье Гран-Дюк, — сказал Огюстен, заметив мое

беспокойство. — Я как раз подхожу к эпизоду, связанному с Мон-Террибль. Не бойтесь. Так вот, в шестнадцать лет Жорж окончательно покинул дом. Не стану расписывать вам в красках образ его жизни. Бродяжничал. Пил. Употреблял наркотики. Ну, и приторговывал, конечно. Так, по малости, ничего серьезного. Понимаете, он превратился в уличного нищего. Сегодня таких принято называть бомжами. В Безансоне его многие знали. Прославился, так сказать. Родители махнули на него рукой. Да и я тоже. Я как раз начал работать, женился, и жена слышать о нем не желала. В общем-то, ее можно понять, как вы считаете, месье Гран-Дюк? Не каждый решится пригласить к себе на Рождество подзаборного бродягу...

Мои пальцы пустились по подлокотнику в пляс, но Огюстен их не видел. Или делал вид, что не видит.

— Я помогал ему как мог, — продолжал он. — Кое-как пытался поддерживать с ним связь — через службы социальной опеки, через полицию. Но Жорж отвергал любую помощь. Каждый раз, когда я протягивал ему руку, в ответ получал пощечину. Ну, одним словом, сами понимаете...

Я все понимал. И мне было в высшей степени наплевать на печальную судьбу Жоржа. Я выразительно посмотрел на Огюстена. Короче!

— Да-да, месье Гран-Дюк, я подхожу к сути. Время от времени мы получали кое-какие новости от Жоржа. Потом он опять надолго пропадал. На год, а то и на два. В мае восьмидесятого я окончательно потерял его след. Жоржу исполнилось сорок два года, а выглядел он лет на пятнадцать старше. И целых восемь лет о нем не было ни слуху ни духу.

Нет, это становилось невыносимым. Белые швейцарские облака зацепились за горные вершины, словно затеяли игру в прятки с Мон-Террибль.

— Месье Пеллетье! Какое отношение ваша история имеет ко мне? И к двадцать третьему декабрю? Дню крушения самолета?

— Да-да, я же про это и рассказываю. Понимаете, я ужасно волновался. Вы даже не представляете себе, до чего я волновался. Ведь совсем никаких вестей, ничегошеньки! Я поговорил с другими бомжами в Безансоне. Это было нелегким делом. Ладно, подробности вас не интересуют... В общем, в конце концов мне удалось выяснить, что Жорж отправился жить на природу. Якобы он утверждал, что ему до смерти надоел город. Кроме того, слишком многие в Безансоне имели на него зуб. Что-то он кому-то задолжал. И полиция его искала. Понимаете?

Я понимал.

— Они рассказали мне, что, по последним слухам, он перебрался в

горы, ближе к швейцарской границе, и поселился в заброшенной хижине. На горе под названием Мон-Террибль. Про нее тогда много говорили — из-за упавшего самолета. Так вот, это был последний раз, когда я что-либо слышал о моем брате. С того дня прошло почти семь лет. Я несколько месяцев старался его разыскать. Но не нашел. Потом я забросил поиски. Потерял надежду. Жена, как можете догадаться, вздохнула с облегчением. И вдруг семь лет спустя я вижу в газете ваше объявление! Меня как стукнуло. И я подумал: «А почему бы и нет? Если есть человек, который расследует тогдашние события, ведь может случиться, что он невзначай нападет на след моего брата?»

Огюстен завершил свою тираду. Я сжал ладонями подлокотники кресла — так капитан сжимает штурвал своего трехмачтового парусника. Мои глаза обшаривали раскинувшийся за окном пейзаж, протиравшийся до горизонта: закругленные горные вершины, наполовину утопавшие в тумане. А что, если Жорж действительно был в той хижине в ночь с 22 на 23 декабря 1980 года? Что, если Жорж и есть тот человек, о вероятности существования которого я на протяжении семи лет расследования даже не подозревал?

Что, если он — свидетель?

Непосредственный свидетель катастрофы. А вдруг именно Жорж первым явился на место аварии? А вдруг именно Жорж нашел рядом с чудом спасшимся ребенком пресловутый браслет Лизы-Розы? А вдруг именно Жорж вырыл ту могилу?

Следующий вопрос сам собой сорвался с моих губ:

— У Жоржа была собака?

Лицо Огюстена приняло изумленное выражение.

«Не тормози, Огюстен, — хотелось мне сказать ему. — Я уже семь лет копаюсь в этой истории!»

— Э-э... Ну да, была. Дворняга. Коричневой масти. Коротконогая такая. А почему вас это интересует?

Я уже делал пометки на обратной стороне рекламной листовки.

— Он курил? Ваш брат курил? Какие сигареты?

— Вроде бы «Житан». Но я не уверен.

— Какой у него размер обуви?

— Сорок третий. Или сорок четвертый.

— А пиво? Какой сорт пива он предпочитал?

— Пиво? Понятия не имею... Правда, не знаю.

Огюстен выглядел растерянным.

— Месье Гран-Дюк, скажите прямо, к чему все эти вопросы? Вы

нашли тело Жоржа? Да? Он умер?

Спокойно, Огюстен, спокойно.

Моника Женевэ как истинно гостеприимная хозяйка принесла нам чаю с печеньем. Печенье немного напоминало бельгийское спекуляус, только было потолще и подлиннее. Огюстен к нему не притронулся. Зато я угощался за двоих, попутно рассказывая ему об открытии, совершенном мною год назад. О хижине, об окурках, о могиле... Огюстен Пеллетье с трудом скрыл разочарование. Еще бы, ведь я не сообщил ему ничего конкретного о брате! Я окунул очередное печенье в горячий чай и, как мог его успокоил. Разумеется, я не утверждаю, что отыщу его брата, тем более — живым и здоровым, но одно я обещаю ему наверняка: в ближайшие месяцы я не буду заниматься ничем иным, кроме его поисков, и брошу на них все свои силы. И я не лгал. Теперь, когда передо мной замаячил призрак единственного возможного свидетеля, уж я его не упущу. Огюстен не зря потратился на поездку из Безансона — взамен он даром получил в свое распоряжение частного детектива, готового сделать все, чтобы найти его брата. А все расходы оплатит Матильда де Карвиль. Любые расходы. Он оставил мне свою визитку. Он был начальником отдела по работе с клиентами страховой компании в Безансоне. Я еще раз клятвенно пообещал ему, что сделаю все, что в моих силах.

В ту ночь я поспал всего пару часов. Отчасти из-за нервозности, но в большей степени — из-за бутылки арбуа, которую на радостях опустошил, добавив к ней еще стаканчик-другой соломенного вина. Такого превосходного вина, какое держала моя хозяйка, я больше нигде не пробовал.

На следующее утро, едва рассвело, я с полным снаряжением отправился на гору. Лопата, грабли, решето... Я твердо решил раскопать могилу рядом с хижинкой и убедиться, что в ней похоронена коротколапая дворняжка коричневой масти, принадлежавшая Жоржу. Кроме того, я прихватил с собой герметичные пакеты и пробирки — последнее достижение криминалистической науки, — намереваясь упаковать в них окурки и пивные крышки, чтобы с их помощью установить личности последних обитателей хижины. В результате мой рюкзак тянул килограммов на пятнадцать. Когда я проходил мимо дирекции Природного парка Верхней Юра, расположенного в одном из изгибов реки Ду, мне приветственно помахал рукой инженер Грегори Морэ. При виде моей поклажи он весело рассмеялся:

— Если ты собрался покорять восьмитысячник, то тебе совсем в другую сторону!

Грегори... Если не считать редких экскурсий для школьников, он, по-видимому, тратил большую часть своего времени на охмуреж практиканток. Во всяком случае, именно такое впечатление у меня сложилось. Этот мерзавец с каждой нашей встречей прямо-таки молодел, несмотря на седые нити, пробивавшиеся в его густой шевелюре. Зато сменявшиеся каждый год практикантки были одного и того же возраста. Он отвернулся от хорошенькой блондиночки, глядевшей на него влюбленными глазами, и сказал:

— Слышь, Кредюль, не могу смотреть, как ты мучаешься. Давай подброшу тебя на внедорожнике. Последние пару километров тебе, конечно, придется топтать пешком, но все-таки самый крутой подъем мы одолеем. Жюли, я минут через двадцать вернусь. Если хочешь дослушать, чем кончилось мое приключение на Шпицбергене, сиди здесь и никуда не уходи.

Грунтовка уперлась в лес, инженер высадил меня, подмигнул и отправился назад, охмурять Жюли. По дороге я задал ему кое-какие вопросы, но он никогда не слышал о Жорже Пеллетье. Что ж, этого следовало ожидать. Все-таки семь лет прошло...

Шагая по лесу, я пытался оживить в памяти воспоминания годичной давности. Холодный дождь, свет электрического фонарика, сложенные камни... Хижину я нашел без труда. С меня градом катил пот. Погода в отличие от прошлогодней стояла отличная. Ярко светило зимнее солнце, заставляя золотиться вершины елей, — что-то вроде горного бабьего лета... Только подснежников с нарциссами не хватало.

По мере приближения к цели меня все сильнее охватывало возбуждение. Давненько я не испытывал такого подъема. Первым делом я обследовал хижину. На первый взгляд, все здесь оставалось таким же, каким было год назад. А ведь за минувший год сюда мог заглянуть кто угодно... Я натянул перчатки и аккуратно собрал в пакеты образцы. Кое-что приходилось выковыривать из плотно утрамбованного земляного пола.

Окурки. Пивные крышки. Обрывки бумаги с пятнами жира.

Не исключено, что эти предметы помогут мне выйти на след Жоржа Пеллетье, хотя, скорее всего, он не появлялся в хижине долгие годы.

Я вышел наружу. Теперь предстояла самая трудная часть работы. Могила. Я приблизился к прямоугольнику камней. Деревянный крест стоял

на прежнем месте. Жасмин в горшке увял. Значит, за этот год здесь никто не появлялся. Почему? Почему незнакомец — кто бы он ни был — каждый год приносил на могилу цветы, а на этот раз не пришел? Солнце припекало, мне стало жарко, я снял свитер и остался в одной рубашке. Ветра почти не было, и, даже раздевшись, я обливался потом.

Я склонился над надгробием из камней.

Меня кольнуло неприятное предчувствие. «Мне показалось или камни сложены по-другому? Не так, как в прошлый раз?»

Я приказал себе успокоиться. Как можно быть в чем-то уверенным? Я видел эту груду камней год назад, ночью, под дождем. Я сам раскидал их, а потом сложил назад, подсвечивая себе фонариком...

Нет! Это было не предчувствие. Кто-то здесь побывал! У меня в памяти четко отпечатались все детали импровизированной могилы, включая размер и форму камней. Не сочтите за похвальбу, но мне еще никогда не приходилось жаловаться на свою зрительную память — она у меня почти идеальная.

Кто-то переложил камни — теперь я в этом не сомневался!

Что ж, ничего не поделаешь. Это означало только одно: я не получу ответов на свои вопросы, не запачкав рук. И я с предельной аккуратностью принялся один за другим поднимать и откладывать в сторону камни. Это заняло у меня около получаса. Хорошо, что светило яркое солнце, иначе мне было бы нелегко побороть ощущение зловещей мрачности происходящего. Я несколько раз останавливался, чтобы попить воды.

Но вот последний булыжник отброшен в сторону, и я взял в руки лопату. Копал я осторожно, но, пока копал, мозг сверлила одна и та же неотступная мысль: зачем я это делаю? Чтобы отрыть собачий труп? На что я надеялся? Что на вершине горы Мон-Террибль похоронен грудной ребенок?

Так я копал около часа. Солнце сместилось к западу. На развороченную могилу упала благословенная тень сосен. Я уже выкопал яму глубиной примерно в метр. Извлек и перенес деревянный крест. И с упорством продолжал копать еще с полчаса.

Я не нашел ничего!

Ни одной косточки — ни собачьей, ни козьей, ни даже кроличьей!

Ничегошеньки!

Каменный мавзолей, крест, увядшее растение в горшке — все это служило лишь театральной декорацией! Под камнями не оказалось ничего. Обессиленный, я рухнул на землю. Я чувствовал себя уничтоженным. Потратить столь сил и энергии — и ради чего? Я напился воды, продолжая

размышлять. Сейчас, сидя в тени в перепачканной рубашке, я даже немного замерз. Поднялся и принялся расхаживать по поляне, разговаривая вслух — то ли с окружающими соснами, то ли сам с собой. И вдруг широко, во весь рот, улыбнулся. До чего же я глуп!

Разумеется, я старался не зря. Как раз наоборот — хуже всего, с точки зрения моего расследования, было бы обнаружить в могиле труп животного. Именно это означало бы, что след завел меня в тупик. Допустим, я откопал бы кости принадлежавшей Жоржу дворняги. Что дальше? Я отнес бы их Огюстену Пеллетье?

Напротив, я разрыл могилу и выяснил, что она пуста. Если хорошенько подумать, подобная вероятность представлялась почти нулевой. Разверстая яма таила тысячи возможностей. Я утер лоб и достал из сумки бутерброд с сыром, заботливо приготовленный Моникой. В принципе, наиболее реальны из них две...

Во-первых, можно предположить, что я наткнулся на символическое захоронение — нечто вроде крестов и венков, которые порой попадают на обочинах автомагистралей, особенно на крутых поворотах, указывая, что в этом месте случилась автомобильная катастрофа с человеческими жертвами. Почему бы и нет? У кого-нибудь из родственников погибших пассажиров аэробуса 5403 вполне могло возникнуть желание соорудить на вершине Мон-Террибль подобную символическую могилу, чтобы было куда время от времени приезжать с букетом цветов... В разбившемся самолете было сто шестьдесят восемь пассажиров, так что выбор достаточный. Вот только встает вопрос: почему могилу устроили здесь, в двух километрах от места катастрофы? И почему она такая маленькая? Как будто ее специально копали для детского гробика? В аэробусе было только два грудных ребенка. Так кто же поставил крест, собрал камни и все эти года поливал желтый жасмин? Кто-то из Витралей? Кто-то из Карвилей? Но кто? Когда? Зачем?

Оставалась вторая гипотеза. Под камнями на самом деле покоился скелет. И некто, пожелавший остаться неизвестным, каждый год навещал могилу. Как мог, ухаживал за ней. И вот, вернувшись сюда в последний раз, этот некто обнаружил, что могила осквернена. Что его тайным побуждениям, какими бы они ни были, грозит риск разоблачения. Следуя этой логике, неизвестный поступил единственно разумным образом: опустошил могилу. Разобрал камни, выкопал скелет, снова уложил камни...

В том, что камни кто-то перекладывал, у меня с самого начала не было никаких сомнений.

В связи со второй гипотезой вопросов возникало не меньше, чем в

связи с первой. Зачем неизвестному понадобилось устраивать могилу, максимально похожую на настоящую? Да еще в таком заброшенном месте? К чему такая таинственность? Неужели он затратил столько усилий ради подохшей собаки? Тогда придется допустить, что это был форменный псих. Жорж Пеллетье?

Не верю!

Я снова обтер лоб. На меня снизошло безмятежное спокойствие. Я был рад всем этим новым вопросам. В сущности, именно этого резкого толчка мне и не хватало все последние месяцы. Я понимал, что времени, чтобы разобраться с каждой из возможных версий, у меня сколько угодно. Порывшись в сумке, я достал решето, которое догадался захватить с собой. Деревянный обод и натянутая снизу нейлоновая сетка. Подобными приспособлениями до сих пор пользуются золотоискатели, исследуя песчаные речные берега. Что ж, если надо просеять гору выкопанной земли через сито, я сделаю это! И если в земле осталась хотя бы крошечная косточка, принадлежавшая собаке, ребенку или диплодоку, я ее найду!

Работа заняла у меня пять часов. Ни один археолог в мире не трудился с таким усердием, как я.

Награду за свое упорство я получил уже ближе к вечеру. Н-да, я честно заслужил свои сто тысяч франков в год! На дне решета, после того как я удалил мелкие камешки и просеял измельченную в пыль землю, блеснула в заходящих лучах солнца золотистая искорка.

Это было звено цепочки.

Овальной формы. Размером один на два миллиметра.

Из чистого золота.

* * *

— Чего уставился, делать больше нечего?

Марк вздрогнул и поднял глаза. Громкий крик вырвал его из погруженности в атмосферу Мон-Террибль — так внезапно разбуженный человек не сразу понимает, где он находится. Шум вокзала слишком резко контрастировал с тишиной леса, в который он полностью перенесся мыслями.

Вместе с большинством пассажиров, толпящихся в зале ожидания, Марк повернулся на истошный женский крик. Ничего особенного:

банальная стычка между истеричной девицей и случайным соседом. Люди пожимали плечами и возвращались к своим разговорам. Неприятная сцена никого особенно не заинтересовала. Никого, кроме Марка.

Он узнал женский голос. И понимал, что это не кошмарный сон. Метрах в тридцати от него, возле автоматических касс, стояла Мальвина де Карвиль и осыпала руганью какого-то мужчину, ростом на три головы выше нее. Никаких сомнений. Только такая психопатка, как она, способна устроить скандал на пустом месте.

Значит, она его выследила.

2 октября 1998 г., 15.21.

Мотоцикл остановился на улице Шо-Солей, прямо напротив виллы «Розарий». С мотоцикла соскочил парень. Он снял шлем, взлохматил ладонью свои черные волосы и нажал на кнопку переговорного устройства.

— Да?

— Пакет для мадам де Карвиль. Это курьер. Сказали, передать срочно. Я из дирекции фирмы.

— Мадам не может к вам выйти. Оставьте пакет в почтовом ящике.

— Я должен вручить его лично в руки мадам.

— Тогда вам придется подождать. Как долго, не знаю. Может быть, полчаса. У вас есть время?

— Вообще-то нет, — вздохнул мотоциклист. — А вы кто?

— Медсестра. Меня зовут Линда.

— Ладно, сгодится, — после короткого колебания решил курьер. — Я вам доверяю. Вы передадите пакет мадам де Карвиль?

— Полагаю, это в моих силах...

Мотоциклист рассмеялся:

— Послушайте, Линда! Что у вас тут творится, а? Скорые, пожарные, полиция? Я по мосту через Марну еле проехал. Можно подумать, тут идет облава на серийного убийцу!

— Вы почти угадали. В лесу Куврэ, почти рядом с домом, нашли убитую женщину. Вроде бы ее застрелили. Точно пока неизвестно, то ли охотник по неосторожности, то ли умышленное убийство. Представляете? Убийство! В этом квартале!

— Да уж. Тут у вас не соскучишься...

Линда забрала большой конверт из крафт-бумаги. Звонить Матильде де Карвиль она не решилась. Пожилая дама трудилась в оранжерее. Линда знала, что Матильда де Карвиль терпеть не могла, когда ее отрывали от ее драгоценных цветов. Оранжерея давно превратилась для нее в нечто вроде молельни. Она не просто возилась с растениями — она священнодействовала, и у Линды не было ни малейшего желания выступать в роли кощунницы. Ну и ничего страшного. Конверт подождет, пока хозяйка не вернется в дом. Линда положила его на секретер в холле,

возле телефона.

Ей не хотелось надолго оставлять Леонса де Карвиля одного. Но главное, не хотелось мешкать. У нее еще полно дел — вымыть старика, переодеть его в чистую пижаму, накормить и поставить капельницу. Если все пойдет как надо, к шести часам вечера она все закончит. Леонс де Карвиль будет чист, накормлен и уложен спать. И Линда со спокойной совестью уйдет с работы. Заберет своего малыша и поспешит домой. «Хотя бы вечер провести со своим ребенком!»

Она подошла к Леонсу де Карвилю. Взялась за рукоятку инвалидного кресла и покатила его в ванную комнату. Это была самая противная часть ее обязанностей. Старика — инертного, как матрас — надо вытащить из кресла и уложить на специальное ложе. Линда справилась с этим и тяжело перевела дух. Затем нажала на кнопку подъемника. Механизм пришел в движение, и низкое ложе начало медленно подниматься вверх, пока тело старика не оказалось на уровне пояса Линды. Ванная комната была полностью автоматизирована и оборудована новейшими техническими приспособлениями, как в передовой больнице. Если не лучше. В этом смысле ей не на что жаловаться. Работать тут можно. Матильда де Карвиль не сэкономила на персонале.

Линда принялась раздевать старика.

Она поворачивала его, расстегивала ему пуговицы, вытаскивала его руки из рукавов... Иногда ей почти казалось, что старик реагирует на ее прикосновения и даже старается ей помочь. А три дня назад Линде почудилось, что Леонс де Карвиль ей улыбнулся. Осознанно улыбнулся. Хотя она знала, что это невозможно. Во всяком случае, если верить мнению врачей. Они в один голос утверждали, что пациент не способен распознавать лица, голоса и другие звуки, что он не отличает одного дня от другого и ничего не помнит. А уж о том, чтобы помочь сиделке снять с него пижаму, и речи идти не могло...

Линда ловко сдернула с длинных бескровных ног старика брюки. Так, теперь трусы. Мокрые. На коврик ванной упало несколько кленовых листьев.

«А вдруг они все ошибаются», — мелькнуло у Линды в голове.

Она ухаживала за Леонсом уже почти шесть лет — по два часа по утрам и еще по три — днем. Ей нравилось думать, что ее пациент — вовсе не такое уж бесчувственное бревно, за какое его все принимают.

Линда пустила теплую воду и намылила махровую рукавичку. Она всегда начинала купанье с гениталий, затем переходила к ногам. Линда была молодой матерью. Семь месяцев назад у нее родился сынок — малыш

Гуго. И она умела отличить настоящую улыбку от гримаски, вызываемой газами, а осмысленный взгляд — от туманного и ничего не выражающего.

Она терла рукавичкой левую ногу старика. Откровенно говоря, Линда относилась к Леонсу с симпатией, хотя в этом мрачном доме его ненавидели все. Собственная жена. И родная внучка. Эта чума Мальвина. Сколько гадостей они говорили про Леонса де Карвиля! Что своей компанией он управлял как настоящий тиран, сотнями увольняя рабочих в Венесуэле, Нигерии, Турции. Что у него не было ни стыда, ни совести. Что с окружающими он вел себя жестоко. Ну и что? Линде на это было плевать. Лично для нее все шесть лет Леонс де Карвиль оставался резиновой куклой. Беззащитным стариком. Беднягой, о котором никто, кроме нее, не заботился. Никто никогда не обращал на него внимания, не говоря уже о том, чтобы проявить хоть чуточку ласки. В каком-то смысле она относилась к нему как к своему ребенку.

И они отлично понимали друг друга. Старик и медсестра. Они проводили вместе по пять часов в день. Ни один врач в мире не понял бы, что она имеет в виду. Тем более ее не поняли бы Матильда и Мальвина де Карвили. Но она ни капли не сомневалась, что Леонс де Карвиль еще способен к общению. По-своему, конечно...

Хлопнула дверь.

Рука Линды в намыленной рукавичке замерла на вялом стариковском животе. Так хлопала только входная дверь. А ведь Линда точно помнила, что закрыла ее. Она сняла рукавичку, отложила ее в сторонку и вышла в холл.

Никого. Вроде бы сквозняком потянуло. Впрочем, как раз в этом ничего странного не было. «Розарий» — огромная вилла, с десятков спален и два десятка других комнат. И в какой-нибудь из них обязательно окажется открытым окно. Линда вернулась в ванную. Леонс терпеливо ждал ее. Гольий. Он нуждался в ней. Как Гуго. И его тоже нельзя оставлять одного.

Линда допустила оплошность. Погруженная в свои мысли о Гуго и Леонсе, она не обратила внимания на одну важную деталь. Не посмотрела на секретер в холле, возле входной двери.

Конверта из крафт-бумаги на нем больше не было.

Линда снова тяжело вздохнула. Она закончила мыть Леонса де Карвиля и, как каждый день, одела его в чистую пижаму. Она наотрез отказалась использовать памперсы для взрослых, хотя даже в дорогих клиниках сиделки охотно упаковывали в них своих пациентов. Ничего

страшного. Она согласна менять больному постельное белье и пижамы. Хоть по два раза в день.

Линда переложила старика в специально оборудованную кровать у него в спальне, рядом с ванной комнатой. В свое время здесь пришлось заново пробить дверь, иначе инвалидная коляска застревала в проеме. Сама кровать являла собой подлинное чудо современной техники — вся напичканная электроникой, управляемой с пульта. Постарались, ничего не скажешь. С медицинской точки зрения, Леонсу де Карвилю дома было лучше, чем в больнице или в доме престарелых, куда стариков свозят умирать, как будто заранее сбрасывают в общую могилу. А он хотя бы умрет в роскоши. Одинокий, но в роскоши. Матильда де Карвиль уже много лет занимала спальню на втором этаже.

Линда взяла с кровати пуховую подушку и положила на ближайший стул. Обычно она подкладывала ее Леонсу де Карвилю под спину, когда кормила его. Линда посмотрела на часы. До ужина оставалось еще около часа. Она все успевает.

Она в последний раз проверила, удобно ли старику в постели. Он лежал с широко открытыми глазами и почти не мигая смотрел куда-то в пространство. Линда где-то слышала, что один вот такой же паралитик написал, вернее, продиктовал книгу, просто мигая ресницами. «Невероятно! А что, если ее Леонс тоже так смог бы? Что, если вопреки заявлениям врачей, его мозг еще живет? Пусть и заключенный в панцирь ватного тела? А вдруг Леонс хочет что-то ей сказать? А она просто его не понимает? Все-таки интересно, что происходит у него в голове». Линда знала, что Леонс де Карвиль был необыкновенным человеком. Владелец гигантского предприятия. Он начал с нуля, сколотил гигантское состояние, построил заводы по всему миру. Он управлял целой империей. Властвовал, как фараон на вершине пирамиды. Но фараон превратился в мумию. И ее долг — поддерживать его тело в чистоте. Вот почему, догадалась Линда, его так ненавидят. Из-за той власти, какой он когда-то обладал. Люди завистливы. И теперь, когда он больше не может себя защитить, прежние слабаки ему мстят. Хотя они обязаны ему всем, что имеют. Например, виллой «Розарий».

Линда поставила на тумбочку микрофон от «радионяни». У нее дома тоже был такой приборчик — она включала его, если оставляла ребенка в комнате одного, чтобы услышать, когда он заплачет. Вторую часть она взяла с собой на кухню. С «радионяней» ей было спокойнее, хоть это и выглядело немножко нелепо. Ну, в самом деле, что может случиться с

парализованным стариком, пока она готовит ему ужин?

Выходя из комнаты, Линда в последний раз посмотрела на Леонса. Он по-прежнему лежал с широко открытыми глазами.

Гений, начавший путь с нуля. И вернувшийся в исходное положение.

За спиной Линды промелькнула чья-то тень и быстро укрылась под лестницей. Поверни Линда голову, она бы ее увидела. Хотя бы на четверть оборота. Но она направилась напрямиком на кухню.

Линда считала долгом чести самой готовить Леонсу де Карвилю. Она варила ему протертый суп из самых свежих продуктов, которые лично покупала на рынке в Марн-ла-Валле. Мыла и чистила овощи, резала ветчину и добавляла еще с дюжину ингредиентов. Потом тщательно перемальывала смесь. Половину Леонс де Карвиль выплевывал. Остальное худо-бедно глотал. В вопросах кормления Линда была настойчивой и терпеливой. А в последний месяц у нее появился дополнительный стимул. Она стала готовить вдвое больше супа, чем требовалось пациенту, и половину уносила с собой, для маленького Гуго. Так что вечером, возвращаясь с сыночком домой, она могла сразу накормить его. Идеальный вариант! Протертый суп одинаково годился и для парализованного старика, и для семимесячного ребенка. Линда была человеком организованным. Матильде де Карвиль она не докладывалась, рассудив, что старая мегера не станет устраивать скандал из-за пары головок порея, трех картофелин и ломтика ветчины!

Линда поставила приемник «радионяни» рядом с кухонным комбайном и принялась чистить морковь.

Она любила эти минуты тишины. Тишина действовала на нее успокоительно.

Тень скользнула мимо кухонной двери и, бесшумно двигаясь, проникла в спальню Леонса де Карвиля. Линда ничего не слышала и ничего не видела.

Взгляд старика сконцентрировался на приближающейся к нему фигуре. В его широко открытых глазах мелькнуло подобие страха, словно он догадался, что его ждет. Тень заколебалась. В этих уставленных на нее глазах было что-то сверхъестественное. Почти угрожающее. Но миг колебания миновал. Тень приблизилась к кровати. Никакой жалости к беспомощному телу она не испытывала. Только ненависть. Ненависть и

презрение.

Тень подошла совсем близко. Заметила лежащую на стуле подушку. Улыбнулась. «Идеальное решение. Быстро. Тихо». Тень потянулась к стулу. Паралитик не последовал за ней взглядом. Он по-прежнему смотрел прямо перед собой, на оставшуюся открытой дверь. Теперь тень двигалась увереннее. Ее мимолетный страх прошел. Паралитик ее не узнал. Впрочем, он уже давно никого не узнает. Под ногами тени негромко скрипнул паркет.

Линда замерла с ножом в руке. Из комнаты Леонса явственно слышался какой-то звук. Вроде как пол скрипнул. Линда, не выпуская из рук ножа, вышла в коридор и направилась к комнате Леонса. Не мог же паралитик скрипеть полом!

Она непроизвольно крепче сжала в руке нож. Странные вещи творятся сегодня в доме! Сначала — это убийство в лесу, в результате чего весь квартал наводнили полицейские. Потом курьер с каким-то срочным пакетом. И еще дверь хлопала! И вот теперь — этот подозрительный скрип в спальне пациента.

Линда протянула вперед дрожащую руку, словно ощупывая пространство перед собой. Этот дом всегда внушал ей страх. Он чем-то напоминал ей дома с привидениями из фильмов вроде «Психоза». Обычно Линда гнала от себя подобные мысли, но совсем избавиться от них так и не могла. Она чувствовала, что у нее подкашиваются коленки. Ее трясло.

Еще раз поведив перед собой ножом, Линда вошла в спальню. И наткнулась на взгляд Леонса де Карвиля. Пустой, как, впрочем, и комната. Никого! У Линды вырвался нервный смешок. Нет, решительно, этот дом сведет ее с ума! Она уже докатилась до того, что из-за скрипнувшего паркета разгуливает по коридору с ножом в руке! Надо срочно подыскивать себе другую работу. Слава богу, богатых семей на берегу Марны хватает. Жалко, конечно, старичка Карвиля. Она всегда относилась к нему с нежностью... Но ничего, у нее теперь есть Гуго.

Она бессильно опустила руку с ножом. «Соберись, — приказала себе Линда. — Ступай и довари суп для старика и своего ребенка. А потом беги отсюда». И она твердым шагом пошла по коридору.

Тень с облегчением услышала, как на кухне зашумел блендер. Она допустила неосторожность. «Это все из-за нетерпения. Ладно, теперь сиделка ничего не услышит». Тень тихонько открыла дверь гостиной, за которой успела спрятаться. Вошла в спальню. Схватила со стула подушку. Еще два шага. Масса пуха в шелковой наволочке опустилась на лицо Леонса де Карвиля. Он не дернулся. Вообще никак не реагировал. «Надо

же, до чего легко! Даже слишком легко... А как долго надо держать подушку, чтобы он перестал дышать? Не будь он парализован, начал бы сопротивляться, извиваться, и, когда затих бы, ей бы стало ясно, что дело сделано. А так? Сколько ждать? Минуту? Две? Три? Время остановилось».

Тень не отсчитывала секунды. Она просто ждала. Долго.

И тут вдруг произошло невероятное. Любой врач сказал бы, что такое невозможно. Рука Леонса де Карвиля внезапно напряглась. Что это было — произвольное движение умирающего? Отчаянная попытка защититься? Тень не ослабила напора. Левая рука Леонса судорожно выгнулась и задела тумбочку. В следующую секунду раздался грохот — с тумбочки упали стакан и графин с водой, стоявшие на вышитой салфетке.

Линда вскрикнула.

На этот раз у нее не возникло никаких сомнений. Она точно слышала звон разбитого стекла. «Да что же это такое, с ума она сходит, что ли?» Линда снова вооружилась кухонным ножом и не раздумывая бросилась в спальню старика, влетев в него как молния.

Пол был усеян осколками.

Вокруг растекалась лужица воды.

В комнате никого не было.

Никого, кроме Леонса де Карвиля, все так же лежавшего с открытыми глазами, в которых теперь застыл ужас. Рот перекосялся. Лицо светилось восковой белизной. Не лицо, а маска из фильма «Крик».

Он не дышал. Он был мертв.

Линда умела отличить живое от мертвого. Недаром она почти десять лет работала сиделкой у стариков.

Он не просто умер.

Его убили. Задушили.

Подушка валялась на кровати, в ногах Леонса.

В первую минуту Линда не испытала никакой жалости к тому, кто еще недавно был ее подопечным, и никакой печали. Единственным ее чувством, заглушившим все остальные, был страх.

Всепоглощающий страх, от которого стало холодно затылку. «Бежать! Бежать отсюда со всех ног!

Немедленно покинуть этот сумасшедший дом!»

2 октября 1998, 15.22.

Мальвина, устроившая скандал в очереди перед кассой, успокоилась так же быстро, как завелась. Отходя от выстроившихся цепочкой пассажиров, она только тихо ругалась сквозь зубы. Высокотелый мужчина, с которым она повздорила, недоуменно пожал плечами и отвернулся в сторону. Больше никто не обращал внимания на истеричную девицу-недомерка.

Никто, кроме Марка.

Итак, Мальвина де Карвиль выследила его. Марк чувствовал, как в нем вскипает гнев. Значит, эта пигалица решила помешать ему сесть на поезд до Дьеппа. Впрочем, пока что преимущество было на его стороне. На вокзале полно народу. Она не рискнет напасть на него в толпе. Этим обстоятельством надо воспользоваться...

Марк вскочил на ноги. Убрал в рюкзак тетрадь Кредюля Гран-Дюка. Не слушая возражений, сунул рюкзак в руки официанта.

— Подержите его у себя несколько минут. Я сейчас. Только поаккуратнее с ним, у меня там ценные вещи. В смысле, э-э... конспекты лекций за целый год.

Озадаченный официант прижал рюкзак к груди. Марк уже быстрыми шагами удалялся от бара. От Мальвины его отделяло метров двадцать-тридцать. Она остановилась в задумчивости, явно во власти сомнений: то ли встать в очередь к одному из окошек, то ли вернуться к автоматическим кассам, то ли вообще ехать без билета. Сейчас она стояла спиной к нему. Грех — упустить такую возможность.

Марк пробрался сквозь толпу пассажиров с чемоданами в руках и ястребом налетел на Мальвину. Он положил руку ей на плечо, с силой вцепившись в ее свитер, и развернул коротышку к себе, чуть не оторвав от пола. Ростом Марк был сантиметров на тридцать выше Мальвины и весил, как минимум, вдвое больше. Он бесцеремонно протащил ее за собой, к автомату, торговавшему напитками и сэндвичами в целлофановой упаковке, где было не так много народу.

Мальвина одарила его почти не удивленной улыбкой.

— Что, Витраль, жить без меня не можешь?

Марк плотнее зажал в кулаке ткань ее свитера.

— Что ты тут вынюхиваешь?

— Угадай с трех раз.

Рука Марка приблизилась к худенькой шее Мальвины. Наверное, он легко смог бы охватить ее пальцами. Марк придвинулся к Мальвине вплотную. На них никто не обращал внимания. Наверное, пассажиры принимали их за обычную парочку, устроившую ссору накануне расставания.

— Ты за мной следила? Откуда ты узнала, что я поеду на Сен-Лазар?

— Тоже мне, великая тайна! Куда еще Витраль мог ломануться сломя голову? К своей обожаемой бабушке, рыдать в жилетку, естественно.

— Ладно. Думаешь, ты самая умная? Учти, если я увижу тебя в своем поезде, вышвырну вон на полном ходу.

Марк сильнее сжал кулак. Воротник врезался в шею Мальвины, оставляя на коже красную полосу.

— Усекла?

Мальвине становилось трудно дышать. Несмотря на это она продолжала криво улыбаться. Марк, не ослабляя хватки, повторил вопрос:

— Усекла?

Мальвина начала задыхаться. «Может быть, он слишком далеко зашел», — подумал Марк. Мальвина будила в нем те же чувства, какие будит у боксера груша. Несмотря на толпу народу вокруг, никаких симптомов агорафобии он не ощущал, — им владели ненависть и сознание собственного всемогущества. «Неужели он готов ее задушить?»

Долго мучиться этим вопросом ему не пришлось. Уже в следующую секунду ему в промежность уперся холодный металлический ствол, и он инстинктивно разжал руку.

— Не дергайся, Витраль, — прошипела ему на ухо Мальвина. — Пусть все думают, что мы с тобой обнимаемся. Только не забывай про маузер. И убери свои лапы с моей шеи.

Марк обежал взглядом огромное пространство вокзала. На них никто не смотрел. Брат и сестра. Семейная встреча. В сущности, почти так оно и было. Мальвина свистящим шепотом спросила:

— А рюкзак где?

— Где надо. Что, обыскивать меня будешь? При всех?

Марк старался выиграть время, хотя понимал, что пока это плохо у него получается. Мысленно он обругал себя идиотом. Ведь он же знал, что эта ненормальная носит с собой пистолет.

— А что? Захочу — и раздену догола! Ты вообще ничего, Витраль. На любителя, конечно. А главное, ты будешь делать то, что я прикажу.

По шее у Марка катились капли пота. Не выпуская из правой руки пистолета, левой Мальвина принялась обшаривать его брючину. Марк вздрогнул. Ствол пистолета сдвинулся на пару сантиметров. Пальцы Мальвины добрались до ширинки его джинсов. Мальвина теснее прижалась к нему.

— Шевельнешься, я стреляю.

Марку вспомнился труп Гран-Дюка. Он был убит пулей в сердце. Значит, это не блеф. Эта психопатка действительно способна пристрелить его посреди многолюдного вокзала, на глазах у тысяч свидетелей.

— Чего это у тебя не встает, Витраль? — поинтересовалась Мальвина. — Неужели я тебе не нравлюсь?

Марку было не до остроумия. Пальцы Мальвины скользили по его ногам, похожие на рептилий. Вот они грубо сжали его гениталии. Снова раздался свистящий шепот:

— Ну, почему не встает? Я тебя не возбуждаю? Наверное, предпочитаешь мою сестру?

Марк сделал глубокий вдох, заставляя себя успокоиться. Его так и подмывало схватить эту сумасшедшую за плечи и отшвырнуть подальше от себя. Вряд ли она решится стрелять... Но он не сделал ничего подобного. Просто стоял и молчал.

— Ты что, Витраль, язык проглотил? Или сказать нечего? Не хочешь признаться, что на мою сестру у тебя точно встает? Давай, облегчи душу. Я не ревнива. Ну ни капли. Знаю, она — красавица, а я — уродина. А вместе мы нечто среднее. Красавица и чудовище. Гадкий утенок!

Рука Мальвины продолжала свои изыскания в промежности Марка. Ее движения были неловкими, как у женщины, впервые прикоснувшейся к мужским гениталиям.

— Не встает, а? Ладно, скажу тебе, почему я не ревную. Или сам догадаешься?

Мальвина быстро училась. Ее прикосновения становились все более мягкими и ласковыми. Марк чувствовал себя грязным, словно его насиловали. — «Все, придется рискнуть. Надо отпихнуть ее что есть силы. Чтобы со всего размаху врезалась в противоположную стену». Мальвина как будто прочитала его мысли. Она усилила нажим пистолета. Марка пронзила острая боль.

— Ты так ничего и не понял, да? Но ничего, я тебе объясню. Я — монстр, не спорю, но Лиза-Роза в этом не виновата. Нисколько. Это ты во всем виноват. Вы все, Витрали. Это вы украли у меня сестру. Что молчишь, нечем крыть? Знаешь, что говорят мои врачи? «Отказ от взросления». Это

диагноз. Раньше я тоже была красивой. Как Лиза-Роза. И росла нормально. А потом сказала себе, что больше не хочу. Витрали украли у меня сестру, ради которой стоило быть красивой. Мы бы с ней вместе наряжались, делали бы друг другу прически, менялись бы косметикой. Она и я. Вместе покупали бы шмотки. Обсуждали бы парней. Но ты украл у меня все это, Витраль! Ради кого мне прихорашиваться? Ради кого?

У Марка на лбу собрались крупные капли пота. Мальвина чуть ослабила хватку пальцев и шепотом спросила:

— Ты трахал мою сестру? Скажи честно!

Что он мог ответить? Впрочем, Мальвина не ждала от него ответа. Марка охватила дрожь. Пассажиры текли мимо них, равнодушно взирая на странную парочку. Ни одному человеку на этом вокзале не пришло в голову приглядеться к ним внимательнее.

Мальвина снова принялась теревить его гениталии.

— Ты красивый парень, Витраль. Наверное, девчонки тебе на шею вешаются. У тебя от них отбою нет. Зачем тебе моя сестра? Или ты просто извращенец?

Пистолет врезался ему в промежность, причиняя нестерпимую боль.

— Предупреждаю, Витраль, если у тебя не встанет, я выстрелю. Теперь Лиза-Роза вернется домой. К нам домой. К себе домой. Поигрались, и будет. В самолете померла засранка Эмили, ты сам это признал. И тебе не удастся во второй раз украсть у меня сестру...

«Все, хватит раздумывать!» Шевельнуться Марк не мог, но никто не мешал ему перехватить инициативу и заставить Мальвину нервничать. А там видно будет. Стараясь, чтобы его голос звучал как можно тверже и насмешливее, он сказал:

— Так тебе что, младшей сестренки не хватает?

Это были первые слова, произнесенные им за несколько долгих минут. От удивления Мальвина слегка ослабила напор.

— Видишь ли, Мальвина, дело не в сестренке. И не в братишке. Твоя проблема не в этом. Тем более что по ту сторону Босфора у тебя должно быть полным-полно и братьев, и сестер. Твой папаша Александр оставил там по себе кое-какую память. При жизни он не больно-то сдерживался. Понимаешь, что я имею в виду? У него всегда вставал...

Ствол пистолета опустился в обессиленной руке Мальвины. А Марк продолжал:

— Ты ведь была не такая уж маленькая, так что должна помнить. Твой папочка в Стамбуле не пропускал ни одной юбки. Трахался направо и налево. На работе. После работы. Ты должна помнить, как плакала твоя

мать. И как ее утешали разные типы с голубыми глазами...

Мальвина на глазах делалась как будто еще меньше ростом.

— Понимаешь, не исключено, что Лиза-Роза — вовсе не сестра тебе, — безжалостно заключил Марк.

Мальвина закричала. На них начали оборачиваться пассажиры вокзала Сен-Лазар. В тот же миг ручонка рептилии с такой силой сжала гениталии Марка, что от боли он потерял сознание.

Маузер исчез в кармане Мальвины. Двигаясь мелкими шажками, она растворилась в толпе, словно угорь, скользящий меж водорослей.

Марк пришел в себя. Он стоял на коленях, с трудом дыша.

К нему на помощь бросились люди.

«Наконец-то...»

2 октября 1998 г., 16.13.

Марк шел по пятому вагону. «Ни одного свободного места. Будь они прокляты, эти поезда „Париж — Руан“, особенно в пятницу вечером. Наверняка железнодорожная компания продает вдвое больше билетов, чем имеется пассажирских мест».

Промежность у него все еще болела, хотя уже меньше. Он просидел на полу в зале ожидания не меньше десяти минут. Его обступили заинтригованные пассажиры.

— Как вы? Здорово она вам вломила, а?

Сочувствие смешивалось у них с любопытством. А как еще прикажете относиться к парню, если девчонка, которую он только что обнимал, засветила ему по яйцам? И смех, и грех.

Марк забрал у официанта свой рюкзак и побрел на платформу — ее номер наконец-то объявили, — с которой должен был отправиться поезд на Руан. Каждый шаг давался ему с трудом.

Дойдя до седьмого вагона, Марк потерял последнюю надежду найти свободное место и уселся на ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж. Не он один оказался в таком же положении. Рядом пристроилась мамаша с тремя детьми, делового вида мужчина, тут же погружившийся в изучение каких-то бумаг, и девочка-подросток. Сидеть было неудобно, но Марк рассудил, что это все же лучше, чем стоять. Наверняка правилами запрещалось садиться на ступенях, однако в поезде, как всегда в пятницу вечером, народу набилось столько, что ни одному контролеру не удалось бы призвать пассажиров к порядку.

Марк поставил рюкзак у себя между ног и достал мобильник. Новых сообщений не было.

Он набрал номер Лили.

Семь звонков.

— Лили! Это Марк. Прошу тебя, сними трубку. Я прослушал твое последнее сообщение. И слышал, как выли сирены скорой помощи. Пойми, я волнуюсь. Обзваниваю все парижские больницы. Перезвони мне. Прошу тебя!

Марк вздохнул и открыл присланные Дженнифер эсэмэски с

телефонными номерами больниц. Пока что он обзвонил примерно два десятка из них. Самые крупные. Надо продолжить. Он решил, что потратит на звонки полчаса, а потом вернется к тетради Гран-Дюка.

Снова та же история.

«Добрый день! Скажите, пожалуйста, к вам сегодня не поступала девушка по имени Эмили Витраль? Нет, я не знаю, в какое отделение. Возможно, ее привезли на „неотложке“...»

В поезде стоял адский грохот. Марк напрягал слух, чтобы расслышать, что ему отвечали служащие справочной. Впрочем, их ответы не отличались разнообразием.

Нет, пациентки по имени Эмили Витраль у них не значится.

За полчаса он успел обзвонить 22 больницы. Экономия на любезностях давала выигрыш во времени. Он уже перешел к частным клиникам и специализированным больницам. Хотя чувствовал, что в них Лили не найдет.

Его охватывало чувство безнадежности. Впечатление, что он гоняется за химерой. Так можно до завтра звонить...

«Надо подумать. Попробовать сложить вместе все части головоломки. И прежде всего — дочитать записи Гран-Дюка. Времени до прибытия в Дьепп у него предостаточно. А там оставалось всего страниц тридцать».

Марк сунул мобильник в карман куртки и вытащил из кармана джинсов листки, вырванные из дневника Гран-Дюка. Обратная сторона последнего была чистой. Марк достал из рюкзака ручку и чуть дрожащей рукой начертил заглавными буквами:

«ГДЕ ЛИЛИ?»

Ниже приписал, уже мельче:

«В больнице? Путешествие без возврата?»

Подчеркнул три последних слова и добавил три вопроса:

«Самоубийство?
Убийство? Мечь?»

Сам не зная почему, Марк подчеркнул слово «Мечь». И написал:

«КТО УБИЛ КРЕДЮЛЯ ГРАН-ДЮКА?»

И сам себе ответил:

«Мальвина де Карвиль».

Марк несколько секунд задумчиво грыз кончик ручки, после чего поставил после имени «Мальвина» вопросительный знак. Поезд трясло, но Марк давно привык читать и писать в поездах и в метро. Пусть буквы немного пляшут, главное, что он в состоянии разобрать написанное.

Покрепче сжимая ручку, Марк быстро набросал:

«Почему три дня назад Гран-Дюк не пустил себе пулю в лоб?
Что за открытие он совершил в тот вечер, незадолго до
полуночи?

Что нового он узнал?

Неужели это было настолько важно, что его убили?

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ С МОИМ ДЕДОМ.
ЧТО ТАМ БЫЛО НЕ ТАК?»

Поезд дернулся, и перо соскользнуло с бумаги. Строчки то напозлали друг на друга, то разбегались в разные стороны.

«Поискать у себя в комнате, в Дьеппе. Вспомнить. Не торопиться».

Марк пробежал глазами свои заметки. Пересчитал вопросительные знаки. Двенадцать штук! И он еще не покончил с вопросами. Карман жгло письмо в голубом конверте, переданное ему Матильдой де Карвиль. Он снова взялся за ручку:

«ТЕСТ ДНК. РЕШЕНИЕ?

Открыть конверт?»

Нарушить данное слово в надежде, что это позволит приблизиться к разгадке?

Нет. Ни к чему это его не приблизит. Марк и без того знал, что за ответ содержится в конверте. Лили ему не сестра. Лили — внучка Матильды де Карвиль. Сестра этой психованной Мальвины. Тому имелось множество подтверждений. Неожиданный поворот в расследовании Гран-Дюка. Кольцо с голубым сапфиром у Лили на пальце. Но главное — его чувство к

ней.

«ПОГОВОРИТЬ С НИКОЛЬ».

Марк добавил еще один вопросительный знак. Для ровного счета. Теперь их стало пятнадцать.

Поезд прибывает в Дьепп в 18.24.

Ему осталось ждать меньше трех часов.

На остановке в «Мант-ла-Жоли» вагон покинула добрая треть пассажиров. Появились свободные места. Марк встал со ступенек, сел у окна и вытянул ноги. Так хоть меньше болело. Мальвины он в поезде не видел — уже хорошо. Хотя кто ее знает... Этой придурочной девице хватит ума увязаться за ним в Дьепп. В последний раз он видел ее на вокзале Сен-Лазар, когда она скрылась в плотной толпе пассажиров. Марк вздохнул. Достал тетрадь Гран-Дюка и погрузился в чтение.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Крошечное золотое колечко отправилось, тщательно упакованное в пластиковый пакет, в Рони-су-Буа, в лучшую во Франции криминалистическую лабораторию — вместе с окурками и пивными крышками, обнаруженными в хижине на горе Мон-Террибль. У меня еще оставались кое-какие связи в полиции. И в деньгах я был не стеснен. Впрочем, я ведь не предпринимал ничего незаконного — ну, или почти ничего. Просто обратился с просьбой помочь в неофициальном расследовании.

Результаты пришли через неделю. Металлическое колечко размером два миллиметра, представлявшее собой звено от цепочки, действительно было из золота. Вот и все, что удалось установить. Образец оказался слишком мал, чтобы определить, к какому изделию он принадлежал — детскому браслету, цепочке или собачьей медали. Относительно того, кем и где это изделие было изготовлено, — ювелирами фирмы «Турнер» на Вандомской площади или неизвестным мастером из провинциальной лавчонки в каком-нибудь городке области Франш-Конте, — эксперты только развели руками.

В итоге это крохотное золотое колечко только осложнило ситуацию. Откуда оно взялось в могиле, засыпанной грудой камней? От какого украшения оторвалось? И кто все-таки выкопал могилу?

Сплошные загадки.

Тем временем премия за детский браслет, объявленная в газетах, достигла 75 тысяч франков. Сулить подобную сумму за побрякушку в виде цепочки, у которой предположительно не хватает одного звена, — это уже граничило с нелепостью. В любом случае речь шла о виртуальных деньгах. Я давным-давно потерял надежду, что кто-то отзовется на мой клич.

И тем не менее... Тогда я еще не знал, что вскоре эпизод с браслетом получит продолжение. Рыбка клюнет. Да нет, не рыбка, а целая рыбина. Впрочем, что значит «вскоре»? Все в этом мире относительно. Моя приманка сработала лишь через два года. Но наберитесь терпения — всему свой черед. В том, что касается «саспенса» этой истории, вам не на что жаловаться: события, разворачивавшиеся на протяжении долгих лет, для вас помещаются на нескольких страницах.

Не больше информации удалось выжать из окурков и прочего мусора, собранного на полу хижины в Мон-Террибль. Ничего удивительного — все-таки семь лет прошло. Жорж Пеллетье жил в хижине в 1980 году, и можно только догадываться сколько с тех пор в ней побывало поколений сквотеров и бездомных влюбленных.

Итак, я вернулся в исходную точку. Надо было бросить все силы на поиски Жоржа Пеллетье — ничего другого мне просто не оставалось. Я отправился в Безансон и каждую ночь совершал обход городских бомжатников. «Ночной Безансон, хмыкните вы, то еще значное местечко!» Горстка провинциальных и, в сущности, безвредных алкашей, каждого из которых полицейские знают в лицо! Несчастные спившиеся бедолаги, по большому счету, заслуживающие сострадания...

Но не спешите с выводами. Прежде всего должен вам сказать, что человек, рискнувший вести бездомную жизнь на улицах Безансона, достоин уважения. Попробуйте-ка круглый год ночевать в картонной коробке в самом холодном из французских городов! Метро там нет. А вокзал на ночь запирают.

Я провел с этой публикой всего дней десять, в январе-марте 1988-го, и чуть не замерз насмерть. Возвращался под утро и три часа отлеживался в ванне, подливая горячую воду. Теперь вы видите, что я не жульничал и сполна отработывал гонорар, щедро выплачиваемый бабулей Карвиль.

Ради чего? Судите сами.

Бывшие собутельники Жоржа Пеллетье — цвет безансонского сообщества бомжей — подтвердили, что вскоре после 23 декабря 1980 года он действительно снова появился в городе. Спустился с гор целый и невредимый. При крушении самолета, случившемся по соседству с его

хижиной, Жорж не пострадал. Нет, никакой цепочки у него на запястье не было. И разговорчивее он не стал. Он пробыл в Безансоне около полугода, снова втянувшись во всякие грязные делишки. Приторговывал наркотой. Приворовывал по мелочи. А потом сбежал в Париж, пока легавые не зацапали. Или Огюстен. Если верить безансонским бомжам, гораздо больше полиции Жорж боялся своего брата, пытавшегося наставить его на путь истинный.

В заключение добавлю последнюю деталь. В город Жорж вернулся без собаки. Правда, по поводу ее габаритов Огюстен ошибся — у Жоржа была не мелкая дворняжка, а бельгийская овчарка. Кобель. По словам его дружков, огромных размеров. В могиле возле хижины такая псина просто не поместилась бы, если только он не разрубил тело на куски. Но, спрашивается, кому придет в голову рубить на куски свою умершую собаку? Не проще ли выкопать яму побольше? Черт возьми, вот вам очередная неразрешимая загадка, связанная с этой проклятой могилой!

Как вы догадываетесь, я не собирался отступать. «Если требуется отыскать след Жоржа в каменных джунглях Парижа и его трущоб, — что ж, я сделаю это», — решил я. Разумеется, с помощью Назыма. И для нас начался трехмесячный период интенсивной работы. Мы опубликовали несколько объявлений. Связались с отделениями полиции, муниципальными социальными службами, ночлежками. Ночи напролет бродили по городу, показывая освещенную фонариком фотографию Жоржа, на которой он радостно улыбался на фоне новогодней елки, стоя рядом с Огюстеном. Это была самая свежая из сохранившихся у старшего брата фотографий...

Мы действовали профессионально. Не пропускали ни одного квартала. Спустились, так сказать, на самое дно общества. В сущности, в этом и состоит работа частного детектива, и именно за это я ее люблю. Матильда де Карвиль была права. Для решения загадки требовались две вещи: время и деньги. У меня было и то и другое. Избавлю вас от лишних подробностей. В конце концов мы с Назымом вышли на след человека по имени Педро Рамос. Я встретился с этим самым Педро Рамосом в июне 1989 года на ежегодной ярмарке в Венсенском лесу, перед каруселями. Да-да, я ничего не путаю, перед каруселями!

— Жорж работал у меня два сезона, — объяснил Педро, одним глазом поглядывая на бегущих по кругу лошадок.

Мальчишки и девчонки, визжа от удовольствия, платили по пять франков за счастье две с половиной минуты обдирать задницы на крутящейся доске. Карусель — это коллективная разновидность качелей,

стоящих на детских площадках в скверах.

— Резюме я у него не требовал, — продолжал Педро с иронической улыбкой. — Просто понял, что ему надоело бродяжничать. Лодырем он не был. Я ему сразу сказал: на работе — никакого пьянства. А остальное меня не колышет.

— Когда вы видели его в последний раз? — спросил я.

Педро на секунду отвлекся от разговора и замахал рукой сидевшей за кассой девице в розовом платье, недовольный ее медлительностью. Голова девицы без конца меняла цвет в свете вспыхивавших неоновых огней.

— Осенью восемьдесят третьего, — продолжил Педро. — Если точнее, в середине ноября. После ярмарки в Сен-Ромене, в Руане. Это последняя ярмарка сезона. Мы упаковали оборудование, сдали на склад и — привет. До будущего сезона. Пеллетье знал, где меня найти. Но он так и не появился. Не могу сказать, что я огорчился до слез. Или кинулся его разыскивать. У нас текучка та еще. Привыкли. Если подсобный рабочий остается на два сезона, это уже много. Он не объявился ни на следующий год, ни позже. Больше я его не видел.

Опять тупик.

Для проформы я задал еще пару-тройку вопросов Педро Рамосу, но больше ничего из него не вытянул. И так, след обрывался на набережных Руана. Если подумать, это не так уж далеко от Дьеппа. То есть от Витралей...

Что могло связывать Жоржа Пеллетье с Витралями? Скорее всего, ничего.

В последовавшие месяцы я переключился на ярмарки. Качели-карусели и прочая веселуха!

Назым был счастлив. Куда лучше, чем обшаривать бомжатники! Пару раз он привозил с собой Аилю, и они развлекались вдвоем. Оплачивала все эти удовольствия, от колеса обозрения и поезда-призрака до ярмарочных сладостей, мамаша Карвиль. Этот этап расследования занял у нас чертову уйму времени. Мы потратили несколько лет, чтобы добыть новую информацию.

Иногда я наведывался в Дьепп. Просто чтобы переключиться.

2 октября 1998 г., 16.19.

— Говорю тебе, это свадьба!

Тонкие пальчики Жюдит крепко сжимали решетку ограды детского сада.

— А вот и нет! Никакая это не свадьба! Ты что, не видишь, они все в черном? У них кто-то умер...

Процессия медленно двигалась по улице. Жюдит не слишком-то верила тому, что говорит ее подружка Сара. Сара любила приврать, лишь бы все ее слушали. Если хорошо одетые люди идут по улице парами, как они, когда их ведут в столовую, если в церкви звонят колокола, значит, это точно свадьба. «Что она, никогда на свадьбе не была? Целых два раза! Да еще сколько-то раз раньше, но тогда она была совсем маленькой и ничего не запомнила».

— Опять ты врешь, Сара!

Сара сердито потрясла решетку.

— Говорю тебе, кто-то умер! Они его закапывать в землю идут! У меня так же бабушку закопали...

— Врешь, врешь!

— Я вру? Ладно, тогда скажи, где невеста?

— Впереди прошла. Мы ее просто не видели.

— Ну ты даешь! Во-первых, сегодня пятница. В пятницу никто не женится. А умереть можно в любой день.

Жюдит неохотно признала, что подружка права. Тем временем Сара спешила развить успех:

— Разве на свадьбе бывает столько стариков? Сама посмотри, какие они все старые!

— Вот и не все!

— Все, все!

— Вот и нет! Сама посмотри! Вон там... Мадам! Мадам!

Детский крик вырвал Лили из глубокой отрешенности.

Она с изумлением обнаружила, что кричат именно ей. Две хорошенькие девочки лет пяти, обе в теплых ярких пальтишках и вязаных шапочках.

— Мадам! Мадам! Скажите, это свадьба или кто-то умер?

Лили против воли улыбнулась. Какой разительный контраст между радостными криками, оглашавшими двор детского сада, и мрачной молчаливостью траурной процессии! Лили присела на корточки, чтобы оказаться одного роста с девочками.

— Это похороны, — тихо сказала она.

— Вот видишь! — торжествовала Сара.

Жюдит сморщилась. К решетке ограды подошли еще три девочки. Появление Лили они расценивали как неожиданное развлечение и смотрели на нее во все глаза, как на пони в зоопарке.

— А кто умер? — требовательно спросила Сара.

— Не знаю, — ответила Лили. — Я просто проходила мимо. Эти люди — не мои родственники. А я пришла вон из того большого белого здания. И мне пора туда вернуться.

— Если ты не знала того, кто умер, то почему ты такая грустная? — спросила Жюдит.

Лили не удалось скрыть удивления. Она еще немножко придвинулась к решетке. Румяные щечки девочки были усыпаны веснушками.

— Почему ты думаешь, что я грустная?

— А у тебя все глаза красные. И зачем ты за ними пошла, если даже не знаешь, кто умер? Могла бы пойти в магазин или поиграть в парке, или посмотреть кино. Значит, ты грустная.

На Лили из-под шапок и капюшонов внимательно смотрели уже пятнадцать пар глаз.

— Ты правильно догадалась, — шепнула Лили девочке. — Только никому не говори. Как тебя зовут?

— Жюдит. Жюдит Потье. Я уже в старшей группе. А тебя как зовут?

— Не знаю...

Жюдит закусила губы, словно раскаивалась в том, что задала нескромный вопрос, и ненадолго задумалась. Она впервые в жизни встретила человека, который не знал, как его зовут. Жюдит постаралась улыбнуться незнакомой тете. Она всегда так делала, когда шла мирить двух поссорившихся подружек.

— Так вот почему ты грустная, да?

2 октября 1998 г., 16.39.

Поезд остановился в Верноне. Марк провожал глазами покидавших вагон пассажиров. На перроне никто никого не встречал. Никаких радостных возгласов и горячих объятий. Несколько десятков человек, приехавших с работы, торопились по домам. Не успел еще поезд снова тронуться с места, как платформа уже опустела. С привокзальной автомобильной стоянки доносился рокот разогреваемых моторов.

Солнце стояло низко, но еще не скрылось за холмами на берегах Сены, и его лучи, проникая сквозь стекло вагонного окна, слепили Марку глаза. Он задернул шторку и вернулся к лежащей на сером металлическом столике тетради. Повествование детектива перевалило за первые десять лет расследования. Теперь воспоминания Марка об описываемых событиях не ограничивались смутными обрывками, но складывались в четкую и ясную картину. И у него появилась возможность сравнить ее с версией Гран-Дюка.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Осенью 1991 года Эмили Витраль пошла в пятый класс. До сих пор я почти ничего не говорил об Эмили, хотя рассказ о том, как она росла, очень важен — иначе вам ни за что не понять, почему Николь Витраль пошла на уступки, а Матильда де Карвиль восторжествовала. По-своему, конечно.

Итак, Эмили шел одиннадцатый год...

Мне кажется, Эмили всегда любила меня. Впрочем, взаимно. Наверное, ее подкупала моя замкнутость, свойственная всем закоренелым холостякам. Детям нравятся не склонные к пустой болтовне взрослые. Они находят в них отражение собственной стеснительности.

Для Эмили я так и остался Кредюлей-дедулей.

По-моему, я у и Марка вызывал добрые чувства. И не только из-за глубины своих познаний в футболе. Думаю, главную роль сыграла моя профессия. В глазах мальчишки частный детектив — это нечто. Персонаж телесериала. Макгайвер, Майк Хаммер...^[9] С неизменным магнумом в кармане. Только доберманов не хватало, да вместо «феррари» — БМВ. Признаюсь, я ему немножко подыгрывал. Не без удовольствия. Николь Витраль только посмеивалась, слушая мои байки. А я исподтишка

наблюдал, как подрастает Эмили...

В глубине души я надеялся, что рано или поздно обнаружу ее внешнее сходство с членами той или другой семьи. С Витралями или с Карвилями. Что она начнет улыбаться так же, как Марк, или повторять жесты дедушки Леонса. Ну да, я хватался за соломинку. За неимением лучшего...

Напрасные надежды. Эмили не была похожа ни на кого из них. Если не считать голубых глаз. У всех Витралей были голубые глаза.

А в остальном... Николь Витраль старательно делала вид, что не замечает ничего особенного, особенно поначалу, но не видеть, как Эмили отличается от всех обитателей дома, мог только слепой. Казалось, на улицу Пошоль она попала не из рухнувшего самолета, а с летающей тарелки. Эмили обожала учебу. Была круглой отличницей — в отличие от Марка, неглупого и добросовестного ученика, старательно делавшего уроки, но не блиставшего ни по одному предмету. Эмили любила музыку. Эмили любила живопись. Эмили любила читать. У Витралей в доме были книги, диски, художественные альбомы — не сказать, чтобы много, но были. Как у всех. Как у тех, кто держит в гараже велосипед и набор для игры в петанк — на всякий случай, вдруг пригодится.

Эмили как будто явилась из другого мира, и это прямо-таки бросалось в глаза. Она была милой, приветливой, ласковой, но сразу чувствовалось, что она задыхается в этой обстановке. По средам она бежала на парковку у вокзала, куда вечером приезжала передвижная библиотека. Она бомбардировала бабушку вопросами, вгоняя бедную Николь в растерянность. В первом классе прочла «Сказки кота Мурлыки» — впрочем, про это вы уже знаете. А потом пошло-поехало. Роальд Даль. Игорь Стравинский. Редьярд Киплинг. Сергей Прокофьев. Эмили сыпала труднопроизносимыми именами, которые Николь слышала впервые в жизни.

Конечно, такое случается — в обычной семье растет необычный ребенок. Бывают же чудеса. Именно это я повторял себе, пытаясь заглушить бушевавшие в душе сомнения. Цветок пробивается сквозь асфальт. В провинциальной школе объявляется вундеркинд. Чем не олицетворение французского варианта американской мечты о талантливом самоучке, который, преодолев все препоны, сам, без чьей-либо помощи становится студентом самого престижного университета и в самой скромности своего происхождения черпает силы и вдохновение для продвижения вперед? Как говорится, начинает с низкого старта и обгоняет

соперников, искренне гордясь своими корнями? Еще бы, домашняя «тюрьма» наложила на него свой отпечаток, навсегда сделав его не таким, как другие — все эти папенькины сынки, рожденные в самых богатых парижских кварталах и учившиеся в дорогущих частных школах. А его толкает вверх сознание, что он вышел из гущи народной и он несет память о своем прошлом, как знамя. Да он и сам превращается для родных и близких в знамя. Наш младшенький-то, а? Может, бедняки потому и заводят столько детей? Увеличивают шансы вытянуть счастливый билетик?

Ладно, заканчиваю свои грошовые рассуждения на тему социального детерминизма. Собственно, я и пустился в них только потому, что хотел показать вам, до чего заметной фигурой стала Эмили в квартале Полле. Эта далеко пойдет, говорили про нее. И опекали как могли. Больше всех, разумеется, Николь. Можно только догадываться, какие подозрения терзали ее разум, отравляя счастье восхищения внучкой.

Имела ли она право гордиться Эмили? На самом ли деле этот чудо-ребенок — ее внучка? Миновало семь лет, десять лет, но тень трагедии продолжала витать над семейством Витралей. Если малышка — действительно Эмили Витраль, то — да, Николь была готова возблагодарить судьбу за спасение девочки, да еще какой девочки! А если она — Лиза-Роза де Карвиль?.. Тогда получается, что суд совершил ошибку и обрек ее на жизнь в чуждой среде...

Скажу честно: глядя на Эмили и сравнивая ее с остальными жителями рыбацкого квартала в Дьеппе, я не мог избавиться от мысли, что передо мной — инопланетянка, попавшая в Нью-Йорк, или Тарзан, потерявшийся в джунглях, или Гулливер среди лилипутов.

«Ничего странного тут нет, — иногда спорила со мной Николь. — Девочка растет не в обычной семье, а с бабушкой. Конечно, она будет отличаться от других детей».

В ее словах была доля истины. Но только доля.

Когда Эмили исполнилось одиннадцать лет, она начала заявлять о своих правах. Нет, она ничего не требовала. Просто говорила вслух, до чего ей хочется где-нибудь побывать, увидеть хоть что-нибудь еще кроме утесов Дьеппа. Заняться чем-нибудь интересным. Например, музыкой. Не только потому, что у нее были ярко выраженные музыкальные способности, и не потому, что учителя в музыкальной школе в один голос твердили, что она должна больше играть. Нет. Всего лишь потому, что она сама испытывала такое желание. Даже не желание. Потребность.

Расклад был прост. Эмили не сможет совершенствоваться в игре на фортепиано, если у нее дома не будет инструмента. Если не будет

заниматься по несколько часов каждый день. Маленькая Эмили, помимо прочего, обладала редким даром убеждения. Она обошла с рулеткой в руках гостиную. И сделала вывод: если телевизор переставить в угол, а диван сдвинуть в сторону, пианино поместится. И будет очень красиво смотреться. Сверху, на крышку, можно будет поставить вазу и хрустальную пепельницу, привезенную с ярмарки в Бреле.

Оставался вопрос цены.

Пианино стоило тридцать тысяч франков. Или — двадцать тысяч, если покупать подержанное.

Николь Витраль только всплескивала руками:

— Пианино! Деточка моя, да мне на вашу одежду денег еле хватает! Чтобы свозить вас на неделю в Сен-Кэ, я весь май и весь июнь работала по воскресеньям. А к школе сколько всего нужно купить! И еще за музыкальную школу платить! До десяти лет ты училась бесплатно, но теперь хорошая жизнь кончилась. А ты говоришь, пианино...

Эмили не спорила. Она все понимала. В свои одиннадцать лет она была не по годам взрослой. Во всяком случае, мне казалось, что она все понимает. После того разговора она ушла к себе в комнату. Комнату, которую они делили с Марком. Из-за тонкой стенки до Николь донеслись звуки флейты. Это была дешевая блок-флейта, доставшаяся в наследство от Марка. Единственный музыкальный инструмент в доме. Николь узнала мелодию — это была песня Гольдмана «Лейденштадт».

От тоски у нее сжалось сердце.

Когда Марк вернулся со стадиона, он нашел бабушку сидящей на диване с заплаканным лицом. Марку тогда было тринадцать лет. Он не знал, что должен делать. За стенкой Эмили играла на флейте. Играла красивую мелодию. Только грустную.

Николь посадила Марка рядом с собой и крепко обняла его.

— Никогда не завидуй Эмили. Понимаешь? Никогда.

«Само собой, — подумал Марк. — С какой стати он будет ей завидовать?»

— Мы с тобой будем жить, как жили всегда. Главное, помни, что Эмили — твоя младшая сестра.

Ну ясное дело. К чему она клонит?

— Даже если заметишь, что я... что я стала относиться к вам немного по-разному. Ты уже большой мальчик, Марк. Ты должен понять.

«По-разному? Что это значит: по-разному?»

Николь тихонько поднялась. Марк встал следом за ней. Она уже снова улыбалась. Только какой-то неестественной улыбкой. Николь подошла к краю дивана и сказала Марку:

— Помоги-ка мне его передвинуть. Что-то мне не верится, что сюда можно втиснуть пианино.

После покупки пианино — новенького, фирмы «Гартман — Милонга», за которым пришлось ехать в Руан, в специализированный магазин, — банковский счет на имя Лили «похудел» на столь незначительную долю, что это было почти незаметно.

Эмили оказалась права: пианино отлично поместилось между диваном и телевизором. Впритык, но поместилось.

А потом пошло-поехало. Поездки в Париж, на выступления. Всего на пару-тройку дней. Потом на более длительные сроки. Мастер-классы, концерты. Поездки за границу. Лондон. Амстердам. Прага. Музыкальные диски. Книги. Разве можно лишать Эмили книг? Потом одежда. Эмили — девочка, она должна хорошо одеваться. В конце концов, она этого заслуживает. Отныне Николь уверовала, что не имеет права портить Эмили жизнь. Что она обязана предоставить ей все возможности для того, чтобы быть счастливой. Потому что вдруг?..

Теперь вы поняли, в чем заключалась стратегия Матильды де Карвиль? Она с самого начала знала что делает. Банковский счет, открытый на имя Эмили, был змеиным яйцом, подложенным наседке. Глупая курица высидит его, а тварь, которая вылупится из яйца, задушит и ее, и ее детей.

Пропась между Эмили и Марком все увеличивалась. Я имею в виду материальную пропасть. Про все остальное, с вашего позволения, расскажу чуть позже. Эмили получала все, чего душа пожелает, — от безделушек до дорогих вещей, даже не задумываясь, сколько они могут стоить. Марк довольствовался дешевыми подделками. Донашивал чужую одежду. Катался на дедушкином велосипеде. Брал у старшего приятеля по игре в регби шиповки, которые стали тому малы.

Поначалу Эмили негодовала и требовала, чтобы Марку покупали то же, что и ей. Особенно когда ей объяснили, что это ее деньги. Но тут уж Николь Витраль была непоколебима. Сдержать слово, данное Матильде де Карвиль, было для нее вопросом чести.

Она сама провела между Марком и Эмили красную черту, переступить которую было запрещено.

Она не истратит ни сантима из денег Карвилей на своего внука.

Вы полагаете, это выглядит довольно странно? Не спорю. Но

попробуйте поставить себя на место Николь Витраль. Повторяю: в тот майский вечер 1981 года, явившись с отравленным даром к Николь Витраль, Матильда де Карвиль отлично понимала, что делает.

И залогом ей служило кольцо с сапфиром.

Но, вопреки ожиданиям, ее расчет не оправдался. «Змеиная» стратегия полностью провалилась. Марк не стал завидовать Эмили. И не потому, что бабушка запретила, вовсе нет. Он искренне радовался за Эмили, радовался от всей души. Впрочем, к этому я еще вернусь. В подробностях, обещаю.

Вторым чудом, возможно, еще более поразительным, стало то, что Эмили, несмотря на вновь открывшиеся возможности сладкой жизни, почему-то не превратилась в избалованную капризную пустышку — этакую Нелли Ольсон, высокомерно презирающую простоту жизни Ингаллсов.^[10] Эмили осталась такой же, какой была всегда — милой и приветливой. Она по-прежнему любила скромную гостиную с обшарпанной мебелью в домике на улице Пошоль, любила свой тесный квартал, любила серого цвета море и твердую прибрежную гальку, по которой с удовольствием разгуливала босиком.

Эмили росла. Девочка с голубыми глазами Витралей и изысканными вкусами Карвилей. Добротой Витралей и... деньгами Карвилей.

Вот и попробуйте разобраться что к чему.

* * *

Марк оторвал взгляд от тетради. В глазах у него стояли слезы.

Поезд стремительно мчался через пруды коммуны Поз. По Сене ползли против течения баржи, груженные песком. Марк помнил тот день так живо, словно он был вчера. Флейту. Диван. Пианино. Он помнил, как потом Эмили сидела за инструментом и играла Шопена, Берлиоза, Дебюсси. Марк плохо разбирался в музыке, но игра Эмили никогда не оставляла его равнодушным. Он и сейчас, как наяву, видел Эмили за пианино: прямая спина, волосы завязаны в хвост, руки летают по клавиатуре... Теперь пианино онемело. Покрылось пылью. Так и стоит у них в гостиной в Дьеппе. Наряды Лили он тоже помнил. Разве он мог их забыть? Платья, юбки... С каждым годом все более красивые. Она носила их ради него. Только ради него.

Так чему же он мог завидовать?

Никто из них так ничего и не понял. Ни Гран-Дюк, ни Николь, ни другие взрослые. А меньше всех — Матильда де Карвиль.

Поезд остановился в Валь-де-Рей. Вокзал располагался прямо посреди полей, до которых вновь построенный город так и не добрался. Марк заколебался. До Руана оставалось еще минут пятнадцать. Он достал мобильник. Пожалуй, успеет сделать еще несколько звонков в больницы. Для очистки совести. Он набрал три номера. Безрезультатно. «Пациентка по имени Эмили Витраль к нам не поступала». «Ну что ж, так тому и быть». Марк не слишком верил в свою затею. И ему не терпелось дочитать записки Гран-Дюка.

Встретиться на страницах тетради с собственной юностью.

Как будто читаешь собственный дневник, написанный кем-то другим.

2 октября 1998 г., 16.48.

Николь Витраль медленно шла по направлению к рынку, расположенному в самом конце рыбацкого порта. Остановилась возле одного из прилавок.

— Жильбер! Что у тебя сегодня? Из не слишком дорогого?

Торговец не замешкался с ответом:

— Морской язык. Прямо с лодки. Ночной улов. Тебе один?

— Два!

Жильбер выпучил глаза, став похожим на собственный товар.

— Два? У тебя что, сегодня гости? Эмили? Или Марк? Или любовника завела?

Вот паршивец!

— Дурень ты! — ответила Николь. — Марк приезжает.

— Ну, тогда выберу тебе самого лучшего. Как он там?

Николь рассеянно обронила пару банальностей. Расплатилась с торговцем.

— Спасибо, Жильбер. На неделе загляну к тебе, принесу листовки. Насчет порта. Про что, рассказывать не буду. Сам все прочтешь.

Жильбер вздохнул.

— Опять они со своими глупостями. Не тем они в мэрии занимаются, не тем! Лучше бы о нас позаботились! Говорю тебе, мы, торговцы, раньше рыбаков ноги протянем...

Николь ушла, не дослушав, что он там несет. Жильбер Летондер держал в Дьеппе самую лучшую рыбную лавку, что не мешало ему оставаться полным кретином, поддерживавшим Торгово-промышленную палату Дьеппа и союз судовладельцев. Кретином, голосовавшим за правых. Николь отдавала себе отчет в том, что немного упрощает ситуацию, но ничего не могла с собой поделать. Она всегда смотрела на Дьепп именно под таким углом зрения. Как на город, разделенный на два противоборствующих лагеря. И, хотя сама она всю жизнь торговала с грузовика на пляже, никогда не причисляла себя к коммерсантам.

«Предательница!

Дважды предательница. Потому что ест рыбу, которую покупает во вражеском лагере».

Николь продолжала идти к побережью. Погода стояла хорошая — дождя не было и ветер задувал ровный, без порывов. На площадке перед пляжем кипела работа: рабочие устанавливали десятки одинаковых белых палаток, над которыми развевались разноцветные государственные флаги. Раз в два года в Дьеппе проводился десятидневный международный фестиваль воздушных змеев.

В небе уже реяли причудливые ромбы, круги и треугольники. Выше других поднялись китайский дракон, традиционная маска инков, гигантский синий кот и колесо, внутри которого вращался флюгер. Фантастические созвездия сказочной страны...

Николь Витраль смотрела по сторонам, не в силах бороться с нахлынувшей печалью. Она невольно вспоминала празднества прошлых лет. В конце семидесятых Дьепп стал первым из курортных городов, организовавших у себя фестиваль воздушных змеев. Потом его инициативу подхватили другие прибрежные города Северной Европы.

Особенно прочно врезались в память Николь два первых фестиваля. В 1980-м и в 1982-м. Два раза по десять дней. Тогда был жив Пьер. Праздничная атмосфера. И возможность заработать. В то время их передвижная закусочная уже пользовалась популярностью. В 1980-м Стефани, невестка, была беременна, практически на сносях, но все равно в выходные пришла помогать. Пьер и Паскаль — муж и отец мужа — еле уговорили ее сесть и спокойно посидеть. Не хватало еще родить посреди всей этой суматохи. В итоге малышка Эмили появилась на свет несколько дней спустя, 30 сентября, как будто все поняла и решила не торопиться...

А потом было крушение самолета. Суд. В 1982 году фестиваль собрался во второй раз, и Пьер успел на нем поработать. Чтобы через пару месяцев, 7 ноября, заснуть вечным сном в Летрепоре. Так вышло, что этот фестиваль стал для Николь какой-то зловещей вехой, отметившей самые трагические события ее жизни. Как будто доказывал: жизнь, подобно воздушному змею, висит на тонкой ниточке, и смерть может оборвать ее в любую секунду. Несмотря ни на что, она продолжала пригонять свой фургон на набережную и все десять дней, что длился праздник, работала. Уже без Пьера. А что ей было делать? Раз в два года ей выпадала возможность прилично заработать, и она не могла ее упускать.

Марк и Эмили ничего этого не помнили, они были слишком малы. Для них фестиваль был в первую очередь веселым карнавалом, наступления которого ждут с нетерпением. Марк, стараясь произвести на младшую сестру впечатление, научился неплохо управляться с воздушным змеем. Этого змея, похожего на огромное золотисто-красное насекомое с длинным

пышным хвостом и крыльями из прозрачной бумаги, ему подарил сосед. Разумеется, Марк назвал своего змея «Стрекозой» — потому что именно так иногда называли Эмили обитатели Дьеппа. Всякие обормоты вроде торговца рыбой.

Эмили не пропускала ни одной палатки. Обегала все страны мира. Перу. Китай. Эфиопия. Монголия. Эквадор. Йемен. Квебек. Для нее воздушный змей олицетворял нить, связавшую воедино всех детей планеты. Немного ветра, и вот оно, счастье.

Счастье управлять небом. Просто так, развлечения ради.

Чтобы твой змей взлетал все выше и выше. Без экипажа и пассажиров.

И никогда не мог бы разбиться.

После 1980 года Николь уже не могла смотреть на небо как прежде. А малышка Эмили неустанно «путешествовала» по миру. Япония. Мали. Колумбия. К бабушкиному фургону она возвращалась с горящими от восторга глазами. На лужайке возле пляжа собрались все племена и народы.

— Бабуля, ты видела? Ты видела?

Николь, едва не плача, пошла прочь от пляжа. В этом году Эмили впервые в жизни пропустит фестиваль воздушных змеев в Дьеппе.

Николь вошла в булочную, не без оснований опасаясь, что и здесь ее ждет повторение дурацкой сцены, разыгравшейся в рыбной лавке.

— А, Николь! Тебе багет?

— Да, багет. И одно пирожное. Саламбо.

— Да что ты? Саламбо? Значит, Марк приезжает?

Саламбо. Любимое пирожное Марка. Во всяком случае, когда ему было десять лет, он их обожал. Николь понимала, что поступает нелепо, продолжая потчевать взрослого парня детскими лакомствами. Но ей это доставляло удовольствие. А Марк всегда был воспитанным мальчиком.

Николь посмотрела на часы. Внук будет здесь часа через два. Она медленно шла мимо порта, направляясь к подъемному мосту через канал, отделявший квартал Полле от остальной части Дьеппа. Островок посреди города.

Мыслями она неотступно возвращалась к телефонному разговору с Марком. Он говорил про голубой конверт, который ему дала Матильда де Карвиль. С результатами теста ДНК. Она запретила ему самостоятельно вскрывать конверт. Это подарок для бабушки.

Мерзавка!

Николь пришлось остановиться. Мост поднимали, пропуская средних

размеров грузовое судно под нигерийским флагом. Своей очереди ожидали еще несколько. Что они везут? Бананы? Ананасы? Древесину экзотических пород?

«Да что она о себе возомнила, эта гадина? Что она ясновидящая? Что она единственная сообразила про тест ДНК? Что она купила Кредюля Гран-Дюка с потрохами? Неужели она думала, что детектив сумеет добыть каплю крови Эмили так, чтобы ее бабушка ничего не заподозрила?»

Перед мостом выстроилась цепочка автомобилей. К запаху моря здесь примешивалась бензиновая вонь, и Николь закашлялась. «Нет, не такая уж она проницательная, эта старая интриганка Матильда де Карвиль. А Гран-Дюк никогда не был негодяем. Он не пошел на поводу ни у кого. Взял и заказал два теста ДНК. И получил два голубых конверта. По конверту для каждой бабки».

Николь повернула голову. Над домами и над пляжем, высоко в небе парил гигантский воздушный змей в виде китайского дракона. Она улыбнулась. У нее во втором ящике комода, запирающемся на ключ, лежит голубой конверт, врученный ей Гран-Дюком. А в конверте — результаты сравнительного анализа двух образцов крови: ее собственной и Эмили. Так что «новость», которую послушный Марк везет ей от Матильды де Карвиль, лишь подтвердит то, что ей и так давно известно.

Мост наконец-то опустили. Машины заурчали двигателями. Николь снова закашлялась.

Она вскрыла конверт в 1995 году. Так что она уже целых три года знает правду.

«Теперь придется поговорить об этом с Марком. Никуда не денешься. Сегодня же вечером. Она еще может спасти одну человеческую жизнь. Потом будет поздно. Конечно, ей надо было сделать это гораздо раньше. Легко сказать.

Ведь результаты теста означают...

Что? Свободу?

Возможно.

При условии, что теряешь все».

2 октября 1998 г., 17.11.

Поезд миновал гряду холмов Дёз-Аман, не снижая скорости пролетел через железнодорожный мост в Лемануар-сюр-Сен и без остановки проследовал через Пон-де-л'Арш. Марк сидел, прижавшись лбом к оконному стеклу, и не чувствовал холода. Потом протянул руку и включил лампочку над головой.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Начало 1990-х не ознаменовалось какими-либо существенными сдвигами в расследовании. Я несколько раз съездил в Турцию и в Канаду, но избавлю вас от описания красот Золотого Рога и Шикутими. Раз в год я по-прежнему совершал паломничество на гору Мон-Террибль. Назым несколько дней просидел в засаде возле хижины, увы, безрезультатно.

Одним словом, ничего нового узнать не удалось. Приблизительно в это время у меня начала развиваться депрессия. Во всяком случае, если меня попросят назвать точную дату, то я так и скажу: где-то между 1990 и 1992-м. Можно озаглавить этот период как «Крах иллюзий».

След, ведущий к Жоржу Пеллетье, также зашел в тупик. Бомж как будто испарился. Не иначе, его на одной из ярмарок умчал в никуда «поезд-призрак»... Я перестал наращивать размер премии за детский браслет. Сумма награды застыла на отметке 75 тысяч франков.

Меня все чаще посещала мысль о том, что пора перестать дергаться. Почему бы не плюнуть на все и не зажить жизнью обеспеченного пенсионера?

Я уже три недели вообще не занимался делом, когда у меня раздался телефонный звонок. Звонивший назвался Зораном Раджичем. Объявления под шапкой «75 тысяч франков за браслет» продолжали еженедельно печататься в десятке газет; плата за публикацию поступала автоматически с моего банковского счета.

— Кредюль Гран-Дюк?

— Слушаю.

— Меня зовут Зоран Раджич. Я видел ваше объявление. Про потерянный золотой браслет. Мне кажется, я располагаю информацией, которая может вас заинтересовать.

Представьте себе мою реакцию! Обманутый много лет назад, я бы сказал, в другой жизни, турецким мошенником, я уже никому не верил.

— Вам известно, где находится браслет?

— Э-э... Думаю, да.

Несмотря ни на что у меня заколотилось сердце. Не зря же меня зовут *Кредюль!* Себя не переделаешь.

Мы встретились два часа спустя в баре «Эспадон» на улице Гей-Люссака. Заказали по пиву. Зоран Раджич производил впечатление мелкого уличного мошенника, к тому же не слишком удачливого. Лисья мордочка, бегающие глазки, прилизанные волосы — глядя на него, трудно было вообразить, что он способен кого-то надуть, как бы ни старался.

Неужели именно от подобного типа я наконец-то получу решающее доказательство? Детский браслет, потерянный на горе Мон-Террибль двенадцать лет назад? Если да, то все остальное я с легким сердцем выброшу на помойку: цвет глаз, музыкальные способности, опустевшую могилу возле хижины... Мне не так много надо. Дайте мне в руки этот проклятый браслет, и я сделаю однозначный вывод: ребенком, чудом спасшимся из горящего самолета, была Лиза-Роза де Карвиль.

— Итак? — спросил я, изо всех сил изображая равнодушие.

— Я только вчера прочитал ваше объявление. Вообще-то, я газет не читаю. А тут увидел, и меня как стукнуло.

Зоран поигрывал большим серебряным перстнем с выгравированными на нем заглавными буквами «ЗР». «Господи, неужели еще кто-то носит такие перстни?»

— И...

Пусть сам все расскажет.

— Это давняя история. Случилась лет десять тому назад. В восемьдесят третьем или восемьдесят четвертом, я уж точно не помню. Браслет мне принес один человек, у которого были... э-э... некоторые финансовые затруднения. Я в те годы многим оказывал посильную помощь...

«Ах вот как? Добрый самаритянин?»

— Ладно, не будем ходить вокруг да около. Я немножко приторговывал наркотиками. В смысле... Да чего там? Просто торговал. А у этого парня была жуткая ломка. Я его немножко знал. Он уже некоторое время крутился в нашем квартале. Денег у него не было. И он хотел, чтобы я купил у него какую-то побрякушку. Вернее, обменял ее на дозу. Это был детский браслет. Он утверждал, что золотой. Ничего себе, да?

Самаритянин продолжал спокойно крутить у себя на пальце перстень. Как будто не понимал, что играет у меня на нервах. А может, нарочно тянул резину. Как истинный профессионал, который знает, что «клиента» надо помариновать. Не исключено, что его откровенно жуликоватый вид — дескать, вот я какой, весь как на ладони, — был маскарадом, рассчитанным на то, чтобы притупить бдительность собеседника.

«Если это капкан, — сказал я себе, — то я в него не наступлю». И молчал, вынуждая его раскрыть свои планы.

— Наверное, вам интересно, как его звали, этого парня?

Я не поддался на уловку.

— Я знаю, как его звали. Меня интересуют конкретные доказательства. В первую очередь, сам браслет. Я плачу семьдесят пять тысяч франков за браслет. По поводу остального возможен торг.

Перстень исчез в правой руке самаритянина. Он крепко сжал кулак.

— Ладно. Будем играть в открытую. Может, мы вообще говорим про разных людей? Сколько за имя?

На левой руке снова появился перстень. «Черт, как он это делает?»

— Десять тысяч, — сказал я. — За имя. Если это то самое имя.

— Не пойдет. Ты хочешь меня обмануть. Я называю имя, а ты говоришь: нет, не то. Так что нет, не пойдет. Не такой уж я дурак.

Действительно, не дурак.

— Ладно, — сказал я. — У тебя ручка есть?

— Есть.

— Я напишу имя на картонной подставке. Ты тоже. Если имена совпадут, десять тысяч твои. И продолжаем разговор.

Самаритянин улыбнулся детской улыбкой. Перстень опять сидел на правой руке.

— Годится. Люблю такие игры.

Мы склонились над картонными кружками и застрочили. Каждый прикрывал свой кружок свободной рукой, чтобы не дать второму подглядывать. Мальчишки.

Впрочем, ставка в игре была десять тысяч франков.

Мы одновременно подняли картонки и показали друг другу.

«Жорж Пеллетье».

На обеих.

По позвоночному столбу пробежала дрожь, пронзив меня от затылка до поясницы. Мы говорим об одном и том же человеке! Именно мой Жорж

Пеллетье пытался толкнуть этому жулику детский браслет! Все сходилось.

«Будь осторожен, Кредюль, — шепнул мне внутренний голос. — Не дай себя провести. Ты потратил пять лет, чтобы разыскать в Париже следы Пеллетье, буквально рыл носом землю. А в тех кругах, где ты вел расспросы, новости распространяются быстро. И любой бродяга мог узнать имя человека, который тебя так интересуется. Так что связать его с объявлением, сулящим награду в 75 тысяч франков, под силу любому самаритянину...»

— Хорошо, — кивнул я. — Ты заработал свои десять тысяч. Все честно. Я выпишу тебе чек. И даже оставлю на память картонку с именем Жоржа...

Мой собеседник слегка скривился. Чек? Он явно не привык к безличным расчетам.

— Ты видел браслет?

— Ага. Сколько за информацию?

— Десять тысяч. Если информация стоящая. Что ты можешь мне рассказать?

— Много чего. Смотря что тебя интересуется.

Он опять крутил на пальце перстень (переместившийся на левую руку). Он мог бы подрабатывать на ярмарках, показывая детишкам фокусы. Но и я был не так прост. У меня в рукаве тоже имелся припрятанный козырь. Последние годы научили меня хитрости.

— Если ты действительно видел тот браслет, которым я интересуюсь, то должен сам догадаться, что я имею в виду.

Жулик посмотрел на меня с глуповатой улыбкой. По его виду невозможно было определить, блефует он или нет. То ли вешает мне лапшу на уши, пытаюсь выманить как можно больше денег, то ли... То ли он и в самом деле мой единственный свидетель, показания которого способны дать новый толчок расследованию.

— Значит, десять тысяч? За доказательство? Не надуешь?

— Я никого не обманываю. Если ты наводил обо мне справки, должен это знать.

Руки самаритянина пришли в движение. Но на сей раз фокус не удался — перстень упал на стол. Он нервничал. Или делал вид, что нервничает. Поди разбери... Я отодвинул бокал с пивом, взял картонную подставку и снова достал ручку. На обороте картонного кружка я написал: «Лиз-Роза. 27 сентября 1980».

Точное воспроизведение фрагмента теста газетных объявлений.

Я подтолкнул картонку к нему.

— Ты подтверждаешь, что на браслете были выбиты именно эти слова?

Мошенник потер руки. Перстень вернулся на свое место, на палец руки.

— Насчет даты, извини, ничего не могу сказать. Не помню. Столько лет прошло. Да я, если честно, на нее тогда и внимания не обратил. А имя правильное...

«Попался, — возликовал я. — Еще один умник! Но меня не проведешь!»

— ...вот только, — тем же тоном продолжал самаритянин, — вот только, если мне не отшибло память, там все-таки было написано не «Лиз-Роза», а «Лиза-Роза».

Меня снова пронзило словно электрическим током. Раджич не попал в расставленную ловушку! Публикуя объявление, я специально немного видоизменил имя ребенка, чтобы отсечь вероятных мошенников.

«Спокойно, — приказал я себе. — Держи себя в руках».

— Ну хорошо, — вслух сказал я. — Ты заработал еще десять тысяч. А теперь скажи, что стало с браслетом? Ты согласился взять его у Пеллетье в обмен на, как ты выражаешься, некоторые услуги?

«Да-да, я не забыл, что меня зовут *Кредюль*. Пора перестать надеяться на чудеса».

— Если бы в то время я знал, что она стоит семьдесят пять кусков... Но я не знал. И послал Пеллетье куда подальше. Никакого бартера. Только нал. Ты мне деньги — я тебе дурь. — Он окинул меня ироническим взглядом. — Или, на крайняк, чек.

«Проклятье!»

— И что Пеллетье? Так и убрался вместе со своей побрякушкой?

— Ну да.

— После этого ты с ним еще виделся?

— Ни разу. Судя по тому, как он выглядел, не думаю, что ему долго оставалось.

«Трижды проклятье!»

Я выписал чек. Безо всяких угрызений совести. Матильда де Карвиль не обеднеет, потеряв 20 тысяч франков. Хотя сомнения оставались. Ловушка с заменой «Розы» на «Роз» не отличалась особой изобретательностью. Любой, кто читал газеты, мог видеть правильное написание имен Лизы-Розы де Карвиль и Эмили Витраль. Так что не исключено, что самаритянин Зоран выудил у меня свои двадцать тысяч обманом, для чего ему понадобилось просто немного пошевелить мозгами.

Он схватил чек и внимательно изучил его. Удовлетворенный осмотром, поднялся и протянул мне руку — ту, на которой красовался перстень.

— Спасибо. Дай пять. И вот еще, последнее. Подарок фирмы.

У меня по коже поползли мурашки.

— Какой подарок?

— Только сейчас вспомнил. Я ведь почему не взял у Пеллетье браслет?

Он же был сломанный. В смысле, цепочка была разорвана. И, по-моему, в ней не хватало нескольких звеньев.

Столы и стулья завертелись у меня в глазах. «Господи боже мой! Никто. Никто не знал про это. Кроме нас с Назымом».

2 октября 1998 г., 17.29.

В кои-то веки поезд «Париж — Руан» прибыл точно по расписанию. Он остановился возле перрона ровно в 17.30. Поезд «Руан — Дьепп» отходил через восемь минут. Этот промежуток был специально рассчитан так, чтобы пассажиры успели на пересадку, поэтому, если «старший столичный брат» — скоростной состав — опаздывал, местные терпеливо его ждали, задерживаясь с отправлением. За время учебы в Париже Марк десятки раз пересаживался здесь с одного поезда на другой и на опыте убедился, что восьми минут для этого более чем достаточно. Он с сожалением закрыл тетрадь Гран-Дюка и быстрым шагом направился к киоску, торгующему сэндвичами. Перед ним в очереди стоял всего один человек. Марк купил яблочный пирог и бутылку минеральной воды. Николь, обладавшая непревзойденным кулинарным даром, наверняка приготовит ему роскошный ужин, но это будет еще нескоро, а от бутерброда с ветчиной, проглоченного в парижской подземке, давно остались одни воспоминания.

Экспресс до Дьеппа оказался почти пустым. Контраст по сравнению с битком набитыми вагонами поезда «Париж — Руан» выглядел разительным. Марк по привычке сел возле окна. Кроме него, во всем вагоне было только два других пассажира. Подросток в наушниках от плеера и толстяк, с трудом помещавшийся на двух сиденьях, — последний, едва успев занять место, сразу заснул.

Марк откинул столик, поставил на него рюкзак и достал тетрадь Гран-Дюка. Ему оставалось дочитать всего страниц двадцать. Затем надо будет хорошенько все обдумать и составить план действий. Он вспомнил эсэмэски, которые отправляла ему Лили. Значит, чтобы разобраться во всем, что происходит, у него есть вечер и ночь.

С перрона донесся свисток.

Марк рефлекторно повернул голову и тут же застыл, пораженный.

Она!

Тощая фигура окинула злобным взглядом начальника вокзала, дававшего сигнал к отправлению, сквозь зубы прошипела какое-то ругательство и почти на ходу прыгнула на подножку вагона.

«Мальвина де Карвиль!»

Марк несколько минут безотрывно смотрел на раздвижные двери вагона, карауля появление Мальвины. Он никого не увидел. Должно быть, Мальвина села в другой вагон. Впрочем, Марк не испытывал ни малейшего желания бегать по поезду в ее поисках. И не собирался во второй раз позволять ей подловить себя, как мальчишку. К тому же его ждали последние двадцать страниц дневника.

Сначала надо его дочитать. А уж потом он займется этой ненормальной.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Покидая бар «Эспадон» после встречи с Зораном Раджичем, я почти верил: этот мелкий базарный жулик сказал мне правду. Чем больше я размышлял, тем яснее вырисовывалась передо мной логика событий. Итак, 23 декабря Жорж Пеллетье, обитавший в хижине на горе Мон-Террибль, стал свидетелем крушения самолета. Именно он первым очутился на месте катастрофы и обнаружил чудом спасшегося ребенка. До приезда спасателей он успел забрать себе золотой браслет с именем девочки. То есть поступил как настоящий мародер.

Если вы следите за ходом моих рассуждений, то должны понять: ребенком, которого выбросило из самолета, была Лиза-Роза де Карвиль. Отныне это утверждение представлялось почти стопроцентно справедливым. Почти... Черт бы побрал это «почти»! Несмотря ни на что Зоран Раджич вполне мог оказаться обыкновенным мошенником, выдумавшим свою историю от начала до конца с тем, чтобы вытянуть из меня деньги. Для такого прожженного типа, как он, это не составляло труда. Иначе говоря, я вернулся к исходной точке: предположения, предположения и снова предположения. Некоторые из них выглядели весьма солидно, но все-таки оставались лишь предположениями. А мне нужны были факты.

В общем, называйте как хотите: предположения, подозрения, свидетельства, стечение обстоятельств... Я рассказал вам все, что знаю сам. Теперь вам известно об этом деле ровно столько же, сколько мне. Вот и попробуйте в нем разобраться!

Впрочем, честность требует от меня признаться, что одну вещь я от вас утаил. Правда, это не столько факт, сколько некое ощущение. Мне очень трудно его описать — гораздо труднее, чем свои изыскания на горе Мон-Террибль или разговор с тем или иным свидетелем. Откровенно говоря, я

уже постепенно склонялся к мнению, что все имеющиеся в деле улики — браслет, могила, купленная на Большом базаре детская одежда и прочее, — не стоили и ломаного гроша. Не больше, чем цвет глаз или музыкальные способности.

Истину следовало искать в совсем другом месте. В области чувств. Если точнее, в области человеческих взаимоотношений.

Я имею в виду отношения Марка и Эмили.

Полагаю, настало время подробнее остановиться на этой странной теме. Бедные дети, они оказались неспособны к сопротивлению! Жизнь все решила за них.

Николь, как бы она ни старалась, была от этого слишком далека. Я имею в виду, далека от Марка и Эмили. Изнуряющая работа — днем и ночью, без выходных. Бытовые заботы. Разница в возрасте. Марк и Эмили росли без матери. Без отца. И даже без дедушки. Ничего удивительного, что они так сблизились. Две одинаково белокурые головки. Два ангельских личика — хоть сейчас снимай для рекламы. И в то же время они были такими разными...

Ладно, перехожу к делу. Я знаю, что Лили с Марком прочтут эти строки. Поэтому я должен быть на высоте. Впрочем, когда это случится, меня уже не будет...

Марк... Голубые глаза и мечтательный взгляд, словно бы стремящийся проникнуть за горизонт времени и окунуться в тот золотой век, когда на морских просторах хозяйничали дьеппские пираты. Казалось, его манили к себе какие-то неведомые сирены... Вместе с тем это было ошибочное впечатление. Просто Марк очень любил свой квартал и свой дом. Друзей, бабушку. Но больше всех — Эмили.

Марк любил все то, что его окружало, и эта любовь, накапливаясь с годами, становилась все сильнее и щедрее. Это была такая, э-э, очень домашняя любовь. Марк был скромным парнем. Пожалуй, даже робким. Сдержанным и немногословным.

Я бы сказал, он был кумиром белошвейек — если под белошвейками понимать старшеклассниц Дьеппа. В том числе и потому, что не обращал на них никакого внимания. С той поры как я его узнал и как добросовестный следователь стал за ним наблюдать, Марк демонстрировал безоглядную преданность Эмили. Он заменял ей брата, отца и деда одновременно. Служил ей защитным экраном. Громоотводом. Зонтиком.

И в этой роли он чувствовал себя счастливым.

Малышка Эмили в долгу не оставалась. В ее присутствии оживало все. Все, к чему бы она ни прикасалась, начинало играть новыми красками.

Невероятно красивая, особенно на том мрачном фоне, что окружал ее в повседневной жизни: закрытые заводы, кирпичные стены, водосточные канавы... Ее красота перекликалась с закатами на морском берегу, осенним лесом в Арке и радугой, встававшей над утесами.

Она была похожа на яркую бабочку, случайно залетевшую в темную комнату. Или, если угодно, на стрекозу...

Благодаря Эмили тесный домишко Витралей казался вдвое, вдесятеро просторнее. Она наполняла его музыкой. Мелодии Шопена и Сати делали его воздушным и невесомым, заставляя воспарять над скучной землей и, глядя на нее сверху, заливаясь серебристым смехом.

В минуту грусти спасением Эмили была музыка.

Легкокрылая бабочка.

Одинокая бабочка, не сознающая своей красоты. Эмили никогда не задавалась и не корчила из себя неземное создание. Она с удовольствием ходила болеть за Марка на стадион «Морис-Тумир» и, когда тому удавалось ловким приемом схватить соперника за ноги, оглашала трибуну восторженным воплем. Обувшись в кроссовки, она отправлялась на десятикилометровую пробежку по одному и тому же маршруту — Дьепп — Пурвиль — Варанжвиль — Пюи. Шесть долин и пятисотметровый перепад высоты.

Она, подобно солнцу, освещала этот город. Признаюсь, я тоже таял под ее лучами.

Кредюля-дедуля.

Казалось, едва не погибнув в трехмесячном возрасте, она научилась ценить жизнь и не собиралась терять даром ни крошки. А как она гордилась своим Марком! Своим защитником. Своим белокурым ангелом-хранителем...

Марк и Эмили очень рано поняли, что никакие они не брат и сестра. Ненастоящие. Не такие, как другие. Тайна, тщательно берегаемая Николь, выплыла наружу случайно, на школьной перемене, когда первоклашки высыпали во двор. Родители напрасно думают, что дети ничего не слышат. Они все слышат и повторяют. Перевирая в меру своего понимания.

Мальшня из школы Поля Ланжевена придумала такую игру. Дети гонялись за Эмили, раскинув руки и наклонив голову, издавая звуки, напоминающие рокот самолета. Подбежав поближе, они принимались вертеться на месте и наконец падали на землю возле ее ног. Эта игра очень скоро стала в школе Поля Ланжевена любимым развлечением ребятни — рухнуть на гудрон и притвориться мертвым.

Марк, со своей стороны, неизменно брал на себя роль истребителя.

Возвышаясь над младшеклассниками на несколько сантиметров, он Кинг-Конгом набрасывался на тех из них, до кого мог дотянуться, и сурово наказывал. Но он был один, а озорников — много.

Марк и Эмили никогда не чувствовали себя братом и сестрой. По мере того как они росли, росли и их сомнения.

Наименее жестокие из школьников довольствовались тем, что дразнили их «женихом» и «невестой».

Разумеется, они любили друг друга. Это просто бросалось в глаза. Но какой любовью?

Думаю, Марк начал задумываться над этим вопросом годам к десяти. С самого рождения, вернее, с момента катастрофы, они с Эмили спали в двухъярусной кровати. Он — внизу, Лили — наверху. Позже Николь внесла в этот порядок кое-какие изменения: за Марком осталась их прежде общая с сестрой маленькая спальня, а Эмили перебралась в спальню к бабушке.

Николь старалась делать все, что было в ее силах. Все, что позволяли ей скромные средства. И почти всегда находила решение очередной проблемы.

Выше я говорил, что давно задавался вопросом: что за любовь их объединяла?

Признаюсь, я на этом не остановился. Я за ними подглядывал. Шпионил, как презренный папарацци. Снабдил Назыма камерой с телеобъективом. На всякий случай.

Впустую. Чувство на пленку не заснимешь.

Что за любовь?

Ответ на этот вопрос знают только они двое. Если знают...

Я — нет.

Даже наука оказалась бессильна мне помочь.

Впрочем, об этом чуть ниже.

Лили исполнилось пятнадцать лет.

Тест ДНК... Этот проклятый тест ДНК.

Сам я с ним не торопился. Хотя подозревал, что в конце концов Матильда де Карвиль потребует, чтобы я его организовал. Засунет куда подальше свою религиозную этику и заставит говорить гены. А Бог и вера — побоку. Она жаждала узнать истину. Что ж, вполне человеческая реакция. Странно, что она так долго сопротивлялась.

Что касается меня, то я отнюдь не горел желанием проводить подобный анализ. Честно говоря, побаивался. Поставьте себя на мое место. Пятнадцать лет упорной работы против трех капель крови.

Вот ведь подлость. Чертова наука!

* * *

Строчки плясали у Марка перед глазами.

«Что за любовь?»

Ответ на этот вопрос знают только они двое. Если знают...»

За окном проплывали холмистые пустоши области Ко. Бежали линии электропередачи, протянутые от атомных станций до самого Дьеппа.

«Что за любовь?»

Неужели старый сыщик, вооруженный камерой с телеобъективом, сумел в чем-то разобраться? Вряд ли. Никто не сумел.

«Жених и невеста»...

В ушах у Марка словно наяву зазвучали детские вопли. Завыванья глупых сопляков, уверенных, что изображают реактивный самолет.

«Жених и невеста»...

Лили, где ты?

Продолжать обзванивать больницы? Бессмысленно.

«Жених и невеста»...

Кто еще кроме них самих был в курсе? Кто знал их тайну?

Никто. На нее в тетради Гран-Дюка не было ни намека. Остальным и вовсе было невдомек.

Это произошло меньше двух месяцев назад.

16 августа.

Лили еще не исполнилось восемнадцати лет.

Марк закрыл глаза.

Меньше двух месяцев назад.

16 августа 1998 г., 18.00.

«Сумасшедшая идея, — подумал Марк. — Устраивать пробежку в разгар августа!» День клонился к вечеру, но термометр упорно показывал почти тридцать градусов. Для Нормандии такая жара — явление исключительное.

Но Лили это не отпугнуло. Она сидела на корточках возле двери дома на улице Пошоль и спокойно зашнуровывала кроссовки. Марк вздохнул. Затем нехотя скинул сандалии и полез доставать спортивную обувь.

— Давай шевелись, лодырь! — колокольчиком прозвенел голос Лили.

Свои светлые волосы она завязала в хвост голубенькой резинкой. Марку очень нравилось, когда Лили убирала волосы, открывая лоб. Ему казалось, что с такой прической ее лицо обретает прямо-таки царственное величие. Лили уже нетерпеливо подпрыгивала у порога.

— Поторапливайся!

— Иду, иду...

С тех пор как Лили получила по физкультуре 18 баллов,^[11] она увлекалась джоггингом. Тренировалась всю весну, не меньше пяти часов в неделю. Под чутким руководством Марка.

Марк никак не мог найти левый кроссовок.

— Ты что, передумал?

— Да иду уже, иду.

Лили взяла бутылку минералки и, запрокинув голову, принялась пить прямо из горлышка. По губам, по подбородку, по шее потекла тоненькая струйка воды. Марк отвел взгляд. Ему стало не по себе. В который раз...

— За ведрами. Кроссовок твой...

— Спасибо.

Марк наскоро зашнуровал кроссовки. Лили надела спортивный комбинезон от Серджио Тачини. Белый с сиреневым. Он делал ее похожей на олимпийскую чемпионку по триатлону. Стоила эта тряпочка целое состояние и обтягивала тело плотно, словно служа ему второй кожей. В комбинезоне грудь Лили казалась меньше, чем была на самом деле, зато костюм подчеркивал ее плоский живот и идеальную линию бедер.

— Ну? Ты идешь?

Марк заставил себя подняться.

«Что это было? Дурное предчувствие? Чем оно было навеяно? Ненормальной жарой? Безветренной погодой? Или тоном голоса Лили? Действительно, чему она так радовалась? Или притворялась?»

Как всегда, первые сотни метров были самыми трудными. Они пересекли квартал Полле и подъемный мост и побежали вдоль бетонной дамбы у побережья. Здесь начался подъем. Дорога карабкалась вверх, к замку-музею.

Лили бежала впереди. Марк подлаживался под ее темп. Они миновали поле для гольфа и здание лица Анго с его футуристической архитектурой, выстроенное почти впритык к скалам. Лили на бегу шутливо помахала бывшей школе рукой: пока-пока!

Теперь до самого Пурвиля тянулся пологий участок и можно было бежать ровнее. За поворотом перед ними, как всегда внезапно, открылась панорама купающейся в лучах солнца долины, поразившая их своей красотой. Начался спуск, и Лили ускорила бег. Туристы, загорающие на пляже или сидящие на террасах кафе, поворачивали к ней головы. Особенно — мужчины, ни одного из которых не могла оставить равнодушным стройная фигурка белокурой девушки в плотно обтягивающем тело комбинезоне. Ритмичные движения ее длинных ног действовали на них завораживающе, словно качание медного маятника часов. Марк ощущал себя ее телохранителем, успевая на бегу внимательнейшим образом осматривать окрестности. Случись что, он в два прыжка нагонит Лили и станет на ее защиту...

Марк давно привык к тому, что мужчины провожают Лили похотливыми взглядами, однако никакая привычка не могла помешать ему всякий раз испытывать жгучую ревность... Они быстро преодолели пятьсот метров прибрежной полосы, за которыми снова шел подъем к Варанжвиллю — крутому холму, за которым, укрытые от восточных ветров, уютно расположились самые красивые виллы Дьеппа.

Лили слегка запыхалась на стометровом подъеме. Марк взлетел на него почти без усилий. Сверху открывался вид на долину Си. Но Марк старался не заглядывать далеко вперед. Он почти не отрывал глаз от Лили, бежавшей перед ним. Он смотрел на нее и не мог насмотреться.

Догадывалась ли она о том, что он чувствовал? Последний поворот, и побережье осталось позади. Марк прибавил ходу и нагнал Лили. Теперь они бежали рядом. Лили повернула к нему сияющее лицо. Она широко улыбалась.

«Какая она красивая...»

Марка захлестнуло волнение. Такое случалось с ним и раньше, но

никогда еще его чувство не достигало подобной силы. Они выбрались на шоссе, которое на протяжении следующих четырех или пяти километров шло без подъемов, пока не упиралось в кладбище Варанжвиля — конечную точку их маршрута. Вокруг Варанжвиля раскинулись густые рощи. «В такой жаркий день хорошо очутиться в тени деревьев», — мелькнуло у Марка в голове. Они миновали усадьбу Анго, цветочный парк Мутье. Они по-прежнему держались рядом, несмотря на то что по шоссе время от времени проезжали машины.

Примерно за двести метров до финиша Лили вдруг ускорила темп. Марк дал ей оторваться метров на пять. Напрасно... Голая спина Лили блестела от пота. Крупные капли скатывались по спине и исчезали за низким вырезом комбинезона. «Как жемчужины», — подумал Марк. Ему хотелось одного — ловить их губами...

«Успокойся, — приказал он себе. — Немедленно успокойся».

Марк ускорил бег, со смехом догнал Лили и пристроился рядом. К финишу они пришли одновременно. Лили без сил упала на поляну. Марк заставил себя отвести глаза от ее распростертого на траве тела, освещенного солнцем.

Он прошел вперед и толкнул калитку моряцкого кладбища. Через несколько секунд к нему присоединилась Лили. Они были здесь не одни. По крошечной территории кладбища бродило десятка два туристов: одни искали могилу Жоржа Брака, другие — витраж его работы, третьи фотографировались на фоне величественной панорамы. Действительно, отсюда открывался потрясающий вид на Дьепп, Криэль и Летрепор — практически на все побережье, протянувшееся до безжизненных скал в Пикардии, в местечке под названием О.

Наверное, многие влюбленные мечтали быть обвенчанными в этой выстроенной из песчаника изумительно красивой церквушке, утопавшей в зелени и словно парящей между небом и землей.

А сам Марк? Мечтал он об этом?

Он прогнал прочь глупые мысли.

— Ну что, возвращаемся?

Он знал, что скальная порода, на которой размещалась церковь, понемногу разрушается. Известняки постепенно вымывало водой. Так что вскоре и кладбище, и все, что его окружает, обрушится в море.

И волны смоят все следы.

Лили напилась из-под крана, установленного у входа на кладбище, и пошла прочь.

Марк покорно поплелся за ней.

Ему навстречу неторопливо ползла вереница туристических автобусов. Дорога, и без того узкая, по обочинам была обсажена густым кустарником. Здесь бежать рядом было немыслимо. Марк следовал за Лили, не видя перед собой ничего, кроме ее потной спины, рельефно обтянутых эластичной тканью бедер и золотого пушка у основания шеи.

Он понимал, что не должен на все это смотреть.

«Но почему?»

«Почему!» Этот вопрос неотступно бился у него в мозгу.

«Не смотри! — приказал он себе. — Не думай ни о чем, кроме бега. Просто переставляй ноги. Представь себе, что ты — бездушная машина».

Они уже добрались до Пурвиля и теперь бежали мимо вилл «бэль эпок», перемежаемых более причудливыми строениями в стиле барокко. Неожиданно Лили свернула налево, к узкому ущелью Пти-Айи, за которым открывался небольшой, известный только местным жителям пляж в этакой «секретной» долине... «Впрочем, даже здесь сегодня наверняка будет полно народу, — мелькнуло у Марка в голове, — как-никак середина августа» Он снова нагнал Лили.

— Куда это ты?

Лили бросила на него озорной взгляд:

— А вот захотелось! За мной!

Она снова повернула, на сей раз направо, в заросли ивняка. Дорога оборвалась, и примерно двести метров им пришлось пробираться между стволами, обойдя по пути небольшое болотце. За ивняком потянулись поля, очевидно, принадлежащие какому-то фермеру. Через поле они снова двинулись бегом.

Тропинка довольно круто уходила вниз, и Лили, не сбавляя темпа, понеслась по ней. Коровы, жевавшие на лугу траву, провожали ее полуудивленными-полуиспуганными взглядами.

Ни фермера, ни пастуха видно не было. Лили уверенно бежала мимо загородки, находившейся под напряжением, — эти места явно были ей знакомы. Марк сосредоточился, вызывая в памяти карту хорошо известного ему туристического маршрута номер 21, проложенного вдоль побережья. Значит, они отклонились немного к северу от ущелья Пти-Айи и оставили за собой фермы «Пен-Брюле» и «Мордаль». Марк догадался, что Лили ведет его к бухте Мордаль, где он еще никогда не бывал. Это была совсем крохотная бухточка, попасть в которую мог лишь тот, кто знал запутанный доступ к ней. На берегу бухточки располагался небольшой частный пляж,

по всей видимости, входивший во владения местного фермера, который им никогда не пользовался.

Последние двадцать метров пришлось преодолевать едва ли не с риском для жизни. Рыхлый склон осыпался под ногами, и длинные глинистые языки породы тянулись к морю. В одном месте образовалась настоящая яма, протянувшаяся метров на десять. Впрочем, они выкарабкались из нее без труда. Зато пляж совершенно не просматривался со стороны поля.

Лили упала на глинистую почву, не обращая внимания на то, что мгновенно перепачкала ноги и комбинезон. Она тут же вскочила и выпрямилась в гордой позе победительницы.

Марк остановился рядом с ней. На море начался отлив — за галечным пляжем открывалась примерно трехметровая полоса песчаного дна.

Лили развязала хвост, и золотистые волосы каскадом упали ей на плечи. Марка охватила дрожь.

— Неплохо, а? — спросила Лили и состроила Марку смешную рожицу. — Окунемся?

Марк не ответил. Дурное предчувствие вспыхнуло в нем с новой силой.

— Ну, как хочешь! — решительно сказала Лили. — Лично я вся потная. Тем более, погода такая отличная! По-моему, сегодня самый теплый день за все лето.

Лили была права. По меньшей мере, с метеорологической точки зрения.

Спокойная вода. Тепло. Песок. Тишина.

И они двое.

Как устоять?

Лили, не дожидаясь от Марка ответа, скинула на гальку кроссовки и бросилась в воду. Комбинезон от Серджио Тачини с равным успехом мог служить и купальным костюмом. Марк был в просторной майке с эмблемой команды Тулузы и в длинных полотняных шортах. Его майка полетела на гальку и упала рядом с кроссовками. Шорты, конечно, промокнули. Ну и пусть.

Они плавали почти час. Просто плавали.

Марк понемногу приходил в себя. Серые воды Ла-Манша надежно скрывали от него тело Лили. Они плавали то кролем, то брассом, в едином ритме, одинаково счастливые.

Лили, как всегда, оказалась права. Плавать было истинным

наслаждением.

А он-то? Чего он только себе ни навоображал...

Заподозрил ловушку?

Каждый понимает в меру своей испорченности...

Ему в лицо полетели брызги. Лили захохотала и окатила его еще раз. Он не остался в долгу. Лили притворно возмутилась, отфыркалась и вдруг одним ловким движением вскарабкалась Марку на спину и опустила его голову под воду. Марк не сопротивлялся и не пытался сбросить Лили. Он вообще не чувствовал ее веса.

Когда он, слегка наглотавшись соленой воды, отдышался, Лили успела отплыть от него метра на два. Она засмеялась:

— Не-е-ет!

Марк схватил Лили за ногу.

— Нечестно! — слабо пискнула она.

Он притянул ее к себе. Дети они вот так же возились в воде, когда Николь купала их в одной ванночке. Одной рукой Марк крепко обнял Лили за тонкую талию и прижал ее к себе.

— Я так не играю! — снова захохотала Лили.

Рука Марка поднялась выше, обхватывая сначала руку, а затем и плечо Лили. Он легонько, не причиняя ей боли, подтолкнул ее, заставив на несколько сантиметров погрузиться под воду. Лили прижалась грудью к его животу. Глаза у нее были закрыты — чтобы в них не попала соленая вода.

Лили скользнула ниже и почти случайно задела лицом его промежность.

Марк пребывал в состоянии возбуждения.

Чудовищного.

А разве могло быть иначе?

Вдали показался паром, покидавший порт Дьеппа и направлявшийся к Ньюхейвену. Над ним мелькали какие-то маленькие белые треугольники — то ли чайки, то ли паруса лодок, — с такого расстояния разобрать было невозможно.

Лили и Марк молча плыли к берегу. Песок на отмели почти высох. Лили легла на него животом вниз.

— Подсохну немного, а потом домой пойдем.

Это были единственные слова, которые она, преодолев смущение, произнесла. Произнесла совершенно новым голосом. Голосом взрослой женщины. Марк сидел, обхватив руками согнутые колени, и смотрел за

горизонт.

Как долго это продолжалось? Несколько минут? Несколько часов?

Паром давным-давно исчез из виду, уплыл в Англию. Чайки — или парусники? — вернулись в порт. Море было пустынным.

Лили вдруг вскочила на ноги. Она молчала. Марк видел лишь, как движется на песке ее тень. Лили подняла руки и одним движением сняла с себя верхнюю часть комбинезона. Аккуратно положила тряпочку на песок и расправила, как будто укладывала для просушки. Марку не надо было поворачивать голову, чтобы увидеть на песке силуэт ее обнаженной груди — маленькой и высокой. Слово рисунок китайской тушью, изображающий гейшу.

Этого еще не хватало!

Лили опустила руки. Ее тень изогнулась, словно в танце. Ткань сползала с нее медленно, миллиметр за миллиметром, как старая и ставшая ненужной кожа. Нижняя часть комбинезона упала на песок.

Бесполезной безжизненной тряпкой.

Марк смотрел на неподвижно застывшую черную тень. Она ничем не отличалась от той, что он видел всего несколько мгновений назад. Та же талия, те же ноги, те же бедра. Тот же силуэт.

И все же...

Лили снова легла на песок. Опять на живот.

Марк ждал. Прошло много часов. Или пара минут.

Никто не спешил ему на помощь. Ни один парус не возник на горизонте. Никто не заглянул на пляж — ни заблудившийся турист, ни разгневанный фермер.

Лили почувствовала, как ее спины коснулась горячая рука Марка. Кожа от налипшего песка стала чуть шершавой. Лили вздрогнула и перевернулась.

Кому еще она могла отдать свои восемнадцать лет?

* * *

Марк открыл глаза. Он весь покрылся потом. За окном нескончаемой чередой неслись столбы электропередачи.

Он невольно отшатнулся.

Неужели он действительно такое чудовище?

В кармане у Марка по-прежнему лежал голубой конверт из лаборатории. Он весил граммов двадцать. Марку казалось, что не меньше тонны. Тест ДНК.

Неужели они оба — монстры?

Открыть конверт. Узнать правду. Получить доказательство...

Дверь вагона распахнулась. На пороге появилась Мальвина де Карвиль.

2 октября 1998 г., 17.49.

Лили стояла под обжигающе горячим душем. Она закрыла глаза. «Надо успокоиться. Хоть немного». Не глядя, она нащупала мягкий флакон с антисептическим мылом и принялась до остервенения натирать тело — грудь, живот, промежность. Под ноги ей потекли потоки белесой пены. Лили тщательно смыла остатки моющей жидкости. Ей хотелось стать чистой. Хотя бы снаружи. Чтобы никто не догадался...

Она вылезла из-под душа и завернулась в большое белое полотенце. С мокрых волос капало на махровую ткань. Лили увидела в запотевшем зеркале свое размытое изображение и ужаснулась: на нее смотрела незнакомка. Впрочем, ее облик тут же снова заволокло водяным паром. Лили бесконечно долго, пока не закровоточили десны, чистила зубы.

Совсем недавно на перекрестке улицы Шуази ее вырвало. Прямо на тротуар. Водка, скотч, текила... Она стояла на четвереньках возле водосточной трубы. Здесь ее и нашел молодой полицейский. Он протянул ей бумажный носовой платок. Она вытерла рот, и ее снова согнуло пополам. Мимо, старательно обходя лужу блевотины, прошествовала мамаша с коляской. Полицейский должен был ее задержать. Наверное, он так бы и сделал, не посмотри она ему в лицо заплаканными глазами. Глазами загнанной лани.

«Со мной это в первый раз».

Он ей поверил.

Позже ее еще раз вывернуло наизнанку. Полчаса назад, в этой комнате. Возле кровати. В желудке давно было пусто. Ей казалось, что ее рвет собственными внутренностями. У нее болело все тело.

Лили вышла из ванной.

На второй кровати лежала девушка, которая, судя по всему, с великим нетерпением поджидала появления Лили.

— Пока ты мылась, они тут все убрали.

Девушке было лет шестнадцать. У нее были подстриженные ежиком ярко-красные волосы и успевшие пожелтеть зубы.

— В каком-то смысле тебе повезло, — продолжила девушка. — А из меня никогда ничего не выходит. Иногда до того тошно бывает, ужас. И ни

фига.

Меньше всего на свете Лили хотелось вступать в разговоры. Но Желтозубая ничего не замечала. Ей нужен был собеседник — все равно какой.

— Я тут уже во второй раз, — доложила она. — Я у них рецидивистка! Представляешь, какие у них были рожи, когда они меня увидели? Вчера три часа мне мораль читали. Теперь не отвяжутся.

Лили отошла к окну. Желтозубая обиделась:

— Кончай из себя строить не пойми кого. Подумаешь, цаца!

Лили смотрела на автомобильную стоянку, к которой подъезжали машины скорой помощи. Она почти целый час ходила вокруг этого здания, прежде чем решилась войти. Чуть было не увязалась за траурной процессией, двигавшейся по противоположной стороне улицы. Из окна Лили хорошо видела колокольню церкви Святого Ипполита, но дворик расположенного рядом детского сада закрывали стены соседних домов. Шум машин с бульвара заглушал детские голоса. А может, малышей уже увели с прогулки. Или разобрали по домам... Лили плохо представляла себе, который теперь час. В голове все перемешалось. Ей было плохо. Каждая клетка тела причиняла невыносимую боль. Что она вообще здесь делает? И как ей пережить ближайшие несколько часов?

— Да ладно, я сама в первый раз была такая же...

«Заткнись!» — взмолилась про себя Лили.

Телефон она оставила в кармане куртки, а куртку повесила на крючок в ванной. Впрочем, все равно он выключен. Сейчас она испытывала одно непреодолимое желание: позвонить Марку. Позвать его на помощь. Пусть он придет, обнимет ее и защитит, как защищал всегда. Пусть, как в детстве, прогонит тех, кто ее обижает.

Пусть просто будет рядом.

«Надо просто набрать номер. Марк успеет. Он примчится сюда, где бы ни был».

Желтозубая не собиралась оставлять ее в покое.

— Слышь, ты ни в чем не виновата, — сказала она. — Мало ли чего они тебе наговорят, эти козлы. Плюнь. Будут тебе на психику давить, я-то знаю. Пошли их подальше, вот и все.

— Спасибо, — через силу выдавила из себя Лили.

На большее она была неспособна. Она пристально разглядывала растущий под окном кедр в надежде заметить хотя бы одну птицу. Хоть что-то живое. Напрасный труд.

«Нет, Марк не придет. Она не станет звонить. Ни Марку, ни кому-либо

другому. Ее здесь никто не найдет. Они всем гарантируют анонимность. Единственное, хоть и слабое, утешение. Никаких звонков». У нее болела голова, во рту стоял горький привкус желчи, и ей так нужна была помощь. Но она твердо решила, что ни во что не станет посвящать Марка.

Во всяком случае, до завтра.

Лили повернулась к Желтозубой. Пожалуй, одну услугу эта девица вполне может ей оказать. Лили изобразила подобие улыбки:

— У тебя сигаретки не найдется?

Она не успела получить ответ на свой вопрос. Дверь открылась. На пороге стояла медсестра, больше похожая на тюремную надзирательницу.

— Мадемуазель Эмили Витраль?

— Да?

— Вам на прием к психиатру.

2 октября 1998 г., 17.57.

Мальвина де Карвиль одарила Марка своей неподражаемой улыбкой — испорченная девчонка из хорошей семьи, серийная убийца из творений графини де Сегюр.^[12] Мальвина села на свободное место через несколько рядов от Марка.

Напротив него.

За окнами бежали однообразные пейзажи области Ко.

Марк даже не пошевелился. Он помнил про пистолет Мальвины. Самое разумное с его стороны — не делать резких движений. Тем более, что в настоящий момент Марку хотелось одного — дочитать наконец тетрадь Гран-Дюка. Там оставалось не больше пяти страниц.

Марк вздрогнул. Перед его внутренним взором возникла картина — Лили на пляже Морваля. Тут же вспомнился список больниц, которые он еще не успел обзвонить. «Нет, только не разбрасываться. Первым делом надо дочитать дневник. Придется делать это, не спуская глаз с Мальвины. И при первом же удобном случае постараться разоружить эту психопатку».

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

Понимаю, понимаю. Вы только что пересчитали оставшиеся страницы. И запаниковали! Вы требуете от меня разгадки. А ведь я вас сразу предупредил: не ждите счастливого конца. Никаких театральных эффектов в стиле Эркюля Пуаро с разоблачением злодея на последней странице я вам не обещал. Ладно, понимаю, мои доморощенные психологические опыты интересуют вас меньше всего. Я и так вас ими перекармлил. Папаша Гран-Дюк дает слово, что перестает копать в чужих переживаниях, пытаюсь уловить неуловимое. Вы вежливо выслушали мой рассказ, но главного так и не узнали. Разумеется, я говорю про тест ДНК. Про Науку с большой буквы. Про чудеса генетики. Не волнуйтесь, мы с вами вот-вот до него доберемся, до этого пресловутого теста ДНК. Без паники. Это был подарок Лили в день ее пятнадцатилетия. Три капельки крови.

О, простите, чуть не забыл. Перед финалом нам еще надо уладить несколько мелких деталей. Дело в том, что мы с Назымом продолжали упорно разыскивать Жоржа Пеллетье — бомжа и наркомана, вполне

вероятно, до сих пор разгуливающего с браслетом в кармане и даже не подозревающего, что браслетик тянет на 75 тысяч франков...

Нашел его Назым. Почти случайно. На протяжении последних месяцев мы занимались тем, что составляли своего рода перепись бездомных нищих, найденных на улице мертвыми, — как убитых в драке, так и скончавшихся от естественных причин. В тот день — это было в июле 1993-го, ранним пасмурным утром, — Назым показал фотографию Жоржа участковому полицейскому гаврского квартала Неж, малосимпатичного района, тесно зажатого между портовыми складами. Полицейскому лицо на снимке показалось смутно знакомым. Он согласился поднять архивы и вскоре действительно нашел папку с нужным делом.

23 января 1991 года в заполненном водой резервуаре обнаружили утопленника. Температура всю последнюю неделю стояла минусовая, и человек, свалившийся в ледяную воду, вряд ли продержался дольше пяти минут, несмотря на то что в его крови имелось более двух граммов алкоголя. Документов у него не оказалось. В полиции труп сфотографировали. Никаких сомнений у Назыма не осталось: на дырявом одеяле лежало тело Жоржа Пеллетье. Полицейские его, конечно, обыскали и констатировали, что в карманах умершего пусто. Ни завещания, ни собачьего поводка. Ни детского браслета.

Тупик уперся в стену.

Я лично сообщил новость брату погибшего, Огюстену, и тот как будто даже испытал облегчение. Ему больше не надо было никого разыскивать. Можно перевернуть страницу. Ему-то — да, а мне?

Этот паршивец Жорж Пеллетье умер и унес с собой в могилу свой секрет. Что, черт побери, он делал в тот вечер на склонах горы Мон-Террибль? Что он видел?

* * *

Мальвина смежила веки.

Наверное, ее убаюкало мелькание за окном однообразного пейзажа.

«Не привыкла ездить в поездах, — подумал Марк. — Девчонка!»

Он читал тетрадь Гран-Дюка, время от времени поглядывая на Мальвину де Карвиль, забившуюся в уголок купе. Мальвина старательно боролась с дремотой: на миг закрывала глаза и тут же резко вздрагивала и поднимала голову, подозрительно косясь на Марка. Но на этот раз она

держала глаза закрытыми уже больше полминуты.

Марк решил. Тихо встал и на цыпочках пошел вдоль вагона. От Мальвины его отделяло метров двадцать. Главное, чтобы она не проснулась...

Марк преодолел первые десять метров. Мальвина по-прежнему сидела, свесив голову на грудь. На ее губах застыла почти ангельская улыбка — так улыбается вволю наигравшийся и уставший ребенок. Марк продолжал двигаться вперед. Марку припомнилось, как в детстве они играли в «слепого дракона»: одному из детей завязывали глаза, а остальные должны были потихоньку освободить привязанную к стулу «принцессу», да так, чтобы не попасть в лапы к «дракону». Его принцессой всегда была Лили.

Ему оставалось пройти всего пять метров. Поезд слегка качнуло влево. Голова Мальвины дернулась, но снова замерла неподвижно. Марк застыл на месте, стараясь не дышать.

Мальвина открыла глаза и уставилась на него. Ее зрачки походили на два черных камня — только пращи не хватало.

Мальвина не успела даже шевельнуться, потому что уже в следующую секунду Марк ринулся на нее и навалился всем своим весом в восемьдесят килограммов. Он не думал что делает. Он повиновался рефлексу трехчетвертного защитника-регбиста. Правой рукой он зажал Мальвине рот, а левой обхватил ее хилое туловище. Мальвина вытаращила глаза и принялась молотить по воздуху ногами — ничего другого ей не оставалось. Два других пассажира — парень в наушниках и спящий мужчина — ничего не заметили.

Марк сдвинул Мальвину ближе к окну. На сиденье лежала старомодная зеленая сумка из синтетики под крокодилову кожу. Марк хотел одного — забрать у нее пистолет. А потом можно и поговорить...

Он еще больше навалился на Мальвину, не давая ей шевельнуться, и левой рукой полез в сумку.

Ему хватило пары секунд. Он вытащил из сумки маузер. Мальвина обожгла его взглядом. Марк наставил на нее оружие, а затем медленно отвел руку, зажимавшую девушке рот.

— Что, решила навестить Дъепп?

Мальвина скривилась.

— Ага. Обожаю воздушных змеев. Говорят, в Дъеппе в эти выходные фестиваль...

— У тебя на все готов ответ, да?

— Зависит от вопроса. А что, если я заору? Что ты будешь делать?

— Прикончу тебя.

— Да ну? Будешь стрелять в свояченицу?

— Легко. Не забывай, что я — Витраль. Злодейский злодей...

Мальвина вздохнула. Судя по всему, в ее планы не входило привлекать к ним излишнее внимание.

— Слушай, Мальвина, а ты в курсе, что сегодня из Дьеппа поездов больше не будет? Ты что же, ночевать будешь в городе?

— Легко. Не забывай, что я — Карвиль. У меня полно бабла.

— Вряд ли твое бабло тебе поможет, если тебя угораздит столкнуться с моей бабушкой, Николь. Она тебя на куски порвет и чайкам на корм выбросит.

— Оставь свои казарменные шуточки при себе. Меня от них уже мутит.

Марк отодвинулся от нее на несколько сантиметров. Самообладание этой пигалицы его поражало. Ах, как ему хотелось бы стереть с ее губ эту ухмылочку! И заставить ее говорить! Она напоминала ему дерзкую девчонку, с которой никто не может справиться. С такими есть только один метод — атаковать их собственным оружием. Рука Марка легла на бедро Мальвины. Девушка отшатнулась и ударилась головой о стекло.

— Ты, наверное, рассчитываешь переночевать у нас? Надеешься, что я приглашу тебя к себе в спальню?

Его рука поднялась чуть выше. Он понимал, что наносит сопернице удары ниже пояса, но ему уже было на все плевать.

— Прости, красавица, но сегодня ничего не получится. Я, как бы это сказать, не в форме. Пострадал тут от одной...

— Если не заткнешься, я закричу!

Рука Марка остановилась, немного не добравшись до груди Мальвины.

— А знаешь, ты не такая уж уродина. Тебе надо лучше одеваться...

— Убери свои лапы!

Голос Мальвины дрожал — бетонная стена дала трещину.

— Я имею в виду, сексуальнее, — как ни в чем не бывало продолжал Марк. — И ты станешь очень даже ничего... Грудь, конечно, маловата...

Рука Марка замерла на небольшом бугорке, приподнимавшем ткань лилового свитера. Ему показалось, он слышит, как колотится ее сердце.

— Но ты же можешь прикупить себе новые сиськи, побольше, правда?

Мальвина сжала пальцы на правой руке Марка — десять тоненьких, лишенных когтей пальчиков, неспособных никому причинить боль. Обкусанных чуть ли не до крови.

Марк наклонился вперед, губами едва не касаясь шеи Мальвины. Он чувствовал, как она напряглась. Ее пальцы словно свело судорогой, а тело закаменело. И вдруг Мальвина неожиданно расслабилась и обмякла. У Марка было ощущение, что из тела девушки вынули скелет.

Марк крепче прижался к Мальвине и прошептал ей на ухо:

— Больше никогда не смей меня задирать! Никогда! Ты меня слышишь?

Дверь вагона резко распахнулась. Вошел контролер, вернее, контролерша, довольно молоденькая. Она быстро прошла мимо Марка и Мальвины, сидевших тесно прижавшись друг к другу, понимающе улыбнулась на ходу и исчезла в противоположном конце вагона.

Марк еще немного усилил хватку. Наставил маузер на свою пленницу и сказал:

— Все, игры кончились. Говори, что ты задумала?

— Пошел к черту.

Марк улыбнулся:

— Не смей меня, Мальвина. Не то отшлепаю, как непослушную девочку.

— Я старше тебя, засранец!

— Это я знаю. Странно, а? Все вокруг твердят, что ты — опасная сумасшедшая, а мне почему-то в это не верится. Ну ни капли.

— Кто это — «все»? Гран-Дюк, что ли?

— В том числе.

— Нашел кого слушать. Этого брехуна.

Мальвина понемногу приходила в себя. Марк понимал, что не должен ослаблять бдительность, но ничего не мог с собой поделать — пигалица не внушала ему опасения. Он снова поднял на нее маузер.

— Ну, больше он никому не сможет врать. С пульей в сердце это затруднительно. Скажи, зачем ты его застрелила? Из-за того, что он тебя ненавидел?

Мальвина, не успев толком встрепенуться, снова сникла. Она посмотрела на Марка своими карими глазами, в которых чуть ли не помимо ее воли проскользнуло что-то теплое.

— Ты что, Витраль? — пробормотала она. — Я его не убивала.

Она чуть помолчала и добавила уже более уверенным голосом:

— Кстати, заметь, я бы, может, и не прочь. Но кто-то подсуетился раньше меня.

— Ты что, за дурака меня держишь? Его труп вывалился на меня из шкафа, а твоя машина стояла рядом с домом.

У Мальвины задрожали ресницы. Ее глаза метались, словно две мухи, попавшие в пустой стакан.

— Говорю тебе, когда я туда пришла, он уже был мертвый! Клянусь! Я приехала к Гран-Дюку часа за два до тебя, не больше. А он уже был холодный. И угли в камине успели остыть.

Марк закусил губу.

«Она не врет», — понял он.

Когда он нашел Гран-Дюка, тот был мертв по меньшей мере уже несколько часов. Мальвина явно говорила правду, к тому же ее версия выглядела вполне правдоподобно. Не совершает ли он великую глупость, вопреки здравому смыслу доверяя этой психопатке? И, если она ни при чем, кто убил Гран-Дюка? Перед его внутренним взором всплыл образ Лили.

— С какой стати я должен тебе верить?

— А мне плевать, веришь ты мне или нет.

— Ладно. Тогда зачем ты пришла к Гран-Дюку?

— Посмотреть на его коллекцию. Я фанатею от стрекоз. Ты, подозреваю, тоже...

Марк невольно улыбнулся. Впрочем, маузер он не опустил. И тут вдруг Мальвина выкинула очередной финт.

— Слышь, Витраль, — сказала она. — А может, это ты его мочканул? Моих отпечатков там нет, зато твоих — навалом...

«Вот мерзавка! К тому же — умная мерзавка. Для ненормальной — даже слишком умная».

— А ты... — Марк с трудом преодолел замешательство. — Ты хоть в курсе, что произошло? Гран-Дюк написал в дневнике, что собирается покончить с собой. Пустить себе пулю в лоб. И упасть головой на старую газету...

— Нет, я об этом не знала.

Мальвина чуть поколебалась. Совсем недолго — за окном успели пронестись три столба.

— Придется допустить, — сказала она, — что этот придурок просто промазал.

Вот сейчас она солгала! Марк это сразу почувствовал. Возможно, накануне самоубийства Гран-Дюк звонил Карвилям? И поведал нечто такое, о чем умолчал в своем дневнике?

— Гран-Дюк что-то узнал! — почти выкрикнул Марк. — Он не мог не доложить о своем открытии твоей бабке. Что он вам рассказал? Говори!

— Держи карман шире!

Это прозвучало почти как признание. Мальвина скрестила на груди руки и отвернулась к окну, всем своим видом демонстрируя, что больше он не вытянет из нее ни слова. Окно было приоткрыто сантиметров на десять, и проникавший сквозь отверстие легкий ветерок шевелил редкие волосы Мальвины, кое-как скрепленные лакированной заколкой. Марк опустил глаза на ее сумочку.

— Хорошо, — сказал он. — Не хочешь, не надо. Я и сам узнаю.

Свободной рукой он влез в сумку.

— Не смей, Витраль!

Мальвина вскочила, словно подброшенная невидимой пружиной, и попыталась вцепиться зубами Марку в запястье той руки, в которой он сжимал маузер. Реакция Марка была мгновенной. Свободной рукой он уперся в грудь девушки и с силой толкнул ее обратно на сиденье.

— Сволочь! — прошипела Мальвина, хватая его за руку.

Одновременно она колотила ногами Марку по коленям. Его так и подмывало вlepить ей затрещину, чтобы успокоилась, но он сдержался. Просто продолжал рукой удерживать ее на расстоянии. Мальвина вырывалась, брыкалась, царапалась — кто бы мог подумать, что в этом тщедушном тельце столько яростной силы?

Впрочем, ее сопротивление было с самого начала обречено. Постепенно она затихла, отодвинулась в угол скамьи и прижалась лицом к оконному стеклу.

Марк перевел дух. Мальвина сидела растрепанная, но на ее губах играла торжествующая улыбка. Пока они боролись, у Марка из кармана выпал голубой конверт, скользнувший под сиденье. Он этого не заметил. Мальвина быстро сообразила, что ей не следует затягивать ссору. Пусть только он уберется, а там... Конечно, в конверте может оказаться счет за телефон или еще какая-нибудь ерунда. А может, и что-нибудь другое...

Марк открыл ее сумку крокодиловой кожи.

«Ладно, подождем, — сказала себе Мальвина. — Все равно этот сукин сын не осмелится...»

— Не смей, Витраль!

В голосе Мальвины звенела бессильная ярость.

— Что, тепло? Что же это такое мы там прячем, а?

Марк вслепую рылся рукой в сумке. Ключи, телефон, губная помада, кошелек — тоже под крокодила, — серебряная ручка, записная книжка...

У Мальвины затряслись руки. Как она ни старалась скрыть дрожь, у нее ничего не получалось.

«Да нет, не тепло, — понял Марк. — Горячо! Записная книжка! Вот что заставило Мальвину занервничать». Марк присмотрелся внимательнее. Это была не обычная записная книжка, просто толстая тетрадка размером примерно семь на десять сантиметров. «Неужели дневник? То-то ты задержалась, красавица...»

— Только попробуй открыть, Витраль! Предупреждаю: ты — труп!

— Ладно, не буду. Если ответишь на вопрос. Что тебе известно об открытии Гран-Дюка?

— Ты — труп! Клянусь, я...

— Не хочешь, как хочешь.

Марк одной рукой открыл книжку и небрежно пролистал. Все ее развороты выглядели похожими друг на друга: на левой странице — рисунок или фотография, на правой — короткая, в три строчки, надпись, сделанная мелким ученическим почерком. Стихотворение?

Вне всякого сомнения, он был первым, кто не то что читал, а просто видел эти опусы. Он не терял бдительности, продолжая держать Мальвину на мушке пистолета. Он не сомневался: стоит ему чуть ослабить внимание, и девица вцепится ему в глотку. На одной странице он остановился. Слева помещался коллаж: фотография распятия, на которой обнаженное тело Христа венчала приклеенная голова какого-то мужчины с горящим взором, — очевидно, звезды мыльной оперы, — Марк плохо в них разбирался. Он вслух зачитал текст с правой страницы:

«К тебе прикоснуться, руками обвить

Все тело твое.

Возьми — я твоя!»

— Хо-хо-хо! — присвистнул Марк. — Вот так скромница! Так вот о чем мы мечтаем в церкви на мессе!

— Тупица! — гавкнула Мальвина. — Что ты понимаешь? Это хайку. Японские стихи. Недоумок!

— А как насчет твоей бабушки? Она тоже тупица? Что, если я пошлю ей этот шедевр эсэмэской?

Мальвина нахмурила брови, став похожей на ребенка, застигнутого за неподобающим занятием.

— Ну так как? — настойчиво повторил Марк. — Рассказываешь мне все, что знаешь, или? Что тебе известно про Гран-Дюка?

— Пошел в задницу.

Марк вырвал из книжки листок, скомкал в шарик и вышвырнул в приоткрытое окно поезда.

— Ты права. Я тебе честно скажу: мне не понравилось. Неудачный стишок. Давай попробуем с другим. О, придумал! Мы с тобой сыграем в одну очень интересную игру. Я задаю тебе вопрос. Если ты не отвечаешь, я читаю следующую страничку. Если стишок плохой, я его отправляю в полет. Если хороший — отсылаю эсэмэской бабуле Карвиль.

Марк провел пальцами по срезу книжки и нарочито громко рассмеялся. Слишком громко. Ему было противно, хотя и не хотелось самому себе в этом признаваться. Читать без спросу чужой дневник — не самое благородное занятие. Мальвина забилась в уголок сиденья, похожая на вострапанного воробышка. Марку казалось, что, вырывая из книжки очередной листок, он выдергивает у беззащитной птички перо из крыла.

Он листал книжку. Его внимание привлекла аккуратно вырезанная фотография самолета, вклеенная в другую, изображавшую камин.

«Железная птица,
Ангел в аду.
Моя плоть».

— Вот это ничего, — похвалил Марк.

У него в горле вспухал отвратительный ком, мешавший дышать. Он постарался взять себя в руки.

— Кроме последней строчки, — продолжил Марк. — «Моя плоть». Надо было хоть знак вопроса поставить, что ли. Нет, Мальвина, это халтура. В окно!

Еще один бумажный шарик улетел в пространство. Мальвину трясло.

— Ну что, не надумала говорить? — не отставал Марк. — Зачем ты ходила к Гран-Дюку?

— Отвали!

— Как скажешь...

Снова шелест страниц. Марк остановился на фотографии детской спальни, по всей видимости, вырезанной из каталога мебельного магазина. На правой стороне красовался снимок Банджо — огромного желто-коричневого плюшевого мишки. Середину левой фотографии занимала кровать, к которой была приклеена — ну разумеется! — фотография Лили в возрасте восьми или девяти лет. Она сидела, по-турецки скрестив ноги. Фотографию, надо полагать, украл Гран-Дюк...

Марк начал читать, сиюсь не выдать дрожь в голосе:

«Забутые игрушки.
Тоскую по тебе.
Ты меня бросаешь?»

— Витраль, ты подонок, — протонала Мальвина. — А я еще показывала тебе комнату Лизы-Розы!

— Я жду ответа.

Мальвина вытянула перед ним средний палец.

В окно полетел бумажный шарик.

Теперь Марк гораздо внимательнее рассматривал страницы странного дневника. Если уж пускаться на подлость, так хоть не понапрасну. Он дошел почти до последнего разворота. Справа — фотография, изображавшая его и Лили. Он без труда определил дату съемки: 10 июля 1998 года. Меньше трех месяцев назад. Лили в тот день получила результаты школьных экзаменов. Аттестат с отличием! Они стояли обнявшись на пляже в Дьеппе.

Марк улыбнулся. Так-так, значит Кредюль Гран-Дюк — если только это не был Назым — изображал папарацци! Ловко, ничего не скажешь. Ну что ж, в конце концов, оба детектива находились на жалованье у Карвилей, о чем Гран-Дюк честно писал у себя в дневнике. Но Марка удивило не это, а то, как Мальвина «поработала» над снимком. На фигуру Лили, которую обнимал Марк, она приклеила свою собственную фотографию. Эффект получился неожиданный: маленькая головка, наводившая на мысли о тсантсе,^[13] на теле богини.

Марк без всякого выражения прочитал:

«Одним своим взглядом
Пожрать возлюбленных твоих.
О наслаждение!»

Мальвина закрыла глаза. Мышка, попавшая в мышеловку. Не спрятаться, не скрыться. Марк боролся с желанием вернуть ей книжку, встать и уйти, оставив ее наедине со своими страданиями. Ему стало окончательно ясно, что Мальвина — не более чем жертва той давней катастрофы на горе Мон-Террибль. Катастрофы, которая сломала ей жизнь.

Свела ее с ума.

Как сводила с ума его самого.

Однажды утром ребенок проснулся, посмотрел на себя в зеркало и увидел там монстра. Существо, утопающее в грязной пучине недозволенных чувств. Когда Марк заговорил, собственный голос показался ему чужим. Он произнес слова, которые — он это понимал — должны были ранить Матильду сильнее, чем пули из маузера.

— Так что, Мальвина? Я могу оставить этот листок себе на память? А бабушке пошлем эсэмэску?

Мальвина сидела, вперив взгляд в бескрайние просторы кукурузных полей, пролетавших за окном поезда, и ломала пальцы. Марк глубже вогнал гвоздь в рану. В горле у него пересохло.

— Или лучше показать его Лили? Мне кажется, ей должно понравиться!

Марк принялся рвать листок на мелкие клочки. Мальвина повернула к нему голову и медленно, выговаривая каждый слог, сказала:

— Кредюль Гран-Дюк позвонил моей бабушке. Позавчера. В тот момент он был еще жив. Он сказал, что обнаружил нечто важное. Возможно, ключ к разгадке всей этой истории. Это случилось ровно за пять минут до того, как истек срок его контракта. Он сказал, что сидел над номером газеты «Эст републикен» от двадцать третьего декабря восьмидесятого года и собирался пустить себе пулю в лоб. Ему нужен день или два, добавил он, чтобы все проверить и собрать доказательства, но дело представлялось ему ясным. Он раскрыл тайну. Кроме того, ему требовались дополнительные сто пятьдесят тысяч франков...

Марк захлопнул записную книжку Мальвины.

— Откуда ты знаешь?

— Подслушивала по параллельному телефону. Я умею действовать втихаря. У меня к этому талант.

— Твоя бабушка поверила ему?

— Понятия не имею. Знаю только, что она согласилась дать ему денег. Если честно, деньги ее вообще не интересуют. Она восемнадцать лет платила Гран-Дюку. Днем больше, днем меньше...

— А ты?

— Что — я?

— Ты ему поверила? Гран-Дюку?

На лице Мальвины появилось странное выражение.

— А ты бы поверил? Ты только представь себе: на часах без пяти полночь. Гран-Дюк сам признается, что завалил дело. И вдруг появляется

фея с волшебной палочкой. Р-раз! — и все меняется. И он уже знает ответ на главный вопрос. Чтобы в такое поверить, надо быть круглым идиотом.

Марк ничего не ответил. Кукурузные поля за окном исчезли, уступив место яблоневым садам. Мальвина тихим голосом продолжала:

— Я поехала к Гран-Дюку, чтобы с ним поговорить. Сказать ему, чтобы прекратил вешать нам лапшу на уши. Все кончилось. Лизе-Розе исполнилось восемнадцать, и теперь она имеет право сама принимать решения. Теперь ты тоже в курсе всех деталей расследования. Мне они известны давным-давно. Я про все знаю: про браслет, про пианино, про кольцо... Что тут неясного? Ты сам только что говорил в «Розарии», что в катастрофе выжила Лиза-Роза. Эмили погибла при крушении самолета восемнадцать лет назад. Почему бы тебе не сообщить эту новость своей бабушке? Ты ведь в этом уверен? Да и она, я думаю, тоже.

Да, Марк был в этом практически уверен. Выходило, что Мальвина права по всем пунктам.

— Хорошо, допустим, ты не убивала Гран-Дюка. Тогда кто его убил?

— Откуда мне знать? Да и плевать мне, кто его убил.

— Может быть, это твоя бабушка? Чтобы ему не платить?

Мальвина хмыкнула:

— Ради ста пятидесяти тысяч франков? Не смей меня.

Марк собрался с духом и задал следующий вопрос:

— Гран-Дюк что-нибудь говорил твоей бабушке о том, каким образом намеревается получить доказательства?

— Ну да. Сказал, что поедет в Юра. Остановится в какой-то харчевне на реке Ду, это у подножия Мон-Террибль. Просил бабку отправить ему деньги туда.

В Юра? Место его знаменитого паломничества? В октябре? Но за каким чертом?

— Зачем он туда собрался? — спросил Марк. — За доказательствами?

— За тем, что он водил нас за нос, вот зачем!

Марк промолчал. Он встал, аккуратно убрал маузер в карман куртки и протянул Мальвине записную книжку.

— Мир?

— Пошел в жопу!

2 октября 1998 г., 18.10.

Марк вернулся на свое место. Тихонько прошел мимо подростка в наушниках и спящего мужчины — тот скинул с ног «док-мартенсы», запихнув их под сиденье. Поезд «Руан-Дьепп» проезжал через Лонгвиль-сюр-Си. Яблоневые сады закончились, и снова потянулись поля кукурузы и рапса. До Дьеппа оставалось ехать около пятнадцати минут.

Марс устроился у окна и с жадностью выпил больше половины бутылки минералки. Удостоверился, что пистолет по-прежнему лежит у него в кармане, и бросил взгляд в другой конец поезда. Мальвина сидела в прежней позе, судя по виду, в глубокой прострации. Марк торопливо вытащил тетрадь Гран-Дюка, полный решимости дочитать наконец дневник детектива — последние пять страниц. События понеслись что-то слишком быстро. Надо действовать спокойно и методично, один за другим проходя все витки этой адской спирали, ведущей неизвестно куда, — иначе он просто сойдет с ума. Уже после того как он покончит с чтением, можно будет обдумать сообщенную Мальвиной новость о потрясающем открытии, сделанном Гран-Дюком накануне смерти.

Дневник Кредюля Гран-Дюка.

В 1995 году Матильда де Карвиль обратилась ко мне с вполне логичной просьбой: сравнить ДНК маленькой Лили Витраль с ДНК членов семейства Карвилей. С одной стороны, у меня оставались связи в криминалистическом отделе полиции; с другой — Матильда знала, что я поддерживаю дружеские отношения с Витралями. Поставьте себя на мое место. Разве я мог ей отказать? Думаю, вы понимаете всю сложность моего положения. Вечером я иду в гости в Витралям, а утром мчусь к Карвилям и докладываю, о чем шли разговоры у них за столом. Если я не ошибаюсь, именно в таких случаях говорят: сидит между двух стульев. Впрочем, не будем об этом. Мои личные переживания вам не интересны, и мне трудно вас за это осуждать.

С чисто технической точки зрения также возникали проблемы. Не мог же я просто так заявиться на день рождения Эмили Витраль с тортиком в руках и спросить у нее — или у ее бабушки — разрешения взять у девочки немного крови на анализ. Мне пришлось поломать голову, но в конце

концов я придумал довольно ловкий трюк. Я принес в подарок Лили узкую вазу для одного цветка, предварительно позаботившись слегка ее надколоть с тем, чтобы ваза разбилась прямо у именинницы в руках. Моя затея сработала! Не успела Лили зажать вазу между большим и указательным пальцами, как та мгновенно рассыпалась. Смущенный, я бросился подбирать запачканные кровью осколки, которые лично отнес в помойное ведро, — кроме тех, что сунул себе в карман, где лежал заранее подготовленный пластиковый пакет.

Детский мат в три хода. Никто ни о чем не догадался.

Несколько дней спустя я получил ответ. Если я скажу вам, что мучился угрызениями совести, то вы лишь презрительно ухмыльнетесь. Тем не менее я упоминаю об этом — иначе вам не понять, почему я попросил своего человека в полицейской лаборатории выдать мне результаты анализа в двух экземплярах. Один и тот же анализ. Два конверта. Один — для Матильды де Карвиль, второй — для Николь Витраль. Каждой из них я вручил по конверту в собственные руки.

Равенство во всем.

Таким образом, и та и другая уже три года знают правду. Наука сказала-таки свое веское слово.

Ну вот. Я имел полное право на этом остановиться. Я сделал свое дело. Оба конверта вручены адресатам. Чао, бабули! Дальше разбирайтесь сами!

Но я человек, а не ангел. Не стану отрицать, что я не смог противостоять искушению. Разумеется, я ознакомился с содержимым конвертов. Вы только представьте себе: пятнадцать лет поисков, и все впустую. Да я набросился на эти результаты с таким же вожделием, с каким отсидевший пятнадцать лет в одиночке заключенный накидывается на первую попавшуюся шлюху.

Неслучайное сравнение. Результат оказался таким, что... Боюсь, мне не хватит цензурных слов, чтобы передать вам свою реакцию.

Сказать, что я был удивлен, значит сильно приукрасить истину. Я так и сел — задницей на пол, если вспомнить, что все это время я балансировал между двумя стульями. Складывалось впечатление, что кто-то там наверху — то ли сам Господь Бог, то ли ангел-хранитель горы Мон-Террибль, — просто над нами издевается.

Полагаю, именно результат теста ДНК стал той последней каплей, которая переполнила чашу моего стоицизма и подтолкнула меня на путь, ведущий к беспросветной депрессии. Нелепый, смехотворный результат! Все, что я делал на протяжении пятнадцати лет, все, чего я добился, пошло

псу под хвост. Что мне оставалось? Только последовать туда же...

Несмотря ни на что и после 1995 года я продолжал сохранять полную лояльность по отношению к своей работодателнице, старательно изображая из себя верного служаку. Я не бросил расследование, хотя оно давалось мне все труднее. Да и с былой прытью было покончено. Назым уже некоторое время со мной не сотрудничал. Он подрабатывал где придется и иногда помогал Аиле, торговавшей шаурмой на бульваре Распай.

В декабре 1997 года я предпринял последнее паломничество на гору Мон-Террибль. Здесь я добыл недостающую часть головоломки — далеко не самую пустячную. Впрочем, судите сами.

Итак, я отправился в Юра, рассчитывая напоследок насладиться местными деликатесами: сырами канкойот и конте и вином арбуа из запасов Моники Женевэ, а заодно еще раз обшарить окрестности. Мой личный Лурд.^[14] Как истый паломник я тоже питал надежду на чудо, прекрасно зная, что чудес не бывает.

Осенило меня ночью, в гостинице. Почему? Понятия не имею. Возможно, свою роль сыграло желтое вино, выпитое вечером в количестве шестисот двадцати миллилитров и пробудившее мое воображение. Матильда де Карвиль не ошиблась, давая мне на расследование восемнадцать лет. Должно быть, она сразу догадалась, что я предпочитаю действовать неторопливо, зато наверняка. Как бы там ни было, утром, вооружившись лопатой и большим мешком для мусора, я поднялся на гору Мон-Террибль. И целый час как одержимый копал возле хижины, точно в том месте, где раньше была могила. Я ничего не искал, просто переворачивал пласты земли и кидал их в мешок. Накидал килограммов десять, не меньше. Потом закинул мешок на плечо и потащился вниз. А это, между прочим, два километра. Правда, когда я вышел на дорогу, там меня подхватил красавчик Грегори — тот самый смотритель Природного парка — на джипе. На следующий день я погрузил мешок с землей в багажник своего БМВ и покатыл в Рони-су-Буа, где у меня был знакомый криминалист.

Не буду описывать, какую рожу он скорчил, когда я изложил ему свою просьбу. Изучить под микроскопом десять кило грязи? Ради чего? Чтобы удовлетворить любопытство свихнувшегося частного сыщика?

У Жерома — так звали моего приятеля из отдела криминалистической

экспертизы полиции — только что родился третий ребенок. К тому же он влез в ипотеку, прикупив домишко в Бондуфле, то есть ввязался в кредитную кабалу на 20 лет. Поэтому, взглянув на конверт, набитый банкнотами — сумма превышала его полугодовую зарплату госслужащего с ученой степенью, — он отбросил всякие сомнения. Я подозревал, что ему придется потратить на мою работу много часов, но какое это имело значение?

Примерно неделю спустя он позвонил мне.

— Кредюль?

— У телефона.

— Я все сделал, как ты просил. Поиграл, так сказать, в садовника. Ты хотел узнать кислотность почвы и содержание в ней гумуса, так? Не иначе на пенсию собрался — присматриваешь себе огородик?

— Короче, Жером.

— Ладно, Кредюль. Вот результаты анализа. Это — земля. Просто земля, и... ничего больше.

Перед словами «ничего больше» он чуть замешкался, что не ускользнуло от моего внимания. Надежды умирает последней. Недаром меня зовут Кредюль.

— Так-таки и ничего?

— Ну, практически ничего. Есть одна мелочь, но это... Послушай, это действительно мелочь. Без специальной аппаратуры я бы ничего не обнаружил. Учти, речь идет о микрочастицах...

— Рожай уже.

— Хорошо, хорошо. В земле имеются костные осколки. Да нет, черт, никакие не осколки — частицы. Пыль. Общим весом пара граммов. Что, заметь, более чем логично, если учесть, что земля взята в лесу. Ведь что такое почва в строгом смысле слова? Тот же компост — смесь всевозможных останков растительного и животного происхождения...

Но я требовал новых подробностей. Я знал, что Жером Ларше — непревзойденный специалист своего дела. Виртуоз. К тому же имеющий в своем распоряжении лучшее во Франции оборудование.

— Чьи это кости, Жером?

— Кредюль, я же тебе сказал: там материала кот наплакал. Ни один эксперт не решится делать выводы на основе такого незначительного количества вещества.

— Оставим в стороне экспертов. Просто скажи мне свое мнение.

Жером Ларше немного поколебался.

— Ты имеешь в виду интуицию? Ладно, поделюсь с тобой своими

догадками. Только учти: в официальный отчет я их включать не собираюсь. В общем, так. Что-то подсказывает мне, что это скорее человеческие кости, чем кости животных.

Блин!

Человеческие кости!

Я чувствовал, что Жером раскололся не до конца. Надо его додавить. Он не мог не быть в курсе того, каким именно расследованием я занимался все эти годы.

— Можешь установить датировку?

— Точно — нет. Максимум — назову вилку с промежутком в десять лет. Это тебе ничего не даст.

— Нет, Жером, я о другом. Меня не интересует, когда эти кости попали в землю. Меня интересует возраст человека, которому они принадлежали.

Жером замолчал. Он молчал долго. Я уже понял: мне совсем не понравится то, что я сейчас от него услышу.

— Кредюль, ты пойми... Здесь мы вступаем в область чистых догадок. Никакой научной определенности...

— Давай без предисловий.

— Хорошо, хорошо. Итак, на мой субъективный взгляд, кости принадлежали скорее человеку молодому...

По спине у меня стекали струйки холодного пота.

— Насколько молодому?

— Ну...

— Ребенку?

— Кредюль, ты заставляешь меня говорить вещи, которые я предпочел бы оставить при себе.

— Жером, кончай валять дурака! Это был грудной ребенок? В земле оказались костные останки грудного ребенка?

— Слушай, я сейчас иду по канату над пропастью без всякой страховки. Я же тебе уже все объяснил. Достоверность моих выводов близка к нулю. Но если говорить об ощущении... Да, мне так кажется. Это кости грудного ребенка.

Блин!

Что бы вы стали делать на моем месте? Если бы получили подобную информацию через 18 лет после того, как начали расследование? Нет, ну вот скажите честно, как на духу: что бы вы предприняли? То-то. Теперь вам понятно, почему я решил пустить себе пулю в лоб?

Последние восемь месяцев можно в расчет не принимать, так же, как последние десять дней, посвященные написанию этого дневника. Итак, к чему мы пришли? Сейчас 29 сентября 1998 года, без двадцати двенадцать вечера. Все кончено. Через несколько минут Лили исполнится 18 лет. Я верну ручку в стоящий передо мной стакан. Сяду за стол, разверну номер «Эст републикен» от 23 декабря 1980 года (проклятая дата!) и спокойно пущу пулю себе в лоб. Мои мозги запачкают пожелтевшие страницы газеты. Я потерпел неудачу...

Оставляю этот дневник в качестве своего завещания. Для Лили. Для кого угодно.

Я собрал в этой тетради все улики, все следы, все версии. Восемнадцать лет расследований. Все здесь, на этой сотне страниц. Если вы читали их внимательно, то сейчас знаете столько же, сколько известно мне. Возможно, вы окажетесь проницательней? Возможно, поймаете нить, которую я упустил? Найдете ключ к разгадке? Если он вообще существует... Возможно, возможно...

Почему бы и нет?

Но для меня все кончено.

Было бы преувеличением сказать, что я не испытываю ни сожалений, ни угрызений совести. Но я сделал все, что мог.

* * *

Последние слова. Следующая страница осталась чистой.

Марк очень медленно закрыл тетрадь Гран-Дюка. В один присест допил минералку из бутылки. Через пять минут поезд подходил к Дьеппу. Мужчина, сидевший в одних носках и проспавший всю дорогу, как по волшебству, проснулся. Парень снял наушники и убирал в рюкзак плеер.

Марк никак не мог собраться с мыслями — они прокручивались в голове впустую, словно колесо сломанного велосипеда. «Надо неспеша все обдумать, — решил он. — И прежде всего — поговорить с Николь. Судя по всему, она еще три года назад получила результаты теста ДНК и с тех пор знала, что Лили — не внучка ей. Впрочем, вряд ли это известие ее удивило. В конце концов, не зря же она подарила Лили к восемнадцатилетию кольцо с голубым сапфиром.

Итак, в катастрофе выжила Лиза-Роза, а не Эмили. Это можно считать твердо установленным. Что же до остального...

Кто выкопал могилу на склоне горы Мон-Террибль? Находился ли в ней детский браслет? Кто там был похоронен — собака или ребенок? И чей ребенок?» Вопросы толкались в мозгу, наползая один на другой. «Гран-Дюк не нашел ответа ни на один из них. Кто убил Гран-Дюка? Зачем? Кто убил Пьера Витраля?

Где Лили?»

Тишину вагона разорвал яростный крик.

Вопль сумасшедшего.

Вернее, сумасшедшей. Мальвина!

Марк бросился в конец вагона, пока мужчина, шнуровавший ботинки, его не опередил. Мальвина сидела, забившись в дальний угол купе, и рыдала. Ее рука бессильно свисала с сиденья, как у самоубийцы, перерезавшего себе вены.

Она посмотрела на Марка взглядом, исполненным мольбы и безмолвного призыва на помощь.

Марк опустил глаза. На полу у ног Мальвины валялся разорванный голубой конверт. Белый листок лежал рядом с ней на сиденье.

Марк все понял. Должно быть, конверт выпал у него из кармана, пока он боролся с Мальвиной. Мальвина не сдержалась и вскрыла письмо. И нашла в нем листок с результатами анализа ДНК. Выходит, бабка ни о чем ей не сказала? Иначе что могло вызвать подобный приступ отчаяния?

Марк протянул руку и схватил листок. На бланке отдела криминалистики научно-технического подразделения полиции города Рони-су-Буа было напечатано всего несколько строк. Ровным счетом — шесть.

УСТАНОВЛЕНИЕ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

между Эмили ВИТРАЛЬ (образец № 1, партия 95-233) и Матильдой де КАРВИЛЬ (образец № 2, партия 95-234)

между Эмили ВИТРАЛЬ (образец № 1, партия 95-233) и Леоном де КАРВИЛЕМ (образец № 3, партия 95-235)

между Эмили ВИТРАЛЬ (образец № 1, партия 95-233) и Мальвиной де КАРВИЛЬ (образец № 4, партия 95-236)

Ниже располагалась еще одна строчка.

Результат отрицательный. Полное отсутствие признаков родственной связи. Степень достоверности — 99,9687 %.

Листок выпал у Марка из рук.

Лили не имела никакого отношения к семейству Карвилей. Значит, Лиза-Роза умерла. А выжила Эмили. У них с Марком — общие гены. Они — дети одних родителей. Они — одной крови. Вопреки его внутреннему убеждению, вопреки тому, что внушало ему сердце, чувство, которое он испытывал к своей сестре, было мерзостью и проклятием.

2 октября 1998 г., 18.28.

Марк медленно шел вдоль порта. Железнодорожный вокзал Дьеппа от квартала Полле отделяло расстояние примерно в километр. В небе, высоко над головой, кривлялась насмешливая рожа китайского дракона. Можно подумать, эта тварь специально разогнала тучи, чтобы подразнить Марка и внести свою лепту в атмосферу безумия, сгущавшуюся вокруг него.

Марк ускорил шаг. Он сгорал от нетерпения поговорить с бабушкой. Из головы не шли результаты теста ДНК. У них с Лили — общие гены! Он не мог заставить себя в это поверить. Чего стоит несчастный клочок бумаги против его глубочайшей убежденности в обратном? Научная экспертиза? Ерунда!

Нет, кричал в нем внутренний голос.

Лили — не сестра ему!

Он шел мимо скромного вида яхт, смиренно замерших спиной к морю. На террасах многочисленных кафе были заняты все столики. Как обычно, гости, съехавшиеся на фестиваль воздушных змеев, не отказывали себе в удовольствии полакомиться мидиями с жареным картофелем, — по этой части Дьепп всегда успешно конкурировал с популярными ярмарками фламандских городов. Дойдя до подъемного моста, связывающего остров Полле с остальной частью города, Марк замедлил шаги. Мальвину он бросил в вагоне поезда, забрав с собой листок из лаборатории криминалистики с результатами анализа. Мальвина не протестовала. Она вообще не пошевелилась, замерев в позе эмбриона в углу купе.

Возле дверей ресторанов толпился народ. Марк шел, ни на кого не обращая внимания. В его груди поднималась волна глухой ярости.

Нет!

Лили — не сестра ему!

Гран-Дюк ошибся. Он все перепутал. Он сдал в лабораторию не те образцы крови. Или просто солгал. Или... Или это происки Матильды де Карвиль. Она подсунула ему фальшивку — с нее станется! Или... Хорошо, допустим никто никого не обманывал. Но остается возможность того, что Лиза-Роза не состоит в кровном родстве с Карвилями. Не исключено, что они ее удочерили. Не исключено, что Александр де Карвиль вовсе не был ее отцом. Обстоятельства ее появления на свет в Турции покрыты мраком

неизвестности. Гран-Дюк пишет об этом в дневнике. В первые же месяцы расследования у него зародились сомнения. Голубоглазый владелец пункта проката водных велосипедов...

Он пересек мост, миновал бар квартала Полле и свернул на улицу Пошоль. Он все реже приезжал в Дьепп, не чаще раза в месяц, особенно с тех пор как Лили поступила в тот же университет, где учился он, и перебралась в Париж. Вот и его дом. Кирпичный фасад, неотличимый от полутора десятка соседних. Перед домом стоял оранжево-красный фургон, занимая почти все тесное пространство палисадника. Марк заметил пятна ржавчины на переднем и заднем крыльях, вмятину и черные полосы на дверце машины. Когда грузовичок в последний раз покидал двор? Да и в кукольном садике играть давным-давно было некому.

Марк позвонил в дверь. Николь открыла ему сразу. Она крепко обняла внука, обдав его теплом своего тела, и долго не отпускала. В другое время подобные нежности смутили бы его. Но только не сегодня. Они оба понимали, что сегодня — необычный день. Наконец Николь разжала объятия.

— Как ты, Марк?

— Нормально...

Марк не стал изображать беззаботность. Он окинул взглядом гостиную. С каждым новым его приездом комната как будто уменьшалась в размерах и словно бы темнела. Пианино «Гартман-Милонга» по-прежнему пылилось, зажатое между диваном и телевизором. На крышке лежала груда бумаг — счета, рекламные буклеты, газеты, листовки. Больше складывать весь этот хлам было некуда. А на пианино все равно никто теперь не играл.

Николь успела накрыть на стол. Две тарелки, две льняные салфетки, бутылка домашнего сидра. Марк сел на стул. Николь сновала между кухней и гостиной, которые разделяло не больше пяти метров. Она подала морской язык, приготовленный по местному рецепту, под сливочным соусом с мидиями и креветками. Первокласснаястряпуха, Николь к тому же обладала настоящим талантом к застольной беседе. Пока Марк ел, она успела выпросить его об учебе, поделилась своими соображениями относительно перспектив развития порта Дьеппа, рассказала, что собирается идти раздавать листовки, пожаловалась на одышку и прохудившуюся водосточную трубу («Марк, взгляни, нельзя ли ее чем-нибудь заделать...»). Она говорила не закрывая рта, похожая на любую

другую бабушку, обреченную между редкими встречами с любимым внуком на недели молчания. Марк отвечал односложно. Обегая глазами комнату, он неизменно задерживал взгляд на одном и том же месте. В кипе бумаг, скопившихся на пианино, он заметил голубой конверт — близнец того, что вручила ему Матильда де Карвиль. Точно такой грубо вскрыла в поезде Мальвина. Отравленный дар Гран-Дюка. Значит, Николь заранее приготовила конверт, извлекла его откуда-то из потайного ящика своих воспоминаний...

Кто из них первым решится затронуть болезненную тему?

Николь рассказывала об одном из соседей, умиравшем в больнице от рака. Марк слушал ее вполуха, погруженный в собственные мысли. «Итак, бабушка узнала правду еще три года назад. Она получила вещественное доказательство того, что в катастрофе выжила Эмили. Все эти годы она воспитывала родную внучку. Николь победила. Почему же она подарила Лили кольцо с голубым сапфиром? Очевидно, просто пожалела Матильду де Карвиль. Николь никогда не могла пройти мимо нищего, просящего на улице подаяние, и неизменно доставала из кошелька монету...»

Мысль о семействе Карвилей, низведенных до состояния попрошаек и вымаливающих милости у его бабушки, вызвала в душе Марка противоречивые чувства. У него перед глазами стоял образ Мальвины, забившейся в угол вагонного купе.

Николь подала сыр. Сама она, как всегда, обошлась без десерта, но перед Марком гордо поставила тарелку с саламбо. Отвратительный даже на вид эклер в шоколадной и зеленой глазури! Марк лет с двенадцати терпеть не мог саламбо, но никогда не смел признаться в том бабушке. Это были самые дешевые из всех пирожных... Он покорно глотал заварной крем. Николь снова пустилась в рассуждения о листовках, сотрудниках мэрии и будущности торгового порта. Марк ее больше не слушал. Он смотрел на фотографию в рамке, висевшую над камином. Его родители, Паскаль и Стефани. Это была свадебная фотография. Новобрачные стояли перед часовней Богоматери — Помощницы в родах. Гости радостно обсыпали их рисом. На памяти Марка фотография всегда висела на одном и том же месте. Счастье. Ужас.

Николь принесла кофе, сваренный в кастрюльке, и разлила по чашкам. Сама она пила без сахара. Первый шаг сделала именно она. Совсем маленький шагок.

— От Эмили что-нибудь слышно?

— Нет... В смысле, ничего определенного.

Чуть поколебавшись, Марк добавил:

— Мне кажется... Мне кажется, она в больнице.

Николь опустила глаза.

— Не волнуйся так, Марк. Не переживай. Она теперь взрослая. Она знает что делает.

Николь встала и принялась собирать посуду.

«Она знает что делает...» Слова Николь не шли у Марка из головы. «Что это? Просто желание бабушки утешить внука? Или она что-то от него скрывает?»

Марк поднялся, чтобы помочь Николь убрать со стола. Во второй раз возвращаясь из кухни в гостиную, он на миг остановился возле книжного шкафа, на одной из полок которого стояла, зажатая между игрой в авале и барометром в виде маяка, хорошо знакомая ему семейная фотография. Пьер и Николь на демонстрации возле супрефектуры Дьеппа. Они стояли плечом к плечу под огромным плакатом «ВСЕ НА ЗАБАСТОВКУ!» Снимок запечатлел события мая 1968 года, следовательно, Пьеру и Николь на нем не было и тридцати лет. Николь держала за руку старшего сына Никола; Паскаль сидел на плечах у отца. Ему было лет пять или шесть, и он сжимал в кулачке красный флажок. Марк переводил взгляд с деда на отца, с отца — на дядю. Никого из них не осталось в живых. Но самое ужасное было то, что он никого из них не помнил. Марк повернулся в сторону и кухни и сказал, стараясь, чтобы голос звучал как можно естественнее:

— Николь, я к себе пойду. Надо кое-какие лекции найти. Я ненадолго.

Ответом ему был звон посуды.

Марк вошел к себе в спальню. Здесь царил идеальный порядок. Николь тратила последнее здоровье, вылизывая комнату, в которой внук ночевал в лучшем случае раз в месяц.

Марка охватило странное ощущение, будто он вернулся в детство. Это все проклятый дневник Гран-Дюка, разбередивший воспоминания. На письменном столе по-прежнему лежала пластмассовая блок-флейта. Её собственная. Лили заимствовала её у него и играла Гольдмана, Кабреля или Балавуана. У стены все так же стояла двухэтажная кровать. Верхняя полка последние восемь лет, с тех пор как Лили перебралась в спальню к Николь, пустовала. Марк хорошо помнил, как они с Лили подолгу болтали, перед тем как заснуть. Неистощимая на выдумки, Лили сочиняла бесконечные сказки. Марк, лежа внизу, слушал её голос. Иногда, если Лили чего-нибудь пугалась, она свешивала вниз руку, а Марк садился в постели и держал её, пока рука не обмякала, что означало: Лили уснула. Иногда она допоздна читала. Свет мешал Марку спать, но он никогда не выказывал

недовольства. Разве можно просить солнце, чтобы оно перестало светить?

Нет, Лили никогда не променяла бы тесноту этой скромной комнатки на просторную спальню в доме Карвилей, на тонны игрушек, мишку по имени Банджо и прочие подарки. Марк ни минуты в этом не сомневался. Стрекозы чем-то похожи на бабочек, пока они маленькие, им необходим кокон. Пока не превратятся в куколку...

Марк вздрогнул, стряхивая воспоминания. Затем направился к шкафу, где висела его одежда. Ее было совсем немного — все вещи, из которых он вырастал, Николь относил в благотворительные организации. Она сохранила только его форму для игры в регби — желто-синие майки всех размеров, от дошкольного до юниорского... На отдельной вешалке болталась красно-желтая футболка с надписью на спине: «Дюндар Сиз». Размер: 12 лет.

Марк наклонился. Тетради с конспектами лекций он складывал в картонные коробки, стоявшие на дне шкафа. Нужная тетрадь оказалась сверху — конспекты прошлогодних лекций по европейскому праву. Курс в основном заключался в том, чтобы вы зубрить наизусть последовательность и точные даты событий: вступление государств в Европейский союз, подписание соглашений, принятие законов, результаты выборов... Марк давно понял, что изучение права — это по большей части зубрежка. Он быстро пролистал тетрадь и нашел нужную лекцию. Пусть он не отличался блестящими способностями, зато был добросовестным и организованным студентом. Он прочитал дату и название лекции: «12 февраля 1998. Границы Европейского союза». В тот день он слушал преподавателя особенно внимательно, потому что тот разбирал случай Турции. Военная диктатура, государственный переворот, возврат к демократии...

Марк потратил несколько минут, обдумывая информацию. У него вспотели ладони. Наконец он закрыл тетрадь. Теперь ему стало ясно, что именно не сходилось в рассказе Гран-Дюка.

События выстраивались в логическую цепочку.

Марк присел на кровать и постарался связать одно с другим.

Нет, его дед погиб не в результате несчастного случая. Он был убит. Марк нашел тому ясное доказательство. Но если детектив солгал в этом, это означало, что вся его история не стоит и выеденного яйца...

— Марк?

Из-за тонкой стенки послышался голос Николь.

— Марк? С тобой все в порядке?

Николь закашлялась. Картонные перегородки слегка заглушали

кашель. Марк поднялся, решив, что обдумает все позже. Он встал, убрал тетрадь в рюкзак и поставил коробку назад в шкаф. Несколько минут постоял, опираясь на столбики кровати. В комнате было жарко, даже душно.

— Марк? — настойчиво повторила Николь чуть дрожащим голосом.

— Иду, Николь. Уже иду.

Дверь спальни выходила прямо в гостиную. Николь уже убрала со стола и покрыла его кружевной скатертью. Она сидела на диване и плакала. На столе перед ней лежал голубой конверт.

Тест ДНК.

Дубликат отчета, три года назад переданный ей Гран-Дюком.

2 октября 1998 г., 23.19.

Марк выдвинул стул и сел напротив бабушки. Затем медленно достал из кармана надорванный конверт, полученный от Матильды де Карвиль, и положил его перед собой.

Два голубых конверта. По одному на каждого.

— Я знала, что у Матильды де Карвиль есть свой экземпляр, — тихо произнесла Николь. — Конечно, знала. Но думаю, что ей было неизвестно, что Гран-Дюк дал мне копию.

— Ты права, — подтвердил Марк. — Она понятия об этом не имела.

Николь провела по глазам носовым платком.

— Что именно она тебе сказала?

У Марка не оставалось выбора. Собственно, он и приехал сюда ради того, чтобы все объяснить. Он говорил долго. Рассказал о своем посещении дома Карвилей, рассказал о дневнике Кредюля Гран-Дюка, подробно изложив содержание последних страниц, посвященных тестам ДНК, рассказал об угрызениях совести, которыми терзался детектив. Лишь об одном Марк умолчал — об убийстве Гран-Дюка. Почему-то он не мог заставить себя сообщить бабушке эту новость. Боялся ее ошарашить. Прежде чем на это решится, он должен все хорошенько обдумать. Проанализировать информацию, почерпнутую из записей Гран-Дюка. С самого начала и до конца. И все проверить.

Николь поднесла платок ко рту и откашлялась.

— Марк! Кредюль Гран-Дюк не то чтобы солгал в своем дневнике. Просто он не написал всей правды. На самом деле все было не совсем так. Просто Кредюль любит приукрашивать действительность...

Она говорила о нем в настоящем времени, и это озадачило Марка.

— Я здесь был, — сказал он. — На дне рождения Лили, когда ей исполнилось пятнадцать. И видел все собственными глазами. Видел, как он дарил ей вазу. Видел, как она разбилась. Как Лили порезалась и как Гран-Дюк собирал осколки и рассыпался в извинениях.

— Разумеется. Ты все запомнил верно. Но ты не знаешь, что было дальше.

Марк побледнел.

— Дальше?

— Вы с Лили ушли из дома. Отправились в кафе «Манон» праздновать день рождения Лили. И вернулись после полуночи...

Марк накрыл рукой надорванный голубой конверт и принялся нервно водить им по столу. Николь снова откашлялась, прочищая горло. Это мало ей помогло. Она хрипло продолжила:

— Я осталась одна с Кредюлем. Он сидел на диване с рюмкой кальвадоса. Я мыла на кухне посуду. И плакала. Слезы капали в раковину.

— Ты... Ты плакала?

— Марк. Я же не дуручка. Кредюль работал на Карвилей. Я догадывалась, что в один прекрасный день Матильда потребует, чтобы он организовал тест ДНК. Она была в своем праве. Я бы на ее месте сделала то же самое... Но не таким же способом! Эта хитрость, шитая белыми нитками! Устроил ловушку, ничего себе! И из чего? Из подарка! А ведь Кредюль был единственным, кого мы приглашали на дни рождения Лили...

Марк чувствовал, как его охватывает смущение. Бабушка никогда раньше не разговаривала с ним так доверительно.

— Когда ты догадалась?

— Как только увидела, что Эмили порезалась до крови. И что Кредюль собирает осколки. Грубая работа. Лучше бы принес шприц и жгут. И сказал бы честно, что ему нужно. Я не так уж много от него требовала. Мы с ним с самого начала договорились: я позволяю ему приходить, а он за это делится со мной всем, что сумеет узнать.

— Но в этом-то он тебя не обманул? Он ведь принес тебе копию отчета из лаборатории...

Глаза Николь наполнились слезами.

— Все не так, Марк. Не совсем так. Да, он принес мне отчет, но... В общем, я стояла над раковиной и плакала. А потом вдруг решила. Я как раз споласкивала нож. И вот сжала зубы и полоснула себя по пальцу. Совсем слегка надрезала, но кровь потекла. Забинтовала палец и понесла Кредюлю рюмку ликера. А в ликер накапало немного крови. Совсем чуть-чуть. Но он все понял. Он был не дурак.

— И что он сказал?

Николь улыбнулась — кажется, в первый раз.

— Смутился немного. Как мальчишка, которого застали за шалостью. Но Кредюль не был злым человеком. Он попросил прощения и признал, что вел себя как последний кретин. Трогательно было его слушать. А потом пообещал, что сделает тест на установление родства между Эмили и Карвилями — для Матильды. И еще один — между Эмили и Витралями. Для меня. А потом...

Николь снова закашлялась. Кашель не давал ей говорить. Марк с трудом выдавил из себя:

— Николь... Что ты имеешь в виду?

Николь мяла и комкала в пальцах белый платок.

— Ты действительно хочешь это знать? Ну ладно, в любом случае я не совершила никакого преступления. Хотя я сомневаюсь, что Кредюль написал об этом у себя в дневнике.

Нет, Марк не хотел ничего знать! Слезы бежали по щекам Николь, но она их не утирала.

— В тот вечер мы с ним занимались любовью. Пока вы веселились в кафе. Два старика. Для меня это было в первый раз... После того как умер твой дед. Первый и единственный. Гран-Дюк давно положил на меня глаз. Он был славный. Практически единственный мужчина, которого я пускала к себе в дом. Он...

— Николь...

Марк встал и с немного неуклюжей нежностью опустил руки на плечи бабушке, а затем приложил к ее губам свой палец. Ему отчетливо, словно наяву, представился труп Гран-Дюка.

— Ты не обязана мне это все рассказывать...

— Обязана, Марк. Так нужно.

Николь вытерла слезы и убрала в карман платок.

— Ладно, Марк. Ты прав. Тебе это неинтересно. Болтает старуха...

Она сделала по комнате несколько шагов, поправила скатерть на столе и уставилась на лежащий перед Марком голубой конверт.

— Ты что, его открывал?

— Это долгая история. Можно сказать, что это произошло случайно. Но в общем, да. Открывал.

— Тогда ты должен понимать, почему я плачу. Не из-за Кредюля. Вернее, не только из-за Кредюля. Я плачу из-за Эмили.

Марк в свою очередь вскочил с дивана, охваченный ужасным предчувствием. У него подкашивались ноги. В голове плавал туман.

«Я плачу из-за Эмили». Слова Николь пробивались словно плотную вату. Что это значит: она плачет из-за Эмили? Ведь анализ ДНК, напротив, должен ее успокоить. Разве он не равносителен официальному свидетельству о рождении?

Он осторожно взял со стола надорванный конверт и вложил его в руку Николь. Затем потянулся ко второму — тому, что Гран-Дюк когда-то вручил его бабушке.

Марк вскрыл конверт.

Прочитал текст отчета.

Комната закружилась у него перед глазами. Пианино, фотографии в рамках, салфетки, диван, телевизор — все завертелось в каком-то невообразимом вихре.

Листок выпал у него из рук.

То, что было написано на листке, вообще не имело смысла.

2 октября 1998 г., 23.37.

Мальвина сидела на прибрежной гальке и не получала от этого никакого удовольствия. Ей было жестко и холодно. В небе висел тусклый серп луны, едва освещавшей пляж. Мальвине не удалось найти себе место для ночлега. Она довольно долго просидела в поезде «Руан-Дьепп», остановившемся на вокзале. Пока не появилась давешняя молоденькая контролерша. Она не бранилась и не негодовала, просто очень вежливо попросила Мальвину освободить вагон. Правда, услышав в ответ: «Пошла ты куда подальше, отвяжись от меня!», она повела себя менее любезно. Вызвала на подмогу двух контролеров-мужчин, и втроем они практически силой выволокли Мальвину из вагона.

Мальвина очутилась на улице. Из-за этого проклятого фестиваля воздушных змеев все гостиницы в городе были переполнены.

Мальвина весь вечер бродила по Дьеппу. Не заглянула ни в одно кафе — есть совсем не хотелось. Да даже если бы хотелось... Она все ходила и ходила, пока ноги не вынесли ее на пляж. Она дождалась, пока разойдутся все эти придурки со своими уродскими воздушными змеями, смолкнет музыка и закроются ларьки с жареной картошкой, вафлями и прочей дрянью, понатыканные по всему пляжу и принадлежащие таким же козлам, как эти Витрали.

Около полуночи все стихло. Только несколько флюоресцирующих геометрических фигур продолжали болтаться в небе, удерживаемые веревками, привязанными к врытым в траву столбикам. Мальвине было на них плевать. Восторгаться листом блестящей бумаги, даже взлетевшим к облакам, — ищите дураков в другом месте. Будь ее воля, она бы перерезала все веревки и стала смотреть, как погасшие светила одно за другим валяются в море и тонут.

Оборвать все нити. Отключить телефон. Будь проклята ее бабка, потребовавшая проведения этого злосчастного теста ДНК, а потом долгие годы лгавшая ей. Перерезать пуповину.

Мальвина вытянулась на камнях. Здесь она и поспит. Прямо на гальке. Ей плевать на все, в том числе на холод и неудобства.

— Эй, цыпа! А тебе домой не пора, к папуле-мамуле?

Мальвина не вскочила, лишь повернула на голос голову. На пляже, в десятке метров от нее, стояли трое парней. Каждый держал в руках бутылку из-под минералки, наполненную оранжевого цвета жидкостью. Двойной обман. Это была не вода и явно не апельсиновый сок.

— Таким красивым девочкам нельзя так поздно гулять по улицам среди ночи...

Это сказал самый здоровый из них. На правом веке у него красовалось серебряное колечко. Второй, поменьше ростом и лысый, с трудом удерживал равновесие на галечном пляже, несмотря на то что был обут в длинные и узкие ковбойские сапоги. Третий, размерами напомнивший Мальвине мишку Банджо, устал бороться с собой и шлепнулся задницей на камни.

Тип с пирсингом подошел поближе. Теперь их разделяло не больше трех метров. Остальные медленно подтянулись. Мальвина посмотрела на них.

— Мать твою, — пробормотал Ковбойские Сапоги. — Да это старуха! А издалека — прямо девочка!

— А может, она и есть девочка, — не согласился Пирсинг.

Плюшевый Мишка и Ковбойские Сапоги дружно заржали. Мальвина подобралась и судорожно зашарила у себя в сумке. Проклятье! Витраль еще в поезде отобрал у нее пистолет.

Пирсинг приблизился еще на метр.

— Ищешь приключений, цыпа? Я таких, как ты, за милю чую. Ну, считай, тебе повезло. Три мужика — и все твои...

— Отвали, козел.

Типы чуть отступили, причем Ковбойские Сапоги поскользнулся и едва удержался на ногах. Пирсинг снова шагнул вперед.

— Ах ты сучка...

Как оказалось, Плюшевый Мишка тоже обладал даром речи. В этой компании он, по всей видимости, играл роль добряка.

— Мы тебя не обидим, не бойся. Позабавимся немножко, и все.

— Ага, — подтвердил Пирсинг. — Ты мне нравишься. И прикид твой нравится. Пятидесятые возвращаются, а? Я балдею! Всегда мечтал, чтобы у меня бабка отсосала!

Он придвинулся еще на метр.

— Только у моей бабки давно зубов нет...

Плюшевый Мишка и Ковбойские Сапоги снова залились смехом. И тоже подошли поближе. Мальвина, как могла, отползла назад и крикнула:

— Только подойдите! Я вас всех урою!

Троица переглянулась. Вид Мальвины, неловко елозящей на камнях, явно доставлял им удовольствие.

— А знаешь, почему у нее больше нет зубов? Потому что она кусалась! Так что я тебе не советую ерепениться...

Пирсинг сделал еще один шаг. И напрасно.

Он успел услышать легкий свист. Возможно, даже заметил, как промелькнула какая-то тень. В следующий миг ему пришлось зажмуриться. Серебряное колечко каким-то чудом удержалось на клочке кожи, залитой кровью. Еще секунда — и второй камень угодил ему в переносицу.

— Ах ты...

Еще пара миллиметров — и третий камень влетел бы ему в открытую пасть. Но он лишь врезался ему в челюсть.

Хороший, увесистый камень вполне способен убить, если бросать его с трех-четырёх метров. При недостаточной меткости броска он, пожалуй, может лишь изуродовать жертву. Охваченная яростью, Мальвина не вполне сознавала что делает, но трое мужчин быстро догадались, с кем имеют дело. В некоторых обстоятельствах даже самые тупые приобретают поразительную ясность мышления. Вопрос выживания.

Они сбежали.

Им в спины летел град камней. Ковбойские Сапоги еще раз поскользнулся и шлепнулся на гальку. Крупный камень попал ему в лопатку. Плюшевый Мишка получил свою долю ударов по спине и по затылку. Мальвина швыряла камни как одержимая. Ярость удесятила ее силы.

— Мы тебя еще найдем! — пригрозил Пирсинг, когда они отошли на безопасное расстояние. — Ты еще свое получишь!

— А как же! — отозвалась Мальвина. — А я дам в полиции твое описание. Одноглазые насильники по улицам толпами не расхаживают...

Пошатываясь, троица удалилась.

Часом позже на пляже поднялся ветер. Мальвина продрогла. Она встала, с трудом разминая окоченевшие руки и ноги. Медленно побрела в вымерший город. Дошла до вокзала. Здание, разумеется, было закрыто. Мальвина легла на скамью перед входом и заснула.

2 октября 1998 г., 23.51.

В гостиной Витралей настала тишина. Казалось, весь мир замер.

Марк наклонился и дрожащей рукой поднял упавший на пол листок. На вид тот ничем не отличался от того, что он читал в поезде. Тот же бланк криминалистической лаборатории научно-технического отдела полиции города Рони-су-Буа. Похожий машинописный текст. То же заключение внизу листка, уместившееся в три строчки.

УСТАНОВЛЕНИЕ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

между Эмили ВИТРАЛЬ (образец № 1, партия 95-233) и
Николь ВИТРАЛЬ (образец № 2, партия 95-237)

Результат отрицательный. Полное отсутствие признаков
родственной связи. Степень достоверности — 99,94513 %.

Марк бросил листок на стол, словно тот жегся. Николь сделала то же самое и без сил опустилась на диван.

Оба теста оказались отрицательными!

Марк чуть слышно пробормотал:

— Что... Что все это значит?

Николь достала платок, вытерла слезинку и улыбнулась странной улыбкой.

— Кредюль Гран-Дюк — тот еще шутник.

— Скажи, ты... Ты знала?

— Нет, Марк. Поверь мне. Никто не знал. За исключением Кредюля, разумеется. Я три года назад получила это письмо. И все эти три года знала, что Эмили — не моя внучка. Что Эмили погибла при крушении самолета, а я воспитываю Лизу-Розу де Карвиль... Я свыклась с этой мыслью. Не зря же я подарила ей на восемнадцатилетие кольцо с сапфиром. Постепенно я даже научилась этому радоваться...

Николь ненадолго замолчала, стянула на груди концы шерстяной шали, наброшенной поверх блузки, застегнутой на все пуговицы, и посмотрела на Марка с безграничной нежностью.

— Да, радоваться... За ее будущее. За вас обоих. Ведь это все упрощало. Могла бы и раньше догадаться, без всяких там анализов...

Марк ничего не ответил. Он резко поднялся на ноги, схватил оба листка, положил их рядом и принялся изучать. На фальшивку не похоже. Марк преодолел яростное желание порвать листки в мелкие клочки.

— Гран-Дюк облажался, Николь! — почти закричал он. — Он перепутал образцы! И в лаборатории могли допустить ошибку! Наверняка всему есть логичное объяснение!

— Возможно, Кредюль дал нам те результаты, каких мы от него ждали, — тихо произнесла Николь.

Марк чуть не подскочил:

— Как это так?

— Только он один знал, что за образцы отдает на анализ. И поступил по своему разумению. Подтасовал факты к своей выгоде. За пятнадцать лет расследования он не добился ничего. Вот и решил самостоятельно дописать конец в этой истории...

Николь немного помолчала и продолжила:

— Два отрицательных результата — это не так уж глупо, как может показаться на первый взгляд. Смотри сам, его затея прекрасно сработала. Он убедил Матильду де Карвиль, что ее внучка погибла. Окончательно и бесповоротно. И это означало, что ей придется оставить нас в покое. Поэтому, Гран-Дюк ее недолюбливал. А я смирилась с горькой истиной. Признала, что Эмили — мне не внучка, а тебе — не сестра. Когда три года назад я узнала, что анализ показал отрицательный результат, я проплакала несколько ночей. Но в то же время испытала облегчение. Думаешь, я не видела, какими глазами вы с Эмили смотрели друг на друга? У меня прямо сердце разрывалось. Каждый день, каждую минуту...

Марк присел на диван рядом с Николь и положил голову ей на плечо. Потом обнял ее за широкую талию. Его пальцы теребили кисти шали. Николь повернулась к внуку.

— Ты все понимаешь, Марк. Конечно, ты все понимаешь. Это письмо означало, что вы с Эмили не связаны родством. Что вы не брат и сестра. Что вы свободны, Марк, милый мой мальчик. Кредюль по-своему любил вас и наблюдал за вами. Ему вполне хватило бы ума проверить подобный трюк...

Она перевела взгляд на два лежащих на столе голубых конверта.

— Если бы оба письма не очутились рядом, его план вполне мог бы сработать...

Марк встал и нервно прошелся по комнате. Аргументы Николь его не убедили. Ему не верилось, что Гран-Дюк оказался способен на подобный низкопробный трюк. Тем более что, читая дневник детектива, Марк

чувствовал: тот и сам поражен результатами тестов ДНК. Хотя это вовсе не исключало, что он попросту лжет. И в этом, и во всем остальном...

— Николь, — сказал Марк. — Я пойду пройдуся.

Николь ничего не ответила. Она сидела и утирала глаза кончиком носового платка. Марк уже взялся за ручку двери, когда до него донесся дрожащий голос Николь:

— Марк! А почему ты не спрашиваешь, где Эмили?

Марк застыл на месте.

— А разве ты знаешь, где она?

— Точно не знаю. В смысле, не знаю, где именно. Но я догадалась, что она имела в виду, когда говорила, что уезжает надолго. По-моему, я знаю, на какое преступление она намекала. Господи, да разве это преступление?

Сердце у Марка заколотилось так, что, казалось, еще чуть-чуть — и выскочит из груди. Меньше чем за десять минут его жизнь в третий раз совершила крутой вираж. От признаков агорафобии не осталось и следа — так у смертельно напуганного человека сама собой пропадает икота.

Николь все не решалась продолжить.

Марк крепко сжал ручку двери.

— О чем ты догадалась, Николь? — почти выкрикнул он.

Когда Николь наконец заговорила, ее голос звучал чуть слышно — то ли от смущения, то ли из жалости.

— Эмили беременна, Марк. Беременна от тебя.

Рука Марка соскользнула с дверной ручки. Все так же мягко Николь добавила:

— Она решила сделать аборт. Она сейчас в больнице.

Марк остановился возле мусорного контейнера на улице Пошоль. Слабый свет луны едва освещал ряды одинаковых домишек. В конце тупика сидели друг напротив друга две взъерошенные кошки. «Интересно, — подумал он, — не те ли это самые кошки, которых пыталась приручить Лили, когда ей было семь лет. А что, вполне возможно. Те же кошки, только постаревшие на десять лет».

Марк чувствовал невероятное спокойствие, особенно удивительное после нервозности последних минут и часов. В сознании наступила поразительная ясность. Теперь он точно знал, что должен делать в первую очередь. Загадка двух отрицательных тестов ДНК подождет. И история с убийством деда подождет. Сейчас есть дело поважнее. Марк представил себе Лили. Одна-одинешенька, она сидит в палате парижской больницы и готовится к худшему... У нее под сердцем — ребенок.

Их ребенок.

Марк дошел до единственного фонаря, освещавшего тупик. Кошки не сдвинулись ни на сантиметр, словно окаменели. Он раз пять пытался дозвониться Лили. Она не снимала трубку. Обзванивать больницы больше не имело смысла — в подобных случаях по просьбе пациенток сохраняют анонимность.

А Лили наверняка просила никому не сообщать, где она.

Марк еще раз набрал номер Лили, дождался, пока включится автоответчик, и заговорил. Наверное, он сейчас напоминал забулдыгу, который среди ночи стоит, прислонившись к фонарному столбу, и ведет беседу сам с собой.

— Лили! Николь все мне рассказала. Я ни о чем не догадывался. Прости меня. Прости мне мою слепоту. Я должен быть рядом с тобой. Я не собираюсь читать тебе мораль или уговаривать сохранить ребенка. Не бойся, я не стану делать ничего подобного. Честно признаюсь, мне пока ничего не удалось узнать. Полный мрак. Все как в тумане. Еще хуже, чем раньше. Но я все равно уверен, что... Ладно, я понимаю, что моя уверенность ни в чем тебя не убедит. Но я прошу тебя: подожди. Позволь мне к тебе приехать. Я приеду. Умоляю, скажи, где ты. Ты так мне нужна. Марк.

Голосовое сообщение улетело в лунную ночь.

Кошки придвинулись друг к другу ближе. Обе издавали воинственное шипение, предвещающее схватку не на жизнь, а на смерть. Марк знал, что все это — не более чем игра. Они повторяли один и тот же ритуал на протяжении вот уже десяти лет.

Марк сел на землю, на тротуар, знакомый до последней плитки. Однажды Лили здесь упала — на этом самом месте. Ничего страшного не произошло — у нее перевернулся трехколесный велосипед. Пара царапин, немного крови. Нормандские дожди давным-давно смыли ее следы с тротуара.

Марк закрыл глаза.

Ребенок. Их ребенок.

У него в душе поднималась волна гнева. Не против Лили, нет. Скорее против порядка вещей. Ему было невыносимо ощущение собственной беспомощности.

В одном из домов открылось окно на втором этаже. Из окна высунулся мужчина — Марк его не знал, наверное, он переехал в их квартал совсем

недавно, — и зычным голосом окликнул своего кота. Парочка распалась. Один из котов побежал на зов хозяина. Второй, выждав пару секунд, направился к Марку.

Марк протянул руку, и кот принялся об нее тереться. Шерсть у него на загривке еще топорщилась. Должно быть, один из любимцев Лили.

Разумеется, Марк понимал, почему Лили решила на аборт. Он достал мобильник и просмотрел последние сообщения. Она пошла на этот шаг не потому, что считала себя недостаточно взрослой для материнства. Не из-за материальных соображений. Не из-за угрозы профессиональной карьере. Лили не хотела производить на свет плод кровосмесительной связи.

Марк сжал в кулаке серую кошачью шерсть. Пока Лили не получит убедительного доказательства того, кто она такая на самом деле, она ни за что не рискнет родить монстра. Иначе и быть не может.

Марк поднял глаза к небу. А если он его раздобудет, это самое убедительное доказательство? Главное, найти ключ к загадке. Кот прыгнул Марку на колени. Тот перевел взгляд на него.

— Ну что, котище? Зачем еще нужны отцы, а? Представляешь, когда моей дочери исполнится пятнадцать... Или даже восемнадцать... Я возьму ее за руку, посмотрю ей в глаза и скажу: «Видишь ли, моя хорошая, ведь все висело на волоске. Если бы я не узнал правду, если бы в последнюю минуту не достал это проклятое доказательство, тебя бы не было. Я тебя не вынашивал, это верно, но все-таки это я спас тебе жизнь. Да, золото мое, это я тебя спас. Потому что очень любил твою мать. Любил и хотел иметь от нее ребенка. Ты родилась от большой любви...»

Кот неожиданно спрыгнул у него с колен.

— Ты прав! — сказал Марк. — Хватит рассиживаться.

Лили стояла на балконе и курила. Она понимала, что ничего хорошего в этом нет, но ей было плевать. Подумаешь, одна сигарета. Ну, три сигареты. Девушка с красными волосами и желтыми зубами — сейчас она спала на соседней кровати — оказалась не жадиной. Она просто отдала ей свою пачку и сказала: «Бери сколько хочешь».

Лили прослушала сообщение от Марка. Нет, Марк ни за что не сможет ее найти. Она приняла решение и не отступится от своего. Она пройдет этот путь одна. До конца.

Сохранить ребенка было бы безумием. Человек не может жить без личности, и Лили сознавала это лучше, чем кто бы то ни было. Наградить невинное и беспомощное существо той же болью, что она несет в себе всю

жизнь? Ни за что. Передать своему ребенку собственное проклятие?

В левой руке Лили сжимала подаренный Марком туарегский крест. Пальцы правой руки дрожали. Она держала в них сигарету и одновременно нажимала на кнопки мобильного телефона. Над маленьким экраном, светившимся голубоватым светом, поднималась струйка дыма. Лили пришлось разделить слишком длинную эсэмэску на четыре.

«Марк. Скоро все кончится. Не бери в голову. Это пустяковая операция. Несколько минут — и все.

Завтра меня должны осмотреть врачи. Они говорят, что нужны дополнительные обследования для выбора анестезии. Возможно, это просто уловка. Подозреваю, что психотерапевт надеется, что я еще передумаю.

Операцию скорее всего назначат на послезавтра. Не волнуйся за меня. Я приняла правильное решение. Все устроится. Береги себя. Лили».

Марк лежал у себя в комнате, на своей детской кровати, и читал сообщение от Лили. Конечно, он попытался сразу же ей перезвонить. Бесплезно — она не отвечала.

Он еще раз промотал все четыре эсэмэски. В мозгу застряла одна-единственная фраза. «Операцию, скорее всего, назначат на послезавтра». Вот оно, главное слово. «Послезавтра».

Значит, у него есть еще целый день, чтобы узнать правду. Марк цеплялся за эту надежду с одержимостью обреченного. Это знак судьбы. Она подарила ему еще один день. Значит, не все потеряно.

Он не отрываясь смотрел на нависавшую сверху вторую кровать. Бежали часы — как в детстве, когда Лили допоздна читала в постели, или когда шумели соседи, или когда его просто одолевала бессонница. Марк не спал. Его мозг упорно возвращался к одной и той же мысли — так сорная трава вылезает на чисто выполотой грядке. В этом деле все связано! Убийство его деда и убийство Гран-Дюка. Возможно, были и другие убийства, о которых он просто не знал. И все нити сходятся к одному — личности Лили!

Гран-Дюк нашел ответ на эту загадку. Детектив сумел открыть тайну, но был убит. Он намеревался отправиться в горы Юра, на Мон-Террибль. Что ж, выглядит вполне логично. Там все началось, там должно и закончиться. Решение — если оно существует — поджидает на склонах Мон-Террибль. И больше нигде.

В четыре утра Марк вскочил с постели и торопливо оделся. В конце концов, чем он рискует? Другого следа все равно нет. Разве что сидеть и в который раз перечитывать дневник Кредюля Гран-Дюка. Нет! Это не выход. Во всяком случае, такой выход не для него. Не зажигая света, он тихонько прокрался к бабушкиной спальне.

— Марк? — сквозь сон пробормотала Николь.

— Николь! А грузовик еще на ходу?

— «Ситроен»?

Николь села в постели и протерла глаза. Затем покосилась на стоящий рядом будильник, увидела, который час, но воздержалась от комментариев.

— Вроде как да. Насколько можно судить. Я теперь его редко вывожу. Пару раз в год, не чаще. В последний раз...

— А ключи все там же? Во втором ящике комода? И документы?

— Там же. Но...

Марк поцеловал бабушку в щеку.

— Спасибо. Не беспокойся за меня.

Николь хотела сказать: «Будь осторожен», но приступ кашля не дал ей вымолвить ни слова. Она поднесла к губам платок. Николь понимала, что больше уже не заснет. Ни этой ночью, ни будущей.

3 октября 1998 г., 4.12.

Грузовик завелся с пол-оборота. Марку уже приходилось его водить, правда, на короткие расстояния. В последние два года именно он обычно выгонял машину со двора и загонял ее обратно. Николь показала ему пару ориентиров, позволяющих выезжать задним ходом и разворачиваться в нужном месте, — почтовый ящик, левый ставень на окне соседнего дома и так далее. Если строго следовать ее указаниям, грузовик удавалось без проблем протиснуть через узкий проход.

«Ситроен» Витралей, принадлежащий к типу Н, — был одним из последних автомобилей, произведенных во Франции. Пьер Витраль купил его в 1979 году; завод «Ситроен» прекратил выпуск легендарных грузовиков в 1981-м. Пьер отдал предпочтение более длинной модели, немного похожей на фургоны мясников, распространенные в 1970-е годы. Оранжевого цвета, с приплюснутым красным носом, грузовик напоминал большого добродушного пса — с круглыми глазами-фарами и зеркалами заднего вида, прикрепленными по бокам, там, где должны быть уши. Лили так его и звала — «псина». «Псина» в последнее время обленилась и целыми днями спала, заняв своей тушей весь палисадник.

Пьер лично доводил грузовик до ума с помощью родственника, работавшего в автомастерской в Невилле. Тот же родственник в случае надобности производил техосмотр и делал мелкий ремонт. Для своих лет «ситроен» прекрасно сохранился. Все-таки он успел намотать двести восемьдесят три тысячи километров. «Зверюга! — утверждал родственник. — Не задушишь, не убьешь!» Марк был вынужден положиться на его слова — что еще ему оставалось? — не обращая внимания на вмятины на кузове, пятна ржавчины, примотанное изоляционной лентой внутреннее зеркало и неплотно захлопывающийся передний капот...

Марк посмотрел на часы. Четыре с минутами... Дьепп спал. Он двигался через призрачный город, в небе над которым летали носимые ветром разноцветные маски из шелковой бумаги. «Ситроен» хрипел и кашлял, но ехал. Марк опасался ликовать раньше времени — все-таки ему предстояло проделать более шестисот километров. Он успел изучить карту. Решил, что в Париж соваться не будет, а махнет сразу через север, и даже

выписал на листочке названия городов: Невшатель-ан-Брэ, Бовэ, Компьень, Суасон, Реймс, Шалон-ан-Шампань, Сен-Дизье, Лангр, Везуль, Монбельяр. Гора Мон-Террибль. По его расчетам, часов через десять он должен быть на месте. Если все пойдет хорошо.

Марк ехал вдоль порта. Вот бульвар Шанзи, за которым Дьепп заканчивается. На улице не было ни души. В самом конце бульвара показалось здание вокзала. Марк машинально посмотрел в его сторону. На скамейке спала девушка.

«Ситроен» резко остановился. «Ну вот, хоть тормоза работают! Клаксон тоже».

Мальвина де Карвиль вздрогнула и резко села на скамейке. И сразу же потянулась рукой к камню, предусмотрительно прихваченному с пляжа. Может, она и сумасшедшая, но не дура. Она поднялась и с изумлением узнала в водителе оранжево-красного фургона Марка. Он опустил стекло водительского окна.

— Что это ты с булыжником в обнимку спишь?

— Верни пистолет!

— Не волнуйся, я за ним приглядываю. Садись!

Мальвина недоверчиво уставилась на него.

— Ты что, на рынок собрался?

— Садись, кому говорю. Я отправляюсь в путешествие. В паломничество. Думаю, ты не откажешься меня сопровождать.

Мальвина подошла поближе, не выпуская из рук камня. Скептически оглядела ржавые потеки на кузове и зияющую щель капота.

— Только не говори, что ты намерен добраться до Мон-Террибль в этом гробу на колесах!

Марк оставил без внимания ее насмешку, сознавая, что в словах Мальвины заключалась немалая доля истины.

— Подозреваю, что ты никогда не бывала в Юра, — сказал он. — И мечтаешь туда попасть.

Мальвины выбросила камень.

— Какой догадливый!

Марк открыл дверцу пассажирского сиденья. Мальвине пришлось встать на цыпочки, чтобы забраться на высокую подножку.

— В этой развалюхе мы и до Парижа не дотянем.

— Жаль тебя разочаровывать, но Парижу придется обойтись без нас. Мы едем через север.

Марк протянул Мальвине листок со списком городов, через которые пролегал его маршрут.

— Ну ни фиги себе, — фыркнула Мальвина. — Дыра на дыре... А если по дороге сломаемся? Нет уж, если среди нас двоих есть псих, то это точно ты!

Марк ничего не ответил. Они молча выбрались на шоссе департаментского значения номер один. К главной дороге со всех сторон сбегались дороги поменьше и поуже, ведущие из долины Брэ. Минут через десять Марк нарушил молчание:

— Извини, что вчера не позвал тебя на ужин. В следующий раз, ладно?

— Нашел из-за чего убиваться! За меня не бойся, я нигде не пропаду. Познакомилась тут с симпатичными ребятами из местных...

Еще десять минут протекли в молчании. Они приближались к городу Невшатель-ан-Брэ.

— А за каким чертом мы туда тащимся? — не выдержала Мальвина.

— Я же тебе сказал: это паломничество.

Мальвина окинула Марка заинтересованным взглядом.

— Неужели ты до сих пор не успокоился? Я-то думала, что в деле можно поставить точку. Ты же видел результаты этого треклятого анализа ДНК, на котором настояла моя бабка. Стрекозка — твоя сестра. Записано черным по белому. Ты переживаешь из-за того, что трахался с ней?

Марк резко надавил на тормоза. Мальвину прижало к сиденью. Слишком высоко закрепленный ремень безопасности оказался у нее под горлом.

— Если ты на каждую шутку будешь так реагировать, мы никогда не доедем, — полузадушенно прохрипела она.

Шутка...

«Десять часов терпеть рядом с собой эту чумовую деваху — нет, он с ней точно рехнется».

— Извини, — собрав в кулак выдержку, произнес он. — Забыл отрегулировать высоту ремня для куклы.

— Ха-ха-ха, — отозвалась Мальвина. — Я смотрю, с тобой не соскучишься.

Марк не испытывал ни малейшего желания пикироваться с Мальвиной. После долгого молчания он наконец спросил:

— А ты? Ты веришь в результаты этого треклятого анализа ДНК?

— Да я скорее сдохну, чем поверю этому подонку!

— Вот и хорошо. Значит, мы единомышленники.

Мальвина продолжила, пытаясь выпутаться из ремня безопасности:

— Это все брехня! Я всегда знала, что Гран-Дюк на вашей стороне. Его, видите ли, совесть заела. Ну, и сиськи твоей бабки ему покоя не

давали...

На сей раз Марк не стал ударять по тормозам, но серьезно призадумался: не высадить ли ее посреди дороги? Вполне вероятно, он так и поступил бы, но... Но пока Мальвина была ему нужна. Один раз она уже проговорила, когда мимоходом упомянула, что Гран-Дюка терзали муки совести. Что еще ей известно?..

Почти час, до самого Бовэ, они не перекинулись ни единым словом. Разматывались похожие один на другой километры пустынного шоссе. Мальвина наклонилась вперед. Старый, заскорузлый от въевшейся пыли ремень безопасности врезался ей в ухо.

— Радио у тебя, конечно, не работает?

— Нет, радио давно сломано. Зато магнитола вроде бы работает. И кассеты должны быть там. Мы их в детстве слушали...

Мальвина рассмеялась:

— Ха-ха! Кассеты! Неужели они еще существуют?

— Посмотри в бардачке. Штук десять точно найдется.

Мальвина открыла бардачок.

— На что они хоть похожи?

Она повернулась к Марку. На ее губах играла лукавая улыбка.

— Шучу, шучу! Только не тормози, пожалуйста!

Несколько минут она рылась в бардачке и перебирала кассеты, затем, не показав Марку, вставила одну из них в магнитолу. Тесное пространство кабины наполнил громкий гитарный рифф, сопровождаемый звуком полицейской сирены. «Баллада Сержа К.» Ночная прогулка одинокого горожанина.

Марк моментально узнал альбом. «Рок-поэмы».

«Завтра, завтра. Завтра, как вчера», — чуть гнусаво запел Шарлели Кутюр.

— Так я и знал, что ты выберешь именно эту, — сказал Марк.

— Я догадалась. Не хотела тебя огорчать...

Марк в свою очередь улыбнулся. Они въезжали в Бовэ. Даже в пять утра пересечь город оказалось не так просто. Они передвигались медленными скачками от светофора к светофору. Очевидно, какой-то садист из местной администрации специально настроил их так, чтобы водитель, соблюдающий разрешенный лимит скорости, обязательно застревал на каждом перекрестке.

— Ты права, — признал Марк, тормоза перед очередным светофором. — Не стану спорить. «Рок-поэмы» — лучший французский рок-альбом.

— Может быть. Я его никогда не слышала. Знаю у них всего одну песню. Сам понимаешь, какую. Но, поскольку CD-плеера у тебя нет, придется проигрывать все подряд.

— А что ты вообще слушаешь?

— Ничего.

В наступившей затем тишине раздавался только голос Шарлели Кутюра. Грузовик выбрался из Бовэ. Первая стороны кассеты закончилась. Мальвина, ни слова не говоря, поставила ее второй стороной и сделала звук погромче. Пожалуй, слишком громко. От первых же фортепианных аккордов завибрировала крыша.

Как самолет без крыльев...
Пел я ночь напролет
Для той, что не верит были,
Для той, что меня не ждет...

У Марка по спине пробежала дрожь. Мальвина закрыла глаза и принялась, беззвучно открывая рот, подпевать исполнителю.

Пусть больше мне не летать,
Я пройду до конца этот путь.
Я сяду с судьбой играть,
Я дам себя обмануть.

Марк невольно сбросил скорость. Он слушал эту песню сотни раз. Он слушал ее один, когда накатывала тоска и одолевали сомнения. Когда Лили не было рядом. Лили ее не выносила. Песня ввергала ее в ярость. Однажды — ей тогда было восемь лет — она в гостях у подружки разбила транзисторный приемник, бросив его на плиточный кухонный пол, просто потому, что по радио передавали эту песню.

Послушай, как ветер поет
Тоскливую песню свою.
Послушай, мы вместе умчимся в полет
Туда, где никто нас не ждет.

У Мальвины на глазах выступили слезы. Солист умолк, и вступила гитара. Марк смотрел прямо перед собой.

Стрекозка моя!
Твои крылышки хрупки...
А я сижу в разбитой кабине.

Голос Шарлели Кутюра постепенно стихал. Мальвины шмыгнула носом. Марк ничего не сказал. Они продолжали двигаться вперед. По обочинам шоссе национального значения тянулись унылые деревушки. Придорожные щиты сообщали, сколько человек погибло в автокатастрофах, сколько большегрузных автомобилей проезжает здесь ежедневно. Минут через двадцать показался Компьень. Машин стало заметно больше.

На выезде из Компьеня Марк повернулся к Мальвине.

— В следующем городке остановимся. Может, булочные уже откроются. Надо что-нибудь съесть.

Мальвина повела плечом в сторону задней части фургона.

— Да ну? А я надеялась, что тыпустишь меня за руль, а сам займешься стряпней. Блинчики там, вафли... Неужели дед с бабкой тебя не научили?

Марк пропустил колкость мимо ушей. Он уже решил не обращать внимания на ехидные реплики Мальвины и ждал подходящего момента, чтобы задать ей мучивший его вопрос. Впрочем, вышло так, что первой заговорила Мальвина. Они проезжали деревушку под названием Катенуа, центральная часть которой с церковью, школой и мэрией предусмотрительно располагалась в отдалении от дороги. Марк припарковал фургон на пыльной стоянке. Магазины и лавки были еще закрыты, равно как и ресторан, зазывавший водителей на комплексный обед за 49 франков. Марк убедился, что маузер по-прежнему лежит у него в кармане, вынул из замка ключи зажигания и выпрыгнул из «ситроена». Вокруг стоянки росло несколько березок с почерневшей от выхлопов листвой. Марк отошел за деревья, помочился и вернулся в грузовик.

Мальвина за время его отсутствия, кажется, ни разу не пошевелилась. Марк приблизился к пассажирской дверце и распахнул ее. Затем достал из кармана пять листков, вырванных из тетради Гран-Дюка, и протянул их Мальвине.

— На, прочти.

Мальвина удивленно уставилась на него.

— Это несколько страниц из дневника Гран-Дюка. Результаты его расследования. Прочти, это поучительно. А потом я покажу тебе кое-что еще.

3 октября 1998 г., 6.13.

Матильда де Карвиль чиркнула спичкой и подошла к газовой плите. Под кастрюлей с водой заплясали голубоватые огоньки. Она обернулась, в последний раз посмотрела на номер «Эст републикен» от 23 декабря 1980 года и оторвала от газеты первую страницу. Свернула ее жгутом и поднесла к пламени горелки. Бумага вспыхнула мгновенно. Матильда де Карвиль держала импровизированный факел до тех пор, пока огонь не подобрался к ее пальцам, и лишь затем выбросила обгорелый клочок в раковину.

Эта газета уже не могла ничего изменить. Конверт она обнаружила еще днем — на столе в холле. Внутри находилась сложенная газета. Секретарша, к которой она обратилась с просьбой, оказалась шустрой девицей. Матильда прочитала первую страницу. И все поняла. Не могла не понять.

Гран-Дюк не блефовал. Он был прав на все сто. Истина лежала на поверхности. Но чтобы узнать ее, требовалось выполнить одно необходимое условие. Открыть этот номер газеты восемнадцать лет спустя.

Горькая ирония судьбы!

Значит, все они с самого начала избрали неверный путь.

Хуже того. Ее муж опустился до гнусного преступления. Он совершил убийство. Бессмысленное убийство. Да и она повела себя немногим лучше. Предпочла на все закрыть глаза. Ради Лизы-Розы. Она все знала, но промолчала. Они наказали невинных людей. Таких же жертв обстоятельств, какими были сами. Но рано или поздно правда выплывет наружу. И Матильде не хватит мужества вынести людское осуждение. Что же до Божьего суда...

Матильда де Карвиль попробовала пальцем воду. Теплая. Линда спала наверху, в гостевой комнате. Обнаружив мертвого Леонса, она упала в обморок. Прошла шагов десять и рухнула на пол. Матильда дала ей успокоительное, затем таблетку снотворного и уложила в постель. Потом позвонила мужу Линды и предупредила, что его жена сегодня заночует в «Розарии» — такое и раньше случалось, когда Леонс плохо себя чувствовал. Он не задавал вопросов. Матильда хорошо платила сиделке — более чем достаточно, чтобы хватало на услуги приходящей няни.

Матильда открыла шкаф и достала стеклянный флакон, обернутый в газетную бумагу. Должно быть, Линда скоро проснется. И первое, что она сделает, это помчится в полицию. Матильда не собиралась ей мешать. Зачем? Убивать эту дуреху она тоже не станет. Вообще-то говоря, вчера ей надо было выждать несколько часов, убедиться, что Линда ушла домой... Она, как и каждый вечер, осталась бы в доме одна с Леонсом. Это многое бы упростило. Но она была не в силах ждать! После того как она получила газету и поняла, что произошло на самом деле, ожидание сделалось невозможным. За все эти годы она тысячи раз повторяла себе, что вершит правосудие собственными руками. *Вершит правосудие...* Какие громкие слова... Все, что ей удалось, это прекратить страдания калеки. А праведный суд уже свершился Божьим промыслом.

Теперь настал ее черед. Пора и ей предстать перед высшим судом, который взвесит ее добродетели и прегрешения.

Полиция, скандал...

Пустое.

Когда поднимется вся эта суматоха, ее здесь уже не будет.

Матильда де Карвиль снова опустила палец в воду. Горячо! Она испустила вздох облегчения. Скоро, скоро конец! Она выключила газ, наполнила кипятком большую керамическую плошку и поставила ее на серебряный поднос. Туда же поместила флакон, положила чайную ложку и вышла из кухни.

Матильда медленно поднялась по лестнице и открыла первую дверь справа. Это была детская Лизы-Розы. Матильда обвела взглядом огромную комнату, заваленную игрушками и нераспакованными подарочными пакетами. Они стоили кучи денег, но какое значение имели деньги! Она покупала их на каждый день рождения, на каждое Рождество потому, что они дарили ей надежду. Лиза-Роза не забыта! Каждая тоненькая свечка на именинном торте словно говорила, что ее девочка еще жива. Эта слабая искорка помогала ей жить. Но вчера искорка погасла. Навсегда.

Леонс убил человека ни за что.

Матильда поставила поднос на тумбочку. Чтобы добраться до кровати, ей пришлось отодвинуть украшенную кружевами светло-голубую коляску и аккуратно перешагнула через китайский набор кукольной посуды. Она осторожно сдвинула с подушки плюшевого медведя, которого Мальвина называла Банджо, и прилегла на постель. Здесь должна была спать Лиза-Роза. Она уже никогда в нее не ляжет. Матильда отвинтила крышку флакона и вылила желтоватую жидкость в плошку с горячей водой.

— Мое лучшее растение, — прошептала Матильда. — Мое секретное оружие. Чистотел... Ты долго ждал своего часа в потайном уголке сада. И вот дождался.

Матильда размешала содержимое миски серебряной ложечкой. По комнате разлился едкий запах чистотела.

Матильда знала, что отравить другого человека чистотелом невозможно. Даже собственного мужа. Сок растения отличается слишком резким запахом. Вот почему об отравлении чистотелом почти не было известно, если не считать одного случая в Германии. По той же самой причине авторы детективных романов не удостаивают своим вниманием смертоносный чистотел.

Матильда положила ложку на серебряный поднос. Подняла руки и сняла с груди крест.

Даже для самоубийства чистотел годится в последнюю очередь. Вернее сказать, сделать выбор в его пользу мог только человек с железной волей. Матильда улыбнулась. Она не настолько слаба духом, чтобы сводить счеты с жизнью при помощи упаковки транквилизаторов или безболезненного укола в вену. Сладкая смерть — это не для нее. Когда готовишься предстать перед Страшным судом, лицемерие следует оставить в стороне.

Матильда де Карвиль пригубила настой чистотела. Она невольно скривилась, но упорно продолжала глотать смертоносную жидкость. Пока в плошке не осталось ни капли.

«Что за омерзительный вкус!»

Ей не на что жаловаться.

В иные времена она могла бы приказать, чтобы ее за совершенные грехи до смерти забили кнутом, вонзили ей в сердце осиновый кол или сожгли живьем на костре.

Матильда вытянулась на кровати Лизы-Розы. На кровати мертвого ребенка.

Она сжала в руке крест.

«Ну все. Осталось подождать совсем немножко».

3 октября 1998 г., 6.22.

Пока Мальвина читала пять страничек из дневника Гран-Дюка, Марк прохаживался по автомобильной стоянке. В рюкзаке у него лежала пачка печенья и пакет апельсинового сока. Он грыз печенье и выпил полпакета сока. На стоянку вырулил грузовик с полуприцепом, затормозивший метрах в пятидесяти от их «ситроена». Из грузовика вышел мужчина с термосом в руках. Наверное, в термосе кофе. Марку стоило немалого труда сдержаться и не попросить у водителя угостить его стаканчиком.

Из фургона с листками в руках выпрыгнула Мальвина.

— Можешь радоваться, я все прочтала. Не поняла только, чего ты добиваешься? Думал разжалобить меня историей про несчастный случай с твоим дедом? Ну да, не повезло старику, что тут скажешь. Но при чем тут я? Мне в то время было восемь лет. Неужели ты думаешь, что я о чем-то знала? А если ты намекаешь, что твоя колымага — это готовый гроб, то зря стараешься. Я в нем ночевать не собираюсь!

Марк ничего не ответил. Кажется, он начал понемногу привыкать к кладбищенскому юмору Мальвины. Наверное, для нее это был единственный приемлемый способ общения с окружающими, своего рода психотерапия. Да и на него, привыкшего за долгие годы к умолчаниям, запретным темам и всевозможным табу лечение электрошоком подействовало скорее благотворно. Марк влез на водительское сиденье, порылся в рюкзаке и достал тетрадь с конспектами лекций по европейскому конституционному праву.

— Держи! — сказал он. — Теперь прочти это.

— Что? Всю тетрадь?

— Да нет, всю не надо. Прочти конспект лекции от двенадцатого февраля. Лекция посвящена Турции.

Мальвина вздохнула:

— Сначала дай попить соку. И чего-нибудь пожевать.

Марк протянул ей остатки своего скромного завтрака. Мальвина с жадностью набросилась на печенье. Если она и страдала анорексией, то с успехом это скрывала.

— Так что это еще за фигня?

Она взяла тетрадь, открытую Марком на нужной странице, и скорчила

недовольную мину.

— Ну и почерк! Прямо курица лапой накарябала! Ты небось двоечник, а? Не то что Лили... У нее-то, наверное, одни пятерки...

Марк проглотил готовое вырваться хлесткое возражение. Это юмор. Это лечебный юмор!

— А ты где училась?

— Я — мировая рекордсменка по числу частных преподавателей. За пятнадцать лет их у меня сменилось тридцать семь. Последний выдержал ровно два дня...

— Ну вот и нечего насмеяться над моим почерком.

Мальвина расхохоталась и выкинула за окно упаковку от печенья и пустую коробку из-под сока.

— Нетушки, ты меня с собой не сравнивай. У меня с учителями особые взаимоотношения. Я не вписываюсь в стандартные рамки, сечешь?

Она подняла глаза от тетради:

— Блин, ну я реально ничего не могу разобрать в твоей писанине.

— Не важно. Обрати внимание на даты. Цифры-то ты в состоянии разобрать? Или в рамки цифр ты тоже не вписываешься?

— Ты мне льстишь.

— Читай, кому говорят!

— А ты не нуди!

Несмотря ни на что она начала читать вслух:

— «29 октября 1923 года — в Турции при власти Ататюрка провозглашена республика; 17 сентября 1961 года — премьер-министр Аднан Мендерес казнен за нарушение Конституции...» Слушай, зачем мне все это знать?

— Читай дальше!

— Блин... «12 сентября 1980 года — государственный переворот и приход к власти военных; 7 ноября 1982 года — всеобщий референдум и возвращение к демократии...»

— Молодец, — похвалил Марк. — Теперь возьми листки из дневника Гран-Дюка. Прочти, что там сказано в самом начале.

— Нет, ты меня уже реально достал!

Мальвина бросила листки на пол.

— Слушай, может, поедем уже? Если ты хочешь до конца месяца добраться в этой развалюхе до Юра, давай двигай, а?

Марк спокойно нагнулся, собрал с пола листки и начал читать:

«В то воскресенье, 7 ноября 1982 года, я был в Анталье, на Средиземном море. Это местечко — турецкая Ривьера. Триста солнечных

дней в году. Один чиновник министерства внутренних дел пригласил меня к себе в загородную резиденцию». Тут я кусок пропускаю. Вот, дальше: «Устав от моих преследований, означенный чиновник пригласил меня к себе на прием, и я с радостью принял приглашение, зная, что встречу там весь цвет турецкой национальной безопасности. Назыма со мной не было — Аиля срочно вызвала его в Париж; если мне не изменяет память, она тогда заболела... Идея провести целый уикенд в гостях без переводчика не вызывала у меня восторга. Я понимал, что люди, приехавшие с женами отдохнуть, вряд ли станут вникать в смысл моих вопросов, как, впрочем, и я — в смысл их ответов. Я все меньше верил в успех своей затеи».

Мальвина нервно вертела на пальце кольцо с коричневым камнем. Затем она повернулась в сторону припаркованного на другом конце стоянки грузовика.

— Ну и... — громко, так, чтобы слышал водитель грузовика, крикнула она. — Бросаем тут якорь? Будем печь вафли для толстожопых водил?

Шофер с термосом услышал ее крик и поднял голову. Он посмотрел на Мальвину, как на диковинную зверушку, после чего пожал плечами и отвернулся. Наверное, точно таким же взглядом он одарил бы мелкую шавку, посмевавшую облаять его на улице. Марк не спускал с Мальвины глаз. Его уже в который раз поразило, насколько ненатурально она злится. Неуклюжая попытка отвлечь внимание?

— Ладно, — сказал Марк. — Я тебе помогу. Дело в том, что в дневниковой записи кое-что не клеится. Кредюль Гран-Дюк пишет, что его пригласил в гости министр внутренних дел Турции. Прием состоялся в загородном доме, на нем присутствовали жены и дети чиновников, а происходило это все в воскресенье седьмого ноября 1982 года...

— Спасибо большое. Читать я умею.

— Однако, — не слушая ее, продолжал Марк, — именно седьмого ноября 1982 года в Турции проходил референдум. Это был исторический день, означавший конец власти военщины и возврат к демократии. Тебе не кажется, что в такой день высшим турецким чиновникам было чем заняться помимо дружеских вечеринок?

Мальвина пожала плечами.

— Гран-Дюк перепутал дату. Ничего удивительного! Через пятнадцать лет...

— Вот именно! — воскликнул Марк.

Водитель с термосом стоял возле своего грузовика, опершись спиной о кабину, и смотрел на Марка и Мальвину с таким интересом, словно ему показывали кино.

— Звук погромче не сделать? — гаркнула ему Мальвина.

Водитель и бровью не повел. Обиделся? Возможно. Марк продолжал:

— Сейчас я скажу тебе, как все было, Мальвина. Гран-Дюк не был в Турции седьмого ноября 1982 года! Во всяком случае, на вилле в Анталье его точно не было. Но почему он солгал? Зачем человеку такое дурацкое алиби? Затем, что в тот день он находился в совсем другом месте. В каком? Где он мог прятаться в воскресный день седьмого ноября 1982 года? Прятаться так, чтобы никто не догадался, где он? И зачем уточнять, что Назым в тот раз не поехал с ним в Турцию, а остался во Франции? Может быть, для того чтобы перевести подозрения на своего помощника?

— Бред, — помотала головой Мальвина. — Точно тебе говорю, ты псих. Хуже меня.

Марк схватил Мальвину за горловину свитера. Она не сопротивлялась. Пистолета при ней больше не было. Даже бульжника не было.

— А что, если наш милейший Гран-Дюк — способный детектив, образец терпения, душа нараспашку, друг семьи Витралей, мимолетный любовник моей бабки, честный автор дневника, верный, преданный, невезучий Кредюль Гран-Дюк... Что, если он был всего-навсего наемным убийцей? Подонком, которому твой дед поручил убрать с дороги моих деда и бабушку, чтобы заполучить Лили? И эта мразь согласилась выполнить заказ.

Марк крепко сжимал в кулаке воротник лилового свитера Мальвины. Она слушала его молча. Водитель с термосом забрался в кабину грузовика, из которой донеслись звуки настройки радио.

Марк говорил, едва сдерживая слезы:

— Он даже не побоялся вскользь упомянуть об этом в своем дневнике... Даже если все остальное — правда: его привязанность к нашей семье и к моей бабушке... Классическая ситуация — палач проникается теплыми чувствами к недобитой жертве. Его терзают муки совести, как же! Подумать только, мы принимали эту тварь у себя в доме... Мерзавца, который убил моего деда. А бабушка даже...

Марк неожиданно выпустил из рук свитер Мальвины, выскочил из грузовика и сделал несколько шагов по площадке. На ходу он машинально подобрал смятую обертку от печенья и пустой пакет из-под сока и направился к ближайшему мусорному контейнеру, стоявшему метрах в десяти.

— Можешь говорить что хочешь! — крикнул он. — Но я точно знаю, что все было именно так! Это Гран-Дюк! Как только я это понял, мне все стало ясно. Все его рассказы — сплошное лицемерие! Он просто наемник. Тип без чести и совести, готовый на все ради денег.

Марк выбросил мусор в контейнер.

— Это был мой дед, — раздался голос Мальвины.

Марк еще ни разу не слышал, чтобы она говорила так мягко. Он обернулся.

— Это был мой дед, — повторила Мальвина. — Он один во всем виноват. После первого инфаркта. Он не верил в успех расследования, которое затеяла бабушка. Ему хотелось получить все и сразу. Он тоже обратился к Гран-Дюку, вскоре после бабушки. Заплатил ему огромную сумму. Как раз хватило на покупку дома в Бют-о-Кай. Все должно было выглядеть как несчастный случай. Адвокаты говорили, если Витрали умрут, судье Веберу придется несладко, но у нас появится шанс забрать ребенка себе. Гран-Дюк не был ангелом, насчет этого дед навел справки. В те выходные, в ноябре 1982 года, он успел слетать в Турцию и вернуться назад, во Францию. Никто его ни в чем не заподозрил. Остальное было делом техники.

— Откуда ты знаешь?

— Мне было восемь лет. Я не все тогда понимала, но у меня уже появилась привычка подслушивать. Маленькая незаметная мышка, я всюду совала свой нос, а чуть что — юрк к себе в норку. Бабушка узнала правду позже, уже после смерти Пьера Витраля. Ты даже не представляешь, что с ней тогда случилось. Преступление! Убийство! Попробуй признаться в таком Отцу, Сыну и Святому Духу! Сразу после того с дедом случился второй приступ. Его план провалился. Бабка решила, что его покарал Бог, и заткнула пасть.

— Мальвина, а что ты сама об этом думаешь?

Мальвина чуть помолчала. Она сидела, поставив ногу на металлическую подножку кабины, и нервно теребила ремешок босоножки.

— Я думаю, — наконец сказала она, — что мой дед был прав. А что? Дело вполне могло выгореть. Если бы старшие Витрали оба умерли, Лиза-Роза вернулась бы домой. А тебя отправили бы в приют. Чем плохо? Вот что я думаю.

— А сейчас? Сегодня? Что ты думаешь об этом сегодня?

На сей раз Мальвина не колебалась ни секунды:

— То же самое!

Они снова тронулись в путь. Мальвина поставила в магнитоле другую кассету. Она выбрала ее наугад, по цвету обложки, небесно-голубому. Это оказались «Братья по оружию» группы Dire Straits. Голос Марка Нопфлера чередовался с исступленными звуками электрогитары. Первой после

долгого молчания заговорила Мальвина:

— Но я не отрицаю, что Гран-Дюк всегда был та еще сволочь. А меня он терпеть не мог. Наверное, догадывался, что я все знаю.

Марк слушал ее вполуха, охваченный горьким чувством, что он стал жертвой предательства. Сколько еще лжи Гран-Дюк наворотил в своем дневнике?

— Четыре дня назад он пытался шантажировать бабушку, — продолжила Мальвина. — Нес какую-то пургу насчет того, что в последнюю минуту на него снизошло откровение. Выпросил сто пятьдесят тысяч франков. И потребовал втрое больше, если добудет доказательства. Не знаю, кто его мочканул, но спасибо ему, кто бы он ни был. Одной мразью на Земле стало меньше.

Марк постукивал пальцами по рулю в ритме соло на саксофоне из песни «Твоя последняя выходка». У него из головы не шли слова Мальвины.

«Не знаю, кто его мочканул...»

Он помнил, как обнаружил труп Гран-Дюка. Убит выстрелом в сердце. Тело головой в камине. Обгорелое лицо в пятнах сажи.

— Я уж не говорю про анализы ДНК, — рассуждала Мальвина. — Мы с тобой оба знаем, что выжила Лиза-Роза. Значит, эта бумажка только лишний раз доказывает, что Гран-Дюк врал всем подряд.

В разгоряченном мозгу Марка крошечной искрой вспыхнуло подозрение. Искорка была совсем маленькой, но под ветром она разгоралась все ярче, грозя вызвать настоящий пожар.

— И вообще, — заключила Мальвина, — он был лузер. Получил миллион и даже не смог прикончить двух спящих стариков.

Руки Марка крепче сжали руль. Гитара Марка Нопфлера издала последний рифф.

«Это юмор. С лечебным эффектом».

3 октября 1998 г., 11.33.

Они ехали без передышки уже пять часов. Оранжево-красный «ситроен» модели Н держался молодцом. На отрезках скоростного шоссе ему приходилось нелегко, но он выжимал от ста до ста десяти километров в час, пусть и на пределе возможностей. Давно иссяк запас кассет в бардачке, представленный блестящей коллекцией хитов восьмидесятых: «Спаси любовь» Даниэля Балавуана, «Важные последние слова» группы Supertramp, «Крутая девчонка» Рено, «Позитив» Жан-Жака Гольдмана.

Они остановились в Витри-ле-Франсуа — городке, возникшем ниоткуда посреди кукурузных полей Шампани и не имевшем даже колокольни, чтобы предупредить о своем внезапном появлении. В ресторанчике, втиснувшемся между шоссе и Марной, куда они зашли пообедать, они были единственными посетителями. Марк, погруженный в глубокую задумчивость, удовольствовался омлетом и салатом. Мальвина заказала полный обед — мясное ассорти, жареную говядину с луком-шалотом и крем-брюле.

— У вашей подружки хороший аппетит, — подмигнув Марку, сказал хозяин заведения. — Куда, спрашивается, у нее все это девается?

Они снова тронулись в путь.

Сен-Дизье. Шомон.

Мимо проплывали всхолмленные равнины Парижского бассейна. Засеянные злаками поля упирались в крутой склон очередной куэсты, с противоположной стороны, поросшей лесом, плавно сбегавшей вниз, чтобы уступить место новому полю. На спусках грузовичок разгонялся и жалобно дребезжал, словно сам не верил, что сумеет вовремя затормозить, и надеялся лишь на то, что вскоре дорога опять пойдет в гору. Рено в третий раз затянул «В интересном положении». За последние два часа Марк и Мальвина не перемолвились ни единым словом. Наконец Мальвина прервала молчание:

— Как ты думаешь, Лиза-Роза захочет иметь такую сестру, как я?

Марк вел машину через деревню под названием Фель-Бийо. Он ничего не ответил.

— Ты ее лучше знаешь, — продолжила Мальвина. — Думаешь, она в состоянии понять? Смириться, что у нее вот такая старшая сестра?

Уродина. Грубиянка. Злюка.

Марк по-прежнему молчал. По большому счету, он предпочитал целебный юмор Мальвины.

— Я ведь могу измениться, — настаивала Мальвина. — Можешь ей это сказать? Что я могу измениться?

— А ты уверена, что Лили — твоя младшая сестра?

— Конечно. В этом мы с тобой заодно, правда?

Они замолчали еще на два часа. Марк искренне завидовал убежденности Мальвины и ее решительности. Казалось, она существует внутри какого-то пузыря с непроницаемыми стенками. Они миновали Везуль, когда пришла эсмэска от Лили. В кармане у Марка завибрировал мобильный. Он достал телефон одной рукой, продолжая вести машину.

«Марк. Операцию назначили на завтра, на 10 утра. Все хорошо. Не волнуйся. Я тебе потом перезвоню. Все наладится. Целую. Эмили».

«Завтра, на 10 утра»... Оставалось меньше суток.

«Отпусти меня!» — неистовствовал в магнитоле Гольдман. Марк инстинктивно надавил на педаль газа. Они пересекали небольшое плато. «Ситроен» модели Н практически не отреагировал на попытку водителя увеличить скорость. Безумное предположение, зародившееся в мозгу Марка, с каждым километром обретало осмысленность и казалось все более правдоподобным, почти очевидным.

Спустя три часа они уже катили по улицам Монбельяра. Катили совершенно свободно: транспортная инфраструктура этого города, расположенного в области Франш-Конте, — просторные бульвары, широкие проспекты, многочисленные рокады — была явно рассчитана на гораздо более плотное движение. Сам город, казалось, все еще приспособивался к ритму активной работы завода «Пежо» времен его расцвета, когда здесь трудилось сорок тысяч человек. Крупнейший в Европе автомобилестроительный завод... Сегодня от него оставалась едва ли треть.

Марк бросил на колени Мальвине дорожный атлас и попросил найти на крупномасштабной карте место, где река Ду пересекает швейцарскую границу; где-то там, у подножья горы Мон-Террибль, находилось поселение Клербьеф с гостиничкой Моники Женевэ — если верить

дневнику Гран-Дюка, самым красивым на всю округу шале.

— За каким чертом мы туда тащимся? — проворчала Мальвина. — Надеешься найти деньги, которые моя бабка отправила Гран-Дюку?

Марк пожал плечами и незаметно потрогал карман, убедившись, что маузер на месте. Неужели ему придется пустить оружие в ход? Неужели он прав и все они с самого начала были жертвами бессовестной манипуляции?

Мальвина умолкла и сосредоточилась на изучении карты. Со своей задачей она справилась блестяще. Через десять километров, покинув Монбельяр, отважный оранжево-красный грузовичок миновал Пон-де-Руад и двинулся по склонам массива Юра. Вначале они ехали узким каньоном вдоль реки Ду до Сент-Ипполита, затем свернули на круто взбиравшееся вверх неширокое шоссе департаментского значения. Грузовичок пыхтел и скрипел, но успешно преодолел подъем и перевалил через вершину горы. Перед ними открылась панорама причудливого русла Ду — река делала петлю длиной километров в тридцать, захватывая территорию Швейцарии, после чего послушно возвращалась во Францию и текла дальше. Эта картина поражала воображение своей красотой. «Ситроен» бодро спустился к реке и покатил через сосновый лес, подсвеченный последним золотом осенних лиственных деревьев.

Проскочить мимо заведения Моники Женевэ было невозможно. Вдоль течения Ду шла одна-единственная дорога, убегавшая к швейцарской границе. Шале из светлой древесины стояло на берегу, любуясь на собственное отражение в спокойных водах реки. У Марка перехватило дыхание. Он еще раз потрогал лежащий в кармане пистолет. «Ситроен» он припарковал напротив шале. Большой щит с надписью «Отели Франции» служил подтверждением того, что они не ошиблись адресом.

На парковке их оранжево-красный грузовик оказался единственным. Время здесь, в приграничной деревушке на краю света, словно бы остановилось. Марк чувствовал, что задыхается. А вдруг это тупик?

— Пошли, что ль? — пробурчала Мальвина.

— Подожди минутку...

Марк вытащил из кармана пистолет и убедился, что тот заряжен.

— Зачем ты мою пушку достал? Собираешься шлепнуть мамашу Женевэ?

Марк посмотрел на Мальвину долгим взглядом и произнес:

— Ты помнишь про труп Гран-Дюка?

— Ну.

— Что именно ты помнишь?

— В смысле?

— Ты помнишь, что в доме Гран-Дюка обнаружила труп. На нем была одежда Гран-Дюка, ботинки Гран-Дюка и часы Гран-Дюка...

Мальвина побледнела.

— Труп, — продолжил Марк, — лежал головой в камине. С обгорелым лицом. Обгорелым до полной неузнаваемости.

Мальвина сжала руки.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Пошли!

Они выпрыгнули из грузовика. На пороге шале, украшенном высокими жардиньерками с геранью, уже стояла Моника Женевэ.

— Добрый день! — поздоровался Марк. — Это гостиница Женевэ?

Не слишком ловкий заход, учитывая, что посетителей встречала лакированная табличка, на которой большими буквами было выведено название заведения.

— Мы... Мы — друзья Кредюля Гран-Дюка.

Лицо Моника осветилось радостью.

— Месье Гран-Дюка! Ну конечно, я прекрасно его знаю! Вот уже больше десяти лет он приезжает ко мне каждый декабрь!

— Мы слышали, что в этом году он навестил вас, не дожидаясь декабря?

На лице хозяйки гостиницы мелькнуло что-то вроде огорчения.

— Сущя правда! Но вам не повезло. Как раз сегодня утром он уехал!

Земля поплыла у Марка под ногами. Мальвина, стоящая рядом с ним, перестала дышать. Моника Женевэ, не обращая внимания на странную реакцию посетителей, продолжала тем же самым тоном:

— Он переночевал в двенадцатом номере, как обычно, вчера и позавчера. Позавчера почти все утро просидел у себя, ждал почту. И дождался! Ему прямо сюда принесли толстенный конверт. А сегодня утром он уехал. Очень рано, еще шести часов не было.

— А вы не знаете... — Собственный язык плохо слушался Марка. — Вы не знаете, он не собирался вернуться?

— О, вот это вряд ли! Обычно он останавливается у меня на одну, максимум на две ночи. Сам себя называет паломником! Между нами говоря, странный он человек. Нет-нет, очень вежливый, воспитанный — тут у меня к нему никаких претензий. И на аппетит не жалуется! Но все-таки... Разве не удивительно — после катастрофы уже восемнадцать лет прошло, а он все ездит и ездит, поднимается на Мон-Террибль, что-то ищет... Несчастье страшное, кто ж спорит, но не пора ли о нем забыть? А

вы как думаете?

Марк надолго задумался. Наконец, преодолев нерешительность, он произнес:

— А он ничего не говорил? Не говорил, куда собирается?

Моника оторвала с герани несколько засохших стебельков.

— О, плохо же вы знаете месье Гран-Дюка! Он никогда ни с кем не делится своими планами. Даже после литра соломенного вина! Правду сказать, я и сама не очень любопытна. Так что — нет, не знаю. Наверное, вернулся в Париж? Раньше он всегда возвращался в Париж...

Марк задал еще несколько вопросов, но больше для проформы. Хозяйка гостиницы в самом деле не располагала никакой информацией. Марк с Мальвиной снова сели в грузовик.

Не успела Мальвина занять пассажирское место, как из нее потоком полились ругательства:

— Что я тебе говорила? Этот ублюдок с самого начала водил нас всех за нос!

Марк промолчал. Чем дальше, тем больше его охватывало отвратительное чувство бессилия. Кредюль Гран-Дюк... Живой и здоровый... В бегах. Единственная ниточка, которую он держал в руках, только что выскользнула из пальцев...

— Если ты догадался, что Гран-Дюк симулировал собственное убийство и подложил вместо себя чужой труп, то за каким чертом мы сюда притащились?

— Заткнись.

Мальвина захлопала в ладоши.

— Витраль, ты — гений! Десять часов дороги. Шестьсот километров. И ради чего? А позвонить сюда нельзя было?

— Закрой варезку.

— Мог бы снять мне комнатенку у Моника. Хорошая у нее гостиница.

— Заткнись, кому говорят.

— Или хоть пожрать у нее пригласил бы. Под соломенное вино... Я бы не отказалась.

— Слушай, если ты сейчас же не замолчишь, я тебя пристукну. Сброшу труп в реку и слиняю в Швейцарию.

Мальвина удивленно воззрилась на Марка.

— Погоди-ка! Что-то я тебя не пойму. Вряд ли ты так уж удивлен поведением Гран-Дюка — сам говорил, что давно раскусил эту сволочь. Тогда в чем дело? Чего ты психуешь? Куда торопишься? Или у тебя на завтра назначена свадьба с моей сестричкой? И ты уже заказал кондитеру

свадебный торт?

— Не старайся, все равно не поймешь. Тебе образования не хватит.

Марк нервно повернул ключ в замке зажигания «ситроена».

— Ну, и куда мы теперь? — спросила Мальвина. — Назад? Даже окрестности не осмотрим?

— Сиди тихо. Я обещал тебе паломничество? Значит, пройдем свою голгофу до конца.

3 октября 1998 г., 12.01.

Кредюль Гран-Дюк, вооружившись биноклем, следил за приближением почтового фургона. Это не представляло никаких трудностей — желтый автомобиль на каждом повороте ярким пятном выныривал из однотонной зелени еловых лесов. В гору он поднимался медленно, останавливаясь возле каждого почтового ящика многочисленных шале, выстроенных на южном склоне горы. Кредюль прикинул: минут через десять он будет здесь.

«Ксантию» он оставил в нескольких километрах выше, неподалеку от Сент-Ипполита. Детектив еще немного понаблюдал за маневрами почтового фургона.

Десять минут...

Хоть бы это оказался нужный почтальон! Это был уже восьмой за утро фургон. Ничего, в конце концов удача ему улыбнется. Впрочем, при чем здесь удача? Он все рассчитал — и, как всегда, действовал методично и наверняка. На след Мелани Бельвуар он напал три дня назад. Это было непросто — она давным-давно порвала с семьей и ее имя не фигурировало ни в одном телефонном справочнике, включая электронные. Ни в каких официальных реестрах она тоже не значилась. Гран-Дюк допускал, что она вышла замуж и сменила фамилию, но он проверил записи актов гражданского состояния в 45 коммунах Монбельяра и не нашел ровным счетом ничего. Тогда ему на ум пришла мысль обратиться к помощи почтальонов. Мелани Бельвуар могла зваться как-то иначе, но оставалась вероятность того, что ей иногда приходит почта на прежнюю фамилию — письма от какой-нибудь старой подружки, например, или оформленная много лет назад подписка... Если кто и был в курсе этой истории со сменой имени, то только местный почтальон. Сельские почтальоны вообще, а те, что обслуживают горные деревушки, в особенности обычно помнят наизусть каждого адресата...

К сожалению, семь первых опрошенных почтальонов впервые слышали имя Мелани Бельвуар.

Ничего не поделаешь, придется проявить терпение. Уж чему-чему, а терпению Гран-Дюк за годы расследования научился как никто. Тем более что теперь у него появился настоящий стимул. Он вплотную приблизился к

разгадке...

Подумать только, на каком тонком волоске порой висит человеческая жизнь! Каких-нибудь четыре дня назад он был готов пустить себе пулю в лоб. Еще бы минута, и...

Гран-Дюк поднес к глазам бинокль. Грузовичок преодолел с десяток из разделявших их горных поворотов.

Кредюль Гран-Дюк сжал в кармане рукоять револьвера. Это был матеба модели 6 Unica. Полуавтоматический. С тех пор как разорилась производившая это оружие американская компания, его револьвер превратился в почти коллекционный экземпляр. Приходилось даже закупать патроны в Канаде, едва ли не на вес золота — по сорок канадских долларов за коробку из шести штук. Но Гран-Дюк не скупился на траты. Деньги у него были. Вчера утром ему в гостиницу Моники Женевэ доставили еще сто пятьдесят тысяч франков, отправленных Матильдой де Карвиль.

И это был только аванс.

Чему его не хватало?

Может быть, душевного спокойствия?

Он вспомнил про свой дневник. Должно быть, Лили и Марк уже успели его прочитать. Маловероятно, что кто-то из них затем отправился к нему домой и нашел труп. Но даже если это случилось, он ничем не рисковал, поскольку принял меры предосторожности. Для них он будет жертвой, но уж никак не убийцей. Что же до остального... Достаточно ли осторожен он был, чтобы никто не заподозрил правду? Чтобы никто не догадался, что именно произошло с газовым баллоном ноябрьской ночью 1982 года...

С годами Гран-Дюк сумел убедить самого себя, что он ни в чем не виноват. Он был всего лишь послушным инструментом в руках Карвилей, исполнителем их воли. Лично он совершенно не желал Витралям смерти. Откажись он тогда от предложения Леонса де Карвиля, тот нашел бы другого наемника, который сработал бы гораздо грубее и, уж конечно, не пощадил бы Николь Витраль. И вообще, с тех пор он многократно искупил свою вину. Он искренне привязался к Николь и ее внукам. Узнал их лучше и даже полюбил. Да, полюбил! Особенно Николь. Больше он их никогда не предавал. Занимаясь расследованием, он старался хранить беспристрастность. И честно написал обо всем, что узнал, в дневнике. Абсолютно честно.

За исключением эпизода, имевшего место в Летрепоре.

Нет, он не ангел и никогда не выдавал себя за ангела. Но он работал добросовестно. Взять хоть эти проклятые тесты ДНК, результаты которых едва не свели его с ума и подтолкнули на грань самоубийства. Каких-нибудь четыре дня назад он был на волоске от гибели...

Но теперь со всем этим покончено. Прощай, детектив-неудачник! Прощай, одинокий холостяк с нечистой совестью! Он распутал этот дьявольский узел. Осталась суцая ерунда. Найти последнего свидетеля.

Мелани Бельвуар.

Из-за поворота показался желтый фургон. Фыркнул и затормозил неподалеку от его «ксантии». Из машины выскочил почтальон — молодой парень с дредами и в красной бандане. Спортсмен, не иначе. Из тех, что рассекают на горном велосипеде по нехоженным тропам...

Кредюль Гран-Дюк поспешил ему навстречу. — Прошу прощения. Я хотел бы задать вам один вопрос. Вы не могли бы сказать мне, где живет Мелани Бельвуар?

Почтальон окинул его недоверчивым взглядом.

— Извините, но мы не даем таких справок. Правилами запрещено.

Другого ответа Гран-Дюк и не ждал. Однако в душе он возликовал. Имя Мелани Бельвуар явно было знакомо почтальону. Наконец-то! Теперь следовало вытянуть из него нужные сведения. Почтальон опустил в ящик три письма и развернулся в сторону своего фургона.

— Эй, парень! А ну погоди! Я из полиции.

Кредюль Гран-Дюк протянул почтальону удостоверение частного детектива, украшенное изображением государственного флага Французской Республики. Этот прием срабатывал на отлично в девяти случаях из десяти.

— Ну и что? — Почтальон даже не обернулся. — Я делаю свою работу. Обращайтесь к моему начальнику. Бумажная канитель — это по его части.

Так-так... Кажется, ему попался образцовый служака. С такими главное — не грубить и не качать права. Напротив, попытаться его разжалобить.

Гран-Дюк напустил на себя озабоченный вид.

— Видите ли, дело довольно срочное. Вопрос жизни или смерти. Больше, к сожалению, ничего вам сказать не могу, но сейчас дорога каждая минута...

Почтальон уставился на Гран-Дюка пристальным взглядом.

— Не имею права. Извините, но это конфиденциальные сведения. Кстати, что вам мешает позвонить в управление? Через минуту будете знать все, что вас интересует.

— Не выйдет. Мелани Бельвуар не значится ни в одном справочнике. Во всяком случае, под этим именем.

— Ну, значит, она не желает, чтобы ее беспокоили.

Черт, вот ведь упрямый осел! Что же делать?

— Молодой человек! Это ваш гражданский долг! Вы обязаны оказывать содействие полиции!

Парень присвистнул и мотнул дредами.

— *Sorry*, приятель! Не в моих правилах сдавать легавым порядочных людей. Да и времена сейчас не те. Усек? Так что давай гуляй отсюда.

Он отвернулся.

— Ладно, — в спину ему сказал Гран-Дюк. — Сколько?

Почтальон вздохнул:

— Что — сколько?

— Сколько ты хочешь за адрес? Пять тысяч франков? Десять?

— Ага, вот, значит, какие теперь методы у полицейских!

Он рассмеялся:

— Ушам своим не верю!

«Ну все, игра закончена», — понял Гран-Дюк.

Таким путем он ничего из этого придурка не вытрясет. Почтальон уже забирался назад в свой фургон, когда почувствовал у себя на виске стать револьверного ствола.

— Теперь у полицейских разные методы! — проговорил Гран-Дюк.

Парень задрожал. От его былой самоуверенности не остаюсь и следа. Руки он послушно сложил на руле.

— Эй, не делай глупостей...

— Адрес Мелани Бельвуар?

— Говорю же, не знаю.

Гран-Дюк надавил чуть сильнее и переместил палец на спусковой крючок. С виска почтальона на ствол револьвера стекали капли пота.

— Я ведь тебе все объяснил. Это вопрос жизни или смерти. В данном случае — твоей. Признаюсь тебе честно — не из какой я не из полиции. Я — маньяк-убийца. Мочу почтальонов. Въезжаешь? Кроме того, я ненавижу желтый цвет. И всех, кто имеет наглость надо мной насмехаться. Адрес Мелани Бельвуар?

— Клянусь вам, я...

— Хорошо. Для начала я прострелю тебе колено. Любишь по горам гулять? Придется забыть. И горный велосипед тебе больше не понадобится. И лыжи можешь на помойку отнести. И альпинистское снаряжение туда же. И девки на тебя больше не посмотрят...

Гран-Дюк опустил ствол револьвера, целясь в ногу почтальону.

— Хватит! — заорал тот. — Прекратите! У нее фамилия мужа. Или не мужа, не знаю, просто мужика, с которым она живет. Люизан. Мелани Люизан. Живет в соседней долине. Из Монбельяра надо ехать по шоссе Д34. За поворотом после Данмари первое шале. Оно не в самой деревне, а на отшибе стоит. С голубыми ставнями, если я ничего не путаю...

— Откуда ты это знаешь?

— Она получает почту на имя Мелани Бельвуар. Три-четыре письма в год.

— Ну, вот видишь, как все просто.

Гран-Дюк не скрывал торжества. Все, он нашел последнего свидетеля. Он — единственный на свете человек, которому это удалось. Даже если кто-нибудь еще догадается, в чем дело, открыв старый номер «Эст републикен», он ни за что не сможет выйти на след Мелани Бельвуар. Тем более так скоро. Нет, ему не о чем волноваться. Он всех опередил.

— Чего... Чего вам от нее надо? От Мелани Бельвуар?

— Не бери в голову, мальчик. Побереги нервы. Я просто хочу с ней поговорить. Вспомнить старые добрые времена...

3 октября 1998 г., 15.23.

Марк вел машину, чутко прислушиваясь к стуку мотора. Только не подведи, про себя умолял он старый грузовик. Пока что «ситроен» держался. Он лихо преодолел несколько крутых поворотов, ведущих к подножию горы Мон-Террибль. Марк миновал Эндвилье и свернул на гравийную дорогу, по обочинам которой на протяжении нескольких сот метров высились аккуратно сложенные поленницы дров. Ошибиться в направлении было невозможно: указатели в виде деревянных стрелок помогали не сбиться с дороги. На каждой из них значилось: «Дирекция Природного парка Верхней Юра».

Марк остановил фургон на просторной лужайке возле здания, выстроенного в виде традиционного шале. На фасаде висела крупномасштабная карта французской и швейцарской частей массива Юра с обозначением туристических маршрутов. Неподалеку от парковки располагалась небольшая площадка, заваленная альпенштоками, тобогганами, мотками каната и прочим альпинистским снаряжением и уставленная горками и качелями, очевидно, предназначенным для юных скалолазов, у которых после прогулок с родителями по горным тропам еще на что-то оставались силы.

— Сейчас четыре, — сказал Марк. — Есть шанс до темноты попасть на вершину.

Мальвина бросила на него насмешливый взгляд.

— И что ты надеешься там найти?

— Ничего. Кстати, тебе совсем не обязательно идти со мной.

— Не, ну ты реально кретин. А за каким фигом, спрашивается, я за тобой сюда тащилась?

Марк вошел в здание дирекции. Купил в киоске карту района и путеводитель. За кассой сидела высокая темноволосая девушка. Ее голову украшало множество косичек, заплетенных на индейский манер. Над ней наклонился мужчина. Одной рукой он накрывал руку девушки, показывая, какие кнопки она должна нажимать, а второй не стесняясь оглаживал ее по заду.

«Грегори, — понял Марк. — Инженер из дирекции парка. Человек с глазами полярной лайки. Любитель дикой природы и молоденьких практиканток».

Марк вышел на улицу, разложил на стоящем на лужайке столе карту и быстро нашел тропу, ведущую к вершине Мон-Террибль. Свернул карту и открыл заднюю дверцу фургона. Достал рюкзак. Положил в него спальный мешок, электрический фонарик, бутылку воды, упаковку колбасы и несколько пачек печенья.

— Ишь ты, какой предусмотрительный! — хохотнула Мальвина. — У тебя прямо не фургон, а пещера Али-Бабы!

— Видишь ли, у моей бабушки не слишком просторный дом. Поэтому мы храним кое-какие вещи в фургоне.

— А для меня рюкзак найдется?

— Естественно. Только не набивай слишком плотно. Смотри, чтобы он тебя не перевесил.

— Размечтался! Мы еще посмотрим, кто первый начнет хныкать что устал!

Марк невесело рассмеялся. Он вдруг понял, что больше не в состоянии мыслить логически и выстраивать четкую стратегию дальнейших действий. Он чувствовал, что задуманное им восхождение — бессмысленно. Ну, заберется он на вершину Мон-Террибль, увидит своими глазами место катастрофы, найдет описанную Гран-Дюком хижину и могилу возле нее... Самого Гран-Дюка там, конечно, не окажется — что ему там делать? Сыщик поддался водовороту событий и вынужден был погружаться в них все глубже. Золотой браслет, частицы детских костей, след бомжа, ставшего свидетелем авиакатастрофы... Подобно Мальчик-с-пальчик с ярко выраженными садистскими наклонностями, Гран-Дюк рассыпал перед Марком эти камешки — разрозненные улики. Зачем Марку лезть на вершину? На что он надеется? На чудо. На внезапное озарение...

Он поморщился.

И вынужден был признаться самому себе, что дело обстоит именно так, а не иначе. Он надеялся на чудо.

Они отправились в путь. Восхождение, как и предполагалось, заняло около двух часов. Марк шел довольно быстро. Мальвина поспевала за ним, не демонстрируя ни малейших признаков усталости. Впрочем, подъем не был слишком трудным — обозначенная вешками тропа шла через лес, разница в высоте составляла не больше пятисот метров. По мере того как

они поднимались, перед ними открывался вид на течение реки Ду, часть швейцарской территории и укрепленное поселение Сент-Юрсан. На полпути они остановились напиться. Было душновато. У Марка под рюкзаком вспотела спина. Мальвина, как ни странно, даже не сняла свитера. При этом у нее на лбу не выступило ни капельки пота. Передохнув, они двинулись дальше, через полого взбегавший вверх сосновый лес.

Марк ускорил шаг. Мальвина ступала за ним след в след, не отставая, и, кажется, даже дышала в унисон с ним. Марку вдруг подумалось, что за последние часы они с Мальвиной превратились в почти соратников. «Чепуха», — одернул он сам себя.

Но уже в следующую секунду все мысли вылетели у него из головы.

Лес внезапно кончился.

Перед ними предстало голое пространство. Как будто сюда явилась армия дровосеков с целью срубить каждое дерево и не пропустившая ни одного. Вот только конфигурация вырубки была странно вытянута — полоса шириной метров сорок тянулась вперед на добрый километр. На проплешины высадили молоденькие сосенки, но они, не достигшие в высоту и метра, казались жалкими карликами, заброшенными на планету гигантов. Планета, впрочем, походила на райский сад — весь опустошенный прямоугольник плотным ковром устилала желтые и синие горечавки, венерины башмачки и красноватые заросли арники.

Мальвина и Марк замерли, ошеломленные открывшейся картиной.

Ничто здесь не напоминало об авиакатастрофе. Ни памятника, ни мраморной плиты, ни даже простого надгробия. «Наверное, так даже лучше», — подумал Марк. Просто полевые цветы. Тысячи и тысячи полевых цветов. Лет через двадцать молодые сосновые посадки войдут в рост, дотянутся до братьев, соприкасаясь с ними кронами, и цветы исчезнут, уступив место папоротникам и мхам. В лучшем случае где-нибудь пробьется случайный нарцисс.

И трагедия будет окончательно забыта.

Они долго стояли рядом, не произнося ни слова. Марк все никак не мог решиться ступить на цветочный ковер, словно опасался нарушить торжественную неподвижность священного места. Но Мальвина прошла чуть вперед — самые высокие стебли травы достигали ей до бедер. Марк почувствовал, как у него ускоряется сердцебиение, а в горле встает ком. Он слишком хорошо знал признаки приближающегося приступа агорафобии, хотя здесь, в горах, они проявлялись в замедленном темпе. Этот проклятый страх страха...

Он ничего не сказал и не сделал ни одного движения, лишь постарался дышать глубже. Мальвина повернулась к нему — то ли услышала его хриплое дыхание, то ли удивилась его молчанию, то ли о чем-то догадалась. Солнце, светившее ей в лицо, заставило ее сощуриться, и Марку почудилось, что она ему улыбается — странной печальной улыбкой, знаменующей перемирие. Марк закашлялся. Он ни за что на свете не признался бы в этом Мальвине, но факт оставался фактом: его удушье отступило. Да, даже под пыткой он продолжал бы отрицать очевидное, но какой смысл обманывать себя? А ему стало окончательно ясно: в присутствии этой ненормальной девахи его болезнь отступала. Особенно здесь, в этом ужасном месте, которое для них обоих значило так много.

Они провели на месте катастрофы больше часа. Солнечный диск, прикрытый облаками, почти коснулся верхушек деревьев.

— Поищем хижину? — тихо предложил Марк.

Мальвина ничего не ответила. Просто пошла за ним.

Марку пришлось несколько раз сверяться с картой. Еще около часа они блуждали по лесу, без конца выбираясь на похожие друг на друга как две капли воды полянки. Неужели Гран-Дюк наврал про хижину? Мальвина не бранилась и не проявляла признаков нетерпения. Даже склонялась вместе с Марком над картой и путеводителем, помогая определить, где именно они в данный момент находятся. Уже начало темнеть, когда они все-таки вышли к хижине. Нет, Гран-Дюк не солгал! Убогое строение точно соответствовало описанию, приведенному в дневнике сыщика: пастушья хижина под дырявой крышей, груда камней у порога. На краткий миг у Марка мелькнула надежда, что внутри их поджидает Гран-Дюк. Он инстинктивно сунул руку в карман, где лежал маузер.

Напрасно.

В хижине никого не было. В ней оказалось вовсе не так грязно, как можно было предположить. Впрочем, детектив упоминал, что, занимаясь поисками Жоржа Пеллетье, собрал для анализа почти весь мусор.

Интересно, существовал ли на самом деле этот мифический персонаж?

Марк вышел из хижины и обошел окрестности. Все совпадало, до последней детали. Он увидел яму, кучу вывороченной земли, разбросанные вокруг камни и даже две деревянные палки, очевидно, служившие крестом. Итак, по поводу этой истории Гран-Дюк написал правду. Рядом с хижинкой действительно существовала могила, которую детектив дважды разрыл и в которой нашел звено от золотого детского браслета и частицы костной ткани грудного ребенка.

Что из всего этого следует?

Марк посмотрел на часы.

19.36.

Новых сообщений от Лили не поступало. Он присел на ствол поваленного дерева в паре метров от хижины. Солнце садилось. У Марка было ощущение, что он находится на крыше мира. Во всяком случае, на крыше своего мира. Вдали от всех. В компании сумасшедшей девицы. Впрочем, при ближайшем рассмотрении не такой уж сумасшедшей. Не такой уж опасной. И не такой уж злой.

Он проиграл. Поэтому сейчас он сидит здесь, отдавшись во власть печальных мыслей и жалеет сам себя, лишь бы не думать о Лили. Не думать о том, что она спит в больничной палате, а через несколько часов пойдет на аборт. Не думать о том, что их дитя — плод любви — будет убито из простой предосторожности. Из опасения, что этот плод может оказаться отравленным. Это было невыносимо. Так же невыносимо, как знать, что единственный человек, способный им помочь — а именно убийца его деда — разгуливает где-то и отыскать его нет никакой возможности.

К Марку подошла Мальвина.

— Кушать подано!

Она кое-как разложила на салфетке пачки печенья и колбасу, поставила бутылку воды.

— Классная пирушка, а?

Они молча поели. Теперь хижину освещал только тусклый свет луны, превращая ее в дом с привидениями, затерянный в чаще заколдованного леса. Оба понимали, что уже слишком поздно, чтобы спускаться вниз, так что ночевать придется здесь. Вдвоем. Оба восприняли это как данность, не нуждающуюся в объяснениях.

Ночь на вершине горы Мон-Террибль.

И они — двое сирот, заблудившихся на кладбище без могил.

Они убрали остатки еды, и Марк достал из рюкзака светло-зеленую тетрадь. Дневник Гран-Дюка. Он протянул тетрадь Мальвине.

— Держи. Ты ведь давно за ней гоняешься? Может, окажешься умнее меня. Поймешь то, чего я не понял.

— Что это? Мемуары этого ублюдка?

— Можно и так сказать...

— Ладно. Спасибо.

Мальвина взяла тетрадь, прихватила спальный мешок и электрический

фонарик и ушла в хижину. Марк, вооружившись вторым фонариком, отправился прогуляться. Он долго бродил по лесным тропинкам, описывая широкие круги вокруг хижины. Когда он вернулся, то заметил пробивающийся из-под двери хижины слабый свет. Как будто в домике горела свеча.

Марк вошел внутрь. Мальвина спала, сжавшись в комочек в спальном мешке. Раскрытая на середине тетрадь Гран-Дюка лежала рядом с ней, возле головы.

Марк невольно улыбнулся. Эта странная, заживо пожираемая собственной ненавистью девушка, которая была четырем годами старше его, вызывала у него нежность и желание ее защитить. Как еще одна младшая сестра. Он тихонько приблизился к Мальвине, взял тетрадь и вышел из хижины. Снова присел на поваленное дерево и принялся машинально перелистывать страницы, пока не добрался до последней.

«Я собрал в этой тетради все улики, все следы, все версии. Восемнадцать лет исследований. Все здесь, на этой сотне страниц. Если вы читали их внимательно, то сейчас знаете столько же, сколько известно мне. Возможно, вы окажетесь проницательней? Возможно, поймаете нить, которую я упустил? Найдете ключ к разгадке? Если он вообще существует... Возможно, возможно...

Почему бы и нет?

Но для меня все кончено.

Было бы преувеличением сказать, что я не испытываю ни сожалений, ни угрызений совести. Но я сделал все, что мог».

«Я сделал все, что мог».

Нет, напрасно Марк надеялся, что его осенит новая блестящая идея. В голову не приходило ничего. Он попытался позвонить Лили, но сеть не ловилась. Марк тихо выругался. Зачем он сюда притащился? Глупее и придумать ничего было нельзя. В отчаянии он начал перечитывать сегодняшние эсэмэски. Последняя пришла днем, когда они ехали в грузовике.

«Марк. Операцию назначили на завтра, на 10 утра. Все хорошо. Не волнуйся. Я тебе потом перезвоню. Все наладится. Целую. Эмили».

Завтра. В десять утра.

Он чувствовал себя беспомощным и ненужным.

В лесу заухала сова, отчего ночная тьма как будто сразу сгустилась. Или это был филин? Марк ничего не понимал в хищных птицах, но знал, что они умеют вести охоту, оставаясь невидимыми. Тут же ему на ум пришла мысль о Гран-Дюке.

Марк включил фонарик и повел лучом света по деревьям. Листья, листья — и ничего больше.

— Где ты прячешься? — вслух спросил он.

Эхо его голоса затихло в ветвях.

— Думаешь, тебя не найти? Думаешь, темнота тебя защитит? И давно ты сидишь на этой горе, все что-то высматриваешь, за кем-то шпионишь? Помнишь, много лет назад в твоём царстве упала с неба большая железная птица? Ты в то время уже был здесь? Ты видел Жоржа Пеллетье? Видел, как он копал могилу? Видел у него в руках золотой детский браслет? А годы спустя здесь появился Гран-Дюк, не так ли? И разрыл могилу? Что именно ты видел?

Ответом ему было почти веселое уханье.

— Смеешься надо мной? Считаешь, что у меня нет шансов? Заметь, я с тобой не спорю. И все-таки... Вот представь себе... Моей дочери двенадцать лет. Мы с ней взяли палатку и отправились в поход. Наступила ночь. Мы сидим и смотрим на звезды. «Понимаешь, милая, — говорю я, — в тот вечер я здорово струсил. Я был в горах. В душе у меня царил мрак. Но главное, я должен был до утра, до десяти часов, найти выход. Твоя мать была далеко, на другом краю света. Она спала. Понимаешь, моя хорошая, еще бы чуть-чуть — и случилось непоправимое. Ты бы никогда не увидела звезд. Я никогда не услышал бы, как ты смеешься. Никогда не сжал бы в своей руке твои тонкие пальчики. Папа спас тебя в последний момент. В тот вечер он проявил чудеса изобретательности...»

Свет фонаря снова пробежался по густым веткам. От них оторвалась и взлетела черная тень. Филин. Или другая ночная птица...

— Ты совершенно прав, я несу чепуху.

Марк вернулся в хижину. Он замерз. Влез в спальник и вытянулся рядом с Мальвиной. Он лежал на спине и через дыры в кровле смотрел на небо, словно вглядывался в бесконечность. «Думай, — приказал он себе. — Терзай свой мозг вопросами до тех пор, пока подсознание или память, или логика не подскажут тебе правильный ответ. Пока не получишь ключ к

отгадке. У тебя осталось всего несколько часов. Используй из них каждую минуту».

Мальвина во сне вздрагивала и металась, без конца переворачиваясь с боку на бок, и время от времени издавала что-то похожее на стоны. Она постепенно все ближе придвигалась к Марку, инстинктивно притягиваемая теплом человеческого тела. «Интересно, она когда-нибудь спала с мужчиной? Или хотя бы рядом с мужчиной?»

Полночь, должно быть, давно миновала. Всю прошлую ночь Марк не сомкнул глаз. Он и сам не заметил, как погрузился в сон.

Слишком вымотался.

Он проспал три часа.

Его разбудил крик Мальвины. Безумный крик. Марк встрепенулся. Мальвина стояла посреди хижины. Ее трясло. Спутанные волосы свисали у нее с лица длинными прядями, делая ее похожей на испуганную ведьму. Из-под свитера, который она не стала снимать на ночь, торчали тощие ноги. Она нервно переминалась на месте, словно ступала по горящим углям.

— Что? — хрипло пробормотал Марк. — Что случилось?

— Ничего, ничего. Не беспокойся. Все в порядке. Я привыкла.

Она снова забралась в спальный мешок. Марк с тревогой смотрел на нее.

— Говорю тебе, все нормально!

— Точно?

— Точно! Спи давай! Я тебя в няньки не нанимала! И мне не мешай! Спи!

— Не уверен, что теперь засну...

— Пососи палец! И не ври, что лично тебе никогда не снились кошмары! Все равно не поверю. Все. Отвали.

Мальвина повернулась к Марку спиной. Ее спальник касался его спальника. Странная близость. Марк лежал с открытыми глазами. Сон не шел.

Он посмотрел на часы. Четыре утра. Сейчас или никогда. Он обязан предпринять хоть что-то. Немедленно. Потом будет поздно.

Мальвина снова уснула.

«Но что предпринять?» Марк всматривался в ночную тьму. Звезды появлялись и исчезали — наверное, ветер с гор гнал по небу невидимые облака. И ни одной падающей звезды, чтобы загадать желание. Или этот мерцающий свет — от самолета, совершающего ночной полет? Поди разбери...

«Так что же делать?»

Мысли Марка неотступно крутились вокруг последней страницы светло-зеленой тетради и несостоявшегося самоубийства детектива.

«Неужели Гран-Дюк просто блефовал?»

Или в тот вечер, поставив последнюю точку в своих записях и отложив в сторону ручку, он действительно совершил некое важное открытие? Без пяти минут двенадцать. Что за новый факт, не нашедший отражения в дневнике, оказался в его распоряжении? — Марк напряг память. — Что вчера в поезде говорила Мальвина?» Марк сосредоточился. Облака только что закрыли от него Большую Медведицу — единственное знакомое ему созвездие. Он словно наяву слышал голос Мальвины:

«Кредюль Гран-Дюк позвонил моей бабушке. Позавчера. Он сказал, что обнаружил нечто важное. Возможно, ключ к разгадке всей этой истории. Это случилось ровно за пять минут до того, как истек срок его контракта. Он сказал, что сидел над номером газеты „Эст републикен“ от двадцать третьего декабря восьмидесятого года и собирался пустить себе пулю в лоб. Ему нужен день или два, добавил он, чтобы все проверить и собрать доказательства, но дело представлялось ему ясным. Он раскрыл тайну. Кроме того, ему требовались дополнительные сто пятьдесят тысяч франков...»

Марк снова и снова прокручивал в голове эти слова. «Если Гран-Дюк не лгал и на самом деле собирался свести счеты с жизнью, озарение пришло к нему в тот самый миг, когда он, сидя у себя в кабинете дома на улице Бют-о-Кай, напротив камина, в котором догорал весь его архив, подносил к виску заряженный револьвер. Накануне утром Марк обыскал этот кабинет и ничего не нашел. Как и Мальвина. Впрочем, одна находка их там поджидала — труп с обгорелым лицом. Нет, не то. Что он упустил?» Марк попытался представить себе сцену самоубийства Кредюля Гран-Дюка. «Ствол у виска. Газета на столе. Почему Гран-Дюк отказался от своего намерения? Что он услышал? Что увидел?

Прочитал?»

Догадка вспыхнула сама собой. «Эст републикен» от 23 декабря 1980 года! Ну конечно! Последним, на что смотрел Гран-Дюк перед своей предполагаемой смертью, был старый номер газеты.

А что, если ключ к решению загадки таился в этой самой газете? В статье, напечатанной восемнадцатью годами раньше? Почему бы и нет? И вообще, все равно других идей у Марка в данный момент не имелось. А это если не ниточка, то хотя бы конкретная цель.

Марк бесшумно, чтобы не разбудить Мальвину, поднялся. Девушка спала все так же беспокойно, вздрагивая и время от времени вскрикивая. Марк покидал в рюкзак свои вещи, достал из кармана одну из вырванных страниц дневника и написал на обороте:

«Ушел за круассанами.

Марк».

Положил записку на пол, поближе к голове Мальвины. Путеводитель оставил ей, забрав себе карту. В последний раз посмотрел на тщедушное тельце, закутанное в слишком большой серо-голубой спальный мешок. «Ничего, Мальвина выберется отсюда самостоятельно».

Солнце еще не встало, но из-за горного хребта уже пробивались первые рассветные лучи. Одна за другой гасли звезды. Заря последнего дня. Марк подумал о Лили в белой больничной палате.

И пошел по тропе вниз.

4 октября 1998 г., 6.05.

Шесть часов утра. Гран-Дюк потянулся. Он сидел в «ксантии», припаркованной на грунтовой дороге на выезде из Данмари. В колеях от колес пробивались пучки травы. В нескольких десятках метров выше располагалось шале Мелани Бельвуар. Вернее, Мелани Люизан. Так ее теперь звали.

Место для засады он выбрал просто идеальное. Отсюда ему были отлично видны все машины, направлявшие от Данмари. При этом сам он оставался невидимым. Азы сыщицкого ремесла. Гран-Дюку пришло на ум, что уже долгие годы он лишал себя удовольствия посидеть в засаде. Ему вспомнилась молодость. Как раз перед тем, как он подписал договор с Карвилями, ему приходилось ночи напролет выслеживать подозреваемых в Ницце и на баскском побережье. Принадлежавшая Назыму «ксантия» комфортом не намного превосходила кошмарные тачки, в которых он вынужден был разъезжать тогда.

Кредюль Гран-Дюк достал из бардачка термос с кофе. Налил себе в пластиковый стаканчик. Пригубил и сморщился, обжегшись.

Времени у него было полно. Мелани Бельвуар вернется не раньше девяти утра. Она работала ночной медсестрой в медицинском центре Бельфор-Монбельяра. Кредюль Гран-Дюк застал ее перед тем, как она заступила на дежурство, и долго разговаривал с ней по телефону. Беседу он, разумеется, записал на магнитофон. Учитывая, сколько времени он потратил на ее поиски, это была вполне разумная мера предосторожности. Большую часть оставшегося вечера он провел в заведении Моники Женевэ за ноутбуком, расшифровал разговор с Мелани и распечатал файл в одном экземпляре.

Гран-Дюк покосился на пассажирское сиденье. Вот он, этот экземпляр, убранный в конверт. Достаточно получить подпись Мелани Бельвуар-Люизан — и дело в шляпе.

Гран-Дюк отпил еще немного кофе. Отвратительный вкус. Напиток отдавал пластиком.

«Интересно, сколько Карвили выложат за содержимое этого конверта? Состояние. Целое состояние. Во всяком случае, не меньше, чем сумму его зарплаты за 18 лет...»

Никаких угрызений совести Гран-Дюк не испытывал. Карвили заплатят как миленькие. Почему бы им не заплатить? При их-то богатстве? Во сколько они оценят муки совести? В бочку банкнот? Даже если она будет весьма близко напоминать бочку Данаид...

Он закусил губу. Кофе все никак не остывал. Кажется, он все-таки обжегся. Или эта боль иной природы? Да, вроде бы кольнуло сердце... Он мог бы разделить эту кучу денег на две части. Если бы Назым согласился. Пусть не на равные части, но все же. Он отвалил бы ему столько, что им с Аилей вполне хватило бы на покупку дома в Турции. Но Назым отказался. Наотрез. «Дело закрыто», — сказал он. И добавил, что Карвили и так заплатили достаточно. По его мнению. Кредюль Гран-Дюк сознавал, что не должен был кричать на Назыма. Назым был отличным парнем. Только немножко нервным.

«Я пойду в полицию, Кредуль, — сказал он. — Если ты не оставишь меня в покое, клянусь, я это сделаю. Мне уже давно перестала нравиться вся эта история».

«Что это значит — тебе перестала нравиться эта история? Что ты имеешь в виду?»

Кредюль Гран-Дюк испугался. Назым редко открывал рот, если ему было нечего сказать. Гран-Дюк потребовал от него объяснений. Гарантий. И тут все пошло наперекосяк. Назым первым обнажил оружие. Кредюль Гран-Дюк просто оказался быстрее. Убивать Назыма ни в коем случае не входило в его планы; все остальное стало лишь следствием случившегося. Назым упал, ударившись головой о каминную решетку. Это подсказало ему, что делать дальше. Он слегка подвинул тело Назыма, чтобы его лицо оказалось в камине. Потом вытащил его назад, сбрил недообгоревшие усы, снял с трупа одежду, обувь и часы и поменял на свои собственные. Ему требовалось выиграть время — вдруг Лили или Марку взбредет в голову идея сунуть сюда свой любопытный нос. Убивать Аилю он тем более не собирался, но она не оставила ему выбора. Гран-Дюк достаточно хорошо изучил эту женщину, чтобы понимать: она побежит в полицию. Назым хоть и не был соучастником убийства Пьера Витраля, но знал, как и с чьей помощью дед Марка отправился на тот свет. И можно не сомневаться: этот кретин обо всем растрепал своей женошке. Гран-Дюк не виноват, что у некоторых язык без костей. Накануне Аиля ему звонила. Оставляла панические сообщения. Пришлось возвращаться в Париж. Пять часов за рулем. Он проследил за ней от самой лавки на бульваре Распай. Вел ее до Бют-о-Кай, потом — до Куврэ. Когда она спряталась в лесу, он понял: другой такой возможности ему больше не представится. Потом он снова

помчался в горы. Ехал по автомагистрали А39, выжимая 180 километров в час. Торопился, чтобы не упустить почтальона. И поставить наконец точку в этом деле.

Гран-Дюк с усилием влил в себя содержимое стаканчика. Снова сморщился.

Назым Озан. Аиля Озан.

Его единственные друзья. И он убил обоих.

Что за жестокая насмешка судьбы!

Но ничего. Карвили за все ему заплатят.

Он этого не хотел. Он ничего не планировал. Все случилось само собой. Долгая череда совпадений — и вот результат.

Ему достается утешительный приз.

Мелани Бельвуар.

Гость, которого не ждали.

Кредюль Гран-Дюк бросил взгляд на зеленый циферблат часов «ксантии».

6.15.

Время еще есть. Он действует с опережением.

Он опережает всех.

4 октября 1998 г., 6.29.

Марк припарковал «ситроен» на стоянке в центре Монбельяра, в полусотне метров от здания редакции «Эст републикен». Спуск с горы Мон-Террибль занял у него примерно полтора часа. Грузовик спокойно дожидался его возле здания дирекции. Еще сорок пять минут ушло на дорогу до Монбельяра. Адрес редакции «Эст републикен» ему сообщил официант первого же открытого кафе. Площадь Жюля Вьетта, дом 12.

Но редакция оказалась закрыта! Разумеется. В такую-то рань.

Он подошел поближе. До десяти утра, когда Лили заберут на операцию, оставалось меньше четырех часов. Но Марк все еще цеплялся за надежду узнать правду.

Окна были забраны металлическими шторами, так что разглядеть, что творится внутри, не было ни малейшей возможности. Марк осмотрелся по сторонам. На парковке стояли три фургона с логотипом «Эст републикен» на бортах. «Ну конечно! Газеты развозят по киоскам рано утром. Значит, не все еще потеряно».

Марк быстро шагнул на тротуар, прошел бульваром Кювье и свернул в тупик Мориса Делорена. Там творилась деловитая суета. Поперек улицы стоял грузовик, в который трое рабочих грузили запечатанные в целлофан пачки газет. Включенное на полную мощность радио шутливым голосом диктора местной станции знакомило слушателей с гороскопом.

— Добрый день! — поздоровался Марк. — А что, редакция еще закрыта?

Он прикусил язык. Глупее вопроса не придумаешь. Один из рабочих смерил его взглядом и, не выпуская изо рта сигареты, ответил:

— Считай, повезло тебе. Через пять минут открываю приемную.

Марка захлестнула волна надежды. Рабочий тем временем продолжил:

— Вот только юбочку надену — и я в твоём распоряжении!

Двое остальных заржали. Выражение надежды на лице Марка сменилось отчаянием.

— Приходи через три часа, парень. А сейчас не мешай, видишь, люди делом заняты...

Марк подошел к рабочему. Тот не был великаном, но все же возвышался над Марком на полторы головы.

— Я не могу ждать, месье, — как можно вежливее произнес Марк. — Я очень прошу вас помочь мне. Не может ли кто-нибудь открыть редакцию? Мне срочно нужно получить одну справку...

— Да пусть к заместительнице обратится, — произнес еще один голос, раздавшийся из глубины складского помещения.

Трое рабочих снова захохотали. Только Марку было не до смеха.

— Ну, смотри, парень. Если не боишься...

И рабочий нажал кнопку домофона.

— Мадам Монтегю? Тут вас спрашивают... Ага, на заднем дворе.

Через несколько минут появилась упомянутая мадам Монтегю. «Заместительница» оказалась невысокой элегантной женщиной, одетой в строгий костюм: осиная талия, юбка до колен, загорелые ноги в красных босоножках. Привлекательность ее заметно портило слишком суровое лицо, свидетельствовавшее о многочисленных жертвах, принесенных на алтарь профессиональной карьеры. На носу у нее сидели маленькие очки; в одной руке она держала кипу длинных листов, в другой — шариковую ручку. Заместительница главного редактора...

— Что вам угодно? — строго спросила она.

Марк судорожно соображал, что ей ответить. Какую историю выдумать, чтобы строгая мадам Монтегю согласилась открыть ему архив в семь часов утра? «А может, просто вытащить маузер и приставить ей к виску? Бред...»

— Так что вам здесь нужно? — недовольно повторила мадам Монтегю и поверх очков покосилась на часы.

Марка охватила паника.

— Э-э... Понимаете... Я... Мне необходимо посмотреть старый номер газеты «Эст републикен». Очень старый. Я точно знаю, какой. Это номер от двадцать третьего декабря восьмидесятого года...

На лице заместительницы мелькнула улыбка:

— Судя по вашему виду, нетрудно поверить, что дело у вас срочное.

— Это еще мягко сказано.

— Понятно, понятно. Но, сколь бы ни велика была срочность, вы, очевидно, можете дождаться открытия редакции. Возвращайтесь к девяти часам.

Трое рабочих, грузивших газетные пачки, ловили каждое слово из их разговора. Монтегю уже развернулась на высоких тонких каблуках, собираясь уходить.

— Нет! — закричал Марк.

Женщина остановилась, всем своим видом выражая недовольство. Марк бросился к ней.

— Послушайте! Моя жена ждет ребенка. Нашего ребенка. Через два часа ей должны сделать аборт, потому что она сомневается в своем происхождении. У меня есть серьезные основания предполагать, что решающее доказательство того, кто она такая, содержится в этом номере газеты.

Заместительница главного редактора Монтегю вытаращила глаза. Трое рабочих забыли о своих газетных пачках. Монтегю прожгла их взглядом, и они поспешно вернулись к работе. Затем она посмотрела на Марка.

— Вы хотите помешать вашей жене сделать аборт? То есть вы действительно считаете, что...

— Черт бы вас побрал! — не выдержал Марк. — Избавьте меня от своих дурацких феминистских лозунгов! Я просто хочу увидеть номер газеты. Разве я много у вас прошу? Дайте мне шанс!

По меньшей мере, ему удалось пробить брешь в самоуверенности заместительницы.

— Помните про авиакатастрофу на горе Мон-Террибль? — продолжил Марк.

Монтегю отрицательно покачала головой. «Ну конечно, — сообразил Марк, — ей в то время было лет десять...» Но он не собирался сдаваться так просто.

— «Эст републикен» был единственной газетой, уже на следующий день опубликовавшей фотографию девочки, чудом спасшейся после крушения самолета. Они назвали ее Стрекозкой. Это она и есть. И мне нужен именно тот номер.

Заместительница явно пребывала в замешательстве, что ей совсем не нравилось. В школе менеджмента ей объясняли, что ни в коем случае не следует принимать решение, не имея на руках достаточно информации и не составив себе четкого представления о сути дела.

— Марсель! — обратилась она к одному из грузчиков. — Вы работаете в издательстве уже сорок лет. Вы помните что-нибудь про крушение самолета на горе Мон-Террибль?

Означенный Марсель только и ждал подобного вопроса. Он вынул изо рта сигарету и щелчком отправил окурочок в полет.

— Еще бы, мадам. Самая знаменитая катастрофа в нашей области. Это было под Рождество восьмидесятого года. Почти две сотни жертв. Еще бы мне не помнить.

— И наша газета писала об этом?

— Еще бы она не писала! Первой напечатала материал, прямо наутро. А главное, мы первые написали, что погибли не все пассажиры. Там спасся грудной ребенок. Девочка, совсем крошка. Потом уже ее по всем телеканалам показывали. А у нас еще несколько месяцев публиковали хронику расследования. Не буду вдаваться в подробности, но...

— А как ее звали, эту девочку, вы не помните? — спросила Монтегю.

— Помню. Такое нескоро забудешь. Эмили Витраль ее звали. Она из Нормандии была.

Монтегю повернулась к Марку.

— А вас как зовут?

— Марк Витраль.

— И вы ее муж?

Марк чуть поколебался.

— Да... Вернее, нет... Понимаете, это трудно объяснить...

Она не стала настаивать.

— В котором часу ваша жена идет на операцию?

— В десять утра.

— Здесь?

— Нет, в Париже.

— Безумная история. Впервые сталкиваюсь с подобным.

— Дело срочное. Мне просто нужно посмотреть газету. Если мне удастся спасти ребенка, обещаю, я приглашу вас в крестные матери!

Заместительница весело рассмеялась:

— О нет, только не это! Я терпеть не могу детей!

Наконец она решительно махнула рукой.

— Ладно. Пошли!

Монтегю усадила его в подвале, в просторном помещении без единого окна, служившем редакционным архивом. Вдоль некрашенных, в голой штукатурке, стен тянулись неоновые лампы, заливавшие комнату белесым светом. Система архивации оказалась простой и ясной. В больших деревянных шкафах хранились номера «Эст републикен», разложенные по годам и триместрам.

Марк выдвинул ящик с этикеткой «1980. Сентябрь-декабрь». Номер от 23 декабря, как и следовало ожидать, нашелся почти в самом низу пачки. Марк достал газету и отошел с ней к столу в центре комнаты.

Почти всю первую полосу занимала цветная фотография — искореженный корпус самолета на фоне объятых пламенем деревьев. Жуткое зрелище. Казалось, стихии снега, огня и железа объединились

против хрупких человеческих жизней. Рядом помещалась еще одна фотография, поменьше, выглядевшая более оптимистично. На ней пожарный стоял перед дверями больницы Бельфор-Монтельяра с грудным ребенком на руках. Лили. Лаконичный текст под снимком гласил:

«В ночь с 22 на 23 декабря 1980 года на склонах Мон-Террибль, на франко-швейцарской границе, потерпел крушение аэробус 5403 „Стамбул — Париж“. 168 из 169 пассажиров и члены экипажа погибли в результате столкновения и вспыхнувшего затем пожара. Чудом спасся лишь трехмесячный ребенок, которого выбросило из самолета до того, как его охватил огонь».

Вот и все.

Марк долго рассматривал фотографии. Изучал лица спасателей на заднем плане и форму самолета, рассмотрел каждое дерево, каждый след на снегу. Несколько раз перечитал короткую заметку.

Ничего. Он не узнал ничего нового.

Ложный след. Он привел в тупик. В который раз. И теперь уже — окончательно.

Марк обхватил руками голову, выпрямил спину и уставился на белую стену.

Затем его взгляд снова скользнул на газетную страницу. Помимо главной новости, здесь имелись и другие сообщения, впрочем, немногочисленные. Футбольный клуб «Сошо» выиграл матч у команды Анжера со счетом 3:1. Работники фабрики по производству очков из города Морэ в Верхней Юра вышли на манифестацию. Во всех коммунах области начались предрождественские празднества.

В самом низу страницы помещалось крохотное объявление в рамке. Всего десять слов.

«Пропала Мелани Бельвуар, 18 лет. Девушка исчезла 3 недели назад».

Под рамкой с объявлением была напечатана небольшая — три на два сантиметра — цветная фотография.

У Марка закружилась голова. Нет, невозможно. Это какой-то трюк.

Фальшивка.

С фотографии восемнадцатилетней Мелани Бельвуар на него смотрело лицо Лили.

Речь не шла просто о внешнем сходстве. Ничего подобного. Это была она. Тот же взгляд синих глаз, та же форма скул, та же улыбка, та же ямочка на подбородке. Только прическа немного отличалась. У Лили волосы были чуть короче.

У Марка было полное ощущение, что в газете восемнадцатилетней давности напечатали ту же фотографию, что Лили делала для студенческого билета. Ту же, что была у нее на проездном. Ту же, что Марк носил у себя в бумажнике.

«Бред!»

На одной и той же странице газетного номера от 23 декабря 1980 года были напечатаны сразу две фотографии Лили. На первой ее, трехмесячную, держал на руках пожарный, стоящий на пороге больницы. На второй она, 18-летняя красавица, улыбалась в объектив. Именно такой Марк в последний раз видел ее 2 октября 1998 года...

Может быть, он сходит с ума?

Может быть, это сон? Сейчас он проснется, и окажется, что рядом мирно спит Лили.

Или?

Или он очнется в хижине на вершине Мон-Террибль, возле Мальвины?

4 октября 1998 г., 7.12.

Сквозь дыры в кровле проникли солнечные лучи, расчертив хижину подобием лазерной решетки из детективного фильма про ограбление банка. Один из лучей коснулся лица Мальвины. Она еще немного понежилась, ощущая щекой приятное тепло, затем несколько раз повернулась с боку на бок и наконец открыла глаза.

Машинальным жестом протянула руку в сторону, туда, где по идее спал в своем спальнике Марк.

Рука наткнулась на пустоту.

Никого.

Ни спальника. Ни Марка.

Только листок бумаги.

«Ушел за круассанами.

Марк».

«Мерзавец! Он еще и шутит!»

Листок лежал на путеводителе. Послание звучало яснее некуда. Выпутывайся сама как знаешь!

Мальвина выругалась сквозь зубы и рывком вскочила. Идиотка! Как она могла поверить Витралю? Кретинка! Сиди тут теперь одна, на вершине этой чертовой горы, с бесполезным мобильником — сеть-то не ловится! Она дала себя провести. Лоханулась, как последняя дура! Что же делать? Ясно, что: спускаться.

Мальвина бросила барахло — спальный мешок, фонарик, остатки вчерашнего убогого ужина — в хижине и поплелась по тропке вниз. Она шагала, низко опустив голову и даже ни разу не взглянув на швейцарские горы, в рассветных лучах солнца выглядевшие величественно, как Гималаи.

Примерно час спустя она вышла к дирекции Природного парка. По детской площадке носилась ребятня. Родители, готовясь к прогулке, старательно шнуровали горные ботинки. «Ситроен» с парковки исчез. Разумеется! Этот гаденыш Витраль действительно ее бросил!

Мальвина на всякий случай проверила мобильник. О чудо, сеть

ловилась! Значит, есть надежда выбраться из этой дыры. На экране засветился желтый конвертик — значит, на автоответчик пришло сообщение. Кто-то пытался с ней связаться. Кто же? Наверняка бабушка. Матильда. Кто же еще? Мальвина нажала кнопку телефона и чуть не вскрикнула от удивления. Сообщение пришло с незнакомого номера.

От Марка Витраля? Или от Кредюля Гран-Дюка?

Мальвина поднесла мобильник к уху.

«Мальвина! Это Рашель. Рашель де Карвиль, твоя двоюродная бабушка...»

Рашель? Сестра ее бабки, наследница парфюмерной империи «Элитис» в Ла-Боле. Что ей надо? Они не виделись уже лет десять.

«Мальвина, детка. Перезвони мне как можно скорее. В Куврэ, в „Розарии“, ужасное несчастье. Господи, девочка моя. Твои дедушка с бабушкой... Их больше нет. Их нашли сегодня утром. Они не дышали. Оба. Бедная моя малютка...»

Мальвина закрыла телефон. Рука ее бессильно упала вниз, словно весила целую тонну. Она долго стояла не двигаясь и смотрела на темную громаду леса. Она не слышала никаких звуков, внезапно окутанная ватным коконом тишины. Затем она медленно потянулась к своей сумке. «Хватит размышлять. Плакать и молиться не время. Надо действовать. Она обязана отомстить. Собрать в кулак все силы и нанести удар. Точный и беспощадный. По одному конкретному объекту».

Ее пальцы сжали рукоятку маузера. «Витраль уверен, что перехитрил ее. Как бы не так! Не успел он заснуть, как она вытащила у него пистолет. А как она отвлекла его внимание, когда сыграла несчастную дурочку, разбуженную посреди ночи страшным сном! А он и поверил! Как бы там ни было, Марк Витраль, этот лопух, все равно не сумел бы пустить в ход оружие.

Зато она сумеет».

4 октября 1998 г., 7.19.

— Алло! Дженнифер?

Марк по-прежнему сидел в помещении архива «Эст републикен». Его приятельница по «Франс Телекому» дежурила все выходные. Марк не собирался упускать из рук этот козырь, тем более что других у него не было.

— Дженнифер! Это Марк. У меня к тебе просьба. Огромная просьба...

— Для тебя — все что угодно. Сам знаешь.

— Мне нужен номер телефона и адрес. Имя — Мелани Бельвуар. Диктую по буквам: Б-Е-Л-Ь-В-У-А-Р.

— А где примерно искать?

— Сначала попробуй посмотреть в департаментах Юра и Ду. Потом по всему Франш-Конте. Потом по всей Франции...

— Уже ищу!

До Марка донесся приглушенный стрекот — Дженнифер молотила пальчиками по клавишам компьютера. Марк продолжал смотреть на фотографию девушки на странице номера «Эст републикен» 1980 года. Поразительное сходство! Кто она такая — эта Мелани Бельвуар? Должно же найтись какое-то рациональное объяснение...

— Марк! — послышался голос Дженнифер. — Плохие новости. Я все проверила — нет никакой Мелани Бельвуар. Ни в департаменте Юра, ни в остальной части Франции.

— Может, она включена в закрытый список?

— Да нет, его я тоже проверила.

— Проклятье. А другие Бельвуары во Франции есть?

— Подожди.

Снова стрекот клавиш.

— Вот. Триста сорок восемь человек.

— Сколько из них живет в департаменте Юра?

— Сейчас скажу. Ага... Двадцать три человека. Но среди них ни одной Мелани.

— Черт. Она могла сменить фамилию.

— Да кто она такая, эта Мелани?

— Долго объяснять. Слишком невероятная история. Но главное, у

меня совсем нет времени... Слушай, Дженнифер, а ты не можешь посмотреть списки лиц, отказавшихся от номера телефона? Поищи, нет ли среди них Мелани Бельвуар.

— А как это сделать?

— Зайди в архив. Сделай официальный запрос, чтобы получить доступ к базе данных. Потом посмотри, нет ли в числе тех, кто отказался от номера за последние пятнадцать лет, абонента по имени Мелани Бельвуар. Раньше искать нет смысла — данные не оцифрованы.

— Марк, ты серьезно? Ты же знаешь, что мы не имеем права отправлять официальные запросы. За это и уволить могут...

— Да брось ты! Я сам раз десять такие запросы отправлял. Дженнифер, я тебя умоляю. Дело не терпит отлагательства!

— Ну вот что, милый, предупреждаю. Тебе это обойдется в ужин в шикарном ресторане. На двоих. И чтобы ресторан был с мишленовской звездой.

— Не вопрос! Ищи скорее, не тяни!

Снова раздался стук компьютерных клавиш.

— Дженнифер, послушай... Дело в том, что у меня есть невеста. Может, ты согласишься обменять ужин в ресторане на право стать крестной матерью ребенку, в спасении жизни которого ты в данный момент принимаешь участие?

Дженнифер возмущенно фыркнула:

— Еще чего! Нужен мне больно твой засранец! Ресторан будет с двумя мишленовскими звездами. Как минимум! Записывай. Нашла я твою Мелани. Она действительно отказалась от номера телефона пять лет назад. Двадцать третьего января девяносто третьего года. В то время она проживала по адресу: Бельфор, улица Конт-де-ла-Сюз, дом номер шестьдесят пять. Куда девалась после этого, неизвестно.

— Дженнифер, проверь заявления о переадресации звонков.

— Чего-чего?

— Переадресацию звонков! Чаще всего клиенты отказываются от номера, если переезжают на новое место. И просят в течение нескольких месяцев перенаправлять им телефонные звонки на новый номер. Эти данные есть в архиве. Еще один официальный запрос, только и всего.

— Ты псих. Три звезды. И шампанское без ограничений.

— Согласен. Плюс венгерский струнный квартет. И антикварная мебель. Я на все согласен!

— Именно. Квартет и мебель.

Марк вслушивался в молчание трубки. Секунды текли мучительно

медленно.

— Ты угадал, — раздался наконец голос Дженнифер. — Твоя Мелани Бельвуар действительно написала заявление с просьбой переадресовывать ее телефонные звонки на номер некоего Лорана Люизана. Сейчас, тут и адрес есть. Ага. Город Данмари. Это в департаменте Ду. Шоссе Виллар, дом номер четыреста пятьдесят шесть. Ты в курсе, что я только что сообщила тебе абсолютно конфиденциальную информацию? Можешь сказать, чего тебе надо от этой самой Мелани? Она что, твоя бывшая девушка? Она как-то связана со списком телефонных номеров больниц, которые я тебе пересылала позавчера?

Марк торопливо записал адрес на первом, что попало под руку, — газетной странице «Эст републикен».

— Ты — просто супер. В ресторан обязательно пойдем. Кстати, может, еще передумаешь насчет крестин? Да, вот еще что. Будь умницей, окажи мне еще одну услугу. Ты в интернете?

— Само собой, — вздохнула Дженнифер.

— Загрузи карту и найди мне кратчайший маршрут до шоссе Виллар, дома номер четыреста пятьдесят шесть.

— Блин, ну ты и нахал. Объяснить тебе, куда ты должен пойти со своими крестинами?

Оранжево-красный фургон медленно тащился по шоссе департаментского значения номер 34. После Монбельяра дорога шла в гору до самой швейцарской границы, до которой оставалось не больше десяти километров. Марк беспрестанно давил на педаль газа, но «ситроен» слабо реагировал на посылаемые ему сигналы. Окружающий пейзаж постепенно менялся. Исчезли городские постройки. Дорога сделала петлю, огибая водный поток, а затем опять поползла в гору. Даже деревушки встречались все реже. О человеческом присутствии теперь говорили только далеко отстоящие друг от друга разрозненные шале.

Еще один поворот — и перед Марком открылся вид на деревню Данмари. Судя по указаниям Дженнифер, дом Мелани Бельвуар-Люизан располагался на его крайней оконечности, еще выше, непосредственно у подножия гор и возле самой швейцарской границы. «Ситроен» катил по безлюдному поселку. На часах было восемь утра. Как Марк ни приглядывался, не заметил ни булочной, ни открытого кафе.

Последний поворот, и деревня осталась позади.

Марк резко затормозил. Затем дал задний ход и в результате немислимого по сложности маневра припарковал «ситроен» возле

тротуара.

Ну уж нет! Он не намерен отправляться прямо волку в пасть! Гран-Дюк наверняка уже вышел на след Мелани Бельвуар. А за годы знакомства с семейством Витралей детектив отлично узнал, как выглядит их оранжево-красный грузовик. Так что он сразу его заметит. Громче заявить о своем присутствии Марк мог бы, лишь вооружившись боевой трубой.

На улице было свежо. Марк шел довольно быстро, стараясь держаться за росшим по обочинам дороги кустарником. После третьего поворота он обнаружил «ксантию». Машина стояла чуть в стороне от проезжей части. Немногим дальше располагалось одинокое шале — по всей видимости, это и был дом Мелани Бельвуар. Марк продолжал идти по мокрой от росы траве, надежно укрытый кустами. Кто бы ни находился в машине, засечь Марка он не мог — даже в зеркало заднего вида.

Кредюль Гран-Дюк спокойно сидел в машине с пластиковым стаканчиком в руке. Марк подбирался к нему все ближе. В крайнем случае он был готов воспользоваться отобраным у Мальвины пистолетом, но только в крайнем случае. В действительности у него созрел другой план. Кредюлю Гран-Дюку примерно шестьдесят пять лет, Марку — двадцать. К тому же он неплохо играл в регби. Пожалуй, чтобы поговорить с детективом как мужчина с женщиной, оружие ему не понадобится.

Кредюль Гран-Дюк не успел ничего сообразить, когда дверца «ксантии» распахнулась. Чья-то рука схватила его за плечо и сильно дернула. Сыщик полетел на землю. Он не мог рассмотреть нападавшего, а тот нанес ему весьма чувствительный удар ногой под ребра. Гран-Дюк скорчился от боли. Второй удар пришелся ему в копчик.

— Черт! — завопил детектив.

Его крик потерялся в бескрайнем безмолвии пустынного пейзажа. Третий удар — в поясницу — заставил его перекатиться на спину. Над ним нависла устрашающая тень.

Марк Витраль.

«Но как? Как он догадался? Как сумел его разыскать? Да еще так скоро?»

— Марк... — прохрипел Гран-Дюк. — Откуда ты...

Детектив закашлялся, сплюнул в придорожную пыль струйку крови и попытался подняться. Марк поставил ногу ему на грудь.

— Не двигайся. Или раздавлю как таракана.

— Марк! Что ты...

— Заткнись. Твое вранье меня больше не интересует. Я и так уже два

дня только тем и занимаюсь, что копаюсь в твоих выдумках. Я все знаю про твою жизнь и твои душевные страдания. Тьфу!

Марк еще раз пнул ногой лежащего Гран-Дюка. Детектив скривился. Ему было трудно дышать.

— Я не собираюсь играть с тобой в кошки-мышки, — медленно произнес Марк. — Игры закончились. Ты помнишь, как мы с тобой когда-то вместе смотрели футбол? Я сидел у тебя на коленях. Я сидел на коленях у человека, убившего моего деда. Ты бы и бабушку убил, да вот не получилось.

— Марк, все это совсем не...

Марк перенес ногу чуть выше, с груди детектива на его лицо, придавив тому подошвой подбородок, нос и рот. Гран-Дюк застонал от боли. Марк снял ногу, и тот принялся отплевываться пылью и кровью.

— Мне некогда выслушивать твои отмазки. Тем более что я все равно не поверю ни одному твоему слову.

Детектив трудно, с присвистом, дышал.

— Как... Как ты узнал? Кто тебе рассказал? Карвили? Матильда? Мальвина?

— Сам догадался, представь себе. Я уже большой мальчик.

— Я не хотел... Честное слово, я не хотел. Я просто выполнял приказ. Мне очень жаль. Потом я больше никогда... Ни в чем... Ни разу не обманул...

Нога Марка переместилась на лопатку Гран-Дюка. Детектив перекатился на живот, потом снова на спину. Он протянул к Марку окровавленную руку.

— Не надо, Марк, прошу тебя. Не надо.

— Заткнись. Меня не интересуют страдания влюбленного палача. Я не для того сюда приехал. Меня интересует правда. Кто такая Лили?

На грязном лице Гран-Дюка в первый раз мелькнуло некое подобие улыбки.

— Так ты разве не понял? Или понял, но не все? Значит, я тебе еще нужен...

Марк снова угрожающе поднял ногу.

— Не уверен. Но даю тебе шанс меня переубедить.

— Как ты меня нашел? Да еще так быстро?

— Спешил потому что. Не тяни время. У меня его нет. Что это за хрень с тестами ДНК? И откуда в газете фотография Лили?

Улыбка Кредюля Гран-Дюка стала еще шире.

— Насчет твоего деда. Скажи, меня кто-то выдал или ты сам

догадался?

— Сам. Я же тебе уже сказал. Отвечай на мои вопросы!

Детектив получил еще один удар по ребрам. Он взвыл от боли и перекатился на бок. Марку хотелось истоптать его ногами. Он подошел ближе к поверженному Гран-Дюку. Тот поджал ноги к груди и ощупывал штанину. Марк мгновенно понял: ищет оружие.

«Не успеет», — подумал Марк и сунул руку в карман.

Пистолет исчез!

Марку вспомнились события нынешней ночи. Когда он проснулся от какого-то шума и обнаружил трясущуюся от страха Мальвину, якобы разбуженную кошмаром. Слишком поздно жалеть о собственной глупости...

Кредюль Гран-Дюк целился в него из матебы.

— Шустрый ты малый, Марк. Нет, серьезно, я впечатлен. Но ты чересчур поддаешься чувствам. Распространенный случай. А ведь у тебя на руках были все карты. Беспомощный, валяющийся на земле старик... И решение загадки — вон оно, на пассажирском сиденье «ксантии». Последняя глава моего знаменитого дневника. В этом конверте ответ на все вопросы. И я намерен их продать. Очень дорого продать. Подумать только, тебе было достаточно протянуть руку...

Кредюль Гран-Дюк, пошатываясь, поднялся. Из нижней губы у него сочилась кровь. Пиджак из шелка-сырца был перепачкан грязью и кровью. Детектив сделал шаг, привлекая правую ногу. Марк словно онемел. Добраться до цели и проиграть. До чего глупо.

— Ты неплохо меня отделал, паршивец. Драться ты умеешь. Обрати внимание, я не отрицаю, что заслужил подобное отношение. На твоём месте я поступил бы точно так же. Нет, пожалуй, хуже.

Сыщик еще немного прошел вперед, одной рукой поглаживая ушибленное плечо, а во второй держа нацеленный на Марка револьвер.

— Ты не оставляешь мне выбора, Марк. Понимаешь? Тебе единственному известна правда об убийстве твоего деда. Кроме заказчика, естественно, но старик Карвиль ни для кого не представляет угрозы. Мне страшно не хочется тебя убивать, Марк. Но ничего не поделаешь.

Марку наконец удалось разлепить губы. Он тихо сказал, указывая глазами на «ксантию»:

— Убивать Назыма Озана тебе, наверное, тоже страшно не хотелось? Но пришлось?

Детектив остановился, с трудом опираясь на раненую ногу.

— Жизнь порой преподносит неприятные сюрпризы, Марк. Трудно

плыть против течения. Еще труднее выбираться из-под водопада. Шесть дней назад я собирался пустить себе пулю в лоб. Я решил, что игра кончена. *Game over*. Еще бы пара минут, и... А сегодня я — победитель. Я выиграл эту партию. Хотя мне действительно пришлось убить двух самых дорогих мне людей — Назыма и Аилю Озанов. С тобой будет трое.

Марк дрожал всем телом. Ему было холодно. От детектива с револьвером его отделяли каких-нибудь три метра. «Наброситься на Гран-Дюка? Попытаться вышибить у него из рук оружие? Бесполезно. Не успеть». Тот застрелит его раньше, чем он сделает первый шаг. На узком горном шоссе по-прежнему не было ни души. Да их и не было видно с дороги.

— Марк, я все же хочу тебе кое-что объяснить. Мне заплатили сумасшедшие деньги за убийство стариков, замаскированное под несчастный случай. На моей совести немало трупов. Я служил наемником и убивал людей десятками за жалкую плату. Ничего общего с суммой, которую предложил мне Леонс де Карвиль. От таких предложений не отказываются. Разве мог я тогда предположить, что привяжусь к женщине, которая должна была умереть, но вопреки всему выжила?

Хоть бы он замолчал! Гран-Дюк рассуждал и действовал вполне логично. В том, что он делал, не было ни следа помешательства, на которое можно было бы списать его поступки. Неожиданно для самого себя — неужели он еще рассчитывал воздействовать на совесть этого человека? — Марк выпалил:

— Лили беременна. От меня. Через час она идет на аборт.

Револьвер не дрогнул в руке детектива.

— Этого следовало ожидать, Марк. Я не удивлен. Напрасно ты сюда явился. Ты взялся не за свое дело. Мог бы жить и радоваться вместе с Лили. Вы с ней — прекрасная пара. Были бы прекрасной парой. Лили, конечно, расстроится. Но ты не оставил мне выбора... Не будем тянуть, ладно?

Гран-Дюк направил револьвер Марку в сердце. Тот стоял, не в силах пошевелиться. Вот и все. Конец. Как ни странно, перед ним промелькнули счастливые картинки из прошлого: чемпионат мира по футболу 1986 года, пенальти Фернандеса, майка Дидье Сикса, ноты на пианино...

— Все это — ужасная цепь случайностей, Марк. Никто не виноват. Разве что Мелани Бельвуар. Но она тоже действовала из лучших побуждений.

«Двигайся, — приказал себе Марк. — Нырни ему под ноги...»

Кредюль Гран-Дюк разгадал его намерение и отступил на пару шагов,

крепче сжав револьвер.

— Люди всегда цепляются за жизнь, Марк. В том-то вся проблема. Никакой надежды уже нет, а они все цепляются. Карвили совершенно напрасно воевали с Витралями. Им нечего было делить. Все это — одно сплошное недоразумение. Как любая война. Думаю, сейчас ты уже понял, что произошло на самом деле. Они обе погибли на горе Мон-Террибль. И Эмили, и Лиза-Роза. Никто из пассажиров самолета не спасся. Мне очень жаль, что так вышло, Марк, ты уж мне поверь.

Гран-Дюк поднес палец к спусковому крючку.

Грохот выстрела разорвал тишину мирного утра. Должно быть, его эхо слышали даже в Швейцарии.

4 октября 1998 г., 8.14.

Гран-Дюк упал лицом на землю. Из спины у него бил фонтанчик ярко-красной крови.

Только теперь Марк увидел Мальвину. Она все еще сжимала в обеих руках маузер. Своим пронзительным голосом она сказала:

— Не думай, что я убила его, чтобы спасти тебе жизнь, Витраль! Просто я не выношу, когда врут, что Лиза-Роза умерла.

Она уронила пистолет на землю. Ее тело сотрясала крупная дрожь. На сей раз она не притворялась. Она выстрелила в человека. Она убила человека.

— Как?.. Как ты?..

Мальвина заговорила быстро и нервно, глотая слова:

— Я не глупее тебя. Я тоже подумала про газету. Мужик из заповедника, как его, Грегори Морэ, что ли, отвез меня на своем джипе в редакцию «Эст републикен». Ты сделал за меня всю работу. Номер от двадцать третьего декабря еще даже в шкаф не убрали. А на первой странице ты записал адрес Мелани Бельвуар. Я поймала такси. Попросила высадить меня внизу, на выезде из Данмари.

Мысли Марка беспорядочно метались. Что он должен делать? Сказать Мальвине спасибо? Обнять ее? Или, наоборот, не трогать и дать ей успокоиться? Он шагнул к ней.

— Не прикасайся ко мне! — заорала Мальвина.

И сломанной куклой, сотрясаясь в конвульсиях, упала на землю. Сквозь ее рыдания до Марка донеслись обрывочные слова:

— Бабуля... Дедуля... Вчера... В Париже... Оба... Их нет... Их больше нет...

Он отвернулся и открыл дверцу «ксантии». Гран-Дюк не солгал. На сиденье лежал белый конверт. Марк надорвал его и достал четыре распечатанные на принтере страницы. Марк подошел к Мальвине. Она так и не встала с земли и, согнувшись в позе зародыша, продолжала плакать. Марк присел рядом с ней. Тихо, но отчетливо начал читать вслух:

«Я все расскажу вам, месье Гран-Дюк. В конце концов, я не сделала ничего дурного. Мне не в чем себя упрекать. Раз уж вы меня разыскали,

придется во всем признаться. Я всегда думала, что рано или поздно такой день настанет. Видимо, он настал. Я была, что называется, трудным подростком. С семнадцати лет начала сбегать из дому. Школу бросила. Болталась где придется с такими же, как я, неприкаянными парнями и девочками. Родители затащили меня в Бюро по трудоустройству. Мне подыскали одну работу, вторую, третью... Я нигде не могла надолго задержаться. Потом попала на что-то вроде практики в Природный парк в Верхней Юра. В природоохранной зоне. Меня туда определили на месяц. „Защита природы“ заключалась в основном в том, что мы ходили по лесу и собирали мусор. Захватывающее занятие. Командовал нами — вместе со мной работали еще несколько девчонок — некий Грегори Морэ, он числился инженером в дирекции парка, расположенной у подножья горы Мон-Террибль. Потрясающе красивый мужчина. К девушкам, которые ему нравились, у него был особый подход. Он к ним не лип, нет, но как-то умел так подкатиться... Он был старше меня лет на десять, если не больше. И я, конечно, влюбилась в него без памяти. В него все влюблялись... В первый раз мы занимались любовью на природе, на берегу ручья, в лесу, который он знал как свои пять пальцев. Потом — где придется, каждый день, пока я там работала и позже, на протяжении еще нескольких недель. В самых невообразимых местах. Я понимала, что у него до меня была куча женщин, но мне казалось, что наш с ним роман — совсем другое. Что это для него серьезно. Мне хотелось ему верить, и я ему верила. Довольно банальная история, не правда ли, месье Гран-Дюк? Молоденькая дурочка и прожженный ловелас.

— А что было потом?

— Потом я забеременела. Пока сообразила, что произошло... Срок был уже шесть недель. Но главное, я уже, как говорится, покатила по наклонной плоскости. Нигде не работала. С родителями практически не общалась. Тусовалась со всякой швалью. И была смертельно влюблена в Грегори Морэ. В его тело. В наслаждение, которое он мне дарил.

— Отец ребенка — Грегори?

— Да. Он был моим первым и единственным любовником. Однажды вечером, в убогом номере отеля в пригороде Бельфора, я сказала ему, что жду ребенка.

— И какова была его реакция?

— Вполне предсказуемая, месье Гран-Дюк. Более чем предсказуемая. Он буквально вытолкнул меня вон. Назвал шлюшкой. Сказал, что я хочу его захомутать. Что я никогда не докажу, что отец ребенка — он. И что он советует мне сделать аборт.

— Но вы его не послушали?

— Нет, не послушала. Не могу сказать, что я приняла сознательное решение сохранить ребенка. Я просто не стала ничего предпринимать. Время шло, а я ничего не делала. Седьмая неделя, восьмая... Все это случилось слишком быстро. И я по-прежнему тосковала по Грегори. Как будто обезумела. Убеждала себя, что он еще передумает. Что мне удастся его вернуть. А если вспомнить, какой образ жизни я тогда вела... Постоянного жилья у меня не было, я ночевала в сквотах. Дома появлялась в лучшем случае раз в неделю. Когда скрывать беременность стало невозможно, я вообще перестала навещать родителей. Только звонила им иногда.

— Где вы рожали?

— В Монбельяре. В роддоме, в отделении патологии. Мне только-только исполнилось восемнадцать лет. Нельзя сказать, что я отличалась завидным здоровьем. Ребенок родился маленьким, весом чуть больше двух килограммов. Это было двадцать седьмого августа восьмидесятого года. Девочка. Неделю спустя меня выписали. Выдали бланки и велели их заполнить, чтобы получить свидетельство о рождении ребенка. Я выбросила их в первую попавшуюся помойку.

— Неужели это оказалось так просто?

— Поймите, месье Гран-Дюк, за ту неделю, что я пролежала в роддоме, меня видели десятки медсестер и почти столько же разных врачей. Да и в самом роддоме должна сохраниться моя история болезни — или как это у них называется... Доказательство, что ребенок существует. Но кому могло прийти в голову, что этот ребенок — мой? Что я его воспитываю? Никто из моих родственников понятия не имел, что я стала матерью.

— Как вы назвали дочь?

— Никак. Странно, правда? В роддоме я сказала, что еще не выбрала имя. Что должна посоветоваться с отцом ребенка. Нас выписали. Дальнейшее можно описать одним словом. Падение. Я порвала все связи с родителями и с друзьями детства. Дело было летом. Я спала на улице, с ребенком на руках. Не знаю, как я не умерла тогда — просто от физического истощения. У меня завелась своя компания. Люди, которые меня не осуждали. Пьянчуги, наркоманы. Наверное, надо было принять какое-то решение, вернуться домой, покаяться во всем, вымолить прощение. Но у меня не было сил. Родители работали в Бельфоре, на вагоностроительном заводе „Альстом“. Иногда я думала, что надо пойти повидать Грегори, показать ему ребенка. У дочери были потрясающие

голубые глаза. Немножко мои, но в основном — его. Светло-синие и прозрачные, как у полярной лайки. Порой мне хотелось умереть — прямо там, на улице.

— Почему вы покинули город?

— Потому что у меня не было выбора. Долго так продолжаться не могло. Я сама была еще девчонка, да еще с ребенком на руках. Рано или поздно меня задержали бы. Я уже чувствовала, что социальные службы висят у меня на пятках. Пусть я была совершеннолетней, но это мало что меняло. Я знала, что произойдет, если я попаду к ним в лапы. Ребенка они отправят в приют, а меня заставят вернуться домой, в Бельфор. Не интересуясь моим мнением. Вынуждена сделать еще одно признание, месье Гран-Дюк. Чтобы выжить, я многое себе позволяла. Приторговывала наркотиками. Воровала. Торговала собой. А куда мне было деваться? Потом настал день, когда я поняла: оставаться в Монбельяре опасно.

— И тогда вы познакомились с Жоржем Пеллетье?

— Да. Он был бедолага. Бродяга без гроша за душой. В чем-то мы с ним были похожи. За ним тоже охотились социальные службы и родственники. Он хорошо ко мне относился. Несмотря ни на что считал меня красивой. Мне кажется, в глубине души он надеялся стать моим сутенером. Глупая надежда. Сам он никогда ко мне не прикасался. Я не позволяла. Но в тот момент наши интересы совпали. И мы решили сбежать вместе. В горы. На Мон-Террибль. Почему именно туда? Но это же очевидно. Во-первых, близко от Монбельяра. А во-вторых, кому бы взбрело в голову искать нас там? Наступил декабрь. На улице было еще не слишком холодно, да мы и привыкли спать на улице. Но главное, я надеялась встретиться с Грегори. Случайно, в лесу. Он сразу узнает меня. Я покажу ему ребенка, и он его признает. У девочки его глаза. Он не сможет отказаться от отцовства. И все наладится. Понимаю, месье Гран-Дюк, все это выглядит безумием, но я тогда действительно потеряла всякий разум. Грегори Морэ представлялся мне спасительным якорем. Я все еще в него верила.

— Вам удалось с ним встретиться?

— Мы поселились в пастушьей хижине на вершине горы Мон-Террибль. Не люкс-отель, конечно, но у нас хоть была крыша над головой. Когда холодало, мы жгли костер. Все не на улице ночевать. Да-да, месье Гран-Дюк, я помню ваш вопрос. Сейчас расскажу. Да, я встречалась с Грегори Морэ. Чуть ли не каждый день. Мон-Террибль — не слишком высокая гора, и лес на ней — не такая уж непроходимая чаша. Я шла по тропинке с ребенком на руках, когда он попался мне навстречу. Месье Гран-

Дюк, он меня не узнал! Даже не посмотрел в мою сторону. За несколько месяцев из хорошенькой девушки я превратилась в страшилище. Потолстела. Грудь обвисла. Блеск в глазах угас. Меня и правда трудно было узнать.

— Вы с ним даже не заговорили?

— Как вы не поймете, месье Гран-Дюк? Я чувствовала себя униженной. Чудовищно униженной. Ведь он меня даже не узнал. Неужели я стала такой уродиной? Или у него после меня были и другие женщины? Мне тогда стало ясно главное: больше он ко мне не прикоснется. Я его больше не интересовала. Так с какой стати его сможет заинтересовать мой ребенок? На склонах Мон-Террибль умерла моя последняя надежда. Больше у меня ничего не осталось. Ребенок превратился в ядро на ноге. Я катилась вниз, а он придавал мне ускорение. Только не думайте, что я его не любила, месье Гран-Дюк! Что я была лишена материнского инстинкта. Ничего подобного! Но что я могла дать своему ребенку? Я даже имени ему не придумала. Представьте себе на минуточку. Утром двадцать второго декабря внезапно повалил густой снег. Мы целый день сидели в хижине возле костра, боялись нос наружу высунуть. Мне пришлось одной обо всем заботиться. Пеллетье почти постоянно сидел на кокаине, ему было все равно. Если бы не я, он там замерз бы до смерти. Я сама ходила в лес за дровами.

— А потом настала ночь...

— Да. Пурга разыгралась не на шутку. Пеллетье был в невменяемом состоянии. По-моему, он даже не соображал, что происходит. А потом что-то как грохнет! Хижина заходила ходуном. Я испугалась — то ли землетрясение, то ли конец света. Выглянула наружу и увидела, что внизу, примерно в километре от нас, горят деревья. Под снегопадом горят, представляете? Я смотрела на эту картину как зачарованная. Завернула ребенка в одеяло и вышла на улицу. Из-за гигантского костра, в который превратился лес, даже холодно не было. Наоборот, в какой-то момент мне стало жарко...

— Вы испугались?

— Да нет. Чего мне было бояться? Выглядело все это нереально, как в кино. Снег, огонь... Потом я увидела самолет. Он лежал на земле и плавился у меня на глазах, как будто был из пластмассы. Я понимала, что стала первым свидетелем авиакатастрофы, но не думала, что спасателей не будет так долго.

— И тогда вы увидели его?

— Ребенка? Вы это имеете в виду, месье Гран-Дюк? Да, это случилось

как раз в ту минуту.

— Он... Он был...

— Мертв. Да. Он не дышал. Умер от удара об землю. Наверное. Никто не выжил бы в том аду. Ни взрослый, ни тем более ребенок. Не понимаю, как люди поверили в эту сказку. Ребенок был мертв, месье Гран-Дюк. „Какая несправедливость!“ — подумала я.

— Почему?

— Или жестокость судьбы, не знаю. Этого ребенка будет оплакивать вся семья. Это была девочка — на ней было надето платьице. Ее гибель станет горем для многих и многих. А моя дочь жива, но я не могу предложить ей будущего. Она никому не нужна. Кроме меня. А я, что я такое? Пустое место... Теперь вы понимаете, почему я говорю про жестокость? Про несправедливость?

— Да, теперь понимаю.

— Так вот. Дальше все было очень просто. Погибший ребенок был примерно в том же возрасте, что и моя дочка. Я не раздумывала, я действовала. Как бы вам это объяснить? Впервые в жизни у меня было ощущение, что я делаю что-то полезное. Совершаю отважный поступок. Спасая чью-то жизнь. Спасая жизнь этого ребенка, спасаю его семью. И свою девочку тоже. Наверное, нечто в этом роде чувствуют врачи или пожарные. Это чувство, пережитое в ту ночь, так меня потрясло, что я твердо решила стать медсестрой. Или кем-нибудь в том же роде. Потом, позже. Когда все закончится. Я хотела спасти человеческие жизни.

— Вы раздели трупик ребенка, найденный на снегу?

— Я сделала это ради его спасения, месье Гран-Дюк. Я ведь вам уже сказала, разве вы не расслышали? Я подарила своего ребенка, лишённого будущего, любящей и, по-видимому, богатой семье. Они и не узнают о подмене. Они будут плакать от счастья, что их малыш чудом спасся, и никогда ни о чем не догадаются. Так я рассуждала. Мне казалось, что я совершаю чуть ли не благодеяние...

— Однако события приняли иной оборот. Совсем иной.

— Откуда же мне было знать, месье Гран-Дюк? Кто бы мог предположить, что в самолете окажется сразу два младенца? И оба погибнут, как и все остальные пассажиры. Если бы знать заранее, к каким последствиям приведет мой поступок... В тот вечер я была уверена, что действую как святая. Да, месье Гран-Дюк, именно как святая. Потом я следила по газетам за тем, как разворачивались события. Как две семьи, борясь за ребенка, схлестнулись не на жизнь, а на смерть. Как проходил суд. Но что я могла сделать? Только молчать. Все должно было пойти не так. Я

почти целый час простояла там со своим ребенком на руках, переодетым в чужие одежды, пока не услышала завывание сирен и крики людей и не увидела свет фонарей. Тогда я положила своего ребенка на снег. Не слишком далеко от горящего самолета, чтобы он не замерз, но и не слишком близко, чтобы его не опалило пламенем. Я в последний раз поцеловала свою девочку. „Через несколько часов, — думала я, — у тебя будет новая семья“. И я убежала в лес. С собой я уносила завернутое в одеяло тельце ребенка, погибшего в катастрофе.

— Это вы вырыли могилу возле хижины?

— А что еще я должна была сделать? У вас есть другие идеи? Пеллетье, нанюхавшись кокаина, по-прежнему спал. Я голыми руками выкопала яму. Я рыла ее как безумная. Обливалась потом. Ободрала руки до крови. Я рыла очень долго. Пеллетье появился, когда я почти закончила. Трупик ребенка уже лежал в могиле. Я собиралась засыпать его землей и сочиняла молитвы — настоящих молитв я не знала, ни одной. Пеллетье при виде меня чуть с ума не сошел. Он решил, что это моя дочка. Что я ее убила...

— И понял свою ошибку, когда обнаружил на запястье у ребенка цепочку-браслет?

— Да. Я на нее даже внимания не обратила. Мне было не до того. Потом я прочитала выбитые на обороте буквы. „Лиза-Роза“. Зато Пеллетье хватило одного-единственного взгляда, чтобы увидеть браслет. Он же был золотой. Жорж предложил мне сделку: я отдаю ему браслет, а он держит рот на замке. Он сорвал браслет с детской ручки и исчез. Больше я его никогда не видела. Я еще некоторое время побыла там. Засыпала могилу мокрой от снега землей. В темноте, на ощупь, собрала камни и сложила их поверх могилы. Пальцы так замерзли, что почти не гнулись. Потом целую вечность мастерила из двух палок крест. Остаток ночи я провела в хижине, возле остывающего костра. По-моему, мне так и не удалось заснуть. В следующие несколько ночей я тоже не могла спать.

— На протяжении следующих лет вы возвращались к могиле?

— Да, конечно. Да вы и сами об этом догадались. Жизнь у меня понемногу наладилась. Родители искали меня, даже дали объявление в газету. Я вернулась в Бельфор. Опять пошла учиться. И выучилась на медсестру, как и решила. Шесть лет назад я познакомилась с Лораном. Я имею в виде Лорана Люизана. Он работает у нас в больнице санитаром. Мои родители постарели. Пять лет назад умер отец, еще через год — мать. Мы с Лораном не женаты, но я настояла на том, чтобы взять его фамилию. Лоран ничего не знает о моем прошлом. Да и никто не знает. Лоран хочет

ребенка. Мне кажется, для меня еще не поздно... Мне всего тридцать шесть лет. Хотя не знаю. Трудно объяснить.

— Я понимаю вас, Мелани. Но вы не ответили насчет могилы.

— Да-да, месье Гран-Дюк, сейчас. Конечно, я каждый год ездила на могилу. Двадцать седьмого августа. В день рождения моей дочери. Ведь это я как будто ее похоронила там, на горе Мон-Террибль. Понимаете, месье Гран-Дюк? Похоронила не чужого ребенка, а своего родного. Не Лизу-Розу. Я ухаживала за могилой, привозила цветы. А однажды — это было в восемьдесят седьмом году — я приехала и обнаружила, что могилу кто-то раскапывал. Камни лежали по-другому. Кто это был? Я знала, что дело Витралей — Карвилей так и не закрыто. Да оно и не могло быть закрыто...

— Если исключить, что кто-нибудь наткнется на могилу возле хижины и выкопает тело, похороненное завернутым в одеяло. Например, один особенно настырный детектив.

— Например. Я испугалась. Не хотела, чтобы тело выкапывали. Чтобы выкапывали мое прошлое. Я сама раскопала могилу. Уничтожила последнюю улику.

— Вы перезахоронили останки в другом месте? Более укромном?

— А вот это вас совершенно не касается, месье Гран-Дюк. Это касается только меня. Что вы теперь намерены делать?

— Сам не знаю. Мы с вами можем встретиться?

— Боюсь, у меня нет особенного выбора. Я, как говорится, целиком в вашей власти. Давайте. Чем раньше, тем лучше. Завтра Лоран уходит на работу в пять утра. Я, наоборот, приду с ночного дежурства. У медицинских работников непростая жизнь. Моя смена заканчивается в восемь. Еще нужно время добраться от Монбельяра. Давайте часиков в девять, у меня дома? Если уж вы сумели после стольких лет разыскать меня, думаю, дорогу ко мне вы точно найдете... Надеюсь на вашу сдержанность, месье Гран-Дюк. Я изменила свою жизнь. Мне это удалось, хотя забыть о прошлом было нелегко. В ту ночь на горе Мон-Террибль я не совершила ничего дурного. Напротив, я не сомневалась, что делаю доброе дело. Кто же мог предположить...

— Что предположить?

— ...

— Что предположить, Мелани?

— Предположить, что в восемнадцать лет моя дочь будет так похожа на меня?»

Стрелка на часах переползла за цифру девять. Туман, висевший над

массивом Юра, начал рассеиваться, клочьями уползая к горным вершинам. Марк заметил, как внизу, на подъезде к Данмари, мелькнула маленькая белая машина. «Фиат-панда». Она приблизилась, проехала мимо них и остановилась в нескольких метрах дальше, перед шале с закрытыми ставнями. На заднем стекле машины висела медицинская эмблема. Из машины вышла женщина. Марк видел только ее светлые волосы. Женщина немного постояла возле машины, затем двинулась к дому. Автомобильные фары погасли.

...Калитка открылась. На Марка с усталой улыбкой смотрело до странности знакомое лицо.

20 мая 1999 г., родильный дом «Обепин», Дьепп.

Том лежал со сжатыми кулачками в прозрачной пластиковой кроватке и спал. Его грудь тихонько вздымалась в такт дыханию. Из-под одеяла выглядывали пухлые щечки и светлые волосики, поразительно длинные для малыша четырех дней от роду.

Марк держал за руку Лили. Она еще не вполне оправилась после родов. Ее постоянно клонило в сон. Сейчас она наслаждалась покоем. Наконец-то они одни. Марк, Том и она. Она пила тишину как благословенную прохладу посреди зноя, точно зная, что это ненадолго — ровно до той минуты, когда в палату грозным торнадо ворвется очередная медсестра.

Николь только что ушла от них. Лили деликатно намекнула ей, что хочет поспать. Николь готова была день и ночь дежурить у кроватки маленького Тома. Она уже успела оповестить о радостном событии весь Дьепп. Первым делом наведальась к Пьеру, на кладбище Жанваль, а потом с резвостью двадцатилетней девчонки обежала все окрестные магазины и лавки и всем сообщила, что у нее родился правнук. Правнук! Странно, что еще не прихватила с собой пачку листовок... Марк с тревогой ждал, что с минуты на минуту на палату начнется нашествие вооруженных букетами жителей Дьеппа, от мэра до директора торгового порта.

Лили сидела на кровати, положив голову Марку на плечо. Он замер, не смея шелохнуться. Осторожно протянул руку к открытке, полученной от Мелани Бельвуар. Открытка была пришпилена к букету роз, который размерами раза в три превосходил тот, что купил сам Марк.

«Поздравляю с рождением Тома. Лили! Я не смогла стать твоей матерью. Прости меня. Может быть, я подойду тебе в качестве бабушки? Честное слово, я изо всех сил постараюсь наверстать упущенное. Мне кажется, еще не слишком поздно. А ты как думаешь? Тому должно понравиться. Разве плохо иметь бабушку 36 лет?

Береги Марка.

Мелани».

Лили до последнего отказывалась от встречи с матерью. Мелани не настаивала. Лили просто трусила. Ей требовалось время, чтобы привыкнуть к мысли, что у нее есть мать. А теперь еще и сын. Том — вот кому суждено стать связующим звеном между поколениями. Лили задремала всего минуты на три, когда в палату вошла медсестра.

«Господи, неужели так трудно оставить человека в покое!» — подумал Марк.

На сей раз у медсестры имелось оправдание. Она принесла огромную коробку в подарочной бумаге.

— Только что доставили, — объяснила она. — Хорошо еще, что нам не каждый день такие огромные приходится таскать. Вот. Папе — открытка. Маме — коробка.

Медсестра вышла. Лили вытаращенными от изумления смотрела на коробку. Какого же она размера? Метр на два?

— Открывай! — подзадорил ее Марк.

— Что-то мне это подозрительно... — протянула Лили. — Ты уверен, что оно не взорвется?

— Зависит от того, кто это послал.

Пока Марк вскрывал белый конвертик. Лили бросила все силы на борьбу с упаковочной бумагой, вскоре цветными пятнами усеявшую пол в палате.

Марк моментально узнал мелкий неразборчивый почерк.

Мальвина.

Его охватило чувство признательности.

— Ну, так кто же это? — спросила Лили, все еще борясь с бумагой.

— Друг, — ответил Марк. — Очень близкий друг.

— Да?

Лили наконец сняла слои подарочной бумаги и добралась до картонной коробки, которую безжалостно надорвала. Внутри лежал огромный плюшевый медведь. Коричневый с желтыми подпалинами.

— Ой мамочки! Прелесть какая! — радостно воскликнула Лили.

Марк достал из конверта открытку.

«Мелкому засранцу. Передай, пусть смотрит в оба».

Марк не смог сдержать улыбки. Он крепко сжал руку Лили и повернулся к плюшевому мишке.

— Привет, толстяк! Ты давно ждал этой встречи, а? Ну вот, знакомься.

Это Лили.

Молодая мама непонимающе таращила на него глаза.

— Лили! Позволь представить тебе Банджо.

notes

Примечания

1

На улице Жювьё в Париже находится университет им. Пьера и Мари Кюри. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

Terrible (*фр.*) — ужасный.

В 1992 г. при заходе на посадку на аэродром Страсбурга разбился аэробус А-320-11.

Элиот Несс (1903–1957) — специальный агент министерства финансов США, сумевший упрятать за решетку главаря мафии Аль Капоне.

5

Crédule — легковерный (*фр.*).

РПК — Рабочая партия Курдистана.

Персонажи популярного мультфильма про собак.

8

Chaud-Soleil — жаркое солнце (*фр.*).

Ангус Макгайвер — главный герой американского телесериала «Секретный агент Макгайвер»; Майк Хаммер — сквозной персонаж серии романов американского писателя Микки Спилейна. «Доберман» — американский боевик, герою которого в юности дарят на день рождения пистолет «магнум».

Нелли Ольсон, Ингалсы — персонажи романа американской писательницы Лоры Инглз Уайлдер, по которому был снят популярный телесериал «Маленький домик в прериях».

11

Во французских школах принята 20-балльная шкала оценки.

Графиня де Сегюр (Софья Ростопчина) — французская писательница русского происхождения, автор сборников назидательных сказок и рассказов для детей.

Тсантса — особым образом высушенная и уменьшенная до размеров теннисного мяча человеческая голова, ценившаяся индейцами южноамериканских Анд в качестве боевого трофея.

Лурд — город во Франции, одно из самых популярных в Европе мест паломничества.